Гюнтер ОГГЕР

МАГНАТЫ...

МАГНАТЫ...
МАГНАТЫ...
МАГНАТЫ
МАГНАТЫ

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Издательство
«ПРОГРЕСС»

Гюнтер ОГГЕР

МАГНАТЫ...

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Günter OGGER

DIE GRÜNDERJAHRE

ALS DER KAPITALISMUS JUNG UND VERWEGEN WAR

Droemer Knaur

Гюнтер ОГГЕР

МАГНАТЫ...

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Перевод с немецкого
О. В. БАБЧУК и К. П. ВАСИЛЬЕВА

Общая редакция и вступительная статья
кандидата экономических наук А. Н. ШЕБАНОВА

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1985

Редактор: Ю. И. КУКОЛЕВ

Редакция литературы по экономике

© Droemersche Verlagsanstalt Th. Knaur Nachf., 1982
© Перевод на русский язык, вступительная статья и комментарии — издательство «Прогресс», 1985

О $\frac{0604040000-682}{006(01)-85}$ 28—85

ГРЮНДЕРЫ И ГРЮНДЕРСТВО. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В РАЗВИТИИ ГЕРМАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА XIX В.
(Вступительная статья)

Предлагаемая вниманию советского читателя книга принадлежит перу западногерманского журналиста и публициста, занимающегося изучением экономического развития старой Германии. Сравнительно недавно, но довольно быстро он приобрел популярность рядом своих работ по истории крупнейших западногерманских фирм и наиболее видных представителей западногерманского капитала не только в широких читательских кругах, но и среди представителей общественных наук ФРГ. Нашему читателю Гюнтер Оггер уже известен по переводу на русский язык его книги об одном из богатейших промышленных магнатов Западной Германии и одновременно одной из наиболее одиозных фигур хозяйственной и общественно-политической жизни этой страны — Фридрихе Флике[1].

Книги Г. Оггера выгодно отличаются от многих других аналогичных изданий, появлявшихся и появляющихся в ФРГ. В них предпринимается попытка показать историю возникновения и становления различных фирм и концернов. При этом автор старается добраться до самых ее истоков. Но еще важнее то обстоятельство, что он не замыкается в рамках той или иной промышленно-торговой династии, а рассматривает ее развитие в тесной связи с эволюцией всего германского капитализма. Несомненно, это не только повышает занимательность книг Г. Оггера, но и увеличивает их познавательную ценность.

Хотя общественное развитие подчиняется определенным законам, оно не представляет собой полностью детерминированный, совершенно единообразный во всех странах процесс. Историю делают люди, она всегда конкретна, многообразна, специфична. Сказанное полностью относится также к становлению и развитию капитализма в Западной Европе, к формированию там современной крупной промышленности. Как известно, этот процесс протекал неодинаково в разных странах и отличался значительными национальными особенностями. В этом отношении особо выделяется Германия, которая значительно позже других стран встала на путь капиталистического развития в его современных формах и которая, по словам В. И. Ленина, во второй половине XIX века все еще «была жалким ничтожеством, если сравнивать ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии»[2]. Уже в силу одного этого обстоятельства оно не было простым повторением пути, пройденного другими странами, а генезис германского капитализма существенно отличался от классической — английской — модели возникновения

[1] См.: Г. Оггер. Фридрих Флик — мультимиллионер. М., «Прогресс», 1976.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 417.

данного способа производства. Знание конкретных черт и особенностей развития капитализма в той или иной стране, а это возможно только на более широком историческом фоне, помогает лучше уяснить и сами общие закономерности его исторической эволюции. В этом ценность работ, которые — применительно к тому или иному историческому явлению, событию, факту, наконец, просто периоду — показывают и рассказывают, «как это было». К произведениям подобного рода принадлежит и книга Г. Оггера «Магнаты... Начало биографии». Ее основной мотив — история становления крупной капиталистической промышленности в Германии на примере отдельных, ставших позднее всемирно известными фирм, жизненного пути наиболее удачливых предпринимателей и магнатов капитала — богато «оркестрован» многочисленными фактами и событиями, относящимися к той эпохе, расцвечен деталями повседневной жизни того времени. Книга Оггера населена большим числом вполне конкретных людей. Помимо основных действующих лиц его повествования — предпринимателей-грюндеров,— это короли и министры, рабочие и ремесленники, банкиры и купцы, юнкеры и крестьяне, аристократы и мелкая буржуазия, живописцы и певцы, философы и музыканты, штатские и военные, мужчины и женщины и т. д. и т. п. Автор живописует быт и нравы почти всех слоев германского общества, не скрывая его вопиющих контрастов: дворцы и любовные похождения верхнесилезских магнатов, с одной стороны, и положение домашней прислуги — с другой; придворные балы — эти смотрины представителей высшей аристократии — и жалкое прозябание рабочих-надомников.

Книга Г. Оггера местами читается как художественное произведение, являясь в ряде случаев неплохой иллюстрацией к «Капиталу» К. Маркса, к другим книгам, посвященным марксистскому анализу становления и развития капитализма. Но автор не склонен делать обобщения, он лишь описывает факты, факты крупные и мелкие, имеющие историческую ценность, а порой — и совершенно безразличные для истории. Его герои ходят, ездят, говорят, пишут — одним словом, действуют. Они мало размышляют и еще меньше чувствуют угрызения совести. Это люди действия, что и было отличительной чертой предпринимателей, относимых Оггером к категории «грюндеров», т. е. основателей, учредителей.

Стараясь быть как можно более конкретным, максимально приближенным к реальностям, Г. Оггер впадает иногда в другую крайность. Чуть ли не единственным источником всего существующего у него становятся действия отдельных личностей, их желания и стремления. Крупная промышленность Германии, ее индустриализация у Г. Оггера порой предстают как дело рук немногих, наиболее выдающихся «героев-предпринимателей», как творение их «технического гения» и т. д. Внимательный читатель легко почувствует здесь ностальгическую нотку, подспудно звучащую в писаниях многих современных буржуазных либералов, живущих в мире гигантских монополий, чудовищных по своим размерам финансовых корпораций и тоскующих по «доброму старому времени» свободной конкуренции, когда лишь и могли существовать эти «герои». Оставляя пока в стороне вопрос о том, в какой степени германские фабриканты и капиталисты даже этого периода могут служить образцом свободного предпринимательства, укажем здесь прежде

всего на то, что автор несколько преувеличивает роль отдельных «грюндеров», вообще роль субъективного фактора в развитии германского капитализма, недооценивая порой значения целого ряда объективных моментов. Речь, однако, идет при этом отнюдь не об упоминавшихся выше общих абстрактных закономерностях, а о целом ряде вполне реальных объективных исторических событий и процессов, оказавших большое влияние на развитие Германии, в немалой степени подготовивших необычайно быстрое развитие капитализма в этой стране на протяжении большей части XIX в. Эти процессы также в немалой степени были, естественно, связаны с деятельностью людей, однако несравненно более крупного масштаба, чем отдельные предприниматели. Поэтому, прежде чем перейти к разбору основного содержания книги Г. Оггера, попытаемся кратко осветить некоторые из этих аспектов германской истории. Это необходимо не только ради воссоздания более адекватного исторического фона для описываемой в книге деятельности грюндеров (и лучшего уяснения, хотя бы применительно к Германии, понятия «грюндерства» вообще), но и для предупреждения могущих возникнуть у советского читателя неясностей. Последние могут быть порождены тем, что в книге достаточно много беглых упоминаний о подобных событиях (ибо без этого трудно обойтись), суть и значение которых в большинстве случаев не раскрываются.

* * *

В качестве одного из важных объективных факторов быстрого экономического развития Германии начиная с 30-х годов XIX в. можно рассматривать наличие ее существенного отставания от других западноевропейских стран (в первую очередь Англии и Франции), «накопленного» почти за три предшествующих столетия экономического застоя, пришедшего в XVI в. на смену также довольно длительному (XIII—XV вв.) периоду раннекапиталистического развития Германии. Причины последовавшего затем экономического регресса Германии стали почти уже хрестоматийными фактами. Это перенос морских торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан как следствие великих географических открытий XV—XVI вв.; разрушительные для германских земель последствия династических войн 1618—1648 гг. (так называемая Тридцатилетняя война); поражение общенационального антифеодального и демократического движения в Германии в период крестьянской войны (1523—1525 гг.), которую К. Маркс и Ф. Энгельс считали первой буржуазной революцией в Западной Европе; наконец, крайняя политическая раздробленность страны.

В каком-то отношении Германия начала XIX в. находилась в таком же положении, в каком оказалась Япония в начале XX в. и вплоть до окончания второй мировой войны. Г. Оггер, несомненно, прав, отмечая эту параллель. Стремление наверстать упущенное стало для Германии важной движущей силой ее быстрого экономического развития. Кстати, обращая внимание читателя на это обстоятельство, автор невольно вступает в определенное противоречие с самим собой. Ведь вряд ли и он стал бы отрицать, что наступивший в Германии начиная с XVI в. экономический застой был целиком вызван именно факторами объективного порядка, в

значительной степени внешними по отношению к ней и ее промышленному сословию.

Для реализации этого своеобразного (коренящегося в отставании) «потенциала развития» Германии потребовался ряд энергичных внешних толчков. Ими стали события, связанные с французской революцией 1789 г., особенно же с последовавшими затем наполеоновскими войнами. Из всех германских земель независимость при Наполеоне сохраняли лишь два наиболее крупных немецких государства — Пруссия и Австрия. Территории, лежавшие к западу от Рейна, и немецкое побережье Северного моря были включены в состав Франции. Из большинства остальных германских государств в 1806 г. был образован так называемый Рейнский союз, находившийся под протекторатом Франции, а фактически опять же под господством Наполеона I.

Первым последствием наполеоновских завоеваний, объектом которых были прежде всего германские земли, явилось значительное укрупнение территориально-политических (административных) структур страны. Уже на первом этапе (к 1803 г.) было ликвидировано 112 немецких государств и княжеств путем их медиатизации, т. е. подчинения более крупным германским землям. После создания Рейнского союза в его рамках была произведена дальнейшая медиатизация. В целом число германских государств и княжеств сократилось с 300 до 38. Каковы бы ни были субъективные замыслы Наполеона, объективно ликвидация государственно-политической чересполосицы (во всяком случае, ее значительное уменьшение) явилась важным шагом на пути последующего национально-государственного объединения Германии.

В 1806 г. была ликвидирована так называемая Священная Римская империя германской нации, правда, и так существовавшая в значительной степени формально. Не меньшее, а, может быть, даже большее значение для ускорения капиталистического развития Германии имели реформы, проводившиеся французскими властями на подконтрольных им германских территориях. Были существенно ограничены привилегии дворянства и духовенства, ликвидированы церковные имущества и объявлена распродажа церковных земель, отменены привилегии цехов и введена свобода промысла (предпринимательской деятельности), ликвидированы остатки крепостной зависимости (которая и так была относительно слаба в этих районах Германии). Суд, администрация, финансы были реформированы по французскому образцу, на большей части подконтрольных территорий ввели так называемый Кодекс Наполеона. В некоторых районах и городах южной и западной Германии (Пфальце, Бадене, Кёльне) французское право действовало до 1848 г.

В период господства Наполеона в Германии и, разумеется, под сильным воздействием этого факта сходные — хотя значительно менее радикальные и в меньшем количестве — реформы были проведены в остальной части Пруссии. Прусские правители поняли, что значит воевать с помощью армии, состоявшей из крепостных крестьян. В дальнейшем осуществление реформ сильно затянулось. При жизни Наполеона была отменена лишь наиболее одиозная составная часть крепостничества — личная зависимость крестьян. Но их фактическое освобождение, т. е. ликвидация всей совокупности тяготевших над ними и обрабатываемой ими землей феодаль-

ных повинностей, произошло намного позже. Это в немалой степени связано с тем, что над Пруссией с 1815 г. уже не висел больше дамоклов меч наполеоновского нашествия. Правда, первыми актами крестьянам было предоставлено право выкупа земли, но только по обоюдному соглашению крестьянина и помещика. Потребовалась (опять же французская!) революция 1830 г., чтобы в Пруссии сделали в этом направлении еще один шаг вперед (выкуп земли по желанию одной из сторон), а потом начавшаяся во Франции революция 1848 г., чтобы урегулировать выкуп остальных повинностей.

Из событий, связанных с господством Наполеона в Германии, нельзя не упомянуть континентальную блокаду. Оказав неоднозначное влияние на экономику страны в целом, она по своему действию на промышленность была равнозначна введению запретительных пошлин, способствовавших развитию собственной промышленности, в первую очередь металлургической. К тому же для смягчения отрицательных последствий блокады на оккупированных и зависимых от него территориях Германии Наполеоном была введена система специальных премий за производство новых видов продукции и разработку, как сказали бы теперь, новых технологий. Наибольший дефицит в ту пору ощущался в литой стали. Именно это обстоятельство, как пишет Г. Оггер, побудило Фридриха Круппа — владельца торговой фирмы в Эссене — попробовать свои силы в этой доселе совершенно новой для него отрасли. Несмотря на неудачу первых попыток, основное направление деятельности крупповской фирмы было все же предопределено. То же самое можно сказать и в отношении всей рейнской промышленности. Хотя снятие блокады после поражения Наполеона вновь открыло двери для еще более сильной английской конкуренции, что ввергло многие отрасли германской промышленности в глубокую депрессию и поставило на грань банкротства многочисленные предприятия (в том числе и Круппа), начало промышленному развитию было положено: на Руре возникла своя тяжелая, прежде всего металлургическая, промышленность, а Рейнская область уже к 30-м годам XIX в. превратилась в наиболее развитый в промышленном отношении район Германии. С известным основанием можно сказать, что французы сами взрастили своего позднейшего конкурента. Был дан значительный толчок и для промышленного развития в остальных частях Германии. Вряд ли можно поэтому безоговорочно принять высказывание Г. Оггера о том, что германские княжества после поражения Наполеона опять «погрузились в заслуженный сон». Самих княжеств осталось не так уж много. В целом же Германия уже пробудилась ото сна. Не до сна было прежде всего ее промышленникам, оказавшимся перед лицом острейшей конкуренции со стороны Англии,— конкуренции, которую они — и здесь можно согласиться с автором — в целом успешно выдержали. Об этом же говорит и широко развернувшаяся после поражения Наполеона, а вернее, продолженная, но уже на другой основе, интенсивная деятельность по экономическому объединению страны. Сеть таможенных границ в Германии была настолько густа, что по известному выражению Зомбарта, шлагбаумов на немецких дорогах насчитывалось столько же, сколько позже телеграфных столбов. Начало таможенному объединению Германии и созданию тем самым единого внутреннего

рынка было положено в 1818 г. Пруссией, уничтожившей все местные тарифы (а их было около 67) и установившей единую таможенную границу и общий внешний тариф. В последующие годы происходило неуклонное расширение единой таможенной территории за пределы государственных границ Пруссии. К прусскому таможенному тарифу (и закону) присоединяется ряд мелких государств. С одними, более крупными, германскими государствами Пруссия заключает соглашения (как с Баварско-Вюртембергской таможенной унией), с другими ведет борьбу (например, с Саксонией). Этот процесс закончился в 1834 г.— образованием Германского таможенного союза, объединившего почти все основные германские государства (18), кроме Австрии. Неоднократно продлевая срок своего действия, пополняясь новыми членами и успешно преодолевая (последнее относится, собственно говоря, к Пруссии) попытки Австрии расколоть его (путем присоединения к нему), Германский таможенный союз просуществовал до 1866 г., когда был формально сменен так называемым Северо-Германским союзом.

Создание и деятельность Германского таможенного союза явились важнейшим фактором не только создания единого внутреннего рынка в Германии, но и национального объединения страны. Этот союз — почти классический пример того, как экономическое объединение в значительной степени подготовило объединение политическое. Не случайно он служил своего рода моделью при создании в Западной Европе после второй мировой войны «Общего рынка». Характерна почти мгновенная реакция германских предпринимателей на создание Германского таможенного союза. Примеры тому мы найдем и в книге Г. Оггера. В ночь на 1 января 1834 г. были сняты таможенные шлагбаумы между германскими государствами, а уже в мае (как только подсохло) Альфред Крупп (сын Ф. Круппа) отправляется в свой наиболее длительный коммерческий вояж по стране. Именно в 1834 г. А. Крупп решает наконец приобрести паровую машину, которая сменила в качестве двигательной силы без конца пересыхавшую речушку Берне.

Непосредственным предшественником политического объединения страны явился Северо-Германский союз. Он возник на развалинах Германского таможенного союза, созданного после разгрома Наполеона по решению Венского конгресса (1814—1815 гг.). В нем главенствующую роль играла Австрия. После поражения последней в прусско-австрийской войне 1866 г. Германский союз был ликвидирован и сменен Северо-Германским союзом в составе 21 государства, расположенного севернее Майна. Руководящей силой этого союза стала Пруссия. Он, кстати, позволил ей объединить восточные владения с западными (по Рейну). В интересах буржуазии в Северо-Германском союзе была отменена паспортная система, введена свобода передвижения и местожительства, единая система мер и весов, отменены остатки цеховых привилегий, был создан ряд общих учреждений и т. п. Союз заключил таможенное соглашение с южногерманскими государствами, и уже к моменту франко-прусской войны 1870 г. вся Германия была фактически объединена экономически, а в известной мере и политически. В этом смысле провозглашение в 1870 г. новой (второй) Германской империи было до определенной степени формально-символическим актом. Но нельзя недооценивать и экономическое значение этого события.

Сразу же после объединения страны был установлен явочный порядок образования акционерных обществ, введена единая валюта, создан единый имперский банк, унифицирована почтовая система.

С победой Германии во франко-прусской войне связано еще одно обстоятельство, оказавшее заметное, хотя и противоречивое, влияние на экономику Германии. Речь идет о французской контрибуции Германии (5 млрд. золотых франков) и об аннексии Эльзаса и Лотарингии. Наиболее однозначную оценку допускает это последнее событие. Явившись роковым с политической точки зрения, так как несло в себе, по гениальному предвидению К. Маркса и Ф. Энгельса, зародыш новой войны между Францией и Германией (с участием России на стороне первой), оно вместе с тем дало германской тяжелой промышленности, особенно в Рейнской области, столь недостававшую ей до того железорудную базу. Более сложным и противоречивым было влияние французских миллиардов на экономику новой Германской империи. С одной стороны, золотой дождь французских миллиардов, пролившийся над Германией, был манной небесной для ее предпринимателей, всегда страдавших от нехватки финансовых средств (см. у Г. Оггера историю фирмы Круппа). С другой — порожденная полученной контрибуцией невиданная дотоле учредительская горячка, безудержная биржевая спекуляция окончились грандиозным банковским крахом и последовавшим за ним тяжелейшим экономическим кризисом, приведшим к банкротству множества новоиспеченных акционерных обществ. Красочно изображая этот апогей германского грюндерства, автор склонен винить в этом тогдашнее германское правительство, чиновников финансового ведомства, по своей-де наивности пустивших большую часть контрибуции в денежное обращение (подобно современным нефтяным шейхам Арабского Востока). Г. Оггер считает, что эти деньги следовало бы направить на финансирование таких долгосрочных проектов, как железнодорожное и жилищное строительство. Вряд ли с ним можно полностью согласиться. Во-первых, германское правительство действовало в соответствии с тогдашними принципами финансовой политики и этики, обратив большую часть французских миллиардов на погашение государственных долгов (ряда южногерманских государств и Северо-Германского союза). Во-вторых, в полном соответствии с тогдашней либерально-«манчестерской» политикой Бисмарка было и то, что эти деньги в своей основной массе поступили тем самым в распоряжение частного, а не государственного хозяйства (хотя немало было истрачено и на пополнение военного снаряжения, израсходованного во время войны на строительство крепостей и казарм). В-третьих, значительная часть этих денег пошла на финансирование железнодорожного (в первую очередь) и жилищного строительства. Происходило это в форме создания новых акционерных компаний в данных отраслях экономики. Главное же заключалось в том, что данный процесс стал неуправляемым, вышел из-под контроля властей и переродился в учредительскую горячку, биржевые махинации. Но и это было в духе того времени. И все же следует признать, что история с французской контрибуцией, способ, каким она была использована Германией, не принадлежит к наиболее славным страницам летописи германского капитализма. В этом смысле Германия оказалась жертвой собственной победы. Победив в воен-

ном отношении, она проиграла (или ничего не выиграла) в экономическом смысле. В то время как французской экономике выплата (кстати, досрочная) огромной даже по нынешним масштабам контрибуции не принесла фактически никакого ущерба, а, скорее, подстегнула правительство Франции и предпринимательский класс к модернизации экономики и вооруженных сил, германская экономика как бы захлебнулась в потоке французских миллиардов.

* * *

В чем же все-таки состояло «грюндерство» и что в первую очередь представляли собой его носители — «грюндеры», которым Г. Оггер посвящает большую часть своей книги?

Обращает на себя внимание, прежде всего, то обстоятельство, что автор необычайно широко раздвигает хронологические рамки «грюндерства» в Германии, включая в него период с 1830 по 1900 г. Конечно, и на протяжении всего этого периода происходило создание новых предприятий и фирм, как и разорение, ливидация других. Это закономерный для капиталистического предпринимательства процесс. Но вряд ли стоит считать все это грюндерством, иначе все развитие капиталистической экономики придется квалифицировать как грюндерство, которое, впрочем, является понятием весьма специфического содержания. Специфичен, во-первых, его генезис: оно возникло на раннем периоде развития капитализма, с характерной для него почти абсолютной свободой предпринимательства, выражавшейся главным образом в бурной и хаотичной учредительской деятельности, т. е. в массовом создании новых предприятий, фирм, акционерых обществ. Во-вторых, грюндерство — спутник прежде всего повышательных фаз в циклическом движении капиталистического производства, особенно же наблюдающихся в развитии капитализма длительных, хотя весьма редких и труднообъяснимых периодов экономического подъема. В-третьих, грюндерство есть в известной степени специфически германское явление. Об этом говорит как сам термин, так и тот факт, что особенно пышным цветом грюндерство расцвело в Германии в начале 70-х гг. XIX в. после франко-прусской войны и под влиянием французской контрибуции, выродившись в конечном счете в учредительскую вакханалию, биржевые спекуляции и финансовые махинации. Вряд ли все эти признаки и черты применимы для всего периода 1830—1900 гг. Надо иметь в виду, что период грюндерства распадается на две совершенно неравноценные части. Границей между ними является кризис 1873 г., открывший длительную полосу стагнации в развитии германской экономики. Уже один этот факт делает неприложимым ко всему рассматриваемому автором периоду понятие грюндерства. Кроме того, эти два периода в развитии германского капитализма и качественно несопоставимы между собой. Если в первом случае речь шла о молодом, развивающемся («отважном», употребляя выражение Оггера), то во втором — уже в значительной мере о зрелом капитализме. Еще более важно другое. В первом случае речь идет о более или менее классическом капитализме свободной конкуренции, во втором же — о капитализме с ярко выраженными монополистическими чертами,

находящимися накануне своего перехода в империалистическую стадию. Можно, конечно, возникновение концернов и монополий тоже называть грюндерством (а монополистов грюндерами), но это означало бы уже чересчур широкую и вольную трактовку этого понятия, явное насилие над его первоначальным и дословным смыслом.

Удлинение Г. Оггером продолжительности периода грюндерства приводит его и к расширительному толкованию понятий «грюндерство» и «грюндер». К первому он относит и основание новых предприятий на базе какого-либо изобретения (грюндерство в собственном смысле слова), и расширение старых семейных фирм, и возникновение промышленных концернов современного типа, и создание промышленно-финансовых империй (по сути дела, монополий), и просто учреждение акционерных обществ (или даже простое превращение семейных фирм в акционерное общество), и, наконец, просто колониальные авантюры, предпринимавшиеся германскими капиталистами, так сказать, «в частном порядке». Соответственно в качестве грюндеров у него выступают и изобретатели-самоучки (типа Харкорта, Эгелльса и др.), и изобретатели-предприниматели (Борзиг, Майер, Сименс и др.), и носители семейных предпринимательских традиций, представители «промышленного феодализма», промышленники-деспоты (такие, как Крупп, Штумм и др.), и предприниматели-менеджеры современного типа (Тиссен, Ратенау и др.), и верхнесилезские земельные магнаты (Хенкель и др.), и финансовые спекулянты (Штроусберг), и дельцы-банкиры (Бляйхрёдер), и, наконец, любители рискованных предприятий (братья Маннесман). Но тем самым Г. Оггер излагает историю не только отдельных грюндеров, но и историю предпринимательских форм германского капитализма, и, по сути дела, историю его превращения в монополистический капитализм — империализм. Познакомимся же поближе с отдельными разновидностями этого грюндерства и соответствующими ему типами грюндеров. Последних можно разбить на несколько групп.

В основе первого типа грюндеров, грюндеров в собственном смысле слова, лежит сочетание двух, на первый взгляд весьма противоречивых, начал — технической одаренности и коммерческой предприимчивости. К наиболее выдающимся представителям технической линии этого типа грюндерства принадлежат упоминаемые Г. Оггером А. Эгелльс, Ф. Харкот, Ф. Диннендаль, Кригар, Альтханс. Эти промышленные пионеры были как бы продолжателями в новых условиях лучших традиций немецкого ремесленничества, немецкого цехового мастерства. В этой связи следует сказать несколько слов о роли цехов в экономическом развитии Германии. Если последняя не стала классической страной капитализма свободной конкуренции, то классической страной цехового производства ее в свое время можно было назвать с полным правом. Было бы неверным считать, что многовековое развитие ремесленного производства, его по-своему богатые традиции ничего не дали для производительных сил страны. Многочисленные ремесленники, в том числе разоряющиеся подмастерья в первые годы капиталистической индустриализации составляли основную массу рабочего сословия Германии. Первые немецкие грюндеры не только имели много общего с цеховыми мастерами в смысле мировоззрения,

непосредственного участия в производстве, предпочтения, отдаваемого ими технической стороне дела, качеству выпускаемых изделий и т. д. Нередко они сами были выходцами из ремесленных мастерских — частных или государственных (королевских). Да и сами первые фабрики очень мало отличались от прежних мастерских, разве что более широкими масштабами применения ручного труда. Нелишне вспомнить о том, что и в России XIX в. «...целый ряд крупных и крупнейших фабрикантов сами были мелкими из мелких промышленников и прошли через все ступени от «народного производства» до «капитализма». Савва Морозов был крепостным крестьянином (откупился в 1820 г.), пастухом, извозчиком, ткачом-рабочим, ткачом-кустарем, который пешком ходил в Москву продавать свой товар скупщикам, затем владельцем мелкого заведения — раздаточной конторы — фабрики. Умер он в 1862 г., когда у него и у его многочисленных сыновей были две большие фабрики. В 1890 г. на 4 фабриках, принадлежащих его потомкам, было занято 39 тысяч рабочих, производящих изделий на 35 млн. руб. В шелковом производстве Владимирской губ. целый ряд крупных фабрикантов вырос из ткачей-рабочих и ткачей-кустарей. Крупнейшие фабриканты Иваново-Вознесенска (Куваевы, Фокины, Зубковы, Кокушкины, Бобровы и мн. др.) вышли из кустарей. Парчовые фабрики Московской губ. все были кустарными светелками. ...Фабрикант Асмолов был погонщиком лошадей у коробейников, потом мелким торговцем, владельцем маленькой мастерской табачных изделий,— затем фабрики с многомиллионными оборотами. И т. д., и т. д. Интересно бы посмотреть, как определили бы экономисты-народники в этих и подобных случаях начало «искусственного» капитализма и конец «народного» производства?» [1]

Люди этого типа, хотя формально и были основателями или совладельцами предприятий, до конца своей жизни оставались механиками, техниками, в лучшем случае инженерами, оказываясь, за небольшими исключениями, несостоятельными в качестве предпринимателей. Их предприятия либо переходили в конце концов в другие руки, либо они, оставаясь его номинальными собственниками, фактически передавали управление коммерческой стороной дела партнеру, обладавшему предпринимательской жилкой, и концентрировали свою деятельность на технической стороне дела.

К пионерам германской индустрии, более удачливым в коммерческом отношении, принадлежит А. Борзиг, описанием предпринимательской карьеры которого Г. Оггер открывает свою книгу. И не случайно. Борзиг является «парадным примером» немецкого грюндерства, принадлежа к типу «Selfmademan». Примером симбиоза коммерсантов и техников (инженеров), характерного для первого типа грюндеров, причем в довольно уникальном варианте, может служить созданная в 1877 г. фабрика газовых моторов («Газмоторенфабрик Дойц»), управляемая на правах совладения одновременно четырьмя известными изобретателями, инженерами и промышленниками в области моторо- и автомобилестроения — Н. А. Отто, О. Лангеном, Г. Даймлером и В. Майбахом. Из них только О. Ланген был более или менее предпринимателем, остальные — преиму-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 542—543.

щественно техники. В качестве еще одного примера можно назвать сотрудничество В. Сименса и И. Г. Хальске. Такое совместное владение нередко служило источником немалых трений между компаньонами. Это вызывалось тем, что «техники» чересчур много времени уделяли качественной стороне производства, доводке той или иной конструкции, постоянному совершенствованию изобретения и т. д. часто в ущерб коммерческо-предпринимательской стороне дела. В этом опять-таки можно усмотреть наследие старых цеховых традиций, стремление мастеров к «шедеврам». Техническая одаренность, личное умение и мастерство самих владельцев предприятий нередко компенсировали существование крайне убогой техники производства того времени. Тем не менее предприятия подобного рода служили «кузницей» кадров для последующих поколений предпринимателей. А. Борзиг сформировался как специалист и предприниматель на предприятии Ф. Эгелльса. На фирме самого Борзига работали Э. Ратенау, будущий руководитель электроконцерна «АЭГ», и К. Линде, впоследствии руководитель известной фирмы по производству холодильной техники. В этой системе «ученичества», своеобразной подготовки предпринимательских «кадров», несомненно, также было что-то от старой цеховой практики.

Вообще в отношениях между «техниками» и «коммерсантами» на предприятиях первых грюндеров слышится отзвук ведшейся в национальном масштабе довольно длительной борьбы между нарождающимся капиталистическим и старым экономическим укладами. Надо сказать, что это противоборство не затихло с формальной ликвидацией цеховых привилегий, официальным провозглашением свободы предпринимательства. Хотя реформы Штайна и Гарденберга декларировали и свободу промысла, полная отмена цеховых привилегий в Пруссии также затянулась на длительное время, и этот процесс характеризовался даже наличием движения вспять. Так, после окончательного поражения Наполеона в 1815 г. были вновь восстановлены свидетельства о знании промысла. После поражения революции 1848 г. были внесены реакционные изменения в промысловый устав 1845 г., направленные на удовлетворение требований цехов. Лишь новый промысловый устав 1869 г., принятый Северо-Германским союзом, означал введение полной свободы промысла и окончательную отмену цеховых ограничений и привилегий.

Присущая первым грюндерам готовность идти на риск, их известный авантюризм не ограничивались только областью промышленного производства и техники. Жажда деятельности, стремление к обогащению часто выводили их не только за пределы этой сферы экономики, но и далеко за границы родной страны. Примером может служить деятельность братьев Маннесман, довольно подробно рассматриваемая в книге. Хотя Маннесманы начали как промышленники — с производства бесшовных труб на основе изобретенного ими же метода,— их, по мнению Г. Оггера, можно назвать как угодно, только не предпринимателями. И действительно, первоначальное предприятие Маннесманов довольно быстро перешло в другие руки. Их имя осталось только в названии фирмы, с которой они, в сущности, никогда по-настоящему не имели дела. Большую часть своей жизни братья Маннесман посвятили колониальным

авантюрам в Африке, поставив тем самым Европу на грань войны.

Если грюндеры первого типа при всей их (скорее духовной) связи с цеховыми традициями были все же детьми начинавшегося нового, технического века, порождением промышленного переворота конца XVIII в., то грюндеры второго типа связаны в первую очередь с раннекапиталистическими традициями самой Германии. Это обстоятельство не помешало многим представителям этой группы стать самой консервативной и реакционной частью предпринимательского класса Германии. А впрочем, возможно, оно даже в значительной степени обусловило эти черты. Так, те промышленники, которые ведут свою родословную от старых семейных предприятий и торговых домов западной и южной Германии, унаследовали от них (разумеется, за определенными исключениями) бережливость, строгий и скаредный образ жизни, относительную личную скромность. Для промышленников Верхней Силезии, являвшихся в своем большинстве и крупными земельными магнатами, был, наоборот, характерен расточительный образ жизни, тяга к роскоши и всевозможным излишествам. Однако оба эти полюса рассматриваемой здесь категории грюндеров объединяла одна основная черта — неудержимое стремление быть полновластным хозяином на своих предприятиях, приверженность принципу „Herr im Hause“ («полновластный хозяин в своем доме»).

Можно вполне согласиться с Г. Оггером в том, что самой экзотической группой германских промышленников являлись верхнесилезские магнаты. Прав он и в том, что их нельзя отнести к грюндерам в собственном смысле этого слова. В своем подавляющем большинстве они были в первую очередь земельными собственниками, помещиками. Промышленные предприятия оказались для них лишь дополнительным источником дохода, но никак не основным занятием, тем более призванием, как у «настоящих» грюндеров. С их аграрными владениями промышленные предприятия были уравнены в одном: здесь и там господствовала нещадная эксплуатация труда. Намного меньше их интересовала технико-производственная сторона дела. Полученные от эксплуатации рабочих прибыли они почти не направляли на расширение и модернизацию предприятий, а тратили на строительство дворцов или проматывали за границей. Именно этот аспект деятельности верхнесилезских «грюндеров» весьма обстоятельно отражен в книге Г. Оггера. В результате верхнесилезская тяжелая промышленность, возникшая значительно раньше рейнско-рурской и одно время успешно конкурировавшая с английской индустрией, стала заметно отставать от аналогичных предприятий Западной Германии в научно-техническом отношении. В то время как рейнские промышленники зачастую были вынуждены искать совладельцев и рано или поздно соглашаться на превращение своих предприятий в акционерные общества по причине нехватки капитала, верхнесилезские магнаты, в большинстве своем обладатели огромных имуществ, оставались единовластными хозяевами своих промышленных предприятий. Но характерные для последних авторитарные методы управления предприятиями переняли многие капиталисты других регионов Германии. Примерами хозяйского единовластия на предприятиях, своего рода промышленного деспотизма, могут служить концерны Штумма и Круппа. Недаром владельца угольных и металлургических пред-

приятий; в Сааре император иронически называл «королем Саарави».

К тому, что сказано о Штумме у Оггера, добавим еще одну деталь, дополняющую характерным штрихом портрет этого германского Пуришкевича. Принятое германским правительством под давлением обстоятельств и трудящихся масс фабричное законодательство, ограничивавшее продолжительность рабочего дня, Штумм в рейхстаге, депутатом которого он длительное время был, называл «исключительным законом против «фабрикантов».

Как всяким деспотам, грюндерам этого типа были свойственны различные аномалии личности, принимавшие нередко патологический характер. Читатель найдет их в достаточном количестве в книге Г. Оггера, особенно при жизнеописании Круппов.

Все же агропромышленные магнаты Верхней Силезии, а также предприниматели типа Круппа и Штумма — наиболее экстравагантные представители рассматриваемого здесь типа грюндеров. В своей массе он, однако, состоял из многочисленных предприятий, как семейных, так и акционерных, образовывавших наиболее динамичную и одновременно устойчивую часть германского бизнеса, ядро его предпринимательской структуры. Само экономическое развитие приводило к тому, что все большее количество предприятий сосредоточивалось в этой группе, теряя свои первоначальные специфические черты, связанные с индивидуальностью его первоначального основателя, как бы усредняясь под влиянием общих экономических и производственно-технических императивов. В Руре эти процессы привели к образованию горно-металлургических концернов смешанного (комбинированного) типа и сейчас определяющих лицо тяжелой промышленности ФРГ. Характер современного концерна довольно рано приобрело предприятие А. Тиссена, не в последнюю очередь благодаря большим организаторским способностям его основателя и руководителя. А. Тиссен являл собой ранний образец менеджера современного типа, получившего свое дальнейшее развитие в лице основателя «АЭГ» Эмиля Ратенау.

На судьбу и структуру многих промышленных концернов Германии значительное влияние оказало широко развернувшееся с 40-х годов XIX в. железнодорожное строительство. В число финансово-промышленных тузов Германии выдвинулись одно время железнодорожные магнаты. Роль этой разновидности грюндеров в экономической жизни Германии того периода и становлении германского капитализма описана автором на примере другого (железнодорожного) «короля» — Г. Штроусберга. В историю германского капитализма Г. Штроусберг, как отмечает Г. Оггер, вошел, однако, не как грюндер, а как крупнейший банкрот. Г. Штроусберг — это Г. Стиннес той эпохи и тем самым весьма близко подходит к третьей разновидности грюндеров — финансовых дельцов, биржевых спекулянтов, деятельность которых открывает, собственно говоря, эпоху финансового капитала в Германии, превращения капитализма свободной конкуренции в монополистический.

Эта третья разновидность рассматриваемых Г. Оггером грюндеров связана с распространением акционерной формы компаний. Своего пика данный тип грюндерства достиг в период учредительской горячки начала 70-х годов, выразившейся в массовом создании акционерных обществ в значительной степени на основе уже

существовавших единоличных или семейных предприятий. Со второй половины 1870 г. по 1874 г. в Германии было основано 857 акционерных обществ с капиталом 3307 млн. марок, что значительно превышало весь акционерный капитал, собранный за два предшествующих десятилетия. И как раз поэтому в данном случае трудно выделить отдельных субъектов этого процесса. Акции вновь создаваемых обществ приобретались широкими слоями населения, начиная от самых высокопоставленных аристократов, кончая кучерами и разносчиками газет. Каждый был формально грюндером. Основные же барыши доставались фактическим организаторам этого ажиотажа — крупным финансовым дельцам, банкирам, биржевым спекулянтам. Не случайно и Г. Оггер не называет в данном случае конкретных имен, может быть, за исключением Штроусберга, Бляйхрёдера. Зато он красочно изображает сам процесс, ход этого учредительского бума. Он приводит наиболее типичные примеры «грюндерств» этого времени, правильно вскрывая их основную черту — стремление сорвать барыши, не считаясь с производственно-технической стороной дела. Именно эта эпоха учредительской горячки богата примерами вопиющей бесхозяйственности в экономике, в ведении дел на вновь создаваемых (или преобразуемых в акционерные общества) предприятиях. Этот период грюндерства интересен, однако, не столько своими субъектами, сколько объектами. Акционерная форма предприятий оказалась той базой, на которой была реорганизована, а в какой-то степени создана заново банковская система Германии. Ведь сами акционерные общества явились новой формой организации кредита. Банковская система Германии в первой половине XIX в., по мнению Г. Оггера, оказалась наименее развитой из банковских систем развивавшихся в тот период стран. Существовавшие частные банкирские дома лишь в крайне незначительной степени занимались кредитованием промышленности. Это обстоятельство было немаловажной причиной тех постоянных финансовых трудностей, которые переживали даже такие известные промышленники, как Крупп, Ханиэль, Майер и т. д., и которые неоднократно ставили на грань банкротства их предприятия. Вот почему вновь создававшиеся акционерные банки сразу стали играть большую роль в промышленном развитии страны.

Характерная для Германии тесная связь (акционерных) банков с промышленностью, ее зависимость от банковского финансирования дали немецким кредитным институтам возможность и самим выступать в роли грюндеров, т. е. организаторов различных акционерных предприятий, инициаторов создания новых форм промышленных предприятий.

Необходимо, конечно, подчеркнуть условность границ между охарактеризованными здесь типами грюндеров. Многих из них можно отнести одновременно к нескольким группам, смотря по тому, какую их черту брать в качестве определяющей. Тем не менее наличие определенных типажей трудно отрицать.

В данном случае автор как бы попадает в ловушку собственной чрезмерно расширительной концепции грюндерства. Основной объект анализа в книге Г. Оггера — конкретные личности, живые люди. Таковыми являются у него и грюндеры. При анализе же грюндерства, особенно в его акционерной форме, речь идет в значительной

мере об анонимных процессах. В акционерном обществе личное начало отодвигается на задний план, как бы растворяется в общей массе акционеров. Здесь исчезают не только грюндеры, но и сам процесс. То, что происходило в 1870—1873 гг., строго говоря, нельзя, как признает сам Г. Оггер, назвать грюндерством, ибо в большинстве случаев речь шла даже не о создании новых предприятий, а о превращении в форму акционерных обществ уже существовавших предприятий. Тем не менее понятие грюндерства связано прежде всего именно с этим гораздо более «обезличенным» периодом развития германского капитализма. Положение осложнялось еще и тем, что индивидуальные («традиционные») грюндеры в собственном смысле этого слова часто становились в оппозицию к этим анонимно-прогрессивным тенденциям в предпринимательстве. Многие промышленники упорно противились превращению своих семейных предприятий в акционерные общества. Частные банкиры боролись против акционерных банков. И тем не менее именно Ротшильды, Оппенгеймы, Бляйхрёдеры и другие являются «героями» книги Г. Оггера.

* * *

До сих пор мы рассматривали грюндеров как бы в статическом плане. Но они были не статистами, а деятельными актерами германской (и международной) экономической сцены, т. е. проводили определенную политику, применяя конкретные методы для достижения своих целей. Как бы ни важны были рассмотренные выше объективные факторы быстрого промышленного развития Германии в XIX в., они создавали одинаковые для всех экономических агентов предпосылки и условия развития. Желающих воспользоваться открывающимися здесь возможностями было очень много. Удалось это лишь немногим. Подавляющее большинство претендентов, как отмечается в книге, потерпело полное фиаско. Этих немногих удачников и «счастливчиков» и делает автор героями своей книги. Ведь большинство оггеровских грюндеров — это потенциальные монополии. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, монополии возникали из конкуренции. И если то или иное «грюндерское» предприятие выжило в конкурентной борьбе, оно уже в некотором роде стало монополистом, приобретя ряд монополистических преимуществ перед другими фирмами. У Г. Оггера грюндер, по сути дела, не тот, кто первый начал, а кто выжил в конкурентной борьбе, достиг определенной конечной цели. Это — грюндеры задним числом. Соображения подобного рода определили и выбор русского варианта названия книги. В оригинале оно звучит поиному: «Годы грюндерства. Когда капитализм был молод и дерзок». Это, несомненно, менее адекватно передает специфику книги. Учитывая данное обстоятельство, а также то, что в реальной жизни две стороны капиталистического предпринимательства — конкуренция и монополия — тесно переплетены между собой, рассмотрим более внимательно, каков же этот «modus vivendi», позволивший германским предпринимателям-грюндерам, вообще германскому капиталу выстоять в конкурентной борьбе с отечественными и зарубежными, прежде всего английскими, предпринимателями, стать

пионерами в создании новых монополистических форм организации производства?

Следует, прежде всего, выделить группу факторов, связанных с теми или иными техническими преимуществами. Ведь именно технические открытия конца XVIII — начала XIX в. послужили материально-технической базой германского грюндерства. Не случайно книга «Магнаты... Начало биографии» открывается главой, посвященной экономическим последствиям применения силы пара. Пожалуй, первое, что в данном случае отличало грюндеров от других предпринимателей и в тех условиях давало им значительные преимущества,— это желание максимально использовать шансы, связанные с необходимостью ликвидировать отставание Германии во многих областях промышленного производства и техники. Особенно нетерпимым было оно в начале XIX в. в паровозостроении. Решению задачи по преодолению этого отставания и посвятил себя А. Борзиг. И надо сказать, успешно решил ее. То же самое можно сказать о Ф. и А. Круппах, Я. Майере, носившихся с идеей налаживания в Германии собственного производства литой стали, о В. Сименсе, стремившемся создать первый в мире телеграф на базе американских изобретений, и о многих других германских предпринимателях. Для всего этого нужны были способность к техническому мышлению, незаурядная техническая одаренность, своего рода техническая одержимость, а в ряде случаев, если учесть крайне слабое развитие образования и технических наук в то время, почти полное отсутствие грамотной технической документации, и техническая гениальность,— гениальность первых изобретателей-самоучек типа Стефенсона, Уатта, а в России Черепанова, Кулибина. Эти во многом природные черты первых грюндеров, несомненно, выделявшие их из массы предпринимателей, оборачивались и значительными конкурентно-монополистическими преимуществами для руководимых ими фирм. Изобретателем, как правило, считался не тот, кто выдвинул основополагающую идею, а тот, кто воплотил ее в конкретный предмет. Может быть, классической иллюстрацией правильности этого положения служит деятельность В. Сименса, особенно подробно разбираемая Г. Оггером. Для В. Сименса, по мнению автора, была характерна одна важная черта, отличавшая его от многих других изобретателей-самоучек и любителей: он всегда исходил из необходимости решения той или иной назревшей проблемы, удовлетворения той или иной уже возникшей потребности. Именно в этом был талант В. Сименса, опять же создававший его фирме огромные преимущества перед другими конкурентами.

Аналогичным образом Н. А. Отто не является единственным, кому пришла в голову идея газового мотора. Характерно, что Отто несколько раз отказывали в выдаче патентов на его усовершенствования, не считая их оригинальными. Тем не менее через 5 лет после подачи первоначальной заявки патент был выдан (в 1866 г.), а на Всемирной выставке в Париже (1867 г.) мотор Отто в качестве единственного среди 14 аналогичных экспонатов получил «Гран-при» за невиданную доселе экономичность.

Соотношение первоначальной идеи и изобретения, проблему изобретательского приоритета (связанную, в частности, с постоянными усовершенствованиями прототипа), возникающие вокруг этого

человеческие отношения и т. д. Г. Оггер неплохо показывает на примере упоминавшейся уже «квадриги» талантливейших инженеров-машиностроителей и изобретателей (Лангена, Отто, Даймлера, Майбаха), работавших долгое время вместе на одном предприятии в качестве его совладельцев и руководителей.

Важным преимуществом многих грюндеров, особенно на более поздних этапах экономического развития Германии, стала более передовая техника и технология самого производства. Так, А. Крупп уже во второй половине 50-х годов XIX в. вводит бессемеровский способ производства стали. Особую заботу о постоянном совершенствовании техники производства проявлял А. Тиссен.

Значительное внимание уделяет автор книги такому любопытному аспекту технической (последнее слово следовало бы поставить в кавычки) стороны немецкого грюндерства, как промышленный шпионаж, кража чужих производственных секретов. Любимым объектом немецких грюндеров была в этом отношении Англия. Не будем лишать читателя удовольствия самому познакомиться с соответствующими местами книги Оггера, которые воспринимаются как детектив. Отметим только то, что и здесь наблюдается довольно значительное разнообразие форм и, главное, их определенная «эволюция» от «низших» к «высшим». Еще такие предприниматели, как И. Брёгельман (текстильный фабрикант), Э. Хёш, Я. Майер и даже А. Крупп, самолично отправлялись в Англию и, так или иначе замаскировавшись, выведывали необходимые им производственные секреты непосредственно в цехах промышленных предприятий. В. Сименсу уже не приходилось самому заниматься черновой шпионской работой. Это делали за него его братья, сидевшие в том или ином вполне легальном качестве в Лондоне, Париже, Петербурге и снабжавшие своего старшего брата самой разнообразной информацией. Со временем и А. Крупп создал свою агентурную сеть в Англии. Характерно, что впоследствии он сам заболел шпиономанией и ввел у себя на предприятии чуть ли не секретный режим. В связи с вышесказанным хотелось бы отметить еще два обстоятельства. Первое связано со строгостью английских законов того времени, сурово (вплоть до смертной казни) каравших кражу или передачу промышленных секретов. Тем не менее это не отпугивало немецких предпринимателей. К. Маркс говорил о преступлениях, на которые может пойти капитал ради прибылей. Здесь же немецкие капиталисты рисковали даже собственной жизнью. С точки зрения автора книги, это было пусть варварской (как во многом и сам капитализм того времени), но необходимой формой «технологического трансфера», своеобразной технологической «помощью» Германии со стороны Англии. Без этого Германия, как считает автор, после отмены континентальной блокады рисковала превратиться в промышленную колонию Англии. Во всяком случае, Германия той эпохи предвосхитила путь, который после второй мировой войны во многих чертах повторила ФРГ и особенно Япония, быстрое промышленное развитие которой, по крайней мере на своих первых стадиях, в значительной степени опиралось на уже готовую зарубежную (в основном американскую) технологию.

В этой связи нельзя не сказать о том, что в настоящее время этот приобретающий все более важное значение сектор международных экономических отношений вновь сталкивается со значительны-

ми трудностями. Возрождая прежнюю, чуть ли не средневековую, практику, американская администрация всеми силами старается воспрепятствовать нормальному технологическому обмену между капиталистическими и социалистическими странами. Стремясь не допустить получения последними новейшей западной технологии, США идут даже на ограничение научно-технических связей между самими капиталистическими странами, прежде всего с Западной Европой. По обширности и жесткости законодательства, направленного на сохранение технологических «секретов», США намного превзошли Англию XVIII—XIX вв.

Все грюндерство у Оттера неразрывно связано с изобретениями, их применением, техникой, производством, но только не с наукой. О ней фактически нет и речи. Конечно, история науки не тема данной книги, во всяком случае, ее автор не ставил перед собой такой задачи, и мы, очевидно, не вправе требовать от него этого. Но хотелось бы отметить и другое. Когда наступает час германской науки и она вступает в пору расцвета (примерно последняя четверть XIX в.) и по-настоящему революционизирует производство, ряды грюндеров заметно редеют, значительно меньше становится и «технических гениев». Это не случайно. Промышленное развитие Германии в первый период (примерно до 1873 г.) в большей части основывалось на реализации уже имевшихся технических открытий (паровые машины, строительство железных дорог, новые методы выплавки стали, механические ткацкие станки и т. д.). Для решения данной задачи нужен был вполне определенный тип предпринимателя, обладавшего немалой, иногда незаурядной технической одаренностью, но в еще большей степени способностями коммерсанта. Именно такой тип предпринимателей сложился в Германии в первой половине XIX в., и именно его делает Г. Оттер предметом своего рассмотрения. Что же касается «технической гениальности», то она первым грюндерам часто компенсировала недостаток знания, а то и просто техническую безграмотность. Таково было большинство «паровых» и «стальных» грюндеров Германии того периода. Иначе стала складываться ситуация со второй половины прошлого столетия, особенно после кризиса 1873 г. Во-первых, в условиях длительной экономической депрессии уже не могло быть речи о грюндерстве прежних масштабов. Во-вторых, начавшееся в это время бурное развитие науки революционизировало производство, подвело под него научно-техническую базу уже в национальном масштабе, значительно сузив тем самым роль субъективно-индивидуального фактора в промышленном развитии Германии, лишив «институт» грюндеров его прежнего блеска. Продолжая формально оставаться в частных руках, производство фактически все больше обезличивалось. К тому же реализовать все преимущества, связанные с внедрением науки в производство, могли лишь наиболее крупные фирмы, также выходящие за рамки индивидуального контроля. Таким образом, прогресс естественных наук углубил тенденции, связанные с распространением акционерной формы предприятий.

Прогрессирующий перевод промышленного производства на научную основу, прогресс экономических наук, не в последнюю очередь процессы концентрации и монополизации производства лишили предпринимательство также прежней неопределенности,

риска и связанной с этим определенной романтичности. Под влиянием углублявшегося общественного разделения труда функции, которые прежде были соединены в лице одного предпринимателя — изобретательство, организация (управление), коммерция,— теперь все больше превращаются в функции не только специальных подразделений предприятия, но и отдельных сфер общественного производства (например, наука). Ясно, что экономическая реальность Германии последней трети и особенно четверти XIX в. не дает автору прежних примеров, которые могли бы «вдохновить» новое поколение западногерманских предпринимателей. Отсюда явное падение его интереса к этому периоду в развитии германского капитализма.

Опыт германских грюндеров (особенно первых), однако, показывает, что, как бы ни важна была техническая сторона дела, которая базируется на собственных или чужих изобретениях, легально или нелегально приобретенных, не она, а чисто предпринимательские качества решают судьбу фирмы. При характеристике грюндеров как предпринимателей — организаторов производства и коммерсантов — необходимо иметь в виду, что большинство руководимых ими предприятий страдало от хронической нехватки капитала. В немалой степени это объяснялось семейной формой их предприятий. Но именно этот анахронизм заставлял их владельцев проявлять немалую изобретательность и изворотливость (опять же конкурентное преимущество!) в деле финансирования своих предприятий. До виртуозности развил способность брать деньги взаймы А. Крупп. Г. Оттер называет его «Pumpgenie» — гением по части выколачивания кредитов.

Значительно развил финансовую сторону управления предприятием А. Тиссен, разработавший своего рода стратегию долгов. Она состояла в умении играть на противоречиях между самими кредиторами. Поэтому, хотя Тиссен, как и многие другие грюндеры, широко пользовался кредитом, никто из заимодавцев не оказывал существенного влияния на его фирму, и он оставался в ней полновластным хозяином. Однако концерн Тиссена «дожил» до наших дней благодаря прежде всего своей продуманной производственной структуре, взаимодополняемости его отдельных элементов, своей хорошей архитектуре. Этим могли похвастаться лишь немногие промышленные империи того времени, где основным связующим началом были прежде всего финансовые узы и которые представляли собой скорее финансово-промышленные группы, подобные владениям железнодорожного короля Г. Штроусберга и верхнесилезского магната Г. Хенкеля. Многие из этих промышленных империй развалились во время кризиса 1873 г. Впрочем, далеко не все грюндеры были одинаково хорошими организаторами, и даже те, кто обладал этим талантом, допускали ошибки. Значительными организационными недостатками страдала фирма В. Сименса. Не сумели сохранить фирму Борзига его наследники. Раздробленным между различными родственниками оказался концерн Тиссена, хотя он полностью сохранился как производственно-хозяйственная единица. Наиболее ярким примером грюндера, у которого в известной степени сочетались все качества предпринимателя, может служить Э. Ратенау — основатель и долгое время руководитель электротехнического концерна «АЭГ». Он пошел дальше В. Сименса в организа-

ции производства и управления фирмой, превзошел А. Тиссена в качестве финансиста. Уже не будучи единоличным хозяином предприятия, имевшего форму акционерного общества и обязанного публичной отчетностью, он прекрасно овладел техникой составления балансов фирмы, всевозможными методами сокрытия прибылей под видом отчислений в различные резервы и т. д., т. е. всем тем, что позже получило название «вуализования балансов», а попросту говоря, их фальсификации. Кстати, тоже своеобразная эволюция: если первые грюндеры фальсифицировали товары, то потом фальсифицироваться стали балансы.

Грюндеры были не только «техническими», «финансовыми», но и «коммерческими гениями», отличались умением добывать заказы и находить покупателей своей продукции. И здесь новатором опять оказался А. Крупп. По мнению автора книги, считающего Круппа и «гением продаж», он первым открыл значение сбыта для деятельности промышленной фирмы. А. Крупп был одним из тех грюндеров, которые полностью поняли значение создания Германского таможенного союза. Сам он был главным коммивояжером своего предприятия, совершая длительные поездки по различным районам Германии. Был период в его жизни, когда он бóльшую часть времени находился в пути. А. Крупп скорее, чем многие другие, оценил значение и всемирных промышленных выставок. В то время как большинство германских участников интересовали там лишь новые заказы, он использовал выставки для пропаганды интересов и политики Пруссии, чем заслужил особое расположение властей.

Важное место занимали деловые путешествия (нередко длительные, особенно при поездках за границу, в частности в Россию) в предпринимательской стратегии В. Сименса. Так же как и А. Крупп (а позже братья Маннесман), В. Сименс представлял интересы не только своей фирмы, но и выступал неофициальным полпредом прусского, а позже германского правительства. Не брезговали грюндеры и сомнительными методами конкурентной борьбы, особенно на ранних этапах эволюции своих фирм. Примеров тому мы находим в книге Г. Оггера достаточно. Еще первый Крупп (Фридрих) хотел использовать континентальную блокаду для контрабандной торговли с Англией. Его сын Альфред в первые годы своей предпринимательской карьеры ставил английские фабричные марки на своих плохих товарах, продавая, например, низкие сорта своей стали как «лучшую английскую сталь». Нередки были случаи прямого обмана покупателей (продажа меньшего количества, повышенная влажность и т. д.). Довольно разнообразными и изощренными, как показывают приводимые примеры, были также методы воздействия грюндеров на государственные власти: от подкупа чиновников до шпионажа и угроз. Значительным своеобразием отличалась конкурентная борьба в лагере самих грюндеров, приобретавшая все более ожесточенный характер по мере перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический. Через всю историю тяжелой промышленности Германии, а затем ФРГ проходит прослеживаемая Г. Оггером борьба между двумя крупнейшими металлургическими концернами Рура — фирмой Круппа и компанией «Бохумер ферайн», основанной соперником Круппа Якобом Майером. Соперниками были А. Тиссен и Э. Кирдорф, тоже

известный стальной магнат Рура, основатель и руководитель Рейнско-Вестфальского каменноугольного синдиката. Иногда соперничество между монополистами приобретало весьма своеобразный характер, превращаясь, по сути дела, в скрытое сотрудничество. Такова описанная Г. Оггером история взаимоотношений фирм А. Круппа и К. Штумма.

Весьма яркая страница в историю монополистической конкуренции вписана универмагами, роль которых автор анализирует на примере торговой семьи Титцев. С возникновением этой формы сбыта торговля стала сферой особенно ожесточенной конкуренции, причем в ее наиболее открытой и беспощадной разновидности — в форме ценовой конкуренции. Иногда дело доходило до погромов универмагов со стороны мелких розничных торговцев. Тем не менее, а может быть, именно поэтому универмаги «определяли экономическое поведение потребителей сильнее, чем все производители товаров, вместе взятые».

Среди «способов выживания», практиковавшихся германскими грюндерами, важное место принадлежало внешнеэкономической экспансии. «Коммерческая» деятельность частных немецких фирм за рубежом во многом подготовила почву для перехода Германии от «континентальной» к «мировой» политике, иными словами, к открытой колониальной экспансии. Образуя, по сути дела, ее первую фазу, зарубежная активность германских фирм составляет тем самым и важную страницу в истории германского империализма.

Весьма активной и «результативной» была на внешнеэкономическом поприще деятельность фирмы В. Сименса («Сименс унд Хальске»). Характерно, что к этой сфере он обратился после ряда серьезных неудач в самой Германии (устарелость его системы стрелочного телеграфа, непригодность разработанной им изоляции для подземной прокладки кабеля и т. п.). Три географических области земли привлекли особое внимание В. Сименса: Россия, Ближний Восток (Персия) и... океан. О России мы скажем несколько позже, применительно ко всем грюндерам. Здесь остановимся на двух остальных направлениях внешнеэкономической экспансии фирмы Сименса. «Коронным» предприятием всей жизни Сименса, принесшим ему всемирную известность, стало строительство линии телеграфной связи между Лондоном и Дели. Несмотря на огромные (и преодоленные) технические трудности, стоявшие на пути проекта, интерес представляет прежде всего его дипломатическая подготовка, так сказать, его «политическое» руководство со стороны Сименса. В ход были пущены подкуп, шантаж, обман, «военные хитрости», как на театре военных действий. И действительно, реализация этого проекта явилась как бы прелюдией к другому, гораздо более роковому предприятию германского империализма — строительству Багдадской железной дороги.

В. Сименс смело бросился в авантюру с прокладкой морских кабелей: вначале через Средиземное море, затем через Атлантический океан. Здесь он выступил, по сути дела, как пионер (со стороны германских предпринимателей) своего рода международной производственной кооперации (с английскими и американскими фирмами). В определенном смысле фирму Сименса можно назвать одним из первых международных концернов. Как уже упоминалось,

его братья имели свои предприятия (или участия в таковых) в Лондоне, Париже, Тифлисе. В. Сименс, будучи признанным главой обширного семейного клана, не был, как сообщает Г. Оггер, чужд идее создания своего рода семейной международной промышленно-банковской империи по типу Фуггеров, Ротшильдов и других. В этом смысле сименсовское «братство» имело немало общего с Маннесманами, колониальные авантюры которых послужили причиной двух серьезнейших международных («марокканских») кризисов в Европе.

Приглашая читателя ознакомиться с существом маннесмановских «проектов» непосредственно из самой книги, обратим его внимание на то, о чем автор либо умалчивает, либо говорит походя. Речь идет как раз о деятельности германских концессионеров в Марокко как объекте международной политики. Приводя слова Ф. Пиннера, одного из биографов германских предпринимателей, Г. Оггер признает, что объективно, т. е. фактически, Маннесманы действовали в интересах германского империализма. Впрочем, даваемое им сравнение маннесмановского предприятия с английской Ост-Индской компанией (!) показывает, что связываемые с ним планы далеко выходили за пределы частных интересов братьев.

Особо стоит остановиться на той роли, какую сыграли в предпринимательской карьере многих немецких грюндеров экономические связи с Россией. Ф. Крупп обращался к русскому правительству за финансовой помощью, его сын Альфред предлагал царю свои пушки. Если в Англию они направлялись за производственными секретами, то в Россию — за заказами, как, например, А. Тиссен, причем далеко не ясно, что для германских предпринимателей тогда было важнее. Так вся история фирмы «Сименс унд Хальске» была фактически неразрывно связана с Россией. Однако настоящим подъемом своей фирмы Сименс обязан крупномасштабному, как сказали бы теперь, проекту строительства телеграфной линии из Петербурга в Крым. Линия была сооружена в предельно короткие сроки (подстегивала Крымская война). Сименс выступал в качестве единственного подрядчика. Золотым дном для него оказалась не столько сама постройка линии, сколько ее постоянный ремонт, поддержание в действующем состоянии. «Восточная торговля», т. е. торговля с Россией, долгое время была важной составной частью и опорой оборота всей фирмы. Одновременно братья Сименса основали на Кавказе предприятия по добыче железных руд. Хорошие деловые связи установились между Россией и германским концерном «АЭГ». Вообще электротехнические фирмы Германии были своего рода пионерами установления тесных экономических связей с Россией и одними из наиболее последовательных сторонников их развития, оказывая в этом смысле определенное положительное влияние и на политику правительства. Представляется символичным тот факт, что подписанный в 1922 г. Рапалльский договор между послеверсальской Германией и Советской Россией был в значительной мере делом рук В. Ратенау, брата руководителя «АЭГ» Э. Ратенау. В случае с В. Сименсом можно, во всяком случае, обнаружить прямую преемственность с современными западногерманскими предпринимателями. Есть ли это продолжение именно тех грюндерских традиций, которые описывает Г. Оггер, или что-то другое, предоставляем судить самому читателю

по цитате, взятой, как ни странно, из американского журнала *Уолл стрит джорнел.* «...Западногерманские предприниматели,— пишет этот орган американских монополий,— подобно Вернеру фон Сименсу, тщательно изучают специфические приемы, которые необходимо знать, чтобы торговать с Востоком. Один из них — завязывание личных отношений с людьми, от которых зависит принятие решений».

В связи с этим следует упомянуть об интересном факте из биографии одного из инициаторов упоминавшихся выше буржуазных реформ в Пруссии — Штеана. В 1812 г. он переселился в Россию, где возглавил комитет по германским делам. В 1813—1814 гг. он руководил комитетом по управлению освобожденными (от Наполеона) территориями Германии.

Но не все контакты с Россией и не для всех протекали благополучно. Для некоторых они оказывались не началом, а концом предпринимательской карьеры. Так, упоминавшийся Г. Штроусберг, строивший железные дороги в России, и здесь оказался банкротом, был арестован в Петербурге, находился некоторое время в заключении в Москве и возвратился нищим в Берлин.

Наряду с производственно-техническими и коммерческими факторами важную роль в судьбе грюндерских начинаний играли взаимоотношения с государством, правительством, в частности (а иногда в особенности) с военным ведомством Пруссии, а затем Германии.

С возвышенем Пруссии вообще связана целая эпоха в эволюции германского капитализма. Экономический застой, в котором очутилась Германия в XVI—XVIII вв., был характерен прежде всего для районов ее раннекапиталистического развития (XIII—XV вв.), т. е. южной Германии. На востоке страны, в колонизированных областях, закладывались основы капитализма несколько иного типа. Двумя основными разновидностями и сферами этого капитализма было юнкерское сельское хозяйство к востоку от Эльбы и горнодобывающая и металлургическая промышленность Силезии. Специфика этого «нового», «восточного» капитализма состояла, во-первых, в том, что он в значительно большей степени, чем ранние капиталистические отношения на юго-западе Германии, опирался на эксплуатацию природных ресурсов (плодородия земли и ее недр) и человеческого труда, а во-вторых, пользовался значительной — политической и материальной — поддержкой государства.

Уже к концу XIII в. на востоке Германии стали складываться крупные барские хозяйства предпринимательского типа, работавшие в значительной степени на внешние рынки. Не будучи в полном смысле капиталистическим (и в этом роде отличаясь от английской системы лендлордизма), поскольку основывалось не на наемном, а в основном на крепостном, подневольном труде, прусское сельское хозяйство тем не менее гораздо раньше промышленности стало в Германии сферой крупного производства, ведущегося на предпринимательских началах.

Имеется тем больше оснований для выделения прусского сельского хозяйства в качестве особого типа и периода капиталистической эволюции Германии, подчеркивания того, что юнкерское предпринимательство не ограничивалось только аграрным сектором, а захватывало и сферу промышленности. Это было особенно

характерно для Силезии. Здесь фактически впервые в Германии началась разработка в крупных масштабах подземных ископаемых — каменного угля, металлических руд и т. д. Крупные землевладельцы Верхней Силезии положили начало металлургической промышленности в Пруссии. Долгое время Верхняя Силезия была основным районом тяжелой промышленности Германии. В конце XIX в. здесь было сконцентрировано 80% общегерманского производства цинка и 59% свинца. Этот возникший на востоке Германии тип капитализма характеризовался еще одной чертой — активной поддержкой государства. Что касается тяжелой промышленности Верхней Силезии, то она вообще была создана не столько юнкерами, сколько государством. Значительная ее часть вплоть до начала XIX в. находилась под управлением — и довольно квалифицированным — прусских чиновников. Этот довольно длительный и по-своему успешный «прусский» период в экономическом развитии Германии, несомненно, наложил не менее, а, может быть, даже и более значительный отпечаток на ее последующее капиталистическое развитие, чем средневековый торгово-денежный капитализм. Дело не только в том, что он влился в общее русло капиталистического развития Германии (вплоть до конца второй мировой войны), придав ему черты, резко выделившие ее среди других капиталистических стран. Тяжелая промышленность Силезии во многом явилась как бы предшественницей рурской промышленности, ставшей на долгие годы центром индустриализации на новом, третьем («рейнско-рурском») этапе ее развития.

После освобождения от наполеоновского господства предметом особой заботы государственных властей Пруссии стало паровозостроение. Их фаворитом в этом отношении стал А. Борзиг. Это покровительство проявлялось в довольно разнообразных формах. Долгое время предприятие Борзига жило почти исключительно заказами прусских железных дорог. Так, в 1846 г. они приобрели 109 из 119 паровозов, построенных фирмой. Хотя сам А. Борзиг не ездил в Англию (тем более в Америку) за производственными секретами, в начале его карьеры также стоял промышленный шпионаж особого рода: управление железной дороги Берлин — Потсдам передало ему техническую документацию американского паровоза «Норрис». Это и помогло Борзигу наладить серийное производство собственных паровозов. Своими довольно тесными связями с правительством и двором А. Борзиг напоминает А. Круппа и Г. Бляйхрёдера, принадлежащих к тому же типу «придворных» промышленников и банкиров.

Предпочтение, отдаваемое прусским правительством отечественным предпринимателям (перед иностранными), можно проиллюстрировать и на примере фирмы В. Сименса. Хотя его телеграф был менее совершенен, чем модель С. Ф. Морзе, срочное (опять-таки!) строительство телеграфной линии от Берлина до Франкфурта-на-Майне, где в то время заседало созванное после революции 1848 г. общегерманское национальное собрание, было поручено В. Сименсу.

Узы между германской промышленностью и правительственными инстанциями, особенно военным ведомством, становились все крепче по мере роста милитаризма в Пруссии и Германии. Классическим олицетворением союза между промышленными баронами Германии и прусской (а затем германской) военщиной и

одновременно как бы наивысшим выражением союза между германской буржуазией и прусским юнкерством является деятельность фирмы А. Круппа. Хотя об этом написано уже немало и в западногерманской и советской литературе, Г. Оггер находит интересные факты и моменты, выявляющие новые стороны этого альянса, особенно в период его становления. А. Крупп вошел в историю германской промышленности и германского милитаризма как первый производитель ружейных и пушечных стволов из литой стали (а не из железных листов, как в первом, и не из бронзы, как во втором случае). По мнению Г. Оггера, идея производства пушек из стали и их первое изготовление принадлежит собственно не Круппу, а его «извечному» конкуренту Я. Майеру. Однако титул «пушечного короля» достался А. Круппу. В любом случае, однако, неоспоримый приоритет принадлежит здесь германской промышленности, именно здесь германская техника сказала свое первое, и весьма веское, слово. Здесь она посрамила и само военное ведомство Пруссии, которое долгое время не проявляло никакого интереса к «изобретению» подобного рода. Это свидетельство военно-технической косности тогдашней Пруссии представляется весьма интересным феноменом. Этому, конечно, имеется немало аналогов в истории, в том числе в истории военного дела в России. Но есть и специфически германско-прусские причины, объясняющие это военно-техническое ретроградство. В 40-е годы XIX в., к которым относятся первые попытки А. Круппа заинтересовать в своих пушках государственные власти, прусское правительство было в значительной мере занято борьбой с распространявшимися антиправительственными настроениями, внутренней оппозицией и поднимавшейся революционной волной. Для этого требовались не пушки, а другие средства. Проблема вооружения пока тоже не стояла первым пунктом на повестке дня. Объединение Германии происходило прежде всего в экономической сфере. До «объединительных» войн 1866—1870 гг. (с Данией, Австрией, Францией), завершивших этот процесс «железом и кровью», было еще сравнительно далеко. К военной новинке А. Круппа гораздо больший интерес проявляли правительства других государств. Австрия купила у Круппа партию пушек, несколько штук—Египет, одно время интересовалась ими и Россия. Г. Оггер особо выделяет несостоявшуюся сделку с Францией, предложенную Круппу самим Наполеоном III. По мнению автора, история Европы могла бы сложиться иначе, прими Крупп это предложение. В общей сложности 10 лет потребовалось А. Круппу для того, чтобы получить первый крупный заказ на свои пушки. Заказчиком выступило все же прусское военное ведомство, но уже при другом правительстве—принце-регенте Вильгельме (будущем прусском короле и германском императоре Вильгельме IV). В этом есть своя символика, ибо уже ранее этот деятель получил в народе прозвище «картечного принца» за жестокую расправу с восставшими во время революции 1848 г.

Крупповские пушки сыграли важную роль в военной кампании 1870—1871 гг. Превосходя пруссаков в легком стрелковом вооружении пехоты, французская армия значительно уступала германской по количеству и качеству артиллерии. Немецкие (то бишь крупповские) стальные нарезные пушки с дальностью стрельбы до 3,5 км намного превосходили по своим боевым качествам французские

бронзовые орудия. Это во многом предопределило исход сражения при Седане, решившем судьбу всей франко-прусской войны. В этой войне в значительной степени победу одержала германская тяжелая промышленность, прежде всего металлургия. Созданная к этому времени разветвленная железнодорожная сеть, имевшая преимущественно восточно-западную протяженность, позволила немцам провести быструю переброску войск к французской границе. Франко-прусская война продемонстрировала возросшее значение техники в военном деле, а тем самым его усиливающуюся связь с развитием промышленности, общим состоянием экономики. Значительный вклад в развитие военной техники внесла фирма В. Сименса. Именно В. Сименс поставил войну на современную техническую основу. Большое значение здесь принадлежит созданию телеграфной сети в Германии. Еще во время прусско-датской войны 1866 г. В. Сименс по поручению военного ведомства Пруссии сконструировал электрические взрыватели к морским минам, которыми под его же руководством был блокирован вход в Кильскую бухту. Он в не меньшей степени, чем А. Крупп, может символизировать зловещий союз науки и военного дела. Но в отличие от Круппа он не только получил университетское образование, но и длительное время находился на военной службе, не прекращая своих занятий техникой. Этот союз нашел себе питательную почву в растущем германском милитаризме. В какой степени связанные с этим гонка вооружений и военные приготовления в течение немногих лет изменили обстановку в Германии и Западной Европе, говорит незначительный, казалось бы, но весьма примечательный факт. Если в 50—60-х годах прусское правительство вполне спокойно относилось к возможной продаже крупповских пушек Наполеону III, то в 70-х годах, спустя всего несколько лет после окончания франко-прусской войны, правительство Германии запретило своим коннозаводчикам продажу Франции даже лошадей (в количестве 10 тыс. штук), предназначавшихся для французской кавалерии.

Среди различных черт характера, тех или иных преимуществ, позволявших небольшому числу промышленников выделиться из общей предпринимательской массы и быть впоследствии «причисленным к лику» грюндеров, Г. Оггер называет наличие определенных традиций. К ним он относит прежде всего те или иные привилегии рождения, наличие родительского дома, дворянского звания, связанные с этим знания, связи, капитал, наконец, уже существующие семейные предприятия и т. д. Примеры «карьер посудомойщиков», по признанию автора, были в Германии крайне редки. Наиболее значительные предпринимательские карьеры в Германии сделаны отпрысками и наследниками старых семейных фирм. Таковы Крупп, Хёш, Маннесманы, Хенкели, Оппенгеймы и многие другие. Но именно потому, что данный момент является скорее правилом, а не исключением, его следует отнести не к личным «заслугам» грюндеров, а скорее к факторам объективного порядка, о которых речь шла в начале предисловия. Ведь за этим стоит опыт, накопленный на более ранних стадиях германского капитализма. Как и многое в истории человечества, он был персонифицирован в определенных предпринимательских семьях, отдельных личностях и т. д.

Кроме того, как уже видно из сказанного выше, даже эти

привилегии рождения того или иного грюндера далеко не всегда оборачивались реальными преимуществами для возглавлявшегося ими «дела». Пожалуй, классический для Германии пример — верхнесилезские магнаты. У некоторых грюндеров эти семейные традиции, не принося им ощутимых материальных выгод, часто трансформировались в те или иные черты характера, как приверженность раз начатому делу и т. д. Из содержащегося в книге громадного фактического материала можно вообще составить целый паноптикум предпринимательских типов, их личных, нередко отталкивающих черт.

* * *

Особенности германского империализма, развязавшего две мировые войны, породившего такое чудовищное явление, как фашизм, не могут быть до конца объяснены только чисто экономическими факторами. Они коренятся в истории Германии, политике и идеологии ее правящих классов. В этом еще раз убеждает книга Г. Оггера, содержащая интересный материал и по этим вопросам. Остановимся в первую очередь на политических моментах. Речь пойдет прежде всего о событии, тесно связанном с промышленной революцией в Германии, являющейся не только ее порождением и дополнением, но в какой-то степени и антиподом — о политической революции 1848 г. Всячески подчеркивая значение промышленного переворота, происшедшего в Германии в первой половине XIX в., Г. Оггер отказывает революции 1848 г. даже в праве называться таковой. «Революция, которой в действительности не было»,— гласит его вердикт. Скажем сразу и прямо — это в принципе справедливый приговор. Если и в качестве предпринимателей поведение германских капиталистов и буржуа было далеко не безупречным, то во время революции 1848—1849 гг. оно было просто позорным. Встав (в силу самого́ буржуазного характера революции) во главе революционного движения масс, германская буржуазия, по сути дела, предала его, пойдя на сговор с аристократией. Революция 1848 г. не выполнила ни одной из двух главных поставленных перед ней историей целей — завоевание буржуазией политической власти и объединение Германии. Удовлетворившись экономическими подачками в виде предоставления ей больших экономических свобод, германская буржуазия оставила политическую власть в руках прусского юнкерства. Тем самым в руки Пруссии было передано и дело объединения страны. Впрочем, германская буржуазия уже давно проявила незаурядную способность приспособляться к феодально-крепостническим порядкам. Долгое время раннекапиталистические отношения в Германии развивались одновременно с развитием и укреплением феодализма (усиление власти отдельных князей и соответственно территориально-государственной раздробленности страны, ужесточение крепостной зависимости и т. д.) и даже способствовали этому.

Так, концентрируя значительную часть своих операций на финансировании королей и князей и укрепляя тем самым их самостоятельность, торгово-денежный капитал тогдашней Германии в немалой степени способствовал их превращению в абсолютных территориальных владык, подрывая тем самым и без того довольно

эфемерную власть германских императоров. В сельском хозяйстве быстрое развитие товарно-денежных отношений даже привело к еще большему закрепощению крестьян. Этот процесс, названный Ф. Энгельсом «вторичным закрепощением крестьян», был особенно характерен для остэльбских провинций Германии.

Германская буржуазия вообще охотно уступала власть другим, если они обеспечивали ей максимально благоприятные условия для экономического развития предпринимательской деятельности, эксплуатации. Может быть, именно потому, что буржуазия как класс оказалась несостоятельной, будучи отстраненной от политической власти, она в лице своих отдельных представителей стремилась занять максимально высокое положение в общественной структуре Германии. Идеалом германских буржуа оставалась аристократия. Этой особенно характерной для германской буржуазии неудержимой тяги наверх, в верхние эшелоны общественной иерархии, ее стремления к подражанию аристократии, во всяком случае, к приобретению внешних атрибутов социальной престижности посвящено немало места в книге «Магнаты... Начало биографии». На фоне этого общего подражания аристократии тем заметнее были исключения типа Борзига, Сименса, Тиссена, позволявших себе и относительную скромность в личной жизни, и отказ от почетных титулов, высочайших приглашений и т. д. Но и они, за еще более редкими исключениями, были такими же самодержцами на своих предприятиях, как и большинство остальных грюндеров. Этот мелкодержавный деспотизм, как нам представляется, также в немалой степени коренится в истории Германии, ее крайнем государственно-политическом партикуляризме. Чем меньше и ничтожнее не только в масштабах Западной Европы, но и Германии был тот или иной территориальный властитель, тем большим «господином у себя в доме» он старался быть.

Союз буржуазии и юнкерства, ставший после революции 1848 г. на многие годы фундаментом социально-политической системы Германии, основывался не только на капитуляции германских грюндеров перед силами аристократии, а германских государств перед Пруссией. Правильно подчеркивая «аристократофильство» германской буржуазии, Г. Оггер, однако, несколько упускает из виду другой немаловажный момент — определенную гибкость, уступчивость, проявленные самой германской аристократией (особенно в лице «железного канцлера» О. Бисмарка) в отношении отечественной буржуазии. Ведь это другая сторона компромисса между названными двумя эксплуататорскими классами германского общества. Вряд ли поэтому можно вполне согласиться с Г. Оггером в том, что «верхний слой» германского общества, т. е. аристократия и юнкерство, был «неспособен к экономическому мышлению». Германскую аристократию многому научила история, в частности войны Наполеона I. Предоставлением буржуазии экономических свобод германская аристократия спасла свое политическое господство, экономический либерализм помог сохранить политический консерватизм. Сочетание этих двух, казалось бы, взаимоисключающих начал во многом обусловило быстрое экономическое развитие Пруссии в 50—60-х годах.

Союз буржуазии и юнкерства реализовывался не только в сфере высокой политики, но и в повседневной жизни. Тяга буржуазии к

аристократическим формам жизни сопровождалась обуржуазиванием значительной части аристократии. Если промышленники западной части Германии покупали земельные участки и имения в Восточной Пруссии, то прусские юнкеры становились владельцами промышленных предприятий в западных районах страны. Аристократия всех рангов, включая самого О. Бисмарка, участвовала в финансовых спекуляциях грюндеров.

Все вышеупомянутые особенности германской буржуазии — ее экономическое могущество и политическое бессилие, унаследованная от аристократии тяга к авторитарным методам руководства в сферах ее непосредственного влияния и неразрывно связанное с этим преклонение перед стоящей над ней сильной властью под видом любви к «порядку» — явились немаловажными предпосылками фашизма, доведшего до крайности наиболее отвратительные черты германского капитализма и империализма. По иронии судьбы, буржуазия стала правящим классом тогда, когда она уже как бы впитала в себя наиболее реакционные традиции германской истории, германского общества. Знаменем реакции стала не столько аристократия, сколько крупная промышленная и финансово-банковская буржуазия.

Г. Оггер выводит типы «грюндеров», являвшихся как бы живым олицетворением этой связи между специфическими чертами германского капитализма и фашизмом. Наиболее колоритный представитель этого рода — упоминавшийся уже Э. Кирдорф, знавший и О. Бисмарка и Гитлера и поклонявшийся (и помогавший) как одному, так и другому. Автор не обходит своим вниманием и тот «вклад», который внесли в поддержку фашизма и Гитлера наследники А. Тиссена. Не только историю германского национализма, но и историю современного германского капитализма и империализма можно было бы назвать: «от Бисмарка до Гитлера».

Характеристика германского капитализма как общественной формации и способа производства и германской буржуазии как класса предполагает выяснение еще одного вопроса. Была ли германская буржуазия вполне фритредерской, а германский капитализм «манчестерским», как это часто утверждали раньше и иногда утверждают теперь. Приводимый автором материал, а также некоторые другие факты германской истории заставляют усомниться в этом. Конечно, в начальный период развития капитализма германские предприниматели, буржуазия в целом выступали поборниками экономического либерализма, будучи заинтересованными в первую очередь в отмене цеховых привилегий и других сословно-бюрократических препон, стоявших на пути экономического развития страны. Требование свободы предпринимательской деятельности было в тот период равнозначно требованию неограниченной свободы эксплуатации рабочей силы. Что же касается конкурентной борьбы, то германские предприниматели никогда не скрывали своей неприязни к ней. Особенно ненавистна была им иностранная конкуренция, прежде всего со стороны Англии, поскольку германская промышленность уступала ей по новизне и качеству продукции. Нелюбовь германских предпринимателей к конкуренции, их тяга к аристократически монополистическим формам хозяйствования, авторитарным формам правления вообще проявлялись, в частности, и в их постоянной склонности к внешнеторговому

протекционизму, к тем или иным формам ограничения конкуренции. Это отмечает и Г. Оггер. Особенно сильны были протекционистские настроения в западнопрусской тяжелой промышленности. Ведь самому ее возникновению в немалой степени способствовала континентальная блокада Наполеона. С известной долей иронии можно сказать, что Наполеон в какой-то мере стоял у колыбели германского протекционизма. В этом смысле германская буржуазия никогда не была настроена фритредерски. Это было характерно скорее для германского, особенно прусского, юнкерства, заинтересованного в возможно более беспрепятственном ввозе готовых изделий в обмен на свой зерновой экспорт. Интересы прусского юнкерства как раз во многом и определяли фритредерский характер внешней политики Пруссии и руководимого ею Германского таможенного союза. Но для внешнеэкономического либерализма Пруссии были и другие не менее важные причины. Как известно, по вопросу об объединении Германии между Пруссией и Австрией велась длительная и упорная борьба, причем временами Пруссия была близка к поражению. Одним из средств, с помощью которого Австрия намеревалась взять в свои руки дело объединения Германии, было ее стремление присоединиться к Германскому таможенному союзу. Единственно, что не устраивало ее в этом союзе, его фритредерский внешнеторговый тариф, поскольку австрийская промышленность была значительно менее конкурентоспособной, чем прусская. Но именно поэтому Пруссия была заинтересована в сохранении этого тарифа, как довольно эффективном средстве сдерживания австрийских претензий. Необходимость в этом отпала после объединения страны вокруг Пруссии. Поэтому как только и прусское юнкерство перешло в лагерь протекционистов, в результате изменений условий конкуренции на мировом рынке зерна правительство Германии в 1879 г. ввело новый, гораздо более высокий таможенный тариф. Этот резкий поворот в торговой политике Германии был с особенной радостью воспринят германской промышленностью, находившейся в состоянии глубокой депрессии после кризиса 1873 г. Период затянувшегося противоречия между протекционистскими настроениями буржуазии и фритредерской политикой Пруссии и Германского таможенного союза окончился. Весьма показательно, что первые предпринимательские организации представительского типа, в том числе Центральный союз немецких промышленников (1876 г.), были созданы для агитации за принятие рейхстагом протекционистского тарифа как средства давления на правительство.

Под прикрытием защитительных пошлин предприниматели начали усиленно наводить «порядок» в экономике путем перестройки и консолидации организационной структуры промышленности на монополистических началах. Особенно большое развитие получила картелизация германской промышленности, в значительной степени происходившая под тем же лозунгом «защиты национального труда», который использовался и для агитации за протекционистский внешнеторговый тариф.

Характерно фактическое совпадение трех важных событий: в 1876 г. возникает Центральный союз немецких промышленников, возглавляемый одним из наиболее ярых реакционеров В. Кардорфом; в 1878 г. принимается закон против социалистов; в 1879 г. вводится новый протекционистский тариф. Если вспомнить, что все

это произошло не так уж много времени спустя после объединения страны и, по сути дела, непосредственно сразу за финансовым (а в какой-то степени и экономическим) крахом 1873 г., то станет ясно, что за всем этим скрывалась далеко идущая перестройка всей политической и экономической системы Германии. Даже сам О. Бисмарк, как отмечает Г. Оггер, начал считать, что либерализм изжил себя и что надо по-новому перестроить государство (Neuordnung des Staates — «новый порядок в государстве»). И это меньше чем через 10 лет после создания этого самого государства.

* * *

Гораздо большее по сравнению с политическими событиями в Германии внимание автор уделяет культурной жизни периода грюндерства. Судя по всему, происшедшие здесь изменения он готов с гораздо большим основанием возвести в ранг революции, чем все происшедшее в политической области, включая и события 1848—1849 гг. Иначе говоря, он как бы перекидывает мост от революции промышленной непосредственно к революции культурной, минуя революцию политическую. Тем самым Г. Оггер затрагивает интересный и сложный вопрос о связи между развитием производительных сил и культурой, о соотношении технического прогресса и искусства. Сложность этой проблемы как бы подчеркивается внешней противоречивостью высказываний самого Г. Оггера на этот счет. Если в одном месте он утверждает, что «новые машины и новая техника не обязательно приводят к возникновению нового сознания в головах людей», то в другом — нечто прямо противоположное: «промышленная революция... изменила не только экономические реальности, но и мышление людей».

За этой кажущейся противоречивостью высказываний стоит, впрочем, противоречивость самой жизни. Подчеркивая значение материальных условий жизни в качестве фактора, в конечном счете определяющего духовную жизнь общества, марксизм-ленинизм никогда не исходил из односторонне прямолинейной связи между базисом и надстройкой, признавал относительную самостоятельность духовной сферы, возможность ее существенных воздействий на общественные отношения, сферу материального производства. Примером этому может служить и история самой Германии. Для нее длительное время было характерно несоответствие между уровнем развития производительных сил, материальной базой бытия и состоянием науки, культуры, искусства. Особенно типичным в этом отношении был XVIII в. В условиях полуфеодального хозяйства, ремесленного производства, крупнейшей политической раздробленности произошел невиданный доселе и не превзойденный потом расцвет философии, литературы, музыки.

Смелый полет научной и художественной мысли явился как бы компенсацией за часто жалкую экономическую действительность, неприглядную реальность жизни. Вместе с тем надо признать, что не только и не столько общегерманская ситуация определяла состояние искусства в этот период (XVIII в.), сколько положение дел в отдельных германских княжествах, политика их правителей, иначе говоря, меценатство последних. А этот факт является выражением на этот раз прямой связи между искусством, культурой

и материальными условиями существования общества, пусть даже в рамках отдельных карликовых государств-княжеств.

Действие всех этих часто противоречивых моментов, может быть в несколько ином сочетании, было характерно и для развития культуры в XIX — грюндерском — веке. Тут бросается в глаза скорее обратный феномен, выраженный в первом из приведенных выше высказываний Г. Оггера. С его точки зрения, он особенно характерен для германской действительности исследуемого им периода. А именно его поражает то обстоятельство, что в условиях революционных изменений в производительных силах, бурного развития промышленности и техники в германском обществе не только не возникло хаоса, но оно сохранило относительную стабильность. Автор отмечает скорее обратную зависимость — общественный регресс по мере прогресса технического. Люди не только не отказывались от прежнего образа жизни, не отбрасывали своих привычек, но еще больше цеплялись за традиционные жизненные уклады. Но он, однако, скорее просто констатирует наличие этого явления, чем дает ему объяснение. А последнее, очевидно, нужно искать все в той же незаконченности буржуазной революции 1848 г. в Германии, в отсутствии или незавершенности соответствующих политических преобразований. Германия обошлась одной промышленной революцией (хотя отдельные авторы ставят под сомнение даже наличие и этой революции), совершившейся в полуфеодальных рамках и оставившей, по сути дела, в сохранности старые политические структуры. Промышленная же революция не демократизировала германское общество, да и не могла это сделать сама по себе. Скорее наоборот, к старым — феодальным — формам угнетения и неравенства добавились новые — капиталистические.

Но если промышленная революция не привела к существенным изменениям в общественно-политической структуре и взглядах общества, то в чем же тогда заключалась «культурная революция», революция в умах, о которой все же говорит Г. Оггер? В основе ее, по его мнению, лежит открытие, что «мир можно изменить».

В головах германской буржуазии и немецкого бюргерства осознание этого факта проявилось в весьма своеобразной форме. Обнаружив свою несостоятельность на политическом поприще, неспособность к социально-политическому радикализму, германская буржуазия, примыкавшие к ней и обслуживающие ее идеологически слои германского общества оказались тем более восприимчивыми к идеологическому радикализму, причем опять же самого реакционного толка. Он как бы дополнял ее стремление к аристократическому образу жизни, а иногда и компенсировал тщетность этих попыток.

Теоретическим обоснованием этого умонастроения стала распространившаяся в Германии философия пессимизма и волюнтаризма. Наиболее видному представителю этого направления, Ф. Ницше, проповедовавшему культ «сверхчеловека», Г. Оггер посвящает немало строк. Немцами стало постепенно овладевать сознание вседозволенности. Уже О. Бисмарк выразил эти настроения словами: «Мы, немцы, не боимся никого, кроме бога». Проводником этих идей в значительной степени стало и искусство. Складывается впечатление, что именно искусство (литература, архитектура, живопись и даже музыка), а не политика явилось той сферой, на которую

буржуазия оказала наибольшее влияние, притом даже не всегда положительное. Основным рычагом этого влияния были деньги. Поскольку искусство интересовало большинство германских буржуа, в первую очередь как средство украшения быта, поднятия их социального престижа, постольку золотой дождь обильно орошал лишь определенные виды художественного творчества, и прежде всего архитектуру и живопись. Широкое поле деятельности для архитекторов открыло строительство замков, дворцов, вилл и просто особняков для наиболее состоятельных представителей нового эксплуататорского класса. Г. Оггер никогда не упускает из виду эту сторону грюндерства, сам или через воспоминания других лиц время от времени сообщая о наиболее примечательных «событиях» этого рода.

Наибольшими фаворитами грюндерского бума оказались художники-живописцы. Здесь возник новый стиль, пришедший на смену сентиментальному искусству «бидермайера», изображавшему и воспевавшему природу страны, бесхитростный быт германских бюргеров. В моде стали монументальные полотна на классические, в основном античные, сюжеты, прославляющие героизм древних германцев, величие германского духа, а заодно и немецких грюндеров. Из сферы немецких «мастеров» этого псевдоклассического помпезного жанра выделились свои «князья» и «короли живописи», разбогатевшие на потрафлении вкусам грюндеров. Автор особо выделяет Х. Макарта, ставшего своеобразным «грюндером» этого направления немецкой живописи (хотя сам он жил в Вене).

Г. Оггер не разделяет, однако, ставшее почти традиционным отрицательное отношение к этому периоду в развитии немецкого искусства. Он считает, что далеко не все заслуживает здесь осуждения, особенно по сравнению с тем, что сегодня выдается на Западе за искусство. Нельзя не согласиться с этим мнением хотя бы потому, что специфически «грюндерское» направление в немецком искусстве не определяло все же его общего лица. Общеизвестно, что XIX в. стал одним из наиболее плодотворных этапов в развитии западноевропейского искусства вообще. Здесь нет нужды перечислять имена прославленных писателей, поэтов, музыкантов, художников этого периода, в том числе немецких. Этот расцвет искусства в Западной Европе, несомненно, был связан и со значительным прогрессом в ее экономическом развитии. Кроме того, уместно провести аналогию с эпохой Возрождения в Западной Европе (XIV—XVI вв.), прежде всего итальянского. Вряд ли будет большим кощунством утверждать, что бессмертными творениями Данте, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля и других мы обязаны не только личной гениальности этих мастеров, но и общему подъему экономической и политической жизни в этот период, что в свою очередь было связано с первым ранним этапом развития капитализма в Западной Европе (в форме торгового капитала), особенно расцветом североитальянских торговых городов-республик. Рост общего экономического благосостояния, сосредоточение богатства в руках имущих классов, связанное с этим распространение меценатства — все это стимулировало также и развитие искусства, создавая для него материальную базу.

Нечто подобное, только в более широком масштабе, повторилось в Западной Европе XIX в. Поэтому применительно к западноевро-

пейскому искусству этого периода можно говорить о его своеобразном «неоренессансе». Интерес к античности, пробудившийся прежде всего со стороны «грюндерского» искусства Германии, не случаен и в другом отношении. Искусство германского Возрождения, т. е. в основном периода Реформации XVI в., питалось иными идеями и сюжетами. В отличие от итальянского Возрождения оно враждебно относилось к языческой античности, выдвинув раннехристианские идеалы в качестве нравственных норм жизни. Само реформистское движение началось с протеста против засилья и произвола римской церкви, получившего свое выражение в знаменитых тезисах Мартина Лютера. Таким образом, по аналогии с германским капитализмом, задержавшимся в своем развитии, немецкое искусство также запоздало с «освоением» античного наследия. С тем большим рвением принялись его представители за эту работу сейчас.

Однако этот немецкий «неоренессанс» в корне отличался от своего предшественника по своему содержанию. Если деятели итальянского возрождения, апеллируя формально к богу, в действительности стремились раскрыть «божественную» сущность человека, т. е. его духовное величие, то представители «грюндерского» искусства преследовали гораздо более земные цели. Для них обращение к античности было прежде всего средством подчеркнуть значимость современной им эпохи, «героичность» ее основных действующих лиц, прежде представителей нового промышленного класса.

* * *

Культ личности (героя, гения) с логической необходимостью привел германскую буржуазию к культу нации, преувеличению роли национальных особенностей в историческом развитии Германии, т. е. к национализму. В свою очередь это подогревало культ отдельных личностей. Особенно заметно это стало проявляться во всех сферах экономической и общественно-политической жизни Германии после ее объединения в 1870 г. Уже то, что объединенная Германия снова стала называться империей, подчеркивало преемственность традиций «Священной Римской империи германской нации». Но если эта первая империя существовала больше на бумаге, то вторая стала полнокровной реальностью и почти сразу же начала реализовывать свои имперские амбиции.

Проявления национализма в Германии были особенно многолики. Г. Оггер на многочисленных примерах показывает эту связь культа личности и национализма, эту «тевтонскую манию величия». Если оставаться в рамках культуры, то наиболее сильно националистические тенденции давали себя знать в такой важнейшей ее сфере, как общественные науки (имеется в виду буржуазная наука). Особенно интенсивным было проникновение буржуазной националистической идеологии в экономические науки. Подобно тому как Германия в своем экономическом развитии в значительной степени перескочила через классическую фазу свободной конкуренции (или по крайней мере сильно сократила и модифицировала ее) и германский капитализм достиг наивысшей зрелости и раскрыл все свои потенции уже на своей империалистической стадии, так и экономическая наука в этой стране, отбросив, по сути дела, классическое наследство, с самого начала возникла и стала

развиваться как вульгарная политэкономия, поставившая перед собой прежде всего апологетические функции по теоретическому обоснованию и идеологической защите интересов германского капитализма и империализма.

Родоначальником этой «специфически немецкой» политэкономии был Ф. Лист, противопоставивший классической буржуазной политэкономии с ее идеей свободной торговли и государственного невмешательства в экономическую жизнь свою систему так называемой национальной экономии, проповедовавшей необходимость введения запретительных таможенных пошлин и активного содействия частнопредпринимательскому сектору со стороны государства. Апологетический и одновременно националистический характер буржуазной экономической науки в Германии усиливался по мере вступления ее капитализма в империалистическую стадию, роста рабочего движения, возникновения марксизма.

Еще более ярко эта специфичность германской экономической науки проявилась в «исторической школе», возникшей во второй половине XIX в. Это течение игнорировало одну из основных идей классической буржуазной политэкономии — идею об объективном характере экономических законов и подчеркивала вместо этого неповторимость путей экономического развития каждой страны, определяемых якобы наличием у разных народов различных «духовных начал». Тем самым отрицалась возможность существования общетеоретической экономической науки вообще. Пришедшая ей на смену «новая (молодая) историческая школа» вообще подменила экономическую теорию историей народного хозяйства.

* * *

Большое внимание Г. Оггер уделяет такому специфическому, но в общем-то естественному проявлению национализма, как антисемитизм. Поводом для нового, наиболее сильного (если не считать преследования и истребления евреев при Гитлере) всплеска волны антисемитизма послужили эксцессы грюндерского бума 1870—1873 гг., особенно финансово-экономический крах 1873 г. Нет смысла пересказывать здесь Г. Оггера, хорошо показывающего если не действительную, то видимую глазами германских обывателей связь этих явлений. Из приведенных им фактов явствует, сколь глубокие корни успела пустить эта расистская идеология в германском обществе. Для автора книги антисемитизм — явление не только мещанско-обывательского плана. Он справедливо рассматривает его как определенное идеологическое течение в общественной жизни тогдашней Германии.

Антисемитизм стал лозунгом многих политических деятелей Германии, фактически идеологической платформой некоторых партий. Не мог Г. Оггер, естественно, не упомянуть о таком яром антисемите, как Адольфе Штёккере, основателе христианско-социальной рабочей партии в Германии, требовавшем «устранения евреев из прессы и хозяйственной жизни страны». А. Штёккера и его партию, политическая платформа которой представляла собой причудливо-уродливую смесь элементов христианства, вульгарного социализма, национализма и антисемитизма, также можно рассмат-

ривать в качестве идеологическо-политических предшественников национал-социализма позднейшей Германии.

Антисемитизм, как показывает Г. Оггер, был тесно связан с критикой, притом довольно резкой, эксцессов грюндерства, звучавшей не только со страниц прессы того времени, но и раздававшейся в рейхстаге. Критиковавшие были в большинстве своем ярые антисемиты, и их критика состояния германской экономики того периода в значительной степени выливалась в травлю евреев, еврейских предпринимателей и банкиров. За всем этим скрывалась вполне определенная идеологически-стратегическая линия правящих кругов Германии. Во-первых, это давало возможность направить недовольство масс в довольно безопасное для правящего класса русло, обвинив евреев во всех экономических бедах. Во-вторых, это давало возможность приписать «еврейскому засилью в экономике» многие пороки капиталистической системы хозяйствования. В свою очередь данное обстоятельство позволяло, с одной стороны, отвести недовольство и критику от действительного оплота германского капитализма — верхнесилезских и рейнско-рурских магнатов тяжелой промышленности; с другой — еще больше дискредитировать ненавистный им «манчестерский» капитализм с его необузданной конкуренцией и анархией рынка. В своей совокупности это явилось своеобразной идеологической подготовкой для ускоренного перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический, а затем государственно-монополистический. В своем антисемитизме и показном антикапитализме наиболее реакционно, националистически и шовинистически настроенные круги германского капитала и их идеологи непрочь были даже пококетничать с социалистическими идеями. Склонность некоторых людей в Германии того времени действительно видеть в антисемитизме антикапиталистические и даже социалистические тенденции и дала А. Бебелю повод назвать антисемитизм «социализмом глупцов».

* * *

В качестве «грюндеров» у Г. Оггера выступают не только предприниматели, но и политические деятели и даже вожди рабочего класса, руководители рабочих организаций. Круг этих лиц у него весьма невелик, выбор довольно произволен. Основное внимание он уделяет О. Бисмарку и Ф. Лассалю, очень мало места отводит К. Марксу и лишь упоминает о Ф. Энгельсе, А. Бебеле, В. Либкнехте. Прокомментируем высказывания Г. Оггера на этот счет, исходя из роли этих личностей в истории Германии.

Личность и деятельность «железного канцлера» нашли достаточно широкое освещение не только в научной, но и художественной литературе. Объединив Германию «кровью и мечом» и являясь в этом смысле «основателем» новой империи, он имеет определенное право называться «грюндером» в буквальном смысле слова. Г. Оггеру удалось, однако, показать фигуру Бисмарка в несколько необычном ракурсе. Будучи аристократом по происхождению, консерватором по убеждению, реакционером в политике, Бисмарк тем не менее предстает у Оггера как вполне «буржуазный», «предпринимательский» канцлер. Основания для такой оценки, несомненно, есть. В немалой степени это его либеральная экономическая политика,

предоставлявшая большой простор для предпринимательской деятельности. Быстрому развитию капитализма в Германии во многом способствовал последовательно проводившийся О. Бисмарком курс на экономическое и политическое объединение страны.

«Буржуазность» Бисмарка проявлялась не только в его политике, но, может быть, в не меньшей степени в его личности, в его действиях как частного лица. В этом своем качестве оггеровский Бисмарк — это делец, богач, максимально сближающийся здесь с традиционным типом грюндера. «Радение» Бисмарка об интересах буржуазии органически сочеталось у него с собственным личным пристрастием к маммоне, к разного рода «гешефтам». Впрочем, политика и «гешефт» у Бисмарка тесно переплетались между собой. Как пишет Г. Оггер, О. Бисмарк считал богатство лучшей легитимацией политической власти, а последнюю рассматривал как вполне законное средство для личного обогащения. Это проявилось, в частности, в подробно описываемой автором истории со строительством железных дорог в Румынии. Еще раньше Бисмарк, применяя политическое давление в сочетании с крупными денежными субсидиями, заставлял подчиняться Пруссии некоторые германские государства, еще не присоединившиеся к Северо-Германскому союзу. Свои широко известные связи с банкиром Бляйхрёдером Бисмарк также использовал не только для личного обогащения, но и в своих политических целях. Можно сказать, что О. Бисмарк в большой степени сам был своеобразным олицетворением союза буржуазии с юнкерством.

Буржуазная по своей сути натура Бисмарка проявилась и в серии его мероприятий, получивших название так называемого культуркампфа — «борьбы за светскую культуру». Внешние проявления этой политики, фактологическая сторона дела довольно корректно изложена у Г. Оггера, и нет нужды повторять их. Но дело в том, что эту видимую сторону «культуркампфа» Оггер склонен выдавать за его суть, считая этот феномен очередным проявлением извечной борьбы между римской церковью и германскими императорами, между католиками и протестантами. При такой трактовке «культуркампфа» Бисмарк как бы предстает в виде второго Лютера, а его политика как возрождение идей Реформации. В действительности бисмарковский «культуркампф» определялся вполне конкретными задачами, стоявшими в то время перед Германией, и полностью находился в русле общей политики Бисмарка. Важнейшей ее целью была консолидация только что достигнутого объединения страны. Территориальной и политической целостности вновь созданной империи угрожали, по мнению Бисмарка, сильные партикуляристские настроения в южных, преимущественно католических, районах Германии, активизация ганноверских сепаратистов, национальное движение на аннексированных Пруссией польских землях, антигерманская пропаганда французских католических епископов в Эльзасе. На подавление всех этих тенденций, в частности на германизацию польских территорий, а не против католической церкви самой по себе, был направлен «культуркампф».

Вместе с тем, надо признать, движение и идеология «культуркампфа» отражали определенные прогрессивные тенденции в развитии Германии того периода. Эта политика в определенной степени отражала интересы либеральной буржуазии. В своей борьбе

против католической церкви и отстаивавшей ее интересы Партии центра О. Бисмарк опирался на буржуазную национал-либеральную партию Германии. Именно от представителей Партии центра шла основная критика «манчестеризма» в Германии. В определенной степени политика «культуркампфа» сдерживала антисемитские тенденции в Германии. Мишенью антисемитов был одно время и сам О. Бисмарк, которого упрекали в «юдофильстве», связях с банкиром Бляйхрёдером.

Не случайно по мере отмирания экономического либерализма, перехода Германии к протекционистской политике, усиления антисемитизма и т. д., т. е. по мере вызревания империалистических тенденций в экономике и политике Германии, политика «культуркампфа» стала изживать себя, и О. Бисмарк в конечном счете отказался от нее (или был вынужден это сделать).

В интересах буржуазии, а никак не юнкеров-аграриев и тем более не в интересах рабочих проводил О. Бисмарк свою социальную политику. Характерно, что эта политика начала осуществляться уже в период перехода Германии к империализму, фактически в период действия исключительного закона против социалистов. Принятый во время его канцлерства закон о социальном страховании и другие мероприятия были направлены прежде всего на максимальную интеграцию рабочих и рабочего движения в капиталистическую систему хозяйства. Не случайно эта политика Бисмарка, несмотря на все старания официальных кругов Германии и буржуазных ученых-апологетов обнаружить в ней некие социалистические начала, получила в марксистской литературе вполне определенное название «государственного капитализма».

Именно с этой стороной развития германского капитализма, общественно-политической системы Германии, а также с соответствующей политикой О. Бисмарка связана короткая, но бурная деятельность Фердинанда Лассаля.

Г. Оггер считает Лассаля, «без сомнения, самой блестящей фигурой в лагере пролетариата». Однако, как показывает сам автор, имя себе Лассаль сделал отнюдь не борьбой за пролетарское дело, а ведением широко освещавшегося в прессе бракоразводного процесса графини Софьи фон Гацфельдт — известной придворной аристократки. Это принесло молодому адвокату не только известность, но и значительный материальный достаток. С Софьей Гацфельдт Лассаль остался связанным на всю жизнь, и уже отнюдь не только по линии ее матримониальных дел.

Своей подопечной Лассаль обязан и другим знакомством, сыгравшим не менее, а, может быть, более важную роль в его жизни — уже не в материальном отношении, а в смысле мировоззренческих позиций, формирования политических взглядов. Речь идет о О. Бисмарке. Лассаль в значительной степени проникся бисмарковскими идеями «государственного социализма». В свою очередь Бисмарк, заигрывавший в первые годы своей политической карьеры с некоторыми социалистическими течениями, надеялся через Лассаля усилить свое влияние в рабочей среде, свернуть рабочее движение на реформистский путь, что ему, кстати, в какой-то степени удалось. Этот «многообещающий» союз Лассаля с Бисмарком был прерван внезапной смертью первого, связанной с его другой любовной аферой, вполне достоверно описанной Г. Оггером. Кстати,

О. Бисмарк через своих людей неднократно обращался к К. Марксу, жившему в то время уже в Лондоне, с предложением о сотрудничестве. Однако К. Маркс, не в пример Лассалю, отвергал эти предложения.

Было бы неверно, конечно, на основании всего вышесказанного отрицать связь Лассаля с германским пролетариатом, его заслуги перед рабочим движением Германии. С именем Лассаля связано создание первой крупной общенациональной и самостоятельной организации ее рабочего класса — Всеобщего германского рабочего союза (1863 г.), сыгравшего немалую роль в освобождении германского пролетариата от влияния буржуазии. Вместе с тем Лассаль явился и родоначальником оппортунизма и реформизма в рабочем движении Германии. Он уповал на всеобщее избирательное право как основное средство освобождения рабочих. В создаваемых с помощью государства производственных ассоциациях видел путь мирного врастания социализма в капитализм. Отталкиваясь от сформулированного им «железного закона зарплаты», отрицал необходимость борьбы рабочих за улучшение своего материального положения, роль профсоюзов. Вопреки точке зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, как и многих других революционных демократов Германии, поддерживал идею ее объединения «сверху». Ф. Лассаль был в значительной степени германским Прудоном. Именно поэтому знакомство К. Маркса и Лассаля не переросло в дружбу, как этого добивался последний. К. Маркс всегда не доверял Лассалю, и не только как политическому деятелю, но и как человеку. К сожалению, взгляды Лассаля возобладали в германской социал-демократии особенно после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса. Они и сейчас еще во многом образуют основу политической платформы западногерманской социал-демократии.

Несмотря на все свое восхищение Ф. Лассалем, первым (по порядку) в числе «грюндеров рабочего движения» Г. Оггер называет все же К. Маркса. Упоминаниями о «Коммунистическом манифесте» и даже выдержками из него начинается, по сути дела, раздел о «пролетарском грюндерстве», т. е. о рабочем движении, об организациях рабочего класса и его вождях. Однако трудно отделаться от впечатления, что со стороны автора все это скорее вынужденная дань бессмертным именам К. Маркса и Ф. Энгельса.

В изображении Оггера К. Маркс и Ф. Энгельс предстают в лучшем случае чистыми теоретиками, отвлеченными мыслителями, непригодными для повседневной политической борьбы, малосвязанными с конкретной практикой рабочего движения, далекими от реальных жизненных интересов людей труда. Как вождям германского рабочего класса, «пролетарским грюндерам» автор отдает явное предпочтение Лассалю и даже В. Либкнехту и А. Бебелю. Поэтому необходимо в данном случае дополнить его, воссоздав, насколько позволяют рамки данного предисловия, действительную картину деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, их роли в международном и германском рабочем движении. Остановимся поподробнее именно на более практических сторонах деятельности этих двух корифеев германского и мирового пролетариата.

К ним, несомненно, принадлежит литературно-пропагандистская, журналистская деятельность К. Маркса (хотя ее трудно отделить от его научной работы). Имеется в виду сотрудничест-

во К. Маркса в различных печатных органах, прежде всего в *Рейнской газете* (до 1848 г.), а затем в *Новой Рейнской газете* (после 1848 г.). За короткое время он сумел превратить первую из них из листка либерально-буржуазного направления в орган революционной демократии, бичевавший королевско-прусские порядки, боровшийся с цензурой, выступавший в защиту крестьян в их борьбе против помещиков. Это вызывало ярость правительства и реакционеров всех мастей и послужило поводом для первой высылки К. Маркса из Германии.

На новый, более высокий уровень поднялась деятельность К. Маркса как агитатора, политического борца и революционера во время издания и редактирования им *Новой Рейнской газеты* (также в Кёльне). По сути дела, *Новая Рейнская газета* была в эти дни единственным в Европе рупором революционного пролетариата. Ее редакция исполняла фактически функции ЦК Союза коммунистов, была боевым штабом революционных масс Германии. Направляла деятельность членов Союза, которые в ту пору возглавляли многие рабочие организации Германии. Маркс не был на баррикадах 1848 г. (как, кстати, и Лассаль), но он не менее героически сражался своим пером. Как сказал впоследствии руководитель восстания в Бадене и Пфальце Виллих, обращаясь к К. Марксу и Ф. Энгельсу: «Вы славно рубились в Кёльне, и ваша газета, право, стоит наших сабель». Не случайно, что К. Марксу и Ф. Энгельсу пришлось разделить судьбу многих непосредственных участников и руководителей революции 1848 г.: они были вынуждены навсегда покинуть свою родину. На Западе иногда высказывается точка зрения (Г. Оггер повторяет ее), что революция 1848 г. застала К. Маркса и Ф. Энгельса врасплох. Это не совсем так. Они ждали революцию, предчувствовали ее, радовались признакам приближающихся перемен. Верно то, что революция 1848 г. разразилась до того, как выдвинутые ими идеи стали достоянием широких народных масс, успели проникнуть в их сознание. Тем не менее оба принимали живейшее участие в ней. Сразу после февральской революции во Франции К. Маркс из Брюсселя едет туда и после короткого пребывания в Париже возвращается в Кёльн, где и начинает издавать *Новую Рейнскую газету.* Около 400 членов Марксова Союза коммунистов вернулись в Германию, чтобы принять участие в баррикадных боях. К. Маркс не случайно вновь обосновался в Кёльне. Этот город был одним из последних оплотов революции после поражения восстания в Берлине и Вене. Маркса избирают в члены народного комитета Кёльна по спасению революции. В Рейнской области то здесь, то там еще вспыхивают восстания. В одном из таких восстаний в Эльберфельде принял участие Ф. Энгельс, покинув для этого редакцию *Новой Рейнской газеты.* Особенно живое и деятельное участие приняли К. Маркс и Ф. Энгельс в судьбе баденско-пфальцского восстания 1849 г. Оно было значительно более пролетарским по своему содержанию, чем все остальные, ибо явилось своеобразным ответом народных масс на поражение революции в других частях Германии. Они разрабатывают план дальнейшего развития баденско-пфальцского восстания, его перенесения на другие районы Германии, прежде всего на Рейнскую область, его перерастания в общегерманскую революцию. Для реализации этого плана К. Маркс и Ф. Энгельс

совершают поездку по районам восстания, встречаются с руководителем вооруженных отрядов Виллихом, ведут переговоры с членами временного («революционного») правительства Бадена, пытаясь (к сожалению, безуспешно) убедить их оказать помощь восставшим. Возвратившись в Кёльн, К. Маркс и Ф. Энгельс лишь случайно избегают расстрела. Ф. Энгельс вскоре возвращается в Баден и присоединяется к восставшим в качестве адъютанта Виллиха. После поражения и этого последнего в революции 1848—1849 гг. восстания Ф. Энгельс вместе с остатками отряда Виллиха укрывается в Швейцарии. Там он оставался несколько месяцев до того, как ему удалось перебраться в Лондон, где уже находился К. Маркс, высланный вторично, и на этот раз навсегда, из Германии.

Блестящими революционными стратегами, до конца преданными делу рабочего класса, проявили себя К. Маркс и Ф. Энгельс во время Парижской Коммуны. Хотя они предвидели не только возможность восстания парижских рабочих, но и неизбежность его поражения, они восприняли Парижскую Коммуну как свое кровное дело.

Нередко возражая против необдуманных, неподготовленных, преждевременных вооруженных выступлений рабочих (за что он неоднократно подвергался злобным нападкам со стороны «леваков» различного рода), К. Маркс вместе с тем твердо выступал за революционную войну, если это было необходимо. Так произошло и в случае с Парижской Коммуной. Его позиция в эти дни была: вооруженное восстание всех рабочих для свержения версальского правительства Тьера и сопротивление пруссакам. Это составляло существо его советов руководителям Коммуны. Их игнорирование явилось одной из решающих причин ее гибели.

Рекомендации К. Маркса основывались не только на его тщательном анализе сложившейся во Франции ситуации, но и на его превосходной осведомленности о намерениях пруссаков и германского командования. Последняя в свою очередь основывалась на доверительной информации, получаемой К. Марксом из непосредственного окружения О. Бисмарка.

Неоценима заслуга К. Маркса как создателя первых международных организаций пролетариата. Это прежде всего Союз коммунистов. Как известно, он возник не на пустом месте. Его предшественником был так называемый Союз справедливых, объединявший в основном немецких рабочих-эмигрантов. Поддерживая с ним связи, К. Маркс и Ф. Энгельс до поры до времени отказывались вступать в него, поскольку он не обладал ясной политической программой действий и носил заговорщический характер. Вместе с тем они вели большую разъяснительную работу среди членов Союза справедливых, имевшую целью освободить его от влияния идей Вейтлинга, толкавшего его на путь сектантства и террористической борьбы. Вступив в Союз справедливых, К. Маркс и Ф. Энгельс написали для него специальную программу — знаменитый «Коммунистический манифест», заменивший прежний лозунг «Все люди — братья» новым: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Сам Союз справедливых был переименован в Союз коммунистов.

Не менее показательна в этом отношении также история создания и деятельности I Интернационала, являющегося детищем

К. Маркса. Через всю деятельность I Интернационала проходит борьба К. Маркса с Бакуниным, упорно пытавшимся лишить международное (европейское) рабочее движение научно-идеологического фундамента, ясных политических перспектив борьбы и столкнуть на путь анархии и волюнтаризма. Принципиальная линия К. Маркса и Ф. Энгельса в I Интернационале принесла свои блестящие плоды во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны, когда эта международная организация рабочих заняла последовательно интернационалистскую позицию, осудив аннексию Германией Эльзаса и Лотарингии, призвав мировой пролетариат к поддержке восставших парижан.

Из всех секций I Интернационала К. Маркса и Ф. Энгельса, естественно, особо интересовала германская. А после роспуска I Интернационала (в 70-х годах) их основное внимание было сконцентрировано на немецком рабочем движении, вступившем в свой новый этап (в связи с созданием единой рабочей партии, объединением страны, ее быстрым промышленным развитием) и превратившемся в наиболее многочисленный и передовой отряд европейского пролетариата.

И в данном случае основной заботой К. Маркса, а затем Ф. Энгельса была борьба за идейную чистоту программных установок партии, принципиальность ее политической линии. Достаточно упомянуть «Критику Готской программы» К. Маркса. И если германская буржуазия боялась рабочего движения в своей стране, ненавидела его руководителей типа В. Либкнехта и А. Бебеля (не говоря уже о самих К. Марксе и Ф. Энгельсе) то, конечно, не из-за его «практической» стороны, т. е. борьбы рабочих за свои повседневные интересы (большую зарплату, меньший рабочий день, лучшие жилищные условия и т. д.). Ее всегда пугали боевой дух германского пролетариата, его классовая солидарность и классовое самосознание, его революционная идеология, никогда не упускавшаяся им из виду конечная цель борьбы, одним словом, все то, что было привнесено в рабочее движение и умы рабочих К. Марксом и Ф. Энгельсом. Значительны в данном случае и заслуги А. Бебеля, одного из лидеров рабочего движения Германии рассматриваемого здесь периода, наиболее близко стоявшего к К. Марксу и Ф. Энгельсу и больше других прислушивавшегося к их советам.

Далеко не всегда объективен Г. Оггер при характеристике социал-демократической партии Германии, объединявшей в течение долгого времени наиболее передовую, сознательную и боевую часть германского пролетариата. Автор представляет социал-демократическую партию Германии так же, как «верхушечную» организацию, оторванную от реальных проблем рабочего движения, занимавшуюся обсуждением абстрактных политических проблем. К таким «абстрактным» проблемам Г. Оггер относит вопрос об отношении партии к франко-прусской войне и Парижской Коммуне, а также вопрос о путях реализации основного программного требования партии — обобществления средств производства и завоевания политической власти. Однако не борьба социал-демократов за улучшение материального положения рабочих испугала «железного канцлера», объявившего своим «Законом о социалистах» (1878 г.) открытую войну германской социал-демократии, а именно ее усиление как наиболее влиятельного, идеологически передового и боевого

политического авангарда в германском рабочем движении. Как раз незадолго до этого произошло слияние в единую партию «лассальцев» и «эйзенахцев» (1875 г.), резко увеличилось количество поданных за социал-демократов голосов. Изложению и критике этого закона Оггер, даже несколько неожиданно для читателя, отводит в своей работе довольно значительное место.

Вместе с тем Г. Оггер не до конца раскрывает его скрытой и значительно более коварной сути. Она заключалась в том, что были фактически разгромлены низовые партийные организации, подверглись гонениям рядовые члены партии. Вместе с тем партия, как таковая, не запрещалась, сохранялось право выдвижения социал-демократических кандидатов на выборах в рейхстаг, в нем продолжала существовать социал-демократическая фракция, выполнявшая функции нелегального ЦК партии. Иначе говоря, было парализовано тело партии, но сохранилась ее голова. Это был хитрый трюк со стороны О. Бисмарка, рассчитанный на раскол и разложение партии, на отрыв ее руководства от масс, его буржуазное перерождение. И если германская социал-демократия в тот период сохранила свои силы и свою боеспособнось в подполье, с честью выйдя из трудной полосы испытаний, то в этом опять-таки большая заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса. Тем не менее расчеты Бисмарка частично оправдались. Несомненное ослабление связей партии с массами, сосредоточение основной ее деятельности в рейхстаге способствовали усилению реформистских и ревизионистских тенденций в партийной верхушке, получивших преобладающее влияние в партии после смерти Ф. Энгельса и приведших в конечном счете к переходу ее руководства в лагерь буржуазии в самый ответственный для германского пролетариата момент решающих классовых битв.

Не надуманным был и вопрос об отношении германской социал-демократии к франко-прусской войне и Парижской Коммуне. Солидарность с парижскими коммунарами, осуждение аннексии Германией Эльзаса и Лотарингии явились, как уже говорилось, не только блестящим примером выполнения германской социал-демократией того времени своего интернационального долга, но и важной антивоенной акцией, протестом против подготовки новых войн. Необходимость и своевременность этих действий были полностью подтверждены дальнейшими событиями.

Как и предвидели К. Маркс и Ф. Энгельс, влиянию которых и I Интернационал и германская социал-демократия («эйзенахцы») немало обязаны своими последовательными интернационалистскими позициями в данном вопросе, аннексия Германией Эльзаса и Лотарингии явилась зародышем новой войны между Германией и Францией (с участием России на стороне последней).

* * *

При чтении книги Г. Оггера невольно напрашиваются сравнения старой «грюндерской» Германии с ее теперешней капиталистической преемницей — ФРГ. Сравнения обычно начинают с аналогий. Проводит различные параллели между двумя странами, как может убедиться читатель, и сам автор. Правда, он не очень щедр на них. А их можно было бы и продолжить. Так, при чтении тех мест книги,

где говорится о законе против социалистов, сама собой напрашивается параллель с западногерманским законом о «запрете на профессии». Хотя деятельность Германской коммунистической партии (ГКП) разрешена конституцией ФРГ, ее членам запрещается занимать целый ряд должностей в государственном и административном аппарате, в системе образования, науки и т. д., что сильно ограничивает деятельность низовых организаций ГКП, затрудняет ее работу среди населения.

Весьма актуально с точки зрения современной ФРГ звучат места книги, посвященные положению дел с жильем в Германии XIX в. Жилищный кризис в капиталистической части Германии не изжит до сих пор. С одной стороны, пустуют вновь выстроенные дома (из-за непомерно высокой квартирной платы), с другой — многим тысячам людей негде жить. Переплюнули современные западногерманские дельцы своих предшественников-грюндеров и по части финансовых и иных махинаций. Нелегальная деятельность этого рода достигла в ФРГ такого размаха, что для обозначения совокупности связанных с этим операций и видов деятельности пришлось ввести специальное понятие «теневой» («черной», «скрытой») экономики. Ее объем, по некоторым данным, составляет 5—10% официального валового национального продукта.

Не забыт и монумент «Арминия», сооруженный в период грюндерско-националистического опьянения в горах Нидервальда близ Рюдесхайма и побудивший Г. Гейне написать свои иронически-язвительные стихи. Ныне этот памятник служит для западногерманских неонацистов одним из излюбленных мест для проведения своих сборищ. Перечень подобных параллелей можно было бы легко продолжить.

Книга Г. Оггера побуждает, однако, и к сопоставлениям более общего порядка, касающимся некоторых сходных черт, а также различий экономического развития Германии грюндерского периода и современной (послевоенной) ФРГ.

Излишне, очевидно, говорить, что именно ФРГ является преемницей германского капитализма, многих его «традиций». Но стоит обратить внимание на то, что и раньше основной ареной грюндерства была западная часть Германии. Именно в рейнско-рурском районе сложилось ядро германской промышленности — тяжелая индустрия. И по характеру населения и жизненному укладу, и по своему историческому прошлому эта часть страны значительно отличалась от ее восточных районов, сформировавшихся в ходе колонизации славянских и других земель и характеризовавшихся более отсталыми общественными отношениями. Ф. Энгельс в предисловии ко второму изданию своей работы «Крестьянская война в Германии» особо подчеркивал положительное — в смысле исторического прогресса — влияние, которое оказало на германский капитализм и на общество Германии перенесение центра тяжести ее промышленного развития в западные районы. В 1870 г. в «новой империи» 15,5 млн. старых пруссаков противостояло около 25 млн. немцев, давно уже переросших старопрусский юнкерский феодализм[1]. И то обстоятельство, что ФРГ стала наследницей именно

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. М., 1948, с. 600—601.

западных районов прежней Германии, не могло не сказаться определенным образом на общем облике этого государства. Сама ФРГ как государство определенным образом «созрела» для более фундаментальных исторических сравнений. За почти 40 лет послевоенного развития ФРГ приобрела «собственную» историю и вполне может «выдержать» сопоставление с довоенной Германией, с отдельными этапами развития германского капитализма. Бросается в глаза, что послевоенное развитие Федеративной республики совпадает с продолжительностью собственно грюндерского периода в Германии, т. е. с момента создания Германского таможенного союза (1834 г.) до краха 1873 г., открывшего, по сути дела, уже новый монополистический и империалистический период в развитии германского капитализма. Для сравнения послевоенного развития ФРГ именно с грюндерским периодом развития Германии имеются и другие основания. Как уже говорилось в начале вступительной статьи, почву и условия для бурного развития капитализма в Германии в значительной степени подготовили очистительные грозы наполеоновских войн, сыгравшие для этой страны, особенно для ее западных районов, в значительной степени роль буржуазной революции. ФРГ тоже детище второй мировой войны, возникшая на обломках «третьего рейха». Разгром фашизма позволил не только навсегда покончить с капитализмом на востоке страны, создать первое в мире рабоче-крестьянское государство на немецкой земле — ГДР. Крах политической и хозяйственной системы гитлеризма создал во многом иные условия и для развития капитализма в западной части страны, обусловив ряд его специфических черт. Этим в немалой степени объясняется то, что на Западе получило название нового «германского чуда», т. е. быстрое экономическое возрождение страны, опережающие по сравнению со многими другими капиталистическими странами темпы развития ее экономики в 50—60-е годы. После второй мировой войны Западная Германия в миниатюре как бы снова пережила своеобразный период грюндерства. Перечень «сильных мира сего» пополнился в Западной Германии новыми именами — Грундига, Шликера, Неккермана, Эткера, Крагеса, Пуллена и других, не имеющих такой богатой «родословной», как старые, восстановленные вновь в ФРГ германские монополии. Экономический либерализм в виде «социального рыночного хозяйства» снова стал господствующим направлением предпринимательской философии, теоретико-идеологической основой экономической политики правительства. В общем хозяйственном механизме заметно выросла роль рыночных отношений, конкуренции. В период грюндерства XIX в. Германия, а после второй мировой войны Западная Германия пережила фазу длительного экономического подъема, прерывавшегося лишь сравнительно небольшими конъюнктурными спадами. Как 50—60-е годы в Германии XIX в., так и 50—60-е годы XX в. в ФРГ были периодом наивысшей экономической активности. Первый серьезный кризис в старой Германии разразился в 1873 г., в ФРГ — в 1974 г. И там и здесь эти кризисы явились переломным моментом экономического развития, открывшим длительную полосу низких темпов экономического роста, перестройки хозяйственного механизма как на частнопредпринимательском, так и на государственном уровне. Интенсивность экономического развития Германии грюндерских лет и после-

военной ФРГ выражалась не только в стремительных темпах роста промышленной продукции, но и в быстрой трансформации хозяйственных форм, предпринимательских структур. Менее чем за полстолетие «грюндерская» Германия с ее экономическим либерализмом и свободной конкуренцией превратилась в страну монополистического капитализма, в империалистическую державу. Не меньше метаморфоз примерно за такой же период претерпело после второй мировой войны и экономическое развитие ФРГ. Будучи в результате разгрома гитлеризма как бы отброшенной назад не только в области самого материального производства, но и его экономической организации, страна затем «в ускоренном порядке» как бы снова повторила (с известными модификациями, разумеется) некоторые вехи общей эволюции германского капитализма: переход от экономического либерализма к современным методам государственно-монополистического регулирования хозяйственной жизни, от преимущественно экстенсивного к более сложному типу развития экономики, от экспорта исключительно товаров к форсированному экспорту капитала и т. д. Как известно, промышленность в западных районах Германии в период грюндерства быстро развивалась за счет притока дешевой рабочей силы из ее восточных районов. Этот резервуар рабочей силы в самый последний момент, уже в конце второй мировой войны, как бы «под занавес», сыграл аналогичную роль и в экономическом развитии Западной Германии, «снабдив» ее 13 млн. переселенцев из восточных районов бывшего рейха.

Бросается в глаза сходство типов технологического развития грюндерской Германии и ФРГ, одинаковые закономерности в чередовании его отдельных этапов. В обоих случаях мы в начале экономического старта наблюдаем значительное отставание от других более развитых стран в научно-техническом отношении. Затем наступает довольно длительный период быстрого экономического роста преимущественно на базе заимствованной технологии за рубежом. С исчерпанием этого резерва роста по мере сокращения разрывов в уровнях экономического развития возрастает роль собственных научных исследований, создается собственный мощный научно-технический потенциал, что сопровождается, однако, существенным замедлением общей экономической динамики. Перед современной западногерманской экономикой сейчас стоят во многом такие же задачи, какие встали перед экономикой Германии после кризиса 1873 г. Это поиск новых резервов и путей развития на базе его интенсификации, перестройки отраслевой структуры экономики, форсирования научно-технического прогресса. И если Германии второй половины XIX в. удалось решить эту задачу, создав значительный научно-технический задел для дальнейшего экономического развития, вызвав к жизни на базе собственных изобретений ряд новейших для того времени отраслей промышленности — химию, электротехнику и т. п.,— то в современной ФРГ этот процесс структурной перестройки еще далек от завершения.

И вот мы уже подошли к различиям между старой Германией и современной ФРГ. Естественно, что их не меньше, если не больше, чем аналогий. Было бы глупо перечислять их все, настолько очевидны многие из них. Тем не менее остановимся на некоторых наиболее поучительных, с нашей точки зрения. Это те различия, которые основываются на извлечении уроков из прошлого. Было бы

наивным и одновременно опасным заблуждением отрицать за западногерманским капитализмом такую способность. Ведь связь времен проявляется и в этом.

Германские капиталисты научились прежде всего извлекать выгоды из своего поражения. В этом отношении поистине удивительную эволюцию претерпела проблема репараций. В 1870 г. немцы умудрились нанести себе в конечном счете вред получением от Франции 5 млрд. золотых франков контрибуций. Следствием этого, как известно, явился грюндерский бум, биржевая лихорадка, закончившаяся крахом 1873 г. После первой мировой войны Германия сумела извлечь немалую пользу из своего положения как плательщика репараций. Поскольку часть их выплачивалась в натуральной форме, то под предлогом выплаты репараций германские предприниматели успешно проникали на иностранные рынки. После второй мировой войны западногерманский капитализм сам в конечном счете оказался получателем иностранной помощи, размеры которой значительно превысили стоимость материальных ценностей, изъятых из Западной Германии в качестве репараций.

Вне всякого сомнения, западногерманские капиталисты учли и печальный для них же самих опыт чрезмерной монополизации экономики, отрицательное влияние картелизации на экономическое развитие страны, сосредоточения слишком большой экономической мощи, политической власти в руках капиталистического государства.

Рыночные отношения, конкуренция в экономическом механизме современной ФРГ, несомненно, играют большую роль, чем в Германии второй половины XIX в.— первой половине XX в. В этом отношении западногерманский капитализм является в чем-то продолжателем скорее традиций раннего (до 1873 г.) грюндерского периода, создавшего уже первые формы современных концернов, чем картельно-монополистических тенденций второй половины XIX в.

Но, пожалуй, в наибольшей степени уроки истории учтены ФРГ при развитии своих внешнеэкономических связей. В современном капиталистическом мире Западная Германия считается одним из наиболее ревностных приверженцев свободы международной торговли. Развитие Германии со второй половины XIX в., особенно в межвоенный период, довольно очевидно продемонстрировало, что протекционистская политика не решает проблем рынка, а, наоборот, обостряет их. Не решила их для Германии и политика колониальных захватов. Экономическое значение колоний для Германии было ничтожно, зато колониальная экспансия германского империализма явилась одной из причин первой мировой войны.

* * *

В чем же основной пафос книги Гюнтера Оггера? Что он хотел сказать читателю? И какие окончательные выводы мы можем сделать из нее сами?

Прежде всего необходимо отметить, что книга написана с довольно редкой для буржуазного автора, каковым является Г. Оггер, объективностью. Автор не приукрашивает и не смягчает жестокости раннего

капитализма, вопиющих социальных контрастов Германии XIX в. Он, скорее, выделяет их. Довольно многочисленные страницы книги, посвященные описанию бедственного положения низших слоев германского общества того периода — ремесленников и подмастерьев, фабричных и надомных рабочих, крестьян и домашней прислуги, женского и детского труда, нещадной эксплуатации трудящихся слоев и т. д.,— вполне могут стать превосходной иллюстрацией (на примере Германии) соответствующих разделов «Капитала» К. Маркса, написанного в основном на базе английского опыта. Г. Оггер не щадит представителей господствующего класса — представителей родовой феодальной знати, верхнесилезских аграрно-промышленных магнатов, остэльбских юнкеров,— а также представителей новоявленной промышленной аристократии — «грюндеров» различного пошиба, финансистов, спекулянтов. Нельзя отказать автору и в определенной объективности и даже известном такте при характеристике таких лидеров рабочего движения, как К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Либкнехт, А. Бебель, Ф. Лассаль.

Значительным достоинством книги, связывающим ее с современностью и делающим ее интересной и полезной для современного читателя, является то, что автор (может быть, даже помимо своей воли) показывает, как в германском капитализме XIX в. на протяжении наиболее благополучного и, в общем, прогрессивного этапа германской истории возникали и быстро развивались зародыши зловещих тенденций, которые ускорили его перерастание в монополистическую и государственно-монополистическую стадию. Это ярый национализм, оголтелый антисемитизм, культ личности «героев», агрессивность во внутренней и особенно во внешней политике и т. д., т. е. все те черты, которые со временем составили экономическую, политическую и идеологическую основу фашизма, принесшего неисчислимые бедствия человечеству. Книга «Магнаты... Начало биографии» еще раз подтверждает, что германский фашизм — феномен не только XX в., что он не просто возник в 20—30-е годы нашего столетия на почве специфических условий послеверсальской Германии, а в значительной степени коренится в особенностях развития германской экономики и общества XIX в., в некоторых характерных чертах грюндерского периода.

Вместе с тем объективность Г. Оггера иногда как бы вырождается в ложно понятый, нарочито показной объективизм. Создается впечатление, что автор как бы пытается застраховать себя от критики справа. А это нередко приводит к появлению известных противоречий в его собственных высказываниях. Признавая жестокость раннего капитализма, он вместе с тем считает данное явление неизбежным. Осуждая антисемитизм, он одновременно довольно подробно говорит о роли евреев в экономической (и косвенно в политической) жизни Германии тех лет. Считая, что учение К. Маркса опровергнуто историей, он вместе с тем признает его колоссальное влияние на умы людей.

Итак, признавая жестокости раннего капитализма, дикие нравы первых «грюндеров», автор считает вместе с тем, что все это было неизбежно и оправданно. Без этого разгула «манчестеризма», без предоставления предпринимателям полной свободы действий Германия, по его мнению, не пробудилась бы от векового сна, не смогла бы создать у себя современную промышленность, превратилась бы в

своеобразную промышленную колонию других, более развитых держав. Г. Оггер вообще считает, что индустриализация Германии (как, очевидно, и других капиталистических стран) — это эксперимент, который, к счастью, случайно удался. К экономическому развитию он подходит как к отдельным (техническим) изобретениям. Создание современной промышленности для него «авантюра». Он так и пишет: «авантюра под названием «промышленность», «авантюра современного хозяйства» и т. п. Сам капитализм для него весьма удачное «изобретение». И все это, конечно, дело рук отдельных отчаянных голов, гениальных авантюристов, предпринимателей-«героев».

В начале нашего предисловия мы уже показали несостоятельность такого довольно субъективного подхода к экономическому развитию, подчеркнув роль объективных факторов в становлении и эволюции германского капитализма.

Здесь укажем еще на одну методологическую ошибку автора. Она заключается в том, что он ставит абсолютный знак равенства между капитализмом и индустриализацией. Для него это идентичные, тождественные понятия. Без капитализма, вне капиталистических отношений промышленное развитие Германии, по Г. Оггеру, было бы просто невозможным и даже немыслимым.

Но это не так. Капитализм есть прежде всего общественное отношение, экономическая система, функционирование которой подчинено получению прибыли за счет эксплуатации чужого труда. Индустриализация, или возникновение современной промышленности,— это объективный процесс развития производительных сил, в основе которого лежит взаимодействие человеческого труда с природой, прогресс науки и техники, в свою очередь отражающий также поступательный ход человеческого познания.

На первых этапах своего развития, как показал еще К. Маркс, капитал не столько создавал новые производительные силы, сколько овладевал уже существующими, подчиняя их себе. Это подтверждается и материалами данной книги. Как уже отмечалось, первоначальные основатели многих предприятий в Германии по своему существу были не «грюндерами» в оггеровском понимании слова, т. е. предпринимателями-коммерсантами, а техниками, инженерами и даже скорее цеховыми мастерами. Не случайно, что они, как правило, и формально не удержались в роли капиталистических предпринимателей, уступив ее другим, более подходящим для этого амплуа лицам.

О том, что индустриализация предполагает отнюдь не только капиталистический способ производства, говорит опыт промышленного строительства в СССР, успешно повторенный после второй мировой войны в других социалистических странах, а в последнее время не менее успешно применяемый во многих развивающихся странах социалистической ориентации. В книге Г. Оггера, помимо перечисленных лиц, есть еще один не названный, но невидимо присутствующий повсюду герой — это богатство. Оно проявляется в разных формах и ипостасях: просто деньги, капитал, имущество, заводы и фабрики, дворцы и замки, акции и ценные бумаги и т. п. Накопление богатств в руках немногих у Оггера предстает как основной итог грюндерского периода в развитии германского капитализма. Не случайно книга завершается списком обладателей

крупнейших состояний в Германии. И тут трудно спорить с автором. Крайняя поляризация имущественных отношений, огромные богатства на одном, нищета на другом полюсе — таковы действительные итоги развития германского капитализма XIX в. Не можем мы согласиться с утверждением Оггера, что капитализм обеспечил-де трудящимся массам благосостояние, «недоступное ранее даже элитарным слоям общества». Конечно, развитие экономики, экономический прогресс — а это происходит и в условиях капитализма — означает и определенное повышение жизненного уровня народных масс. Однако это не заслуга капитализма, а следствие объективного процесса развития производительных сил. Капитализм же придает этому процессу уродливый, однобокий характер. Слишком уж хорошо известны факты, говорящие о том, что капитализм не изжил нищету и голод на большинстве территорий, входящих в сферу его влияния, что не уменьшается, а скорее растет число обездоленных даже в наиболее развитых капиталистических странах. Материальное положение трудящихся этих стран в последние годы абсолютно ухудшилось вследствие резкого увеличения безработицы, непрекращающейся инфляции. К тому же автор только что сам отмечал растущую поляризацию имущественных отношений как следствие капиталистического развития. А в начале книги жаловался на плачевное состояние западногерманской экономики, которое, кстати говоря, до сих пор остается таким. А это бьет прежде всего по интересам трудящихся масс.

Но не будем все же подходить к этой книге с мерками научной работы. Г. Оггер не ставил перед собой цель дать исключительно историю германского капитализма XIX в. и даже его отдельных наиболее выдающихся представителей.

Книга посвящена характеристике определенной эпохи в развитии Германии,— эпохи, во многом уникальной, отличающейся от всех последующих, и во многих отношениях в лучшую сторону. При всех социальных противоречиях и уродствах, порождаемых частнособственническими и капиталистическими отношениями, это был период экономического подъема Германии, оживления ее культурной и духовной жизни, роста рабочего движения, формирования марксизма. Идеи экономического возрождения страны, ее политического объединения, дух экономического либерализма накладывали заметный позитивный отпечаток на всю общественную и культурную жизнь страны.

Последующие периоды в истории Германии были в этом отношении значительно беднее. И если современным западным немцам так уж необходимо искать идеалы общественного развития в прошлом, в истории своей собственной страны, то скорее в том ее периоде, который сделал предметом своего рассмотрения Г. Оггер.

Тем более, что из его книги, как уже упоминалось выше, новое поколение немцев из ФРГ может извлечь урок, на который, возможно, и не рассчитывал сам автор. В дни, когда народы Европы и всего мира отмечают 40-летие Победы Советского Союза над гитлеровской Германией, когда в Западной Германии поднимают голову фашистские недобитки, когда активизируется деятельность многочисленных реваншистских организаций, нелишне вспомнить исторический генезис фашизма в Германии, те силы и

первоначально безобидные тенденции, которые привели фашизм к власти; восстановить в памяти те условия и обстоятельства, которые способствовали этому; уяснить те особенности германского капитализма, которые подготовили для этого благоприятную почву. В этом смысле книга Г. Оггера «Магнаты... Начало биографии» дает богатейший материал для размышлений.

А. Н. ШЕБАНОВ

Глава 1
ГЕРМАНИЯ РАЗВОДИТ ПАРЫ

С неудачи началась карьера, пожалуй, одного из крупнейших и виднейших немецких предпринимателей периода грюндерства. Это случилось 24 июня 1841 г. на вокзале, принадлежавшем Берлинско-Ангальтской железнодорожной компании. Здесь собрались многие видные люди того времени, поскольку речь шла о праздновании крупного технического, хозяйственного и политического свершения королевства Пруссии.

Объект любопытства сотен высоких государственных служащих, офицеров, дельцов, а также гостей из различных частей Германии и из-за границы стоял на рельсах, выпуская клубы шипящего пара: это был весьма жалкий — по сегодняшним меркам — на вид паровозик. На обшивке его небольшого по размерам парового котла виднелась короткая надпись — «Борзиг». Но с точки зрения хозяйственной политики значение этого творения было исключительно большим. Ведь с его помощью Пруссия надеялась покончить с технологическим превосходством английских и американских паровозостроителей.

Уже на протяжении добрых 25 лет немецкие предприниматели и конструкторы, опираясь на поддержку прусского правительства, прилагали немалые усилия для того, чтобы создать вполне конкурентоспособный паровой экипаж. Однако до этого момента безуспешно. Правда, видный конструктор Фридрих Кригар уже в 1815 г. построил на Королевском чугунолитейном заводе в Берлине первую модель немецкого локомотива. Впрочем, этот прототип оказался чересчур маломощным и ненадежным для коммерческой эксплуатации на железных дорогах страны. Поэтому сие «чудо техники» пустили по рельсам, уложенным на территории завода, и население Берлина получило возможность за четыре гроша входных любоваться им.

Явно неудачным оказался и построенный семью годами позже паровоз инженера Л. К. Альтханса. По свидетельству очевидцев, в ходе публичных испытаний, проходивших в Гайслаутерне под Саарбрюккеном, он вел себя словно «норовистая лошадь». В 1835 г. паровоз пустили на слом. В силу этих причин немецкие железнодорожные компании, если они не хотели, чтобы их вагоны тянули лошади, были вынуждены вновь прибегнуть к использованию изделий гениального английского изобретателя Джорджа Стефенсона, фирмы «Шарп, Робертс энд К°» или американца Уильяма Норриса из Филадельфии.

Ключевая технология: Германия зависит от иностранных государств

Представьте себе весь драматизм положения: растущее индустриальное государство Пруссия в важнейшей ключевой технологии находилось в полной зависимости от зарубежных государств. Это было куда хуже технологического отставания западногерманских фирм по производству ЭВМ от могущественного конкурента — американской корпорации «ИБМ» в 1960—1970 гг. Ведь во второй половине XX в. во многих областях западногерманская промышленность по своим возможностям была равной американской, а порой даже и опережала последнюю. Но в начале промышленного века насчитывалось не столь много высокоразвитых отраслей экономики, которые могли бы компенсировать отставание в паровозостроении.

Технология паровых машин и паровозов в ту эпоху представляла собой пик технического прогресса. И лишь тот, кто в данной области мог идти наравне с другими, имел шанс оказаться победителем в конкуретной борьбе молодых промышленных держав. Человека, который в Пруссии, по-видимому, в полной мере оценил это обстоятельство, звали Петер Кристиан Вильгельм Бойт. Он был чиновником прусского министерства финансов и во время своих поездок в Англию и Францию на собственном опыте убедился, насколько последовательно и с какой прозорливостью эти государства стимулировали свои промыслы и ремесла (понятия «экономика» в те времена еще не существовало). Примерно с 1809 г. он начал пробуждать интерес берлинских промышленников к новой технике.

По образцу существовавшего с середины XVIII в. в Англии «Сэсайети оф артс» и созданного в 1801 г. во Франции «Сосьете д'анкуражеман пур л'эндюстри насьональ» Бойт стал учреждать различные организации «по поощрению развития ремесел и промыслов». Им были созданы «Техническая комиссия ремесел и промыслов», «Союз по поощрению промысловой деятельности», Королевский промышленный институт, Королевский технический институт. Наиболее эффективным инструментом стимулирования экономики оказалось учрежденное в 1772 г. Фридрихом Великим «Королевское общество морской торговли», которое, предоставляя кредиты и заказы, могло целенаправленно содействовать развитию отдельных фирм или отраслей. Усилия Бойта давали также живительный толчок работе прусских машиностроителей, открывших в самом начале столетия свои предприятия вблизи Штеттинского вокзала.

Зародышем и школой молодой отрасли стал построенный Бойтом на восточном берегу реки Панке Королевский чугунолитейный завод. Государственное предприятие, насчитывавшее в 1806 г. всего 24 рабочих, на первых порах занималось производством прежде всего пушек, а также изготовлением памятников и портретных бюстов. Лишь несколько позднее Кригар и его коллега Альтханс приступили к выпуску паровых машин. Но самым незаменимым человеком на этом литейном заводе был выходец из Вестфалии Франц Антон Эгелльс, человек, склонный к кропотливой работе, и гениальный ремесленник-самоучка, постоянно приводивший в изумление начальство своими новыми идеями.

«Меня зовут Аугуст Борзиг»

Очень скоро Эгелльс стал чувствовать себя не совсем уютно на чугунолитейном заводе, руководимом государственными чиновниками. Поэтому он позаботился о своей самостоятельности, приобретя небольшую фабрику, расположенную на Мюленштрассе, 59. Здесь он выпускал все, что приводилось в действие силой пара: гладильные машины, соломорезки, молотилки. Дело процветало. В 1823 г. он перевел фабрику на более крупный участок земли, лежащий на Шоссештрассе, 3. В лице торговца Водерба он обрел партнера, обладавшего большими возможностями финансирования. Через четыре года ему удалось расширить свое предприятие, которое с того момента стало называться Новый берлинский чугунолитейный завод. Однажды, в сентябре 1825 г., в дверь наполненного шумом и грохотом, насквозь прокопченного предприятия постучался молодой, но далеко не робкий человек. Он проревел Эгелльсу прямо в ухо, что его зовут Аугуст Борзиг и что он желал бы как следует обучиться тому, чем славится машиностроение.

То, что Эгелльс тотчас же не вышвырнул парня за ворота, говорит об умении мастера разбираться в людях. Ведь в А. Борзиге не было ничего такого, что могло бы сразу внушить доверие. Во-первых, для новичка он был уже немолод, ему как-никак шел 22-й год. Во-вторых, он был обучен плотницкому делу, иными словами, не имел никакого представления о железе. И в-третьих, он только что «вылетел» из учебного заведения, и не какого-нибудь, а пользующегося большой известностью, Королевского технического института, основателем которого был Петер Кристиан Вильгельм Бойт. Последнее было особенно скверно, так как сам мастер Эгелльс пользовался поддержкой весьма уважаемого им министерского чиновника.

И все-таки Эгелльс каким-то образом прочувствовал крепкое ядрышко, сидевшее в плотнике из Бреслау. Он взял его на работу, хотя из диплома Борзига явствовало, что тот ничего не соображает в химии и его вряд ли можно использовать на должности техника. Скрепя сердце, он смирился даже с заключением врачебной комиссии, которая из-за чересчур толстой шеи признала рекрута Аугуста Борзига «навсегда непригодным к королевской военной службе в полевых условиях».

Недоучка становится мастером

Эгелльсу, которого считают отцом берлинского машиностроения, поскольку из его мастерских впоследствии вышло несколько виднейших предпринимателей столицы, не пришлось раскаиваться в сделанном выборе. Молодой Борзиг, полный решимости исправить ошибки прошлого, с большим усердием приступил к выполнению своих обязанностей: это был высокообразованный, умный человек, с самого начала сосредоточивший все свое внимание на проблемах, связанных с производством паровых машин. Поэтому очень скоро он знал о них больше, чем любой другой подмастерье на заводе.

Через полтора года после прихода Аугуста Борзига на завод хозяин выдал ему следующее свидетельство:

«Податель сего, господин Аугуст Борзиг, уроженец Бреслау, проходил практику у меня на машиностроительном заводе с сентября 1825 г. Его успехи были настолько значительны, что уже в следующем году я доверил ему монтаж крупной паровой машины, который он, к полному моему удовлетворению, успешно осуществил, как, впрочем, и все остальное, чем ему приходилось у меня заниматься, будь то работа с металлом, чертежами или моделирование. Его поведение в быту и прилежание заслуживают всяческих похвал. Правдивость сего заверяю своей подписью.

Эгелльс, машиностроитель.

Берлин, 15 марта 1827 г.»

Полштабеля дров в придачу

Однако Борзиг был не только талантливым машиностроителем. Он знал, как обходиться с людьми, никогда не забывая при этом о своей выгоде. Однажды он, как бы между прочим, сказал своему хозяину, что его намеревается переманить к себе другой берлинский машиностроитель. В ответ на это Эгелльс предложил ему поистине щедрый по тем временам договор: если Борзиг на следующие восемь лет возложит на себя обязанности «лица, честно и надлежащим образом отвечающего за техническую сторону производства на чугунолитейном заводе и в зависящих от него мастерских», то ему будет предоставлено жалованье в размере 300 талеров в год и доля в годовом обороте.

Кроме того, шеф предложил ему «одну из свободных больших квартир в переднем доме», а также ежегодно «полштабеля дров и торф» в придачу. Одаренные машиностроители встречались не столь часто. Еще труднее было найти такого, который разбирался бы в сложных проблемах управления паровой машиной и, кроме того, обладал бы способностью при необходимости находить новые, оригинальные решения.

Только так можно объяснить это чрезвычайно щедрое предложение Эгелльса. Борзиг согласился и уже в 23 года стал мастером. Теперь к нему сходились все нити чугунолитейного завода и мастерских крупнейшей в Берлине машиностроительной компании. Он сумел близко познакомиться со всеми теми проблемами, которые могли возникнуть при конструировании и монтаже паровых машин.

Несмотря на свой юношеский возраст, этот широкоплечий, коренастый, короткошеий выходец из Бреслау обладал авторитетом по своей природе. Дело в том, что он не избегал трудностей, а корпел над их преодолением до тех пор, пока не находил убедительного решения. Он вникал в мельчайшие детали, не упуская при этом из виду общих взаимосвязей, открыто высказывал свое мнение и не терпел интриг на предприятии. Такой человек, и это Эгелльс хорошо понимал, был рожден для того, чтобы быть предпринимателем, а не служащим.

Договор выполнен до последнего пункта

Борзиг, который через год после своего назначения женился на девятнадцатилетней Луизе Прашель, дочери церковного служки,

выходца из Венгрии, и еще через год ставший отцом единственного сына Альберта, до последнего пункта выполнил свой договор с Эгелльсом. И вот наконец полностью было покончено с житьем-бытьем рядового служащего. Еще работая у Эгелльса, Борзиг присмотрел подходящий участок земли и новую квартиру, а также подал ходатайство о предоставлении разрешения на строительство литейного предприятия.

Время оказалось весьма благоприятным для машиностроителей, ибо началось победное «шествие железных дорог», и тот, кто подоспел к самому началу, мог претендовать на «лучшие места» в этом гигантском деле. В Германии еще не было никого, кто мог бы выпускать надежные локомотивы, и это было на руку Борзигу: он хотел быть первым. Однако как самостоятельному предпринимателю Борзигу пришлось начинать с самого малого. На свои сбережения он приобрел участок № 32 на Торштрассе рядом с городской стеной и построил на нем простые дощатые бараки. Это были слесарные мастерские Борзига. Здесь он трудился дни и ночи напролет, бился за получение самого скромного заказа, здесь он принимал на работу своих первых подмастерьев.

Поскольку поначалу у него не было ни воздуходувки, ни паровой машины, ему приходилось подавать кислород в вагранку с помощью двух больших кузнечных мехов. В этом ему помогали солдаты из соседней казармы. Первая разливка состоялась 22 июля 1837 г. Этот день стал для Фридриха Аугуста официальной датой основания фирмы «Борзиг». С самого начала молодой предприниматель старался наладить связи с теми организациями, которые должны были выдавать заказы на производство локомотивов. Так он добивался у Комитета по делам железнодорожных сооружений на участке пути между Берлином и Потсдамом получения заказа на «поставку в течение 6 месяцев 1162 тыс. болтов $^5/_8$ дюйма». В конечном счете он получил его, так как государство было в высшей степени заинтересовано в том, чтобы помочь молодой немецкой железнодорожной промышленности.

Борзигу была предоставлена также возможность поставлять Берлинско-Потсдамской железной дороге разнообразное литье и поковки: колеса, стрелочные переводы и оси. Правда, все 13 локомотивов этой железнодорожной компании изготавливались еще в мастерских Ливерпуля и Филадельфии. Однако Аугуст Борзиг намечал новые планы и уже тогда предусмотрительно приобрел большой земельный участок на Шоссештрассе, на котором собирался позднее построить собственный паровозостроительный завод.

Его час пробил в 1831 г., когда директора Берлинско-Потсдамской железной дороги пригласили молодого предпринимателя к себе и сообщили ему, что он должен по возможности скорее отремонтировать оба вышедших из строя локомотива «Америка» и «Пруссия», выпущенных на предприятиях Норриса. Борзиг не упустил удобного случая и ответил, что он примет заказ только в том случае, если получит на руки техническую документацию на американские локомотивы. И тут, уже не в первый раз, была разыграна партия против иностранной конкуренции, ибо еще несколько раньше тайный советник Бойт побеспокоился о том, чтобы молодому машиностроителю с Шоссештрассе были предоставлены все необходимые инструменты и оборудование.

Американская конструкция совершенствуется

Август Борзиг получил документацию и теперь мог приступить к строительству первого собственного локомотива. Надо иметь в виду, что в те времена в Германии не были до конца продуманы все технические тонкости передачи силы пара из парового котла на колеса, и поэтому все построенные в стране локомотивы несли на себе признаки весьма серьезных детских болезней. Сказанное относится и к машине берлинского инженера Кофаля, по чьим чертежам позднее построил локомотив Эгелльс, и к сконструированному в 1838 г. саксонцем Шубертом для железнодорожной линии Лейпциг — Дрезден на машиностроительном предприятии в Юбигау паровозу «Саксония», который считался первым действительно годным немецким локомотивом.

И если все прочие машиностроители Германии ориентировались преимущественно на английские образцы, то Борзиг с полным основанием потребовал чертежи американской конструкции, поскольку считал систему Норриса наилучшей. Хотя надо сказать, что обработка и конструкция отдельных деталей машины из Филадельфии не доставляли удовольствия берлинскому фанатику качества.

Теперь, вместе со своим ближайшим помощником Фридрихом Вёлертом, которого он по достоинству оценил, еще работая у Эгелльса, и которого он незамедлительно переманил к себе, Борзиг днями и ночами корпел над чертежами для своего локомотива. Борзиг не просто копировал американский образец, но одновременно совершенствовал его в некоторых существенных деталях. Точное описание его конструкции появилось в 1842 г. в *Динглерс политехнишер журналь* в статье под заголовком «Паровая машина Норриса с усовершенствованиями, внесенными механиком Борзигом из Берлина».

Саботаж на королевском поезде

Берлинская модель отличалась от филадельфийской более длинным котлом, а значит, и большей мощностью, а также наличием трех вместо двух несущих осей. Однако, как уже было упомянуто раньше, первый рейс первого конкурентоспособного паровоза «made in Germany» грозил обернуться полной неудачей. В юбилейной статье, посвященной Борзигу, говорится: «Едва тронувшись с места, машина отказала совершенно: паровоз не желал двигаться ни вперед, ни назад. Тут машинист борзиговского локомотива Мюллер неожиданно обнаружил, что отдельные гайки на крышках цилиндров были расположены не так, как он сделал это накануне вечером. Он заподозрил неладное. Сняв крышки, он увидел, что ночью чья-то подлая рука так затянула оба поршня, что их наглухо заклинило в цилиндрах. Он устранил неисправность, и локомотив под торжествующие крики присутствующих победно двинулся вперед, обгоняя английского конкурента». Уверенный в себе, молодой предприниматель дал первому локомотиву свое имя — «Борзиг».

Происшествие оказалось далеко не единичным случаем. Английские и американские фирмы, которые до той поры господствовали на мировом рынке, открыто пытались всеми средствами испортить

дело докучливому пришельцу, вторгшемуся в их вотчину. 15 августа 1843 г. состоялось крупное праздничное мероприятие на Штеттинском вокзале. Его величество король Фридрих Вильгельм IV собственной персоной соизволил торжественно открыть только что построенную линию Берлинско-Штеттинской железной дороги. Для Аугуста Борзига это был особый день, так как генеральный директор железнодорожной компании Нойхаус «впряг» в состав, открывающий движение, не локомотив Норриса или фирмы «Шарп, Робертс энд К°», а машину Борзига.

В соответствии с программой после торжественных речей отполированный до блеска, украшенный гирляндами королевский поезд тронулся в путь. Из трубы локомотива Борзига валят густые клубы темного дыма, из вентилей с шипеньем вырывается пар, громко гудит гудок. Поезд набирает скорость и вскоре исчезает из поля зрения гостей торжества. Король благосклонно взирает на окрестности, довольный успехом молодой немецкой промышленности. И тут недалеко от Панкова поезд начинает замедлять ход и неожиданно останавливается. Недоумевающий король пытается выяснить причину задержки, но даже сам Аугуст Борзиг не в состоянии объяснить происшедшего.

Механики лихорадочно осматривают машину, и вскоре оказывается, что отказали котловые питательные насосы. Но почему? Сняв крышки, механики, к немалому своему удивлению, обнаруживают в обоих насосах странные посторонние предметы. Один из них блокирован крепежной гайкой, никогда не применявшейся у Борзига, второй — грубой стружкой. Борзиг с облегчением докладывает королю о причинах неисправности, и через несколько минут рейс продолжается.

Норрис в Берлине: от ворот поворот

Впрочем, и немцы не были особенно щепетильными, когда речь шла о том, чтобы держать конкурентов в узде. Весной 1843 г. из Филадельфии прибыл Уильям Норрис, чтобы заполучить новых клиентов и надолго прибрать к рукам немецкий рынок, от которого он ждал больших доходов. Сняв номер в берлинском гранд-отеле «Русси», янки без передышки вел переговоры с посланцами различных немецких железнодорожных компаний. При этом он узнал о поразительной силе отечественных паровозостроителей, в частности господина Борзига. Не теряя времени, американец разрабатывает смелый план наладить в Берлине собственное производство локомотивов и таким путем выбить из седла мелкие немецкие фирмы. 22 июня он обратился в Королевское общество морской торговли с письменной просьбой передать ему в аренду сроком на 10 лет принадлежащий обществу чугунолитейный завод в городском районе Моабит с правом преимущественной покупки. Предварительно он хитроумно заручился поддержкой одного строительного инспектора по имени Нитс, осведомленного о состоянии дел в молодой тяжелой промышленности Берлина.

Берлинские чиновники холодно отказали американцу, выразив свое сожаление, что не могут помочь ему даже в том, что «лежит за пределами» высказанных пожеланий. Разочарованный Нор-

рис выехал из Берлина в Петербург, надеясь, что русские окажутся более сговорчивыми. Однако только в Вене ему удалось отыскать партнеров для основания паровозостроительного завода. Тем временем Пруссия, которая, как никакая другая страна на Европейском континенте, расширяла свою железнодорожную сеть, все больше и больше становилась вотчиной отечественных локомотивостроителей, хотя нельзя сказать, чтобы качество их продукции в первые годы было вне всяких сомнений.

В отчете о деятельности Берлинско-Ангальтской железнодорожной компании за 1846 г. говорится: «Почти все без исключения паровозы наших дорог слишком маломощны и более не отвечают требованиям современного транспорта. Товарные поезда, как правило, настолько тяжелы, что редко когда одному из имеющихся четырех локомотивов со спаренными ведущими колесами, да и то только при хорошей погоде, удается сдвинуть с места состав. Обычно возникает необходимость в головном локомотиве при двойной тяге. Такая же неблагоприятная ситуация сложилась и с пассажирскими поездами, так как все предназначенные для этой цели машины, за исключением недавно приобретенных паровозов «Форвертс», «Германия» и «Бойт», имеют слишком маленькие котлы и цилиндры диаметром от 10,6 до 12,1 дюйма. И как следствие, в 1846 г. 929 составов, а всего их насчитывалось 2520, пришлось вести двумя локомотивами, а 53 состава — даже тремя».

Колония паровозостроителей

Однако это не принесло никакого вреда деятельности господ Борзиг и К°, поскольку спрос был необычайно велик, и чем больше машин они поставляли, тем точнее знали, какие усовершенствования необходимо еще внести. Повсюду в Германии машиностроители стали заниматься локомотивами. В Хиршау под Мюнхеном Йозеф Антон Маффей, который с 1837 г. имел там кузнечный цех и литейное производство, почти одновременно с Аугустом Борзигом поставил на колеса свой первый паровой экипаж. Немного позже появились машиностроительная компания в Карлсруэ, машиностроительная фабрика в Цорге (Гарц), машиностроительная фабрика в Эслингене, предприятия Хартмана в Хемнице и семейства Хеншель в Касселе.

Центром немецкого паровозостроения по-прежнему оставался Берлин уже благодаря тому факту, что Пруссия строила большинство железных дорог в Германии, намного опережая в этом отношении другие немецкие государства. На Шоссештрассе перед Ораниенбургскими воротами разрослась целая колония паровозостроителей и вагонных фабрикантов. Бывший мастер Борзига Фридрих Вёлерт после краткосрочного пребывания на должности руководителя Общества морской торговли в 1843 г. тоже стал владельцем собственного машиностроительного предприятия. Теперь он намеревался создать с помощью собственных паровозов, построенных аналогично конструкции британского инженера Томаса Рашела Крэмптона, сильную конкуренцию своему бывшему шефу. Паровозы Крэмптона оказались весьма устойчивы в силу низкого расположения центра тяжести и обладали высокими скоростными качествами.

Борзиг на голову впереди остальных

Франц Антон Эгелльс, учитель берлинских машиностроителей, тоже пробовал свои силы в локомотивном деле. К счастью для его молодых конкурентов, старый мастер не стремился к специализации и не захотел расширять свои производственные площади, вот почему в начале 50-х годов из-за стесненного положения своей фабрики на Шоссештрассе он отказался от участия в паровозостроении.

Еще одним конкурентом Борзига стал его бывший ученик Луис Швартцкопф, который обосновался на Шоссештрассе, 20 и с которым он еще в 1848 г. предпринял учебную поездку в Англию. На чугунолитейной и машиностроительной фабрике Л. Швартцкопфа вначале выпускались паровые пилы, молоты и вальцовочные станки. Только в середине 60-х годов здесь решились на производство паровозов. Виновником всего этого был тогдашний железнодорожный король Штроусберг, который, досадуя на установленные Борзигом жесткие условия, предложил Луису Швартцкопфу гигантский заказ еще до того, как последний обосновался в этой отрасли и приобрел машиностроительную фабрику Георга Эггешторфа в Линдене близ Ганновера.

И все же Аугуст Борзиг удерживал ведущие позиции, отвечая на каждое нововведение, осуществляемое конкурентами, дальнейшим совершенствованием конструкции. О том, как в те времена выглядел квартал берлинских машиностроителей, рассказывает в своем известном романе «Leberecht Hühnchen» инженер и писатель Хайнрих Зайдель: «Лет двадцать назад Шоссештрассе в Берлине выглядела совсем не так, как сейчас. Начиная от Ораниенбургских ворот по ее правой стороне одна за другой тянулись крупные машиностроительные фабрики. В самом начале этого длинного ряда стояла всемирно известная паровозостроительная фабрика Борзига с возведенной Штракком изящной колоннадой. За ней шли другие, более скромные по своим размерам предприятия.

К уличному шуму примешивался заводской грохот, а глухие удары мощных паровых молотов сотрясали землю с такой силой, что в жилых домах напротив содрогались полы, звенела стеклянная посуда и дребезжали ламповые колпаки. В определенные часы улица превращалась в русло могучих людских потоков, а из ворот предприятий в них вливались новые и новые толпы чумазых рабочих. Было время, когда здесь каждый год производилось больше паровозов, чем на всей остальной территории Германии».

В конкурентной борьбе Борзиг постоянно оказывался впереди, потому что он был и хорошим инженером, и умелым предпринимателем. В то время как Вёлерт предоставил своему главному конструктору Герману Грузону, также обучавшемуся ремеслу у Борзига, полную свободу действия и потому не получал от своих паровозов практически никакой выгоды — в самый последний момент инженер всегда стремился все переиначить по-своему,— Аугуст Борзиг никогда не выпускал из рук своего быстро расширяющегося предприятия. И в отличие от своего прежнего шефа Эгелльса он с самого начала концентрировал все свое внимание и усилия на самом емком и прибыльном рынке — на производстве паровозов.

«Здесь глава всего — кузнец!»

Раньше, чем его конкуренты, Борзиг начал прилагать усилия, чтобы обеспечить себе независимость от поставщиков промежуточных изделий, и он постоянно опережал тех, кто также стремился расширять свои предприятия. Благодаря этому он опять же приобретал преимущества перед ними в издержках производства. Так, едва поставив на рынок первые паровозы, он купил в Моабите, на берегу Шпрее, обширный луг, на котором в революционные 1847—1849 гг. возвел самый современный металлургический завод Берлина. Уже тогда его паровозостроительная фабрика пользовалась всемирной славой. Самый крупный в Берлине торговец углем Эмануэль Фридлендер писал 5 июля 1847 г. в своем дневнике после ознакомления с фабрикой: «Это самое великолепное заведение Германии, а может быть, всей Европы, и на него, безусловно, стоит посмотреть.

Недалеко от входа на территорию фабрики высится большая башня, в нише которой стоит отлитая из бронзы статуя кузнеца. От Борзига потребовали поставить в нишу статую короля, но он, говорят, ответил: «Здесь королю не место, здесь глава всему — кузнец!»

Затем я начал свою прогулку по самой фабрике. В глаза бросилось около 15 заводских труб, по которым отводится дым из кузнечного цеха и от трех громадных паровых машин, приводящих в движение все предприятие. Двор с многочисленными зданиями и трубами, казалось, напоминает небольшой город. Первое здание — это кузнечный цех, гигантское здание, которому, как видится, нет конца. У 750 горнов трудятся 300 кузнецов. В цехе так чисто, как будто здесь работают одни женщины.

Паровая машина приводит в движение целую систему колес, за счет чего высвобождаются сотни рабочих рук, которые прежде должны были бы заниматься шлифованием, сверлением и т. д. Отсюда вы попадаете в цех таких же размеров, где также трудятся многочисленные слесари и где царят схожие порядок и чистота; из этого цеха — в большое здание под стеклянной крышей и с металлическими перекрытиями. Последнее по праву можно назвать произведением искусства и первым в своем роде в Берлине. В этом чудовищном по своим размерам помещении стоят почти 15 паровозов, готовых к эксплуатации. Это поистине впечатляющая картина».

6 марок за 60 часов работы

К тому времени Аугуст Борзиг стал уже самым видным предпринимателем в Берлине, а его паровозостроительная фабрика по тогдашним масштабам была весьма внушительным предприятием. В 1846 г. Борзиг поставил ни много ни мало 119 паровозов, причем 109 лишь для одной прусской железнодорожной сети. Кроме того, его фирма строила необходимые для железных дорог железные мосты, в том числе соорудила хорошо известный мост с решетчатыми фермами через реку Хафель близ Потсдама, первый мост такого рода в Европе.

Основными сотрудниками Борзига были старший инженер Антон Флёрингер, мастер формовщиков Рудольф Аншютц и старший руководитель предприятия Фридрих Хермес. Но решения принимал только сам шеф. Рабочим на предприятии Борзига платили прилично, но, по сегодняшним понятиям, им приходилось «вкалывать до полусмерти». Рабочий день начинался в 6 часов утра и заканчивался в 18, т. е. рабочая неделя составляла, как правило, 60 часов. Разнорабочий получал у Борзига 7—12 марок в неделю, слесарь—9—15, кузнец—10—15, формовщик и литейщик—6—27 марок.

Это образцовое предприятие Пруссии притягивало к себе наиболее усердных мастеровых, коммерсантов и инженеров, потому что здесь строили уже не «на глазок», как еще при Эгелльсе. На его предприятии работали уже на научной основе, с использованием проверенных данных и накопленного опыта. У Борзига начинали свою карьеру некоторые из самых энергичных немецких предпринимателей, например чертежник Эмиль Ратенау, позднее основавший концерн «АЭГ», или Карл Линде, пионер холодильной техники и создатель всемирно известной семейной фирмы.

Годы буржуазной революции (1848—1849 гг.) фирма Борзига пережила практически невредимой, хотя в марте ей и пришлось уволить 400 рабочих. Когда группа радикально настроенных рабочих попыталась захватить предприятие, к ним в окружении крепких, оставшихся верными ему кузнецов и литейщиков самолично вышел хозяин. Совместно они вытеснили смутьянов с территории завода. Рабочие Борзига с бо́льшей охотой вели переговоры о сокращении рабочего дня сначала до 12, а потом и до 10 часов, чем обсуждали политические вопросы.

В феврале 1849 г. под нажимом своих берлинских коллег-предпринимателей Борзиг направил петицию Немецкому национальному собранию, заседавшему во Франкфурте, в которой он предупреждал об опасности, создававшейся отменой покровительственной пошлины: «... Я убежден, что отмена покровительственной пошлины может погубить всю нашу промышленность...» Уверенный в себе, не очень-то любезный промышленник давно стал благодаря отличному качеству продукции и сложившемуся престижу его фабрики краеугольным камнем всего берлинского истэблишмента, весьма неохотно вращался в кругах так называемого высшего общества. Он правильно оценивал свое положение—первый среди крупнейших промышленников и в то же время намного ниже тех, кто в действительности задавал тон. Поэтому его никогда не называли «парвеню», выскочкой, как позднее разбогатевших банкиров и спекулянтов. Борзиг, коренной берлинец, представлял собой фактор, который был крайне необходим городу. И он сам, по-видимому, хорошо знал и свои общественные возможности и их пределы.

«Он что, опять напился?»

Реальность этой самооценки подтверждает вилла, которую в 1847—1849 гг. на угловом земельном участке района Альтмоабит, 5 построил для Борзига архитектор Иоганн Хайнрих Штрак. Сам участок и обширный парк площадью около трех гектаров были,

несомненно, одним из самых красивых частных владений Берлина. Однако, поскольку оно располагалось не в «кварталах высшего света» в районе Вильгельмштрассе, а вблизи фабрик и рабочих поселков, это не могло быть воспринято при дворе иначе, как дерзость.

Однажды его величество король соизволил почтить своим посещением владение Борзига. Об этом событии рассказывают следующий анекдот. Фридрих Вильгельм IV незаметно прогуливался по оранжереям известного во всем Берлине сада Борзига, когда его наконец увидела прислуга. Возбужденный садовник побежал к вилле, чтобы доложить о высочайшем визите. Госпожа Борзиг неодобрительно взглянула на вошедшего и спросила о нем в третьем лице: «Он что, опять напился?», на что садовник ответил: «Я не заметил за его величеством ничего подобного».

От паровозостроительной фабрики к горно-металлургическому концерну

Ботанический сад Борзига, разбитый Петером Леннэ, был настоящей достопримечательностью. Здесь произрастали великолепные тропические растения и среди них всемирно известная виктория-регия. Иногда фабрикант, разумеется за деньги, пускал публику полюбоваться оранжереей. Выручку, полученную в такие дни, он сдавал в инвалидную кассу своего предприятия. Сама вилла, смесь элементов различных стилей, романского, классического и ренессанса, говорила о богатстве и общественных амбициях владельца. Впрочем, большой парадный зал с исключительно дорогим мраморным цоколем и рельефными фризами обычно пустовал на протяжении всего года и выполнял свои скромные функции только на рождество, когда собирались все члены разветвленной семьи Борзига. Насколько полным было взаимопонимание между прусским правительством и паровозостроителем из Моабита, обнаружилось летом 1850 г., когда в руки Аугуста Борзига перешло машиностроительное предприятие Королевского общества морской торговли, приобрести которое в свое время напрасно добивался его американский конкурент Уильям Норрис. Управляющие государственной промышленностью не хотели препятствовать такому человеку, как Борзиг, в том, в чем они каждый раз отказывали его конкурентам, в том числе Герману Грузону, в прошлом работнику его предприятия.

Теперь предприятие стало в значительной степени автаркическим, здесь ковали, прокатывали и обтачивали на токарных станках собственную сталь и выпускали, помимо паровозов, разнообразное железнодорожное оборудование. Не хватало только одного — жизненно необходимого для предприятия угля. И тут бойцовский характер старого промышленного волка проявился в полной мере. Он с помощью умного дипломатического хода проник в фалангу магнатов Верхней Силезии, приобретя в 1854 г. у графского семейства Баллестрем, потерявшего интерес к горной промышленности, в наследственную аренду обширный рудничный комплекс. Этим путем Борзиг получил в свое распоряжение три из наиболее богатых угольных шахт: «Бертас вунш», «Хедвигс вунш», «Гуте Хедвиг».

Борзиг отлично понимал, что теперь у него было больше угля, чем когда-либо могло потребоваться его предприятию. Путь для превращения паровозостроительной фабрики в смешанный горно-металлургический и машиностроительный концерн был открыт. Но у основателя уже не было сил, чтобы завершить начатое дело. В начале июля 1854 г. он вместе с рабочими и многочисленными друзьями отмечал выпуск 500-го паровоза. Министр торговли Пруссии барон Аугуст фон дер Хайдт воспользовался этим удобным случаем и назначил прежнего плотницкого подмастерья тайным коммерции советником.

Жизнь угасает

А двумя днями позже Борзиг, которому было тогда около 50 лет, почувствовал себя плохо. Его биограф Курт Пирсон так описывает его кончину в книге «Борзиг — имя, которое обошло весь мир»: «На следующий день Аугуста Борзига охватила слабость. Но после глубокого ночного сна он вновь ощутил такой прилив сил, что занялся черчением и конструированием, а после полудня он был в исключительно добром настроении. После же 10 час. вечера он вновь занемог, его стали мучить ревматические боли. Поздно вечером наступил паралич мозга, в результате чего угасла жизнь, единственная в своем роде в Берлине.

Утром 10 июля от виллы в Моабите начала свое шествие похоронная процессия. С раннего утра на близлежащих улицах можно было видеть необозримую людскую толпу. В 8 час. почти все работники борзигского предприятия «Берлинер машиненбауанштальт», неся увитые цветами знамена, собрались перед погруженным в траур домом. На многих фабриках и вокзалах города были приспущены флаги. Самые видные представители науки и искусства во главе с убеленным сединой Александром фон Гумбольдтом, владельцы крупнейших торговых домов и предприятий, магистрат Берлина вместе с обер-бургомистром Краусником выражали свои глубокие соболезнования жене и сыну, вызванному из деловой поездки, но уже не заставшему отца в живых».

Альберту Борзигу было всего 25 лет, когда он возглавил одно из самых значительных промышленных в Берлине предприятий. Он получил прекрасное образование и еще в школе изучил формовочное дело. После ее окончания его взял под свое попечение ближайший помощник его отца, старший инженер Флёрингер, который обучал молодого человека математике и механике. Затем он в течение года слушал лекции в Королевском техническом институте и проходил воинскую службу в артиллерии.

Феодальный стиль жизни

Однако без надежных, испытанных управляющих отца он вряд ли сумел бы уверенно вести предприятие через все препятствия и опасности. Первую серьезную ошибку Борзиг-младший совершил, когда, заразившись общей лихорадкой грюндерства, вместе с частными банкирскими фирмами Мендельсона и Дельбрюка обладал

долей капитала «Акционерного строительного общества железнодорожных компаний Ф. Плесснер и К°» (Берлин), которое эксплуатировало семь железнодорожных линий и тем не менее через несколько лет вынуждено было объявить о своем банкротстве.

Эту потерю он перенес довольно легко, поскольку фирма «Борзиг» имела здоровую основу и продолжала расширяться практически с неизменной скоростью. Если на производство первой тысячи паровозов предприятию потребовалось 18 лет, то вторая тысяча была выпущена за 10, а третья — всего за 5 лет. Альберт Борзиг превратил купленные отцом угольные шахты в самые современные и наилучшим образом управляемые во всей Верхней Силезии и переместил металлургическое производство поближе к ним. Две первые доменные печи были задуты в 1865 г., а через семь лет Борзиг ввел в строй действующих первый в Германии сталелитейный завод, оснащенный сименс-мартеновскими печами. В то время только на его верхнесилезских предприятиях было занято 3 тыс. рабочих.

Избалованный успехами наследник становился все более резким в отношениях с клиентами, а весь образ его жизни приобретал все больше феодальных черт. Когда ему исполнилось 32 года, Альберт Борзиг женился на двадцатилетней Анне, дочери Пауля Гутике, владельца дворянского поместья в местечке Вельна, что в провинции Позен. В соответствии со своим социальным положением он вместе с семьей обосновался в обширном дворянском поместье Грос-Бенитц в округе Вестхафельланд, приобретенном у королевского регирунгасессора* в отставке графа фон Итценплитца. Но этим он нажил себе злейшего врага — прусского министра торговли, которому попавший в финансовые затруднения прежний владелец поместья приходился братом. Именно он вместе с железнодорожным магнатом Штроусбергом подбил берлинского машиностроителя Луиса Швартцкопфа вести конкурентную борьбу с Борзигом путем организации собственного производства паровозов.

Новоиспеченный помещик не обратил на это особого внимания, так как был занят строительством собственного вокзала в Грос-Бенитце. Он считал, что Магдебургско-Хальберштедтская железнодорожная компания должна проложить линию из Лерта в Берлин непременно вблизи его поместья и построить там станцию. Родительская вилла в рабочем районе Моабита его также уже не устраивала, и вот в самом шикарном районе Берлина, прямо на Вильгельмштрассе, на угловом участке, купленном у князя цу Плесс, он по проекту архитектора Фрица Вольфа построил себе городской дворец, соответствующий его общественному положению.

Богатые скульптурные украшения фасада здания создавали самые известные ваятели города, а внутреннее убранство, по крайней мере по затратам, превосходило все то, что сооружалось тогда в Берлине. Будущий хозяин дома постоянно менял свои планы, поэтому строительство затянулось более чем на три года. Альберт Борзиг не дожил до его завершения, потому что, как и отец, он страдал заболеванием сердца. 10 апреля 1878 г., не достигнув и 50 лет, он стал жертвой своего недуга.

* Старший государственный чиновник.— *Прим. ред.*

Смерть в штольне

Со смертью сына основателя фирмы «Борзиг» ее лучшие годы остались позади: ведь теперь дела вели три попечителя над наследственным имуществом во главе с советником юстиции Римом, поскольку три сына Альберта Борзига еще не достигли совершеннолетия. Под руководством этого мало динамичного исполнителя завещания фирма в годы большого спада захирела до такой степени, что 1 июля 1886 г. управляющие сообщили о прекращении фирмой производства паровозов в последующем, поскольку цены достигли уровня, «который не обеспечивал покрытия себестоимости при сложившихся условиях доходами от продажи продукции».

Руководители железнодорожной компании пришли в замешательство, конкуренты торжествовали. Краус и Маффей в Мюнхене, Хеншель в Касселе и все прочие паровозостроители даже в тяжелейшие времена продолжали выпускать свою продукцию и тем самым сохраняли свои позиции на рынке. Едва фирма «Борзиг» прекратила производство локомотивов, конъюнктура снова начала улучшаться, и Хеншель занял ведущие позиции в отрасли.

Богатое традициями берлинское предприятие пережило поздний расцвет, когда командные посты в нем занял триумвират сыновей Борзига — Арнольда, Эрнста и Конрада. Правда, Арнольд, старший из трех, ведший дела на верхнесилезском горнодобывающем и металлургическом предприятии, принадлежал к этой тройке недолго, всего 4 года. 1 апреля 1897 г. он погиб при взрыве газа в штольне шахты «Хедвигс вунш».

Его братья закрыли устаревшие мощности в Моабите и на Тегелерзее начали строительство совершенно нового предприятия, в ходе которого учитывались последние достижения машиностроения. Там они наладили выпуск паровозов перегретого пара, бывших по тому времени техническим новшеством. Этим самым они сохранили жизнь семейной фирме.

«Борзиг» прекращает платежи

Эрнст Борзиг заложил на одном из островов на Тегелерзее (под названием Райечвердер) роскошную виллу, своими размерами напоминавшую княжеский замок. Его же брат Конрад все свое время отдавал поместью Прильвиц в Померании, земельные угодья которого составляли 9 тыс. моргенов и которое братья приобрели совместно. Постепенно фирма навсегда утратила ведущее положение в производстве паровозов, и, когда после окончания первой мировой войны бразды правления оказались в руках четвертого поколения Борзигов, их семейная фирма в сравнении с недавно сформировавшимися машиностроительными концернами Германии стала играть всего-навсего роль статиста. Во время мирового экономического кризиса (1929—1932 гг.) Борзигам пришлось продать «АЭГ» за 9 млн. марок выделенную им Союзом немецких паровозостроителей производственную квоту компании для того, чтобы иметь возможность оплатить счета, срок платежа по которым наступил. Менее чем через год предприятие прекратило платежи и подало ходатайство о возбуждении судебного производства для

предотвращения своей торговой несостоятельности. Без работы оказались 3 тыс. человек. Позднее предприятие семейства Борзигов на Тегелерзее было передано пушечной фабрике «Рейнметалл», принадлежащей концерну Рёхлинга.

Во времена третьего рейха вновь стали выпускаться паровозы фирмы «Борзиг». Примечательно, что это делалось в тесном сотрудничестве с предприятиями концерна «АЭГ», расположенными под Берлином. Особую известность приобрели два типа: паровоз обтекаемой формы «05», обладавший скоростью 200 км/ч, которая позволила быть ему самым скоростным поездом мира, и чудовище, названное «мамонтом», вес которого в рабочем состоянии достигал 140 т. Сегодня бывшие предприятия фирмы «Борзиг» принадлежат машиностроительному концерну «Дойче Бэбкок АГ», по иронии судьбы являющемуся английской фирмой. А ведь еще Аугуст Борзиг 150 лет тому назад поставил своей целью превзойти английских строителей паровых машин.

Глава 2
ШПИОНЫ И АВАНТЮРИСТЫ

В годы рождения германской промышленности тысячи столь же способных, сколь и честолюбивых, людей основывали собственные предприятия. Они были буквально заворожены возможностями техники. Они жаждали благосостояния или богатства, хотели стать свободными и независимыми, стремились властвовать над другими, желали удовлетворить свои творческие порывы или снискать даже самое незначительное уважение у соседей или жителей своей общины.

Исход этой гонки тысяч и тысяч грюндеров известен: немногие из них приобрели такую власть и такое богатство, о каких нельзя было и мечтать в первые годы грюндерства. Сотни, а может быть, даже тысячи создали более или менее крупные семейные предприятия. Старания же основной массы кончились плачевно. Почему же все произошло именно так? Тому существует множество объяснений. Однако, если проследить историю действительно удачливых грюндеров, то неизбежно натолкнешься на тот весьма очевидный факт, что все они обладали пусть даже ничтожным, но все же преимуществом, которое позволило им одержать победу в конкурентной борьбе.

Такое преимущество могло быть самым разнообразным. Этим могло быть, например, наличие родительского дома, члены которого из поколения в поколение занимались торговлей или ремеслом и потому обладали знаниями, капиталом и связями, не хватавшими обычно новичку. И действительно, в истории германской промышленности случаи блистательной карьеры мойщиков посуды крайне редки. Напротив, многие крупные предприниматели были выходцами из старинных семей, в которых годами откладывали каждый гульден и с малых лет поверяли отпрыскам «тайны» разумного ведения хозяйства. Такими были семейства Круппа из Эссена, Хёша из Айфеля, Маннесмана из Ремшайда, Хеншеля из Касселя и Оппенгейма из Кёльна.

Нет необходимости говорить о том, что и все эти семьи выбились в высшие слои предпринимательского класса только потому, что кто-то из их членов обладал выдающимися способностями. Без таких «гениев» в своих рядах даже самые известные промышленные династии не поднялись бы выше среднего уровня. Грюндеры, не обладавшие «на старте» неоценимым преимуществом в виде зажиточной семьи с немалым опытом в той или иной сфере хозяйственной деятельности, должны были, если они хотели выжить, другими путями добиваться превосходства над конкурентами. Это могла быть техническая идея, изобретение, как у основателя концерна Вернера фон Сименса, или небольшой участок земли, в

недрах которого случайно обнаруживаются огромные залежи каменного угля; как раз такой участок земли получила в наследство в 20-летнем возрасте очаровательная и энергичная Кристина Энглерт, основательница компании «Эшвайлер бергверкферайнс АГ».

«Ростовщическая, гипертрофированная жажда наживы»

Иногда в личности грюндера достаточно было наличия какой-либо аномалии, чтобы прижать конкурента к стене. Монстры с таким характером должны были быть либо необычайно хитрыми, либо крайне жестокими, необыкновенно выносливыми физически и, кроме всего прочего, в высшей степени везучими. «Какую низость, проникнутую ненавистью к человеку и вызывающую отвращение,— писал в 30-е годы XIX в. молодой Густав Мевиссен, позднее один из самых крупных и известных железнодорожных предпринимателей Германии,— демонстрировали мне торговцы, которых я посещал. Как раздувается и пыжится в своем самодовольстве ростовщическая, гипертрофированная, не знающая никаких пределов и не признающая ничего святого жажда наживы!» Уж он-то знал, о чем говорит.

В детские годы капитализма люди не особенно строго придерживались моральных норм и законов. Нередки были случаи воровства, обмана, бессовестного похищения производственных секретов, клиенты становились жертвой надувательства, из рабочих выжимались последние соки. Это был разгул манчестеризма, так называемого либерализма с его вседозволенностью, если только речь шла о получении прибыли и достижении успеха. Об этом времени теперь можно думать как угодно. Ясно одно: без этих «диких лет» экономического возрождения погруженная в мечты бидермайеровская Германия никогда бы не смогла в столь непродолжительный период превратиться в промышленную нацию.

Немецкие мелкие княжества, после треволнений наполеоновской эпохи вновь погрузившиеся в заслуженный сон праведника, в экономическом отношении безнадежно отставали от вовремя пробудившихся англичан. Еще в 1840 г. мощность энергетических установок всей Германии (в границах созданной позднее Германской империи) не превышала 40 тыс. л. с., т. е. мощности установок современного реактивного широкофюзеляжного самолета. Такой же энергетической мощностью в тот период обладала крошечная Бельгия. Мощность же всех паровых машин, установленных к тому моменту в Англии, ведущей промышленной державе Западной Европы, достигала 620 тыс. л. с. Она в 15 раз превышала энергетический потенциал Германии. И подобно тому, как после окончания второй мировой войны вооруженные фотоаппаратами японцы «прочесывали» цеха западногерманских предприятий с единственной целью выведать новые технологии, некоторые из наиболее пронырливых немецких грюндеров тех далеких времен отправлялись заниматься шпионажем на другую сторону Ла-Манша.

Хёш прячется в печи

Эберхард Хёш, фабрикант чугуна и стали из Дюрена, отпрыск старинной промышленной династии, в 1823 г. пересек Ла-Манш. Он направлялся в Шеффилд, центр британской металлургии, где с недавнего времени начали применять новый, более производительный метод, так называемое пудлинговое фришевание. Однако англичане хранили секреты производства точно так же, как и государственные тайны, и человек, обвиненный в шпионаже, мог рассчитывать на вынесение ему смертного приговора. Тридцатитрехлетний немец пошел на риск, выдал себя за клиента и сумел попасть-таки на современный пудлинговый завод. Когда он начал проявлять интерес к тонкостям производства, рабочие заподозрили неладное и мастер приказал задержать его. Хёш бежал, спрятался в остывшей печи. Перемазавшись в саже, он вскарабкался по дымоходу так высоко, что его нельзя было обнаружить снизу. Он провел в узком переходе трубы долгие мучительные часы, надеясь ночью уйти с предприятия незамеченным. Но, к его ужасу, англичане начали делать необходимые приготовления, чтобы задуть печь. Он с грохотом полетел вниз и сбежал от ошеломленных английских сталеваров, окруженный гигантским облаком сажи.

Хёш, не чуя под собой ног, удирал с территории предприятия, прятался на задворках и в конце концов нашел спасение в гавани, на борту французского фрегата. К счастью, его капитан не очень-то благоволил к англичанам и укрывал Хёша до тех пор, пока корабль не вышел за пределы территориальных вод. Авантюра Хёша полностью себя оправдала, так как через год полученные знания помогли ему построить близ Лендерсдорфа пудлинговый и сварочный завод, ничуть не уступавший английским предприятиям. Позднее благодаря стараниям Эберхарда и его племянника Леопольда фирма «Хёш» стала одним из крупнейших в Германии сталелитейных концернов.

Секреты, зашитые под подкладку

Удачно выступал на поприще промышленного шпионажа Иоганн Готфрид Брёгельман из Кромфорда под Ратингеном, отпрыск известного семейства предпринимателей, построившего еще в 1784 г. первую механическую бумагопрядильную фабрику на немецкой земле. Юный Брёгельман думал об установке новых механических ткацких станков, когда в начале прошлого века отбыл в Англию, где всеми правдами и неправдами проникал на предприятия текстильной промышленности и вечерами при свете сальной свечи делал чертежи того, что видел днем. Однако, поскольку отдельные детали были настолько сложны, что он не мог отобразить их на бумаге, он, недолго думая, воровал их и зашивал за подкладку одежды, чтобы они никому не попадались на глаза. Дома, в Ремшайде, ремесленники по его указанию изготовили копии с этих деталей. Вскоре он уже руководил текстильной фабрикой, которая ничем не отличалась от британских.

Технологическое отставание легко компенсировалось и другим способом. Например, Фридрих Харкорт, крупнейший наряду с

Францем Диннендалем пионер промышленности XIX в., в 1819 г. тоже направился в Англию, но не удовлетворился простым шпионажем, а завербовал нескольких лучших британских металлургов для своей новой механической мастерской в Бург-Веттере. Иностранные рабочие Харкорта Томас, Гудвин, Обри и Ричмонд быстро научили немецких коллег тому, как по ту сторону пролива выплавляют и обрабатывают сталь, хотя британская корона строго-настрого запрещала своим подданным любую деятельность, предающую интересы родины. Благодаря английской технологической помощи в лице инженера Гудвина известный металлургический завод «Гутехоффнунгсхютте» в Штеркраде в 30-е годы также узнал, каким должно быть современное сталепрокатное производство, а английский инженер по имени Доббс стимулировал развитие предприятия «Херманнсхютте» близ Хёрде, принадлежавшее Герману Дитриху Пипенштоку. Если бы технологический обмен не функционировал в то время так хорошо, то перед стоявшей на пороге промышленного развития Германией возникла бы угроза опуститься до положения колонии.

Подделываются английские товарные знаки

Необходимо иметь в виду, что несколько умелых британских предпринимателей уже готовились к промышленному порабощению заброшенного континента. Так, сыновья очень богатого англичанина Уильяма Коккерилля, словно стая голодных волков, вдоль и поперек рыскали по рейнско-вестфальскому району, строили там металлургические, машиностроительные и текстильные предприятия и, наконец, учредили правление своего широко разветвленного концерна в бельгийском городке Сераинг. Позднее они породнились с богачами Ханиэлями.

А в самом центре крупнейшего в будущем промышленного района Германии ирландец Уильям Томас Малвэни создал крупный концерн, объединивший угольные шахты и металлургические заводы. Впрочем, немцы были прилежными учениками, а некоторые из них по меньшей мере по силе характера и хитрости ни на йоту не отставали от англичан. К примеру, ряд аахенских фабрикантов, производивших швейные иглы, или точильщики ножей из Золлингена и токари из Ремшайда начали бесцеремонно копировать английские товарные знаки и ставить их на свою продукцию куда более низкого качества.

«Made in Germany» тогда еще никому ничего не говорило и тем более не являлось гарантией качества. Подобно нынешним промышленным пиратам из Гонконга и Тайваня, эльберфельдские ткачи шелка копировали французские узоры, а сам Альфред Крупп, имя которого впоследствии стало гарантией высокого качества немецких товаров, поначалу даже продавал свои ломкие отливки под видом «лучшей английской стали».

Мошеннические упаковки, использовавшиеся фабрикантами швейных иголок

Пионеры промышленного развития Германии без зазрения совести обманывали своих клиентов не только в качестве товаров, но и

в их количестве. Уже сравнительно давно фабриканты швейных иголок из Аахена и Изерлона научились выпускать мошеннические упаковки, в которых было меньше игл и больше балласта, ткачи из Гладбаха и Эльберфельда подмешивали хлам в хорошую пряжу, а вуппертальские фабриканты вязаных изделий увлажняли свои продававшиеся на вес изделия. «Едва сдерживавшаяся существующим правопорядком, но зато подстегивавшаяся либеральным экономическим учением в предпринимательстве... торжествовала бесцеремонная погоня за собственно выгодой, борьба за свои собственные интересы»,—жаловался историк развития экономики Фридрих Цункель.

Коррупция и обман, разумеется, и сегодня являются такой же неотъемлемой частью деловой жизни, как и заключительное «аминь» в церковной службе. Однако, если во второй половине XX в. то и другое воспринимается как одиозность, то на заре капитализма это было самым привычным делом. Даже хозяева самых солидных предприятий не гнушались проталкивать на рынок неходовые товары с помощью витамина «В» (для тех, кто плохо разбирается в экономике: «В» означает «Bestechung» — взятка). Так, известно, что Альфред Крупп «баловал» нужных ему чиновников прусского военного министерства подарками и щедро снабжал их деньгами, чтобы «переброситься в картишки».

50 см золота для Лолы Монтес

Когда в 1846 г. Вильгельм Люг с металлургического завода «Гутехоффнунгсхютте» в Оберхаузене отправился в Мюнхен, чтобы заполучить от Королевской баварской железной дороги крупный заказ на производство нескольких десятков километров рельсов, он прихватил с собой кусочек рельса длиной 50 см, отлитый из чистого золота. Это довольно неудобное украшение предназначалось для танцовщицы Лолы Монтес, возлюбленной единовластно правившего Баварией короля Людвига I. Пылкая дама ничего не понимала в рельсах, но зато хорошо разбиралась в золоте. Она позволила прекрасно выглядевшему директору стального концерна ублажать себя и даже официально появлялась с ним в ложе Королевского оперного театра. Само собой разумеется, «Гутехоффнунгсхютте» получил заказ на рельсы, что, впрочем, не очень-то обрадовало Клару Люг, супругу господина генерального директора.

Хуже всего в эпоху раннего капитализма предприниматели обращались с рабочими, которые не имели никакой возможности защищать себя. Рабочих мест не хватало, а с северных равнин в промышленные районы текли нескончаемые потоки полуголодных, неграмотных людей. Тогда еще не существовало рабочих организаций, не было законов об охране труда и никого не волновала судьба угнетенных, эксплуатируемых наемных рабов. Хозяин мог обращаться с ними, как ему заблагорассудится, а тот, кто имел смелость роптать, проявлять недовольство, был обречен на голодную смерть.

Кроме того, рабочие должны были расплачиваться за ошибки и бесхозяйственность хозяев, которые при благоприятной конъюнктуре бешено наращивали производство, а в периоды неизбежных спадов бесцеремонно выбрасывали рабочих на улицу. Так, во время

аграрного кризиса 1846/47г. только в Крефельде 4,5 тыс. из 10 тыс. ткачей потеряли работу. В такие времена и размеры заработной платы, которой едва хватало на жизнь, резко уменьшались.

Эксплуатация детей

Чтобы не умереть с голоду, родители посылали своих детей на работу. В марте 1839 г. Фридрих Энгельс писал в «Письмах из Вупперталя»: «... в одном Эльберфельде из 2500 детей школьного возраста 1200 лишены возможности учиться и растут на фабриках — только для того, чтобы фабриканту не приходилось платить взрослому рабочему, которого они заменяют, вдвое больше против той заработной платы, какую он дает малолетнему» [1]. Даже дети моложе 9 лет вынуждены были ежедневно по 14 часов работать в тяжелейших условиях.

И только когда военный министр Пруссии фон Хорн с тревогой констатировал, что «призывной материал» с каждым годом становится все хуже, на свет появилась королевская фабричная директива от 9 марта 1839 г., которой запрещался фабричный труд детей моложе 9 лет и до 10 часов ограничивался рабочий день для детей в возрасте до 16 лет. Незадолго до революции 1848 г. только на предприятиях рейнско-вестфальской текстильной промышленности, по официальным данным, трудились 20 тыс. детей, не достигших 14 лет.

Однако одними законами трудно было одолеть порочную практику натуральной оплаты труда. Например, многие фабриканты скобяных и текстильных изделий в Зауэрланде принципиально не выдавали своим рабочим денег на руки, а вынуждали их по повышенным ценам получать товары в магазинах розничной торговли и пивных, которые они же сами и содержали. Хотя в Пруссии эта так называемая траковая система оплаты труда в натуральной форме была запрещена 9 февраля 1849 г., многие владельцы фабрик сохраняли эту столь приятную для них порочную практику с той лишь разницей, что теперь они не просто посылали своих рабочих в лавки, а совали им в руки так называемые векселя. Эти талоны с большими потерями можно было обменять на наличные только в определенных учетных банках или в тайных меняльных лавках («черных биржах») работодателя. В Золингене, городе, где производили ножи, еще в 1861 г. 209 из 383 предпринимателей содержали подобные — официально запрещенные — меняльные лавки.

Сын швабского крестьянина приезжает на Рейн

Однако трюков подобного рода было явно недостаточно, чтобы мелкий фабрикант мог пробиться в верхний класс создателей концернов. «Творцы крупных предприятий при всех их недостатках и чудачествах были людьми другого калибра. Поворотным пунктом, отправной точкой развития промышленности в первые годы грюндер-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 456.

ства была техника. И половину, если не больше, грюндеров составляли изобретатели. Позднее одной творческой мысли стало не хватать. Тот, кто хотел отвечать требованиям большого бизнеса, должен был уметь руководить людьми, быть финансовым «гением» или по меньшей мере обладать особым талантом получать кредиты, обладать способностью из тысяч всевозможных проблем выделить две-три проблемы, имеющие решающее значение для дальнейшего существования предприятия, излучать непоколебимый оптимизм. Он не имел права только на одно — на капитуляцию.

При соблюдении этих условий грюндер мог без особых тревог красть патенты, разузнавать многое о своих конкурентах, издеваться над своими рабочими и причинять им неприятности или просто влюбляться в пикантный аромат коровьего навоза, как это делал «король» Альфред Крупп. Таким твердым как сталь грюндером был заклятый соперник Круппа Якоб Майер, основавший один из первых рурских концернов — «Бохумер ферайн фюр бергбау унд гусштальфабрикацион». Он не получил в наследство ничего, что предопределяло бы его судьбу родоначальника крупного предприятия тяжелой индустрии Германии. Среди его предков не было предпринимателей, и сам он не был выходцем из Рурской области. Он родился в семье швабского крестьянина из Дуннингена под Ротвайлем.

Родившийся 1 мая 1819 г. крестьянский парень очень рано начал проявлять интерес к механическим игрушкам и мечтал стать часовых дел мастером. Однако швабские часовщики принимали в учение только своих собственных сыновей или ближайших родственников, ибо хотели сохранить секреты мастерства в семье. Якобу Майеру повезло в том, что один из его родственников с материнской стороны в один прекрасный день приехал в Кёльн и основал там на Хэмергассе часовую мастерскую. Вот почему после окончания школы деревенский увалень из Швабской Юры отправился на Рейн, чтобы научиться у мастера Доменикуса Мауха высокому искусству часовщика.

Дыра в полу комнаты на чердаке

Его учитель отнюдь не был рядовым ремесленником. В течение многих лет в послерабочее время он занимался решением проблемы, как наладить собственное производство часовых пружин. Пружины были самой дорогостоящей деталью часов, изготовляли их из литой стали, а последняя имелась только в Англии. В то же самое время, когда в 100 километрах ниже по течению Рейна некто Фридрих Крупп колдовал над своими плавильными тиглями, Доменикус Маух тоже ломал голову над тем, как получить чистую, бесшлаковую литую сталь. И ему тоже было известно, что англичанин по имени Бенжамин Хантсмен, часовщик, как и он сам, уже в 1740 г. решил этот вопрос. И вот, обладая фантазией средневекового алхимика, он опробывал всевозможные методы, не сумев, впрочем, получить ни грамма стали.

Якоб Майер был так заворожен опытами дяди, проводившимися в глубокой тайне, что просверлил дыру в полу своей комнаты на чердаке, чтобы наблюдать за происходящим внизу, в лаборатории.

Горящими глазами следил он за всеми действиями учителя. Позднее он вспоминал: «Каким же неправильным путем шел этот добрый человек в своих опытах». Тогда он, конечно, не мог знать этого, но, будучи целеустремленным и упрямым, он решил, что сам доведет дело до конца. И то, как он этого добился, доказывает, что он был сделан совсем из другого теста, чем его дядя.

Едва закончив учение, Якоб Майер отплыл в Англию, чтобы искать решение проблемы там, где его действительно можно было найти. Молодой шваб, в свободное время вызубривший английский, нанимался на работу на различные сталелитейные предприятия до тех пор, пока не нашел то, где выплавлялась знаменитая тигельная сталь. Как долго он там работал, неизвестно. Но из его записей следует, что его пребывание в Англии закончилось неожиданно. Весьма вероятно, что его застали в тот момент, когда он пытался выведать строго охранявшиеся производственные секреты.

Партнер найден по газетным объявлениям

Как и его предшественник, фабрикант Эберхард Хёш из Дюрена, Якоб Майер вынужден был сломя голову бежать из Англии, и ему тоже удалось найти капитана, который, приняв его на свой корабль под видом судового слесаря, переправил через Ла-Манш. Хотя позднее Майер утверждал, что он вернулся домой, «не имея никаких точных данных», он все же, видимо, выведал в Англии многое, вполне достаточное для успешного проведения собственных опытов. Ему было около 22 лет, когда он вновь объявился в Дуннингене и начал плавить сталь в чулане родительского дома.

В 1836 г. он достиг своей цели. Впрочем, ему, по-видимому, было неизвестно, что в Эссене у его ровесника Альфреда Круппа на литье стали уже работали 80 человек и одна паровая машина. Точно он знал только одно: Дуннинген — это не место для сталелитейного предприятия. Он снова переехал в Кёльн, где Якоб Фольк, его хороший друг, а позднее шурин, имел крестьянский двор и кирпичный завод. У него Майер купил земельный участок в предместье города Ниппесе и на собственные сбережения, часть наследства и ссуду, предоставленную братьями, построил свои первые мастерские, которые он позднее назвал «временным металлургическим заводом».

Поскольку вскоре у него кончились деньги, он, помещая в газетах объявления, начал искать себе «партнера, который может пустить в дело 1200 талеров». И этот выстрел наугад неожиданно попал в цель. Объявился некий Эберхард Хёш, тот самый металлургический фабрикант из Дюрена, который в Англии распознал секреты технологии пудлингования и сумел построить за счет этого процветающий металлургический завод. Оба одержимых сталевара поведали друг другу о своих английских приключениях и очень скоро почувствовали взаимную симпатию. В 1839 г. они заключили договор о создании общества.

Хёш вложил в дело достаточно средств, чтобы превратить мастерскую Майера в Ниппесе в «фабрику регулярного производства». Однако их партнерство продолжалось всего три года. Затем осмотрительный коммерсант из Дюрена понял, насколько рискован-

но заводить предприятие «вдалеке и без самоличного надзора». Хёш вышел из дела, и Майер снова дал объявление в газету. На сей раз откликнулся кёльнский богач Эдуард Кюне. Майер объяснил ему, что сталелитейное производство рентабельно, если ведется с большим размахом. Для этого нужна была новая фабрика в другом месте, поскольку Кёльн находился далеко от угольных и рудных месторождений.

Непобедимый соперник

В конце концов оба остановились на Бохуме, в то время маленьком городишке, насчитывавшем всего 4000 жителей, и приобрели за 1330 талеров у торговца Петера Ф. Д. Крамера участок земли площадью 2 моргена 55 рут у дороги на Эссен в четверти часа езды от центра города. Со строительства бохумской фабрики, которой руководили техник Майер и коммерсант Кюне, началось десятилетие ожесточенной борьбы с конкурентом из Эссена Альфредом Круппом, который скромно отказывал новичкам в праве на существование.

Якоб Майер как металлург, разумеется, намного превосходил Круппа. Он сумел в одиночку, пусть и с помощью приобретенных в Англии знаний, открыть тайну стали. Он был первым, кто научился получать из стали не только слитки, но и заготовки любой формы. Изобретение фасонного стального литья, по сути дела положившего начало «стальной эре», Крупп никак не мог простить непрошеному гостю из Швабии. В своей ненависти и изощренности интриг Альфред Крупп был непобедим. Один раз он обвинил Майера в обмане и подлоге, другой — в том, что последний похитил у него секреты фасонного литья. А однажды с помощью агентов, засланных на фабрику в Бохуме, он организовал саботаж производства на предприятии конкурентов.

Ирония судьбы

Поэтому Крупп, хотя он и хуже разбирался в стали, в конечном счете оказался более удачливым и как предприниматель. Его энергичному, но менее ловкому в делах швабу недоставало крупповского умения показать товар лицом. Он был неважным продавцом и никуда не годным коммерсантом. Его партнер Кюне также чувствовал, что не выдержит бурной деятельности Майера, направленной на постоянное расширение предприятия, и в конце концов фирма «Бохумер ферайн», недалеко уйдя в этом отношении от Круппа, попала в серьезные финансовые затруднения. Если, однако, эссенскому гиганту благодаря состоятельным родственникам и умению выколачивать кредиты каждый раз удавалось легко преодолевать подобные трудности, то фирма «Майер унд Кюне» к осени 1853 г. оказалась на грани финансового краха, хотя она уже производила рекордное количество стали — 1,7 млн. фунтов.

Если кто-либо в те времена и предполагал, что за внезапной спешкой, с какой кредиторы наседали на сталелитейную фабрику в Бохуме, скрывается направляющая рука ее эссенского конкурента, то он нашел бы подтверждение своим догадкам, увидев среди

первых в списке кредиторов родственника Круппа, коммерсанта Иоганна Фердинанда Вильгельми, против фамилии которого была обозначена сумма капитала в 10 тыс. талеров. Во всяком случае, Майер и Кюне оказались несостоятельными единоличными владельцами, и в январе 1854 г. компания отошла к акционерному обществу «Бохумер ферайн фюр бергбау унд гусштальфабрикацион», в котором решающий голос был отдан таким кёльнским банкирам, как Оппенгейм и Мевиссен.

Генеральным директором стал железнодорожный эксперт Луис Бааре, доверенное лицо Оппенгейма, бывший (как и Вильгельм Люг из «Гутехоффнунгсхютте») одним из первых принятых в Руре на службу управляющих. Основатель предприятия Якоб Майер оставался его техническим директором до самой смерти, последовавшей в 1875 г., и именно ему «Бохумер ферайн» обязано тем, что его продукция, в первую очередь колокола, оси, рессоры, колеса, рельсы и пушки, всегда считалась лучшей на континенте. К этому времени оно уже давно стало крупным предприятием, насчитывавшем 4,5 тыс. рабочих. Активы общества уже достигали 27 млн. марок. По иронии судьбы, после второй мировой войны «Бохумер ферайн» все-таки очутилось в сфере влияния концерна Круппа, хотя им руководил уже не Крупп, а Бертольд Байтц.

Рискованные предприятия братьев Маннесман

Якоб Майер был одним из тех гениальных инженеров, которые, будучи грюндерами, благодаря своим идеям получили определенные преимущества перед конкурентами, но которым впоследствии оказались не под силу собственные предприятия. С ним произошло то же самое, что и с пионерами вестфальской тяжелой промышленности Францем Диннендалем и Фридрихом Харкортом. Через несколько лет братья Маннесман пережили аналогичную печальную ситуацию. Шесть сыновей (Райнхард, Макс, Альфред, Карл, Роберт и Отто) ремшайдского фабриканта Райнхарда Маннесмана, на предприятии которого производились напильники, вписали одну из самых интересных страниц в историю германской индустрии. Они были кем угодно — изобретателями, пионерами, конструкторами, первооткрывателями и колонизаторами,— но только не предпринимателями.

Поколения их предков можно проследить вплоть до Тридцатилетней войны, ибо Маннесманы на протяжении столетий в Зауэрланде ковали изделия из высококачественной стали. Их дядя по имени Арнольд стал основателем эльзасской тяжелой промышленности в Мольсхайме, а отец Райнхард, родившийся в 1814 г., считался одним из самых крупных и прогрессивных предпринимателей в западной части Пруссии. Вместе с тремя братьями он построил в Ремшайде инструментальную фабрику, о которой историк Альфонс Тун писал в 1836 г.: «Фабрика Маннесмана позволила проложить путь. Она для Ремшайда то же, что для Золингена — Хенкели, зачинатели новой формы промышленного предприятия и машинной техники».

Маннесман во многом механизировал производство напильников и одним из первых глав немецких фирм отказался ставить на своей

продукции английские и американские товарные знаки. Куда больший интерес, чем дело всей жизни этого уважаемого создателя фабрики средней руки, представляют достижения его сыновей. Все шестеро — инженеры. Самым талантливым из них был, безусловно, Райнхард, старший из братьев. Уже своей дипломной работой «Взаимодействие свободного углерода с чистым железом при повышении температуры» он привлек к себе внимание специалистов, так как сделанные им научные выводы позволили создать броневые плиты нового типа, снаружи обладавшие твердостью стекла и бывшие мягкими изнутри.

Как были созданы бесшовные трубы

Вместе с братом Максом Райнхард Маннесман разработал новый технологический процесс, который на весь мир прославил их фамилию и который даже сегодня составляет основу всей деятельности разросшегося до огромных размеров концерна Маннесмана: технологию производства бесшовных труб. Ни одна фирма в мире не владеет этим способом так, как «Маннесман». По их трубам идет большая часть нефти и газа из Сибири, Аляски и Саудовской Аравии. При этом не следует забывать о том, что братья Маннесман были едва не разорены своим эпохальным изобретением.

Занимаясь изучением теоретических проблем физики стали, Райнхард Маннесман открыл, что под воздействием центробежной силы внутри раскаленной массивной стальной заготовки образуется полость. Когда он вместе с братом Максом приступил к практической реализации новой идеи, оба вынуждены были прийти к выводу, что обычных для того времени чугунных маховых колес уже недостаточно для получения необходимой скорости вращения. Поэтому Райнхард сконструировал новый маховик, который при увеличении числа оборотов в 4 раза давал в 16 раз большую центробежную силу. Однако это сделало непригодными все имеющиеся в наличии узлы сцеплений. Тогда он быстро разработал новые соединительные муфты, которые впоследствии можно было использовать и для других целей. К тому времени младшие братья Альфред и Карл заинтересовались идеей и, прервав учебу в университете, начали помогать старшим в их опытах.

В ночь на 21 августа 1886 г. ровно в половине третьего на свет появилась первая в мире бесшовная стальная труба. Когда братья подали заявку на патент, эксперты только покачали головами: «Не может быть, чтобы это в действительности функционировало!» Только после того, как под контролем специально созданной технической комиссии братья изготовили вторую трубу, им был выдан патент. Изобретателям стало ясно, что на этой технологии они могут заработать большие деньги. Они сразу же учредили Общество по производству бесшовных стальных труб с предприятиями Германии, Австрии и Англии. Но путь от лабораторных испытаний к серийному промышленному производству оказался настолько утомительным и дорогостоящим, что вскоре финансовые резервы семьи были истощены. Поначалу банки не скупились на кредиты, но, когда Карл Фюрстенберг, глава «Берлинер хандельсгезельшафт», будучи на фабрике у братьев Маннесман, случайно обнаружил

«кладбище», на котором покоились сотни бракованных труб, время получения кредитов без особого труда миновало. Братьям пришлось ликвидировать свою фирму по производству труб.

Как и в случае с «Бохумер ферайн», все производство труб перешло к одной акционерной компании, находившейся под контролем «Дойче банк». Феликс Пиннер, специалист, ведший раздел экономики в берлинском журнале, писал в тот период: "Предприятию потребовалась длительная «пристрелка», прежде чем оно встало на почву здоровой и устойчивой рентабельности. Оно относится к числу «изголодавшихся» фабрик, и даже для финансовых возможностей «Дойче банк» оно оказалось крепким орешком".

Авантюра в Марокко

Для изобретательных братьев Маннесман это не было большим несчастьем, так как их таланты могли успешнее проявляться только «на охотничьей тропе», а никак не в обстановке бюрократии, свойственной концерну. «В их головах постоянно зрели смелые и почти всегда удачные идеи о техническом прогрессе»,— писала в то время *Вельтбюне.* Насколько бурно протекал этот процесс, стало ясно, когда второй по старшинству брат Макс и младший Отто предложили очередную техническую новинку. Они изобрели висячую газовую лампу, которая давала больше света, служила дольше и потребляла на 60% меньше газа, чем все известные до этого времени лампы.

После того как братья основали «Маннесман-лихтгезельшафт», на них вновь посыпались неприятности. На сей раз со стороны конкурентов. Фирма «Эрих унд Гретц» попыталась оспорить патент братьев, но безуспешно. В конечном счете ей, как и господствовавшей на рынке компании «Ауэр-гезельшафт», пришлось приобретать у Маннесманов дорогие лицензии. Лампы братьев Маннесман затмили собой все остальные осветительные системы и стали для них колоссально выгодным делом.

Но их самый смелый замысел, чуть не ставший причиной европейской войны, привел семейство Маннесман в далекую Африку. Райнхард и Альфред, все так же богатые идеями и жадные до дела, после своей неудачи с трубами сочли, что в Европе им слишком скучно. Они исколесили всю Сахару, подружились с шейхами бедуинов и начали систематически вести там геологическую разведку, а также проводить сельскохозяйственные исследования. Особенно понравилось им Марокко, огромная страна, в которой колониальные власти, представленные французами и испанцами, не имели практически никакого веса, поскольку владели, по сути дела, лишь несколькими участками узкой прибрежной полосы.

Мировая война из-за семейства Маннесман?

В негостеприимной центральной части страны правили шейхи бедуинов, испокон веков враждовавшие между собой. Братья Маннесман научились бегло разговаривать по-арабски и даже овладели некоторыми диалектами. Они стали прекрасными наездниками и исключительно меткими стрелками. Поэтому им не составило

особого труда, сидя у ночных лагерных костров, привлечь на свою сторону влиятельных вождей племен. То, что представлялось братьям в их мечтах, приобретало поистине гигантские масштабы. Они вознамерились сделать громадную страну с ее необъятными богатствами земных недр «кладовой» германской тяжелой промышленности и попутно превратить пустыню в Эдем, земной рай. Они создали «Марокко-Маннесман-компани», которая мало-помалу завладела 2 тыс. рудных концессий и 90 тыс. га пахотных угодий, построила 14 факторий и торговых домов, разбила плантации сахарного тростника, хлопка и фруктовых деревьев, выращивала на образцовых фермах зерно, посадила целые леса и, наконец, занялась еще виноградарством. Но крупное колониальное предприятие, сравнимое разве что с английской Ост-Индской компанией, очень скоро попало в орбиту мировой политики. Старые колониальные державы — Англия, Франция и Испания — не могли потерпеть вторжения частного немецкого предпринимательства в их исконные вотчины. Началась пресловутая марокканская афера, ставшая символом зарождавшегося германского империализма и едва не приведшая к войне.

Ампутируются искромсанные конечности

Речь шла исключительно о компании «Маннесман», когда германский рейхсканцлер князь Бернгард фон Бюлов потребовал от Франции и Испании «открытых дверей» в Марокко и добивался созыва конференции в Альхесирасе, которая, впрочем, завершилась для Германии не совсем удачно. И «прыжок пантеры в Агадир», доведший французов до белого каления, был предпринят только в интересах марокканской компании братьев Маннесман. А ведь у Франции были все причины испытывать благодарность к двум братьям-немцам. Дело в том, что, когда во время восстания арабов в Касабланке жившие там французы бежали в порт, а их жизни угрожала взбунтовавшаяся толпа, Райнхард Маннесман с небольшой группой своих людей вклинился между фронтами и спас тем самым французскую колонию Касабланки от верной гибели.

Чуть позже французские военные корабли обстреляли город, и у Райнхарда Маннесмана, совершавшего в тот момент свадебное путешествие с молодой женой, появилась возможность оказать помощь арабам. Супружеская пара организовала санитарную службу, причем Маннесман, не будучи врачом, собственноручно удалял из ран осколки снарядов и ампутировал искромсанные конечности. Еще один героический поступок он совершил, когда его брат Альфред, проникший в тогда еще не исследованные южные районы Сус, попал в плен к фанатичным кабилам, и был на волосок от смерти.

Марафон через пустыню

Райнхард с отрядом вооруженных людей сел в Касабланке на корабль, взял курс на юг. В последнюю минуту освободил брата и в сопровождении одного-единственного слуги безостановочно, в тече-

ние 40 час. без передышки мчался верхом на лошади через районы восставших кабильских племен до самого Феца, так как узнал, что французские конкуренты из Танжера собирались вот-вот оттяпать у него его рудные концессии. Ему действительно удалось попасть в Фец раньше французов, а затем успешно отстоять свои права перед международным арбитражным судом, который собрался специально для того, чтобы не допустить немецкий капитал в Марокко. Лишь первая мировая война изгнала семейство Маннесман из Марокко. «Они хотели быть не больше чем мирными колонизаторами, но в мировой политике, по сути дела, выступали как империалисты»,— признавал берлинский журналист Феликс Пиннер. Африканские приключения лишь отчасти заняли неутомимых жителей Ремшайда. Попутно они учредили фирму «Маннесман-Мулаг-верке», производившую грузовики, небольшие легковые автомобили и мотоплуги. Незадолго до смерти, наступившей 20 февраля 1922 г., 66-летний Райнхард поставил себе целью решить жилищную проблему с помощью нового изобретения — «литых бетонных домов». Феликс Пиннер написал в посвященном ему некрологе: «Будь среди шести техников хотя бы один крупный финансист, фамилия Маннесман затмила бы, вероятно, все остальные имена германской промышленности». А так имя братьев сохранилось лишь в названии только одного, хотя и гигантского концерна, с которым они, собственно говоря, по-настоящему никогда не имели дела.

Глава 3
МАГНАТЫ

Самой экзотичной, по современным представлениям, группой промышленных грюндеров были, пожалуй, магнаты Верхней Силезии. Владетельным князьям, владевшим крупными поместьями в Оппельне, административном округе Пруссии, повезло в том, что в недрах земли прямо под их лугами, пашнями и лесами находились запасы полезных ископаемых, разработка которых оказалась выгодным делом. В отличие от грюндеров — буржуа вестфальской части Рура ведение горного дела и занятие металлургией не представляли для магнатов арены ожесточенной борьбы за самоутверждение. Это было для них скорее случайным, побочным делом, которым они занимались зачастую по-дилетантски.

Немудрено, что история верхнесилезских горно-металлургических концернов коренным образом отличается от истории концернов Круппа, Тиссена или Ханиэля. Магнаты были богаты еще до того, как они занялись рискованным и хлопотным делом — промышленным бизнесом. При этом они, за редким исключением, гораздо хуже разбирались в предмете своей деятельности, чем чистокровные предприниматели из Рура. Магнаты обставляли свое дело беспримерной роскошью и вели его с налетом романтики и авантюризма. Для них все это была всего-навсего захватывающая игра, и они крайне недоумевали, если вдруг оказывались в проигрыше.

Они буквально сорили деньгами, возводили себе хоромы по образцу Версальского дворца и нередко выслушивали отчеты своих директоров во время лечебного моциона или за игорным столом в казино. С бессердечной жестокостью они относились, однако, к своим рабочим, которым приходилось трудиться в несравненно худших условиях, чем горнякам и шахтерам из Рурской области. Любовные похождения с красивыми женщинами волновали их гораздо больше, чем безопасность людей, занятых на подземных работах в их рудниках и шахтах. История силезской горнодобывающей промышленности — это летопись авантюристических карьер, необычайных усыновлений и браков по расчету, банкротств и скандалов, социальной нужды и классовой ненависти, но одновременно и незаурядных личностей, блеска и богатства привилегированных господ.

Горнодобывающая индустрия существовала в Верхней Силезии задолго до начала эпохи грюндерства. Кричный горн использовался уже за пятьсот лет до этого. Первое письменное упоминание о нем содержится в документе, датированном 1365 г. В 1709 г. в Альтхаммере заработала первая доменная печь на древесном угле. После того как Старый Фриц* в Семилетней войне отобрал Силезию у

* Старый Фриц — прозвище прусского короля Фридриха II. — *Прим. ред.*

своей исконной соперницы Марии-Терезии, он направил туда нескольких своих наиболее способных чиновников, чтобы форсировать там развитие горнодобывающей промышленности. Уже тогда в департаменте Бреслау насчитывалось 12 доменных печей, 28 кричных горнов, 34 кричные печи и 17 чугунных молотов.

В 1796 г. в Гляйвице задута первая на Европейском континенте доменная печь на коксе — на Руре в это время все еще паслись коровы. В течение десятилетий прусская администрация оставалась движущей силой развития верхнесилезской горнодобывающей индустрии, так как для большинства крупных землевладельцев возня с углем и чугуном все еще оставалась чересчур грязным и сложным делом. Правда, государство не оставляло им никакого выбора, ибо Пруссия вплоть до XIX в. сохраняла за собой исключительное право на разработку земных богатств. Благодаря усердию таких чиновников, как барон Фридрих Антон фон Хайнитц и граф Фридрих Вильгельм фон Реден, командовавших армией силезских шахтеров, Пруссия смогла почти до 1806 г. по уровню развития горнодобывающей и металлургической промышленности идти в ногу с Англией. Затем дела стали ухудшаться, поскольку британские конкуренты активнее внедряли паровые машины, неуклонно наращивали производство и наводняли европейский рынок дешевым углем.

«Золотой треножник» Верхней Силезии

Знатные землевладельцы стали проявлять к горнодобывающей промышленности повышенный интерес, когда переселившийся из Гарца «верхнесилезский Фауст» Иоганн Кристоф Руберг зимой 1808/09 г. после целого ряда всевозможных экспериментов на металлургической фабрике «Вессолахютте», принадлежавшей князю Плессу, впервые получил чистый цинк. Цинк, железо и каменный уголь образовывали отныне тот «золотой треножник», на который опиралась горная и металлургическая промышленность Верхней Силезии. Если железо и уголь в силу существования ожесточенной конкурентной борьбы со стороны британских промышленников поначалу давали небольшой доход — зимой 1828/29 г. цены на них сильно упали,— то цинк принес региону первые большие деньги.

Наполовину частная, наполовину государственная верхнесилезская цинковая промышленность быстро стала ведущей в мире отраслью. Наивысшего уровня — 250 тыс. центнеров * — производство достигло в 1825 г. Через 5 лет прусское государство отменило действовавший с 1769 г. «Горный устав», и теперь практически каждый желающий имел возможность открывать свой собственный металлургический завод. В результате наметилось значительное перепроизводство, поскольку одновременно английские фирмы стали поставлять на европейский рынок большие количества цинка из своих колониальных владений в Ост-Индии.

Добыча угля и производство стали испытали настоящий подъем только с началом строительства железных дорог. Но как в одной, так и в другой отрасли силезские магнаты с самого начала не использовали те преимущества, которые давал технический прог-

* Немецкий центнер равен 50 кг.— *Прим. ред.*

ресс. Вначале благодаря хорошей работе директоров государственных горно-металлургических предприятий они опережали своих конкурентов из Рура. Но вскоре они перестали придавать должное значение капиталовложениям в развитие новых технологий и постепенно стали все больше и больше отставать в своем развитии.

Неограниченная власть в одних руках

Еще в 1867 г. треть всех силезских доменных печей работала на древесном угле, в то время как в Руре уже давно повсеместно использовали кокс. К тому же переход от устаревшей технологии пудлингования при получении чугуна на технологически более совершенный бессемеровский способ занял в Силезии куда больше времени, чем в Руре. Вместе с тем знатные владельцы горнометаллургических предприятий Силезии долгое время осуществляли безраздельное господство на своих заводах, тогда как грюндеры рурской индустрии довольно скоро оказались вынужденными вносить свои капиталы в виде паевых взносов в крупные акционерные общества: сооружение новых шахт увеличивало потребности в капитале. Кроме того, силезцы с самого начала, во-первых, имели гораздо больше денег, чем вестфальские грюндеры, а во-вторых, они гораздо меньше вкладывали в собственные предприятия.

Только в годы грюндерского бума, а это приходится на период между 1870 и 1873 гг., было создано первое акционерное общество в Силезии, а именно «Ферайнигте Кёнигс- унд Лаурахютте». Силезские магнаты представляли собой довольно узкий круг людей, выходцев из старинных и по большей части очень богатых семей. Князья цу Плесс, например, с 1517 г. в качестве суверенных владельцев имели в собственности огромные земельные наделы, которые в 1825 г. были превращены в самостоятельное княжество, перешедшее в 1847 г. из-за отсутствия живых наследников во владение графа Хохберга. Обширными земельными угодьями в округе Возель владели также князья Гогенлоэ-Ингельфинген-Эрингены. Их созданный в 1799 г. фидеикомисс* Славенциц в 1861 г. стал княжеством Уйест, а князь Хуго фон Гогенлоэ получил титул герцога. Именно он вместе со своими друзьями из родовитых семейств, князем фон Путбусом и графом Лендорф-Штайнортом, участвовал в финансировании строительства румынских железных дорог, предпринятого Бетелем Генри Штроусбергом, а также в учреждении всевозможных предприятий сомнительного характера в 1870—1873 гг., эпоху головокружительных афер.

Крупными фигурами в верхнесилезском горно-металлургическом деле были также графы фон Баллестремы, графы Шаффгочи, Тиле-Винклеры и имперские графы Хенкель фон Доннерсмарки. Во владении каждой из этих групп находилось более 10 тыс. га земель. Проникнуть в ряды знатных владельцев горнометаллургических предприятий удалось лишь немногим аутсайдерам. Одним из них был родившийся в 1781 г. сын крестьянина

* Фидеикомисс — дворянское имение, переходящее по наследству целиком одному члену семьи.— *Прим. ред.*

Карл Годулла, еще в молодости искалеченный в драке, а позднее сделавший карьеру на посту управляющего шахтами графа фон Баллестрема. Когда он приобрел несколько малоперспективных угольных шахт, ему посчастливилось обнаружить в них новые угленосные пласты. Затем в период большого застоя он стал заниматься «цинковым бизнесом» и вновь начал процветать.

Бобыль и сирота

«Для жителей Верхней Силезии имя Годуллы было как бы волшебным звуком»,— пишет историк Гюнтер Грундман о единственном магнате — выходце из низших слоев общества. На протяжении всей своей жизни Годулла оставался одиночкой и даже тогда, когда он приобрел благородные манеры и соответствующие своему положению отличия. В начале 40-х годов прошлого века из конкурсной массы обанкротившейся семьи Печ он купил видные дворянские поместья Шомберг и Орцéгов. В Шомберге близ Бойтена архитектор Феллер возвел для него крупный замок. Впрочем, холостой, бездетный нелюдим никогда не жил там, ему достаточно было небольшой комнатки в маленьком домике рядом с замком. Это величественное строение и все свое огромное состояние он завещал своей приемной дочери Иоганне Гричик.

После смерти верхнесилезского «цинкового короля» — он скончался в 1848 г. от болезни почек — девочка, которой как раз исполнилось 6 лет, стала одной из самых блестящих невест в стране. Победителем среди претендентов на ее руку стал граф Ханс Ульрих Шаффгоч из старинной дворянской династии, обладавшей горно-металлургическими предприятиями. В 1859 г. пара эта сочеталась браком. Брак этот сочли одним из самых необычных среди силезской аристократии. Для того чтобы невеста соответствовала своему новому положению, король Фридрих Вильгельм IV пожаловал ей дворянский титул, и она стала Иоганной Гричик фон Шомберг-Годулла. Только таким путем могли сочетаться узами также старые и новые деньги.

Смешение «Диснейленда» и Виндзорского замка

Разумеется, теперь замок Шомберг уже не удовлетворял запросам, и новобрачные купили куда больший замок Коппитц, который по их заказу архитектор Хайденрайх из Бреслау превратил в настоящий сказочный дворец в неоготическом стиле. По завершении всех работ он стал представлять собой нечто среднее между «Диснейлендом» и Виндзорским замком.

Замкам как символам своего социального положения верхнесилезские магнаты отдавали неоспоримое предпочтение. Они не жалели никаких денег, когда речь шла о том, чтобы утереть нос сопернику, построив больший по размерам, необычный и исключительно дорогой дворец. Так, князь фон Гогенлоэ-Ингельфинген-Эринген после присвоения ему в 1867 г. титула герцога фон Уйест с помощью французских архитекторов перестроил свой родовой замок Славенциц в шикарный дворец с тремя флигелями-пристройками,

который не давал покоя князю Хайнриху XI цу Плесс. Во время франко-германской войны 1870—1871 гг. он выписал в Силезию французских архитекторов Детайё и Лайенбеккера с тем, чтобы они возвели ему под Комницем, в самом центре обширного парка с прудами, рощами и лугами, замок в стиле классического возрождения; на его крыше он с гордостью водрузил свой родовой флаг. После того как несколько других магнатов вновь перещеголяли его, он на рубеже веков повелел перестроить свой замок-крепость «Фюрстенштайн», расположенный рядом с угольными шахтами Вальденбурга, в весьма напыщенное строение — дворец в стиле ренессанс. Однако строительные работы не удалось завершить: началась первая мировая война. В 1943 г. Гитлер конфисковал замок и превратил его в резиденцию для особо почетных гостей рейха.

...и еще одна сказочная свадьба

Еще одним аутсайдером в узком кружке верхнесилезских магнатов был Франц фон Винклер, сын малозажиточного чиновника из округа Франкенштайн, который начал свою жизнь горняком, а умер богатейшим шахтовладельцем. Деньги для покупки угольных шахт и рудников он получил, женившись во второй раз на состоятельной вдове Марии Домес ауф Миховитц. Когда в 1851 г. в возрасте 48 лет Франц фон Винклер умер, его дочь Валеска попала в схожую с Иоганной Гричик ситуацию. Через три года появился еще один сказочный принц, на этот раз в образе несколько анемичного лейтенанта Хуберта Густава Виктора фон Тиле, которому также суждено было стать пионером промышленности, не уступающим другим магнатам. Вначале юная пара заказала Зауэру, старшему тайному советнику по вопросам строительства из Берлина, разработать проект величественной надгробной церкви в память о покойном Франце фон Винклере, а затем и план нового замка в готическом стиле английских Тюдоров. Никто в Германии так открыто не демонстрировал свое богатство, как промышленные магнаты Силезии. Даже богатейшие берлинские парвеню казались мелкими буржуа в сравнении с владетельными князьями фон Ратибор или фон Тарновиц. И даже оба таких могущественных промышленника на западе Германии, как Альфред Крупп и барон Карл Фердинанд фон Штумм-Хальберг, которого кайзер язвительно именовал «королем Сааравии», не были так далеки от своих рабочих и заводов, как магнаты Верхней Силезии.

Крупп все-таки сам разрабатывал проекты своей 180-комнатной виллы «Хюгель» и, подобно своему достопочтенному коллеге Штумм-Хальбергу, проявлял в известной мере заботу о своих рабочих, хотя ни одного из них нельзя было заподозрить в наличии у них чувства социальной ответственности. Крупп, как и «король Штумм», были, как тогда говорили, предпринимателями по увлечению или по призванию и они делали все, чтобы поддерживать свои предприятия в самой лучшей форме. А это предполагало наличие достаточного числа накормленных рабочих.

Промышленные князья Верхней Силезии, напротив, видели в своих шахтерах и металлургах лишь источник дополнительных доходов, а в остальном им было совершенно безразлично, какую

цену должны были платить рабочие за доставляемые им прибыли. В качестве «менеджеров» они держали на своих предприятиях в большинстве случаев «выписанных» из Англии инженеров, а для грубой работы всегда имелась в достатке как послушная, так и дешевая рабочая сила.

...как в средние века

На шахтах Верхней Силезии еще в середине прошлого века сохранялось такое же положение вещей, как и в средние века. Господствовал железный принцип приказа и повиновения, а того, кто смел ослушаться, немедленно выгоняли. Если же назревал протест против кнута «господ», то в дело вмешивались военные и тут же загоняли рудокопов обратно в штольни. Магнаты смотрели на богатство как на данное от бога и не задумывались о его происхождении.

А почему, собственно, это должно было бы их беспокоить? Их уголь залегал на меньшей глубине, чем в Руре, содержал меньше серы и был самого высокого качества. Железная руда тоже добывалась с меньшими затратами, чем в любом другом месте, а важный фактор производства — труд — обходился здесь также гораздо дешевле, чем в Руре. Дело в том, что поток иммигрантов из восточных районов постоянно возрастал и силезские города буквально лопались по всем швам от перенаселения.

Численность населения Катовиц за 25 лет выросла с 300 до 50 тыс. жителей, а в Бойтене за период с 1850 по 1880 г. она увеличилась в три раза. Поэтому магнаты не видели никаких причин для того, чтобы тратить свои деньги на рационализацию производства. Только в 1884 г. единственное горно-металлургическое предприятие Верхней Силезии, а именно акционерное общество «Ферайнигте Кёнигс- унд Лаурахютте», внедрило у себя уже давно ставший обычным в Руре томассовский процесс. И прошло еще 12 лет, прежде чем металлургический завод «Бисмаркхютте» освоил современную мартеновскую технологию выплавки металла.

Хотя шахтовладельцы должны были знать, что в один прекрасный момент запасы железной руды иссякнут, они не проявляли никакой заботы о будущем. Они могли бы, к примеру, построить грузовые порты на побережье Балтийского моря для обеспечения импорта шведской руды. Но подобные мысли были им, за редким исключением, чужды. Владетельные князья не видели ничего предосудительного в том, чтобы возводить величественные замки в непосредственной близости от шахтерских поселков, где десятки тысяч людей влачили жалкое существование, тогда как «господа» ели и пили на золоте.

Властный, избалованный и жадный до наслаждений

Ни остэльбские юнкеры, ни крупнейшие банкиры Берлина, ни даже члены императорского дома не тратили на обеспечение своего образа жизни столько, сколько силезские магнаты. И никогда

больше в истории Германии столь небольшая кучка людей не сосредоточивала в своих руках таких богатств и такой политической власти. По положению они даже чувствовали себя ровней Гогенцоллернам. И если кто-нибудь из них попадал в затруднительное положение, как, скажем, герцог фон Уйест, то сам кайзер вынужден был приходить ему на помощь. Магнаты не были грюндерами в обычном смысле этого слова, хотя одно время они давали почти четверть всего германского угля и чугуна и владели одними из наиболее крупных и прибыльных предприятий в Германии.

Только один из них мог с полным правом претендовать на то, чтобы считаться промышленным «грюндером»: это его светлость граф Гвидо Хенкель, первый князь фон Доннерсмарк, суверенный владелец имения в Бойтене, владелец фидеикомисса в Тарновитц-Нойдеке, основатель и владелец фидеикомисса Циклен и Рептен, владелец поместья в Забрже и Макушау, округ Забрже, а также поместий в Хропачове и Швинтохловице, округ Бойтен.

Карьера этого графа, род которого восходит к старинным дворянским семьям Силезии, превзошла жизненные пути промышленных грюндеров по своей драматичности, своим краскам и успеху. Ни один из силезских владетельных князей так не восхищал современников, как этот привлекательный плейбой, которого отец к восемнадцатилетнему возрасту сделал одним из богатейших людей Европы. Старый Доннерсмарк, граф Хуго Карл Антон Лазарус III, раньше, чем его знатные «коллеги», начал расширять свои владения, открыв отделение «промышленность».

Одним из первых построив завод «Антониенхютте», он обеспечил себе прочные позиции в цинковой промышленности, а основав металлургический завод «Лаурахютте», приобрел определенное влияние и в этой отрасли. Кроме того, у него были участия во многих угольных шахтах. И как следствие, в 1848 г., почувствовав себя уже уставшим и как бы опустошенным, он в день рождения своего подающего большие надежды сына преподнес ему подарок в виде громадного состояния.

Однако сын, властный, избалованный и жадный до наслаждений человек, поначалу не испытывал ни малейшего желания заниматься такими прозаическими делами, как доменные печи, нормы затрат или поставки кокса. Он жаждал блеска большого света, красивых женщин, одухотворенных бесед, культуры и роскоши. Поэтому вскоре он покинул провонявшую дымом провинцию с ее фабричными трубами и облаками копоти и отправился туда, где собирались сливки сливок европейского общества — в Париж.

В метрополии французской империи молодой сеньор из Германии с большими пылающими глазами, густыми черными волосами и холеной бородой быстро приобрел всеобщую известность. Граф Гвидо занимал роскошный городской особняк, был украшением самых элегантных салонов и чувствовал себя одинаково хорошо на скачках и в опере. Его можно было встретить и в публичных домах высшего разряда, и в игорных салонах, и в воровских притонах, и в литературных кружках, и в мастерских художников. И где-то средь этих многочисленных занятий он в один прекрасный день познакомился с одной из самых ослепительных женщин Парижа, которую представили ему как маркизу Терезу Араухо де Паива.

Немецкий граф и французская метресса

В этой даме, как моментально острым взглядом знатока определил избалованный граф, чувствовалась порода и темперамент. О том, что у нее было довольно бурное прошлое, он узнал гораздо позже. Тереза, мнимая маркиза, на самом деле носила простую фамилию Лахман и была дочерью мелкого еврейского торговца из Москвы. В Париже после многочисленных любовных похождений с известными всему городу ловеласами она стала подружкой богатого банкира. В то время когда она встретилась с молодым графом Гвидо, она именовалась Терезой Вийоинг по фамилии своего последнего мужа, с которым эта дама уже развелась.

То, что́ молодые люди почувствовали друг к другу, можно, пожалуй, назвать любовью с первого взгляда. И как бы они ни различались между собой происхождением и образом жизни, им никогда больше не суждено было расстаться. Паива и немецкий граф в течение долгих месяцев давали обильную пищу для разговоров в высшем парижском свете. Гвидо осыпал свою возлюбленную подарками и не успокоился до тех пор, пока не одержал верх над всеми прочими поклонниками «маркизы».

Сам он с финансовой точки зрения находился в критическом положении, так как, оплачивая свои дорогостоящие любовные похождения и карточные долги, он, не задумываясь, выставлял векселя на астрономические суммы. В то же время денежные переводы из далекой Верхней Силезии становились все скромнее — оставшиеся без присмотра предприятия постепенно приходили в упадок,— так что молодой господин, несмотря на свое громадное состояние, испытывал затруднения, связанные с осуществлением платежей.

Когда же он начал строить дворец на Елисейских полях для своей возлюбленной, который обошелся ему в сумму, равную трехгодичной заработной плате 1000 рабочих, его друзья стали проявлять серьезную озабоченность. Дворец Паивы приобрел в Париже практически такую же известность, как позднее Эйфелева башня. Говорят, что когда автор комедий Эмиль Ожье впервые увидел бесценную лестницу из оникса, ведшую в покои Паивы, он воскликнул: «Как добродетель, так и порок имеют свои ступени». Ванная комната, стены которой были сплошь отделаны драгоценными камнями, считалась красивейшей в Париже и, как утверждал писатель Готье, была «достойна султанши».

Распутница оказалась гением

Оказывается, она была достойна и графини Хенкель, так как Гвидо, этот прожигатель жизни, вопреки предостережениям друзей однажды повел свою возлюбленную под венец. Неравный, практически пользовавшийся дурной славой брак молодого человека, обремененного большими долгами, должен был, в этом мнении силезские магнаты были едины, означать крах некогда процветавшего дома Хенкелей фон Доннерсмарк. Конкуренты уже присматривали себе куски пожирнее из богатой добычи, которая неизбежно должна была попасть к ним в руки.

Редко кто так глубоко ошибался. Едва его брачные узы были официально оформлены, как Гвидо из «графа-шалопая» превратился в ловкого бизнесмена. Впрочем, это произошло не полностью по доброй воле, так как за теми решениями и приказами, с которыми прибывали в Силезию срочные курьеры из далекого Парижа, стоял не кто иной, как Паива, та самая распутница, которая якобы должна была привести к банкротству наследника.

В 20-е годы журналист Феликс Пиннер, специализировавшийся на экономических вопросах, с удивлением отмечал: «Паива была прямо-таки гением в деловых вопросах. Чуткий инстинкт подсказал ей, что в наполовину промотавшемся немецком графе-гуляке дремлет талант умело вести дела, а его германские владения представляют собой прекрасный материал для того, чтобы начать ворочать большими делами. Граф Гвидо оказался понятливым учеником и вскоре он, для кого из-за неравного брака были заказаны придворные и светские развлечения, почувствовал вкус к новым занятиям. Послушный ученик стал мастером своего дела, из объекта денежных операций, которым он был во время партизанской войны со своими кредиторами, он превратился в субъект финансовых операций. И чем активнее он ставил свой дар проницательного комбинатора на службу деловому предпринимательству, тем в большей степени это становилось его внутренним призванием, самоцелью».

Граф Гвидо становится чистокровным предпринимателем

И в самом деле, под влиянием своей равно очаровательной, как и рассудительной, супруги этот экс-ловелас стал единственным настоящим предпринимателем среди силезских магнатов. Он первым понял, что прошли те времена, когда принцип «хозяин в собственном доме» становился превыше соображений экономической целесообразности, и он, не задумываясь, использовал заемный капитал, если это было необходимо для достижения намеченных целей.

На новые кредиты, взятые во Франции и Германии, Гвидо приобрел обширный фидеикомисс в Тарновитце — Нойдеке, который в какие-нибудь шесть лет был превращен в образцовый хозяйственный комплекс. В нем все компоненты, будь то сельское хозяйство, угольные шахты, рудники и металлургические предприятия, находились в оптимальном сочетании. Унаследованный от отца металлургический завод «Лаурахютте» он слил с государственным заводом «Кёнигсхютте»; опираясь на поддержку банкира Герсона Бляйхрёдера, он создал на их основе акционерное общество и только на ажио, которые должны были выплачивать акционеры, нажил огромное состояние.

В 1871 г. его слава искушенного и дальновидного дельца и коммерсанта настолько упрочилась, что Бисмарк взял его, единственного немецкого промышленника, а также банкира Бляйхрёдера в Версаль на переговоры о французских репарационных платежах. Хенкелю фон Доннерсмарку, чьи предложения существенно повлияли на содержание договора о капитуляции между Пруссией и

Францией, было тогда всего 41 год. Среди своих знатных коллег он давно приобрел высокий авторитет, поскольку его замок Нойдек, построенный в 1868—1875 гг. французским архитектором Лёфюэлем, во многом превосходил другие поместья по своим размерам и интерьеру. Хенкель копировал свое имение с Версальского дворца, и действительно, Нойдек с его громадным парком и двухэтажным фасадом здания, выходящего в сад парадным двором с широким подъездом, французскими крышами, на которых виднелись многочисленные высокие трубы, с витыми решетками и балюстрадами, украшенными скульптурами, удивительно напоминал резиденцию французских королей, с той только разницей, что первый стоял в центре задымленного верхнесилезского промышленного района.

Хенкель покупает и покупает

Позднее в качестве своей второй резиденции граф построил в своем имении Рептен в округе Тарновитц небольшой охотничий замок в стиле северонемецкого ренессанса, которого, впрочем, было бы достаточно, чтобы со всеми удобствами разместить почти 200 семей. Он снова мог позволить себе такую роскошь, так как его дела шли блестяще. К примеру, чтобы иметь возможность рационально вести производство цинка и одновременно завоевывать прочные позиции на рынке, он основал «Шлезише акциенгезельшафт фюр бергбау унд цинкхюттенбетрибе» с местонахождением в Лепине. Это общество вскоре стало крупнейшим предприятием данной отрасли. Капитал для стремительного расширения металлургических предприятий он частично получал через парижский банкирский дом Нёфлис. В результате к 1880 г. Верхняя Силезия уже производила столько же цинка, сколько и весь остальной мир.

В те годы граф неустанно расширял и свою земельную собственность. По образцу рурских предприятий он модернизировал свои угольные шахты и рудники. Он был единственным среди верхнесилезских магнатов, кто сделал надлежащие выводы в связи с возникшей угрозой сокращения запасов железной руды. В устье Одера в местечке Крацвик под Штеттином он построил металлургический завод «Крафт», выплавлявший чугун на английском угле и из шведской руды. Через непродолжительное время он полностью обеспечивал им все литейное производство северовосточных провинций Пруссии.

Лишь после того, как другие владельцы шахт увидели, как рентабельно работает прибрежное предприятие Хенкеля, они пошли по его стопам и начали возводить в Любеке, Бремене и Эмдене аналогичные заводы, которые, впрочем, как утверждал Феликс Пиннер, «в предвоенные годы по оснащенности и рентабельности намного отставали от металлургического завода «Крафт», которым великолепно руководил Бернард Грау».

Едва конкуренты стали наступать Хенкелю на пятки, он сделал еще один шаг вперед, построив недалеко от Крацвика химический завод. «Унион-фабрик», выпускавшая химическую продукцию на базе импортного сырья, стала одним из крупнейших производителей фосфатов, а тем самым и поставщиком удобрений сельскому хозяйству Германии. Когда конкуренты стали особенно досаждать

промышленникам из Верхней Силезии, Хенкель установил свой форпост прямо в их лагере, приобретя без долгих раздумий «Нидеррайнише хютте», крупный горно-металлургический концерн. В своих деловых операциях неутомимый граф вышел далеко за пределы изначально присущих его профилю отраслей — горнодобывающей и металлургической. Он финансировал исключительно дорогие эксперименты по производству искусственного шелка и проник с помощью своих неистощимых финансовых ресурсов на берлинский рынок недвижимости. Когда после краха грюндерства резко упали цены, Хенкель скупил целые кварталы домов, расположенные в наиболее удобных районах. Кроме того, через общества по торговле недвижимостью, которое граф также приобрел, он дополнительно подключил к своей собственности целые колонии вилл в Целендорф-Вест и Фронау.

Самый богатый человек в империи

Несмотря на многогранность своих деловых интересов, он в отличие от членов потерпевшего крах «княжеского треста» (князь Путбус, герцог фон Уйест и т. д.) никогда не терял способности быстро ориентироваться в обстановке. «Участвуя во множестве начинаний, он всегда оставался в такой степени мобильным, что его можно отнести к числу самых могущественных фигур на денежном рынке Германии»,— с похвалой отозвался о нем Феликс Пиннер. Очень скоро некоторые из самых дальновидных предприятий Германии стали включать его в состав своих наблюдательных советов. Так поступили, например, «Дрезднер банк» и «АЭГ». В 1905 г. «в знак признания его заслуг перед промышленностью» кайзер пожаловал ему княжеский титул. Паива не дожила до этого момента. В 1884 г. она — уже всеми признанная и уважаемая — была похоронена. Этот брак, к глубокому сожалению Гвидо, не принес ему детей, и вскоре он женился вторично. Его вторую жену звали Катарина фон Слепцон. Она родила ему двух сыновей — Гвидотто и Крафта.

Когда князь Гвидо Хенкель фон Доннерсмарк скончался в весьма преклонном возрасте 86 лет, он считался наряду с Альфредом Круппом самым богатым человеком в Германской империи. В «Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Preußen» за 1912 г. значилось: «...со всех его земельных владений в Пруссии, составлявших 23 295 га и оценивавшихся в 15 млн. марок, выплачивается в год 126 тыс. марок поземельного налога. Кроме того, князю принадлежат имения Табковце и Добирзовице (общая площадь 1125 га) в русской Польше и Липовиц (общая площадь 3076 га) в Галиции.

Таким образом, общая площадь земельных владений князя в Пруссии, России и Австрии составляет 27 496 га. Прусские земли князя не составляют и десятой доли его состояния, облагаемого налогом в Пруссии.

Оставшиеся девять десятых состояния князя включают в основном горно-металлургические предприятия, промышленные акции, и прежде всего акции в металлургии и цинковой промышленности, доли в капитале земельных предприятий, которые князь регулярно

вел в форме обществ с ограниченной ответственностью, банковские акции, а также негласные участия в универсальных магазинах и других предприятиях и, наконец, от 12 до 15 млн. марок наличными в форме процентных денежных вкладов в крупнейших банках.

С некоторых пор князь уже не управляет сам своими металлургическими предприятиями. В 1906 г. он даже продал принадлежавший ему завод «Битлеп-Фальва-хютте» в Верхней Силезии соседнему металлургическому предприятию «Бисмаркхютте» за 2,8 млн. марок. Металлургический завод «Крафт» в устье Одера тоже больше не принадлежит ему одному. Значительная часть акций этого предприятия распродана широкой общественности. Все еще за счет князя ведутся горные разработки. На шахтах «Дойчландсгрубе», «Шлезиенгрубе» и «Доннерсмаркгрубе» занято 4500 человек.

Добыча угля в 12 штреках составляет в среднем 5700 т в день, или 1,71 млн. т в год, что позволяет за год получать 5,1 млн. марок чистой прибыли. Общая стоимость 3 шахт равна, как минимум, 50 млн. марок».

Сыновья проматывают наследство

Стоимость всего состояния князя достигала, по-видимому, 300 млн. золотых марок. И если сейчас от второго по величине после Круппа промышленного концерна (Западной) Германии практически ничего не осталось, то есть в этом немалая вина самого князя. Просто он не сумел подготовить преемников, которые были бы в состоянии после его смерти руководить созданным им промышленным комплексом с его тесными внутренними связями. В качестве его «генеральных управляющих» всегда выступали те или иные исполнительные органы, которые он часто сменял по своему усмотрению.

Оба сына унаследовали от отца склонность к беспечной жизни, но никак не способность делать деньги. По словам Феликса Пиннера, оба были «только Гвидотто, но не Гвидо». Постепенно они распродали все заводы, компании и участия некогда процветавшего концерна, за исключением верхнесилезских горно-металлургических предприятий.

Глава 4
ВЕРХИ И НИЗЫ

Годы грюндерства были периодом разительных перемен в политике, экономике, технике, культуре, обществе. Но удивительнее всего было то, что все эти перемены свершались практически в одно и то же время, не вызывая никакой неразберихи или хаоса. Общество молодой Германской империи оказалось исключительно стабильным, даже несмотря на наличие напряжения в социальных отношениях, которые ему предстояло еще выдержать. Одной из причин такого положения было то, что новые машины, новые фирмы, новые здания не обязательно приводили к формированию нового сознания в головах обывателей. Напротив, чем выше были темпы «прогресса», тем более враждебной прогрессу, более реакционной становилась общественная жизнь. Складывалось впечатление, что собственная смелость все более и более навевала страх на грюндеров: они крепче и крепче цеплялись за стародавнее, дедовское.

В то время как в мастерских изобретателей, в правлениях крупных компаний почти ежедневно свершалась революция, бюргеры кайзеровской Германии не осмеливались делать даже самых незначительных отступлений от принятого в их частной жизни этикета. К. Маркса беспокоило то обстоятельство, что в умах промышленных рабочих, подвергавшихся беспощадной эксплуатации, с трудом зарождалось пролетарское сознание. Угнетенные предпочитали разводить почтовых голубей, а не готовить заряды взрывчатого вещества. Каждый житель империи, будь то поденщик без крыши над головой или сказочно богатый промышленный магнат, имел свое исконное место и каждый страстно желал как-нибудь проникнуть в следующую, более высокую социальную прослойку.

Королевский двор — цель всех страстных желаний

Приспособление, а не бунт и не мятеж уже в то время было девизом всех немцев. Рабочий трудился, не разгибая спины, и откладывал деньги, чтобы получить хотя бы небольшую возможность жить, как мелкий буржуа; продавец копировал образ жизни владельца предприятия; ремесленник подлаживался под уклад жизни директора банка, а школьный советник изо всех сил старался быть похожим в повседневной жизни на частнопрактикующего врача или директора фабрики. Но на вершине социальной пирамиды находилась аристократия, причем намного очевиднее, чем когда-либо прежде. В бисмарковской же империи продолжала править династия Гогенцоллернов, а не занявшая высокое положение и разбогатевшая буржуазия. И словно бы никогда не было ни

Французской революции, ни народного восстания 1848 г. Королевский двор был конечной целью желаний всех представителей буржуазного сословия и одновременно орудием власти исключительно большого калибра.

И хотя каток промышленной революции прошелся по высшим слоям старого общества — за исключением верхнесилезских магнатов, таких, как Хенкель фон Доннерсмарк, Плесс и Баллестрем среди фигур предпринимателей периода грюндерства в Германии не было ни одного представителя высшей родовитой знати,— они могли без особого труда держать от себя на дистанции тех толстосумов, которые были выходцами из буржуазии. И как бы хорошо не знали свое дело все эти круппы, тиссены, ханиэли и ханземаны, им не хватало одного: присущего крупной буржуазии стиля жизни, который был бы в корне отличен от уклада жизни аристократии. Свеженькие нувориши, которые в тот период сумели заполучить в свои руки огромные богатства, в принципе просто копировали манеры поведения, принятые в придворном обществе. Что касается денег, знаний и трудолюбия, то в этом уверенные в себе грюндеры намного превосходили своих знатных по происхождению современников. Но изысканность и утонченность придворного церемониала неожиданно низводила их до уровня самого обыкновенного буржуа с его неуклюжими манерами.

Аристократия использовала шанс, который ей предоставила успешно проводившаяся в жизнь бисмарковская политика, и с большим упорством защищала бастионы в руководстве обществом и в армии, все еще остававшиеся в ее руках, от посягательств непрошеных «гостей» из третьего сословия. Еще в 1895 г. 99,2% всех офицерских должностей аристократических гвардейских полков Пруссии занимали представители знатной аристократии. Столь же бесспорно знать, в жилах которой текла голубая кровь, находилась на высших постах в дипломатии и в системе государственного управления. Наибольшим престижем в Германской империи пользовались офицеры, а не промышленные магнаты и банкиры, как это, скажем, имело место в той самой Америке, которая отличалась исключительной фамильярностью поведения и небрежностью стиля. В социальном плане любой лейтенант, не столь уж и высокая фигура в армии, стоял на ступень выше, чем делец или коммерсант, дела которого шли весьма и весьма удачно, а блистательный университетский профессор был просто ничто в сравнении с неотличавшимся большим умом майором.

Впечатления молодой аристократки

То, что в те времена происходило при берлинском дворе, описала в своих воспоминаниях «Мир, в котором я жила» дочь дипломата Мария фон Бунзен, по рождению принадлежавшая к одной из древнейших дворянских династий. «Следующая зима была наполнена у нас придворными балами и торжественными приемами. Для родителей это оказалось весьма утомительным делом. Я благодарна им за принесенную ими жертву. Такое торжество при берлинском дворе обладает присущим ему блеском, своими историческими традициями и было навеяно, честное слово, какой-то невероятной, фантастической красотой.

Уже на Унтер-ден-Линден продвижение вереницы экипажей резко замедляется. При полной остановке можно было слышать доносившиеся из густой толпы, обрамлявшей улицу, доброжелательные или, напротив, дерзкие высказывания. Повсюду виднелись конные полицейские. Дипломаты, вельможи и сановники обладали правом проезда в первую очередь. Их экипажи покидали ряды и продвигались вперед. Подобная протекция раздражала нас, остальных, ехавших в колясках, кучера которых имели прикрепленную к своему головному убору самую обычную карточку, разрешавшую проезд. Но вот наконец гости через огромные ворота попадали во двор. Скупое освещение позволяло с большим трудом различать темно-серый цвет старых стен, снежные сугробы, стоящую в ряд охрану. Кое-как добирались до нужного места. Но вот карета остановилась перед ярко освещенным парадным входом. Дверца экипажа распахнулась, и слуга помог снять нам верхнюю одежду. Помещение гардероба было открыто лишь при новой власти.

Мы медленно поднимались по лестнице, слегка обогреваясь у каминов, в которых мерцало пламя. Вот мы уже в самом начале необозримой анфилады великолепных залов. За прошедшие столетия не очень-то сильно они изменились: стены, обтянутые штофной тканью и увешанные фамильными портретами предков, массивные с позолотой резные кресла эпохи первых королей. По обе стороны каждой двери стоят на карауле лейб-гвардейцы, крестьянские парни как на подбор. Будто литые на рослых фигурах гвардейцев белые и красные униформы».

Свет тысяч и тысяч свечей

«Шурша платьями, мимо них скользили дамы, на полуобнаженной груди каждой из них сверкали бриллианты. Степенно проходила мужская часть знати, мундиры которой украшали бесчисленные ордена. Сами же гвардейцы словно монументы стояли, не шелохнувшись и обнажив сабли. На их головах красовались серебряные шлемы. По-юношески стройными были пажи в своих отороченных красной вышивкой костюмах. Были приглашены самые красивые учащиеся кадетского корпуса в Лихтерфельде, выходцы из знатных фамилий. Повсюду виднелись обшитые золотыми галунами военная форма и мундиры офицеров, высших чиновников, придворных аристократов.

Нынешнее поколение не может себе представить, насколько превосходно, красиво было освещение, создававшееся тысячами и тысячами свечей. И в этом мерцающем сиянии искрились всеми цветами многочисленные бриллианты, отличались исключительным богатством красок платья из шелковых и бархатных тканей. Правда, общие очертания дам не были совершенно прекрасными. Словно громадный буф, они носили на руках шлейф платья, состоявший из двух-трех отрезков ткани и достигавший десяти футов в длину. С прусской пунктуальностью и корректностью распределяли гостей по залам в зависимости от категории: жены аристократов, прочие замужние женщины, уже представленные обществу молодые девушки и те из них, которых еще предстоит вывести в общество. Нас, последних, было двадцать или тридцать

персон, поскольку в прошлом году таких торжеств не было. Это уже считалось чересчур много. А поколение спустя здесь каждый год появлялось уже почти 100 таких персон.

Что касается нас, которые еще не были выведены в свет, то нам на празднике было исключительно приятно и уютно. Мы уже знали друг друга или тут же знакомились. У всех было чуть-чуть лихорадочное настроение, вызванное первым участием в подобных торжествах. И где-то в уголке, за той или иной колонной, каждая из нас пыталась еще раз исподтишка присесть в глубоком реверансе. Мучили друг друга вопросом, а не слишком ли глубоко декольте?»

Переулок злых языков

«Приставленный к нам камергер граф Ойнхаузен оказался приветливым и любезным человеком. Когда мы начинали прогуливаться, первыми шли принцесса Ратибор и ее кузина. И хотя фроляйн Майбах, две дочки министра железных дорог, имели преимущественное право, они тактично держались в тени. Но вот мы оказались перед тем, что внушало страх — небольшой картинной галереей, «алеей злых языков», в которой плотной группой уже на протяжении нескольких часов стояли все приглашенные офицеры. Свободным оставался небольшой проход, по нему нам предстояло идти. И нередко лейтенанты вполголоса отпускали разного рода шутки по адресу девушек, на лицах которых явно была заметна тревога, боязнь чего-то или которые выделялись из массы чем-то иным, необычным. Это говорит о невоспитанности, но вполне свойственно человеку. Всех без исключения, в том числе и даже самых солидных, самых положительных людей, которые должны неподвижно, словно прибитые к полу гвоздями, стоять на месте, несомненно развлекут эти пренебрежительные высмеивания проходящих. Один из моих знакомых посоветовал Берте и мне по возможности иметь простодушный и успокоенный вид. Так и было в действительности! Наши танцоры радушно приветствовали нас. И проходя по бесконечно длинному проходу, как бы образованному выстроившимися шпалерами офицерами, мы могли лишь слышать, как произносятся наши фамилии.

В одном из следующих залов стояли в ожидании генералы, среди которых находился и Мольтке. Их мундиры были увешаны многочисленными орденами. Я проходила в непосредственной близости от него и поэтому могла видеть его радостное волнение. Детям строго внушается: «Неприлично пристально смотреть на людей», т. е. делать то, что, как мне казалось, сделала я. Он глубоко поклонился мне. Счастливая, я опустилась в реверансе, что полагается делать только по отношению к коронованным особам».

Тихая музыка, блеск золота

«И вот теперь в небольшом «зале королев» все женщины спустили на пол праздничные шлейфы. Умело расправить их входило в обязанности камергера графа Канитца. Все торжественно

пошли дальше. В тронном зале тихо звучала музыка, сияли огни, блестело золото и сказочно сверкали бриллианты. Под балдахином, висящим над троном, стоял величественно видный и благосклонно настроенный человек, император. Рядом с ним полусидя, полулежа находилась одряхлевшая императрица Аугуста.

По обе стороны расположились в ряд все принцы и принцессы, улыбками приветствовавшие всех своих знакомых, проходивших мимо. На это отвечали лишь почтительным, преисполненным уважения выражением лица, совершать поклоны допускалось только перед императорской четой. Удивительный, невероятный свет излучали бриллианты имперской короны. Они буквально были окружены ореолом. Но вот шлейф моей предшественницы стал удаляться. Произносится моя фамилия. Я медленно делаю глубокий реверанс!

Наступило время концерта в Белом зале. И опять люди сидят, разделенные на категории. Мы, новички, расположились под галереей для оркестра. Без сомнения, программа выступлений была превосходной. Но внимание присутствовавших оказалось рассеянным, ведь нужно было наблюдать за многим. И даже позже, когда толпа людей разошлась. Однако я до сих пор помню известную красавицу графиню Гёрц и ее смутный, бесподобный классический профиль. Она была в белом, и украшали ее бесчисленные жемчужины и бриллианты.

Стройная, гибкая, необычайной наружности русская женщина, супруга нидерландского посланника была одета в упруго обтягивающее фигуру платье из золотой парчи, из золотой парчи был и обвивавший ее шлейф. И так она стояла, олицетворение змеи, окруженная офицерами, облокотившись на золотисто-мраморные перила лестницы. Великолепен, красочен фон всех этих фигур, украшения в стиле барокко, отличавшиеся густыми, сочными тонами. Предки большинства гостей принимали здесь участие в торжествах, устраивавшихся шестью прусскими королями, в торжествах, на которых можно было многое послушать; впечатление производили исторические личности, несколько представителей Мальтийского ордена. Казалось, что все они сошли с полотен старых картин».

Изящные представительницы высшего света

«Светская роскошь,— продолжает в своих описаниях Мария фон Бунзен,— в большинстве случаев эстетична. Разумеется, она производит самое сильное впечатление и постоянно сочетается с традициями знати, аристократии.

Впрочем, и придворные балы отличались особой прелестью. Многие сотни гостей находились в состоянии ожидания в Белом зале. Но вот раздавался удар обер-гофмейстерского жезла. Появлялась «большая свита» лиц, обладавших правом преимущественного выхода: придворные сановники, камергеры, наконец, представители знати, носители всевозможных княжеских титулов. Здороваясь, они медленно продвигались мимо множества гостей, которые отвечали им глубоким поклоном. Исключительно красочную картину в старинных парадных залах представляли группы присутствующих во

время званого ужина. Я сидела в одной из глубоких ниш, в конце которых находилось окно. Стены были увешаны старинными картинами. Однако венцом праздника для всех танцующих был знаменитый вальс. Когда, годы спустя, мы вновь встречались и вели беседы о прошедших торжествах, с уст всегда срывалось: «Ах, этот вальс!» Ведь сейчас все эти нарушители порядка, напрасно занимавшие места, не умевшие танцевать, были заняты своим ужином, громадный зал пустовал, когда мы парами появились там. Элегантный распорядитель танцев Райшах, офицер гвардейского корпуса, дал знак на галерею, на которой располагались музыканты. Зазвучала музыка вальса. С восторгом мы как бы поплыли по зеркальному паркету в нечто необъятное, бесконечное. Ничего нет прекраснее под этим небом!

Все крупные празднества завершались карнавальным балом. К сожалению, все кончалось ровно в полночь. Предложение знаменитого пунша, который изготовлялся из старых сортов рейнского вина и к которому еще полагались специально приготовленные блинчики, никак не компенсировало всей краткости прекрасных мгновений, пережитых здесь молодежью. Мы и наши танцы, казалось нам, явились предлогом проведения этого праздника, стали главным его событием.

Но первые роли в тогдашнем дворе играли не молодые девушки, а женщины в возрасте от 30 до 50 лет. И как раз наиболее примечательные из них пользовались ослепительной репутацией, что было хорошо известно и самой императрице Аугусте. Она говорила: «Элегантные и искусные светские дамы принадлежат королевскому двору, они нравятся императору. Мне нет никакого дела до их образа жизни, если только это не нарушает общественного спокойствия». Этой видимости недоставало последующему двору. Молодые девушки выдвинулись на передний план, женщины были, так сказать, безупречны. Правда, нередко создавалось впечатление, что их доброта и честность наиграны. Двор Вильгельма II отличался большей роскошью, более взыскательной и театрализованной, как в случае с использованием исторических костюмов лейб-гвардейцами, изысканностью, но он был не столь изящен, а большой свет еще менее изящен».

Канцлер и социалист

Мария фон Бунзен, образованная, привлекательная и независимая в финансовом отношении женщина, воплощала в себе тип дамы высшего общества вильгельмовской Германии. Она наслаждалась жизнью в изысканном обществе, побывала в Америке и странах Ближнего Востока, поддерживала отношения с известными деятелями искусства и обращала внимание во всем, что делала, на стиль и уровень. Для женщин ее типа эмансипация уже не была проблемой, они были эмансипированы. Будучи с самого детства либеральной, она в своих политических воззрениях оставалась дитем своего времени. Типичными для взглядов высших слоев общества той поры были ее воспоминания о встречах с двумя политическими противниками Отто фон Бисмарком и Августом Бебелем: «Итак, я была свидетельницей исторической речи Бисмар-

ка по восточному вопросу, которую он произнес 5 декабря 1876 г. Позднее мне посчастливилось услышать еще несколько его выступлений по истории Германии. Все это я еще очень хорошо вижу перед собой. Дом, битком набитый людьми, охватившее всех волнение, лакеи приводили в порядок папки и длинные карандаши. Но вот, отдвинув портьеры, вошел Бисмарк. Его широкая, мощная фигура производила впечатление, что Бисмарк крупнее, чем есть на самом деле. Он сел. Известный всем нам Симсон произнес: «Рейхсканцлер князь Бисмарк имеет слово». Все стали дышать тихо и прерывисто. И вот в мертвой тишине встала мощная фигура.

Он говорил, слегка запинаясь, его пальцы нервно растегивали и застегивали серебряные пуговицы на мундире либо забавлялись длинным и толстым карандашом. Как мне помнится, его голос был не очень сильным, но звучным, превосходным было его произношение, умение говорить: грамотно, свободно от диалектизмов, совершенно непринужденно. Он говорил так, как положено это делать знатному человеку, занимающему ответственный пост. И если речь текла недостаточно плавно, она все же была очень ясной, каждое предложение отличалось высоким мастерством построения. «Он и либералы,— занесла я в дневник,— резко настроились друг против друга. Он делал заметки, если высказывались с намеком на что-то, оставался исполненным достоинства и как бы свысока боролся со своими противниками».

Присутствовала я и на большой дискуссии социалистов, проходившей 16 и 17 сентября 1878 г. Мы сидели прямо за президентом. В первый день ожидали прибытия «князя этого мира», как нередко называли в то время Бисмарка. Поскольку он не пришел, с большой речью вместо него выступил Бебель. Я писала в дневнике: «Он строен, бледен, у него небольшие и глубоко сидящие глаза. Его речь была замечательной, но в высшей степени коварной и радикальной. Более отвратительного, чем его лицо, я еще никогда не видела. Его глаза коварно сверкали, он улыбался насмешливо и злорадно или даже со сдерживаемой досадой и яростью».

Приближение к верхам, дистанция к низам

Такие банкиры, как Карл Фюрстенберг или Адольф Ханземан, промышленники типа Эмиля Ратенау, создателя концерна «АЭГ», и Эмануэля Фридлендера, крупнейшего торговца углем в Берлине, во многих отношениях чувствовали себя равными высшим слоям дворянской аристократии Марии фон Бунзен даже при условии, что они никак не могли представить своей родословной. Крупные буржуа периода грюндерства гордились своим трудолюбием, ибо они знали, что они воплощали в себе новый дух индустриальной эпохи и что будущее принадлежало им. Они ездили много, а с тех пор как появились железные дороги и были установлены регулярные пароходные линии, даже на далекие континенты, за кулисами оказывали влияние на политику, обживали крупные дома в городах и позволяли себе роскошь совсем в стиле аристократов, перед которыми преклонялись, заводить роскошные поместья.

На своих предприятиях они были в лучшем случае патриархами, а часто и деспотами. Выход в высший свет, ставший возмож-

ным благодаря промышленной революции, наполнил их исключительной самоуверенностью. Вместе с крупными землевладельцами, в большинстве своем аристократами и столь же аристократическим офицерством, буржуазные промышленники и банкиры создали группировку, сила которой, по их мнению, была достаточной, чтобы держать в узде низшие классы. Приближаться к верхам и держать низы на дистанции — так предпочитали вести себя во всех слоях буржуазного общества.

«Чернь» важничает

Общественное положение крупной буржуазии достигло заоблачных высот. На нижних уровнях иерархической пирамиды за свой престиж и свое влияние борются университетские профессора и мелкие фабриканты, министериальраты и богатые ремесленники. На одной стороне находились бюргеры, занятые в системе образования и, как правило, имевшие высшее образование, начиная с университетских профессоров и кончая актерами; они обладали авторитетом, но не имели практически никакого состояния. На другой располагались бюргеры-владельцы, прежде всего фабриканты и ремесленники, располагавшие деньгами и не имевшие достаточного образования. И все жаждали того, чего у них не было: исключительно броско показать себя.

Так, чиновник, получавший скромную зарплату, содержал великолепный «особняк», ограничивая свою семью во всем и хвастаясь перед гостями. Иначе обстояло дело с мелким фабрикантом. Он не довольствовался тем, что мог иметь виллу и прислугу. Он хотел бы еще и председательствовать в Немецко-египетской компании или местном театральном обществе.

В представлении коренных буржуа предприниматели, выдвинувшиеся на передний план в годы грюндерства, были несолидными и лишенными какой-либо морали. Писатель Фридрих Сасс, живший в те годы в Берлине, так описывает новый класс денежной буржуазии в своей книге «Берлин в новейший период своего развития»: «Весьма своеобразное положение в обществе нового Берлина заняли банкиры, капиталисты, фабриканты и т. д. Располагая непрерывно растущим финансовым могуществом, они все энергичнее бросали социальный вызов потомственной аристократии. Их ряды пополнялись за счет самых различных представителей мелкой буржуазии, которые незамедлительно и весьма охотно объединялись в особую касту. Эта последняя в определенных кругах обычно именовалась «отстойник черни».

Необузданное стремление выдавать себя за «высший свет», блеснуть своим «утонченным воспитанием» подобно тому, как сверкает бриллиантовое кольцо в свете огней, контраст между низменной страстью к наживе и элегантной расточительностью, маска покровительства науке и искусству, скрывающая под собой величайшую дикость суждений и оценок, слепое раболепие перед идолами моды и полное равнодушие по отношению к скромному труду и небольшому заработку, мешанина высокомерия и неуверенности, смирения и гордыни — все это представляет собой здесь исключительные черты характера...»

«Их жены нередко работают прислугой»

Соблюдение этикета и условностей, тщеславное представление реального или мнимого богатства были, несомненно, крайне необходимы для «выдвиженцев»-грюндеров, постоянно ощущавших внутреннее беспокойство. Сасс отмечал далее: «Порядочная» семья не могла себе позволить организовывать свадебное торжество в собственном доме. Это было бы «жалкое» зрелище. Для этого имеют обыкновение снимать зимой «Английский домик», а летом — «Тиволи», «Одеон» или какое-нибудь другое общественное заведение в Тиргартене.

Блюда готовятся поваром, конверт с приглашением на свадьбу не может быть дешевле одного талера. Любой свадебный обед должен состоять не менее чем из восьми-десяти блюд. Ни в коем случае нельзя при этом забывать о песочном торте и изобилии шампанского. И все это требуется «приличиями». И как раз эти люди, считавшие своим долгом пышно обставлять свадьбы и похороны, как правило, привыкли вести скудную, а порой просто скаредную жизнь в семье...

Их жены нередко работают прислугой, а дочери с трудом получают воспитание, которое делало бы честь служанке. Сыновья же готовятся к работе ремесленниками или к занятию бизнесом или часто изменяют семейным традициям и, не успев прийти в себя, превращаются в «благородных» берлинцев».

«Семейство Трайбелов дает сегодня обед»

В своем романе «Дженни Трайбел», вышедшем в свет в 1892 г., Теодор Фонтане так описывает трудности жены фабриканта, заботящейся о соблюдении этикета и условностей: «Обед был назначен на шесть часов, но уже за час до этого экипаж Хустера, заваленный круглыми и прямоугольными корзинами, видели уже стоящим перед входом, огражденным решеткой. Жена коммерции советника при полном туалете из окна своего будуара наблюдала за всеми этими приготовлениями. И сегодня вновь не без основания была недовольна происходящим. «Нужно же было Трайбелу не позаботиться о запасном входе! Если бы он тогда купил всего несколько пядей земли соседнего участка, у нас сейчас был бы отдельный вход для этих людей. Теперь же каждый поваренок идет прямо через палисадник к дому, как если бы он был в числе приглашенных. Это выглядит смехотворно и вместе с тем вызывающе, как будто вся Копёникер штрассе должна знать, что Трайбелы дают сегодня обед. Кроме того, неумно напрасно давать новую пищу для зависти людей и для эмоций социал-демократического толка».

«Как прикажете, милостивый сударь...»

Важнейшим показателем социального положения хозяйства буржуа был институт посыльных, недостатка в которых в период грюндерства в Берлине не ощущалось. Для многих девушек и парней, приехавших в город из сельской местности, служба посыль-

ных нередко оказывалась единственной возможностью заработать деньги. В «господских домах» до них очень скоро доходило, что они были людьми второго сорта и определенно не имели никаких прав. В очень популярной тогда «Книге хорошего тона для посыльных», опубликованной в 1888 г., говорилось, к примеру: «Посыльным надлежит всегда проявлять почтительность к своим хозяевам, быть вежливыми со всеми и стремиться к спокойной и порядочной манере поведения. К хозяевам и официальным лицам следует обращаться в соответствие с существующими в стране традициями, но, как правило, в третьем лице и всегда с добавлением титула: «Имеется ли у милостивой дамы...», «Как прикажете, милостивый сударь...» Или же в соответствии с титулом.

Если выдается поручение, то ответьте: «Слушаюсь!» (не «Есть!» или «Да»). Ну а если вас позовут или вы что-то не поняли, то скажите: «Как прикажете?» (а не «Что изволите?» или даже «Что?»). При желании попросить, вам надлежит говорить: «Я прошу...» (но отнюдь не: «Будьте так любезны...»). Если вам хочется что-то предложить, а это происходит, как правило, при подаче супов на стол, поскольку все остальное предлагается молча, то обращение должно звучать: «Что еще прикажете, милостивая сударыня?» (но не: «Желаете Вы?»). При уведомлении об обеде говорят: «К обеду накрыто!» или «Обед подан!» Когда уведомляют об экипаже или лошадях, произносят: «Экипаж подан!» или «Лошади выставлены!» При этом обращению всегда предшествует титул. Начало обеда объявляется хозяйкой дома. Уведомляя о чем-либо, не следует оставаться у дверей, нужно подойти к соответствующей персоне (не слишком близко) и четко произнести известие...»

Культ «гостиной»

Для среднего сословия «гостиная» была тем же, чем обслуживающий персонал для богачей. Причислявший себя к «обществу» оборудовал видное помещение, с помощью которого стремился подчеркнуть свое положение. Так, в своих «Юношеских воспоминаниях» будущий профессор Феликс Эберти из Бреслау писал: «Всякий, кто мог себе это позволить, имел в своей квартире гостиную, в которой выставлялась лучшая в доме мебель и утварь. Их обычно заботливо укрывали от копоти и пыли. Лишь по случаю праздника эти сокровища показывали удивленным гостям. К непременным украшениям гостиной относился сервант, предмет мебели нестандартной формы или горка, в которой одна над другой располагались полочки, сплошь уставленные серебряной посудой и особенно расписными фарфоровыми чашками. Обладание тем и другим означало жить в роскоши, а их количество становилось предметом зависти женщин...»

Страсть к бахвальству заходила столь далеко, что гостиную содержали даже в домах, в которых для нее вообще не было места. Сын секретаря суда из Лаузица Филипп Шиндлер жаловался: «У нас была теперь квартира из трех комнат, но дьявольские козни обнаружились даже здесь. Чтобы как-то уменьшить плату за жилье, родители сдали маленькую изолированную комнату какому-то реги-

стратору, так что для семьи из семи человек остались всего две комнаты. Это можно было бы пережить. Но одна из двух одинаковых по площади комнат была обставлена как «гостиная», которой разрешалось пользоваться только в выходные и праздничные дни или когда приходили гости. На каждый день оставалась всего-навсего одна комната. В ней проживала и спала вся семья...»

Утонченный стиль жизни мелких буржуа

О том, насколько важное значение в мелкобуржуазной среде придавалось «манере держать себя», свидетельствуют также аргументы, приводимые Конрадом Фишером в «Истории немецкого сословия учителей»: «С радостью следует приветствовать тот факт, что рвение, с которым учителя выступают в интересах удовлетворения своих желаний по вопросам, связанным с социальным положением и получением титулов, теперь перекрывается усердием, с которым они в последнее время стремятся овладеть утонченными, просвещенными манерами обращения и правилами приличия. Более чем когда-либо прежде считается необходимым, чтобы каждый человек обладал уверенностью и непоколебимостью навыков в общении, от которых не следует никогда отрекаться — ни за игорным столом, ни на танцевальной площадке, как об этом говорит тонкий знаток норм деликатного поведения в обществе».

Годы грюндерства были не только годами предпринимателей и рабочих. По-новому и революционно происходили становление и расцвет третьего социального слоя — служащих. Правда, тогда их называли частными чиновниками. К этой быстрорастущей группе причислялся как управляющий имения в Восточной Пруссии, так и инженер, занятый у Сименса, или директор универсального магазина Титцев. Впрочем, в группу «частных чиновников» входили также редакторы газет, частные учителя, конторские служащие и бухгалтера, общая численность которых с 1880 по 1895 г. увеличилась до почти 750 млн. человек, т. е. возросла более чем вдвое.

«Соответствует ли экономическое, правовое, социальное положение частных служащих их роли и выполняемой ими работе? — задавал вопрос социолог Хайнц Поттхоф в своей книге «Организация сословия частных служащих» и сам же отвечал на него: «Я считаю, что в общем и целом на этот вопрос следует ответить отрицательно». Обосновывая этот ответ, он писал: «Характерным для этого является, помимо прочего, и стремление частных служащих добиться равного с государственными или коммунальными служащими положения. Разумеется, в значительной степени это вызывается экономическими соображениями, уверенностью в сохранении места и перспективами на пенсию. Именно они делают столь желанным для частных чиновников получение титула чиновника. Но вместе с тем желание перейти из категории частных в разряд государственных чиновников определяется также тягой к общественному признанию, к повышению своего авторитета. Если мы зададимся вопросом, исходя из этого факта и отбросив в сторону все второстепенное, то мы будем вынуждены признать в качестве основной причины недостаток самосознания и организованности частных служащих». Исполненный зависти, этот лоббист сословия

служащих сослался на успехи, достигнутые организованными рабочими, которые не добивались своего положения в обществе за счет приобретения титулов или проявления льстивости и угодия.

Подручные за обеденным столом с хозяином

На самой нижней ступени буржуазной иерархической лестницы находился продавец, именовавшийся также торговым служащим. Его социальное положение на самом деле было незавидным. По закону 1870 г. он был обязан каждый день работать до 18 час. и имел для отдыха лишь вторую половину дня каждое второе воскресенье. В 90-х годах прошлого века этот бедняга вряд ли зарабатывал более 600—700 марок в год. «Неизбежным было то, что в описываемой здесь среде «молодых торговцев» царила настоящая нужда»,—сетовал Карл Ольденберг в своем докладе «Современное положение продавцов». «Питание и квартира, проживание на всем готовом гораздо чаще обеспечиваются в небольших магазинчиках отчасти из-за более полного использования рабочего дня, отчасти же потому, что продавцы и ученики здесь наполовину считались членами семьи. Еще и сегодня случается, что продавцы по меньшей мере по воскресным дням обедают за семейным столом вместе с хозяином, в то время как в будни их рабочие обязанности в большинстве случаев исключают совместное участие в обеде. Следствием подобного семейного положения продавцов является их озлобленное отношение к родительскому надзору хозяина за своим работником, который дает о себе знать конкретно в вопросе «ухода из дома»: продавец вынужден просить у хозяина или его жены разрешение провести нерабочее время вне стен дома либо по меньшей мере должен получить от них ключ от входной двери».

Жалкая участь «ночлежников»

Нехватка жилья оставалась самой сложной проблемой для продавцов и большинства рабочих, получавших гроши за свой труд. Уже в конце грюндерского бума в Берлине и крупнейших провинциальных городах по-прежнему ощущалась нехватка прежде всего дешевого жилья, сдаваемого внаем. Положение здесь не изменилось к лучшему и в наши дни. В докладе о катастрофическом положении с обеспечением жильем в рабочих кварталах Берлина, подготовленном в 1880 г., говорится: «Из 256 365 обследованных домашних хозяйств 18 318 хозяйств, или 7,1%, имели одного квартиросъемщика, а 39 298 хозяйств, или 15,3%, содержали ночлежников... Эти 39 298 домашних хозяйств с ночлежниками бросают на общую картину жилищных условий Берлина тень, которая становится намного гуще, если вникнуть в детали. Здесь, помимо прочего, имелось одно домашнее хозяйство с 34 ночлежниками, одно с 11 и еще несколько хозяйств, дававших приют от 7 до 10 человек. По одному ночлежнику мужского пола находилось в 16 192 домашних хозяйствах, а женского пола—в 9 165. Максимальное число ночлежников в домашнем хозяйстве супружеской пары, имевшей семерых детей,—8 человек, семь мужчин и одна женщина».

«Ночлежниками» были рабочие или продавцы, не имевшие собственного жилья и поэтому платившие несколько крейцеров за постель в доме посторонних людей. Не стоит особо упоминать о том, что гигиенические условия и «брачные» отношения в такой «большой семье» не поддавались описанию. В общую картину вписывается статистика продолжительности жизни рабочих. В 60-е годы прошлого столетия средняя продолжительность жизни каменщика в Берлине едва достигала 45 лет, фабричных рабочих — 43,5 года, а ткачей — всего 32 года. Самой распространенной причиной смерти был туберкулез.

Женщинам жилось еще хуже

Женщинам жилось еще хуже, чем молодым и холостым мужчинам из самых низких социальных слоев общества. Процесс индустриализации в Пруссии, как и в большинстве других германских государств, в основном отрицательно сказался на положении женщин. На протяжении XIX в. постепенно были изменены все параграфы «Всеобщего свода законов» от 1794 г., охранявшие права женщин. Так, если прежде «незамужние женщины безупречного поведения» могли требовать от отца ребенка алименты на их содержание, а в отдельных случаях даже заключения брака, то реформа закона, осуществленная в 1854 г., освободила отцов, не состоявших в супружеских отношениях, от всех финансовых обязательств.

Брачное и семейное право также все более ужесточалось в отношении положения женщин. «Даже если и следует признать, что мужчина и женщина обязаны в одинаковой степени соблюдать верность друг другу, из самой природы полов все же вытекает, что вина женщины является, как правило, более тяжелой. Значение женщины заключается прежде всего в сохранении моральной и половой чистоты, и с ее потерей, равно как и с утратой супружеского и домашнего согласия, исчезает достоинство женского пола, понижается уровень воспитания детей. При нарушении супружеской верности мужчиной честь и мир в семье в большинстве случаев не подрываются...» — говорится в поправке к проекту уголовного кодекса 1843 г.

Где бы ни работали женщины и девушки из низших слоев общества, будь то в деревне или в городе, им было повсюду очень плохо. С горечью сетовала в 1874 г. феминистка Хедвига Дом: «Для низших сословий действует, по-видимому, принцип: чем грубее и изнурительнее работа, тем лучше для женщин. Малоуважаемая и вполовину оплачиваемая работа является рабством в более мягкой форме. И это положение женщин во всех сферах мы называем свободным трудом».

Условия в людских

Для того чтобы не казалось преувеличенным все изложенное здесь, в частности имевшиеся трудности, представим данные многочисленных отчетов о положении сельскохозяйственных рабо-

чих-женщин. В одном из них говорится: «У безземельных крестьян восточных районов страны заработная плата членов семьи женского пола выплачивается главе семьи, с которым заключен контракт, зачастую даже при сдельной работе. Поэтому прежде всего экономическая зависимость вынуждает девушек бежать из деревни. Даже дочери богатых крестьян соглашаются нередко против воли родителей на работу в городском домашнем хозяйстве. Ведь в родительском доме их зависимость намного больше и им приходится выполнять более тяжелую работу, чем в городе. Очень редко они имеют в своем распоряжении наличные деньги».

Условия в людских, в которых жили батраки в остэльбских поместьях, были, видимо, настоящим адом для низкооплачиваемых и во всех отношениях бесправных работниц. Об этом, в частности, говорилось в одном исследовании евангелических союзов морали, относящемся к 1890 г. По данным этого исследования, молодые работницы были людьми, объявленными вне закона, поскольку им, «если брать во внимание их зависимое положение, редко удавалось защитить себя от посягательств хозяина, управляющего и батрака».

Деревенские работницы толпами бежали из коровников в города, где они надеялись найти себе «большую свободу». На самом же деле они получали там свободу менять одну зависимость на другую. В принципе у них было три возможности: либо они работают на фабрике, либо находят место посыльного, либо идут на панель. Они практически не имели никаких шансов пройти какие-либо курсы ремесленников, поскольку союзы ремесленников, которыми руководили мужчины, допускали женщин к исполнению чисто «женских профессий», например в шляпное дело.

Любовь была хлебом бедняков

Женщины находили себе работу преимущественно в текстильной и швейной промышленности, но даже там они постоянно получали меньше, чем их коллеги-мужчины. В этом плане мало что изменилось и в наши дни. В середине прошлого века фабричные работницы текстильных предприятий в Берлине зарабатывали в день от 3 до 6 серебряных грошей, заработок мужчин, работавших набойщиками или красителями, составлял 15—25 грошей. Феминистка Луиза Отто с возмущением писала: «Женщины, выполнявшие самую тяжелую работу, получали более низкий дневной заработок, чем мужчины... Это считается уместным, поскольку природные возможности женщин во многих случаях позволяют им выполнять меньший объем работы...» В ту пору любовь действительно была хлебом бедняков, и в этом плане фабричные девушки не составляли никакого исключения. Об этом писал один из тогдашних авторов Пауль Гёре в своей работе «Три месяца в положении фабричного рабочего и ученика ремесленника»: «Я утверждаю, что вряд ли остается целомудренной молодая девушка из рабочих семей Хемница, которой исполнилось 17 лет. Половые связи, завязанные в первую очередь на танцевальных площадках, широко распространены сегодня среди этой молодежи. Они считаются вполне естественным и само собой разумеющимся делом... Если девушка беременеет, то, как правило, они женятся независимо от того, давно они вместе

или всего несколько недель, знают друг друга или нет, подходят хотя бы чуть-чуть друг другу или нет, годятся для совместной жизни или нет...»

Обязаны работать днем и ночью

В 1882 г. в Германской империи насчитывалось почти 1,3 млн. посыльных, из них 26% составляли незамужние девушки. По этому поводу в исследовании одного приват-доцента из Берлина говорится: «Очень молодыми, еще почти детьми они поступали на службу и в возрасте около 30 лет их силы оказывались полностью истощенными... Что касается происхождения девушек, то оказалось, что свыше сорока тысяч девушек каждый год приезжают в Берлин. Основной контингент работниц дает провинция Бранденбург...

Сельская девушка представляет собой сегодня типичную фигуру берлинской служанки. Прислуга, набираемая из жителей Берлина, встречается сравнительно редко. Армия выходцев из провинции набирается преимущественно из сирот, внебрачных детей и наиболее плохо устроенных в жизни пролетарок... Приéзжая девушка в большинстве случаев чувствует себя одинокой, у нее нет никаких привязанностей. Не находит она их и в семье работодателя, который принадлежит к совершенно другому социальному классу...

Существенной отличительной чертой домашней работы, выполняемой девушкой из прислуги, является ее неограниченность во времени. Она должна работать днем и ночью. Законодательству, регламентирующему положение прислуги, чуждо понятие как сверхурочной, так и ночной работы. Одной девушке, которой пришлось в 9 час вечера в воскресенье принести из подвала несколько сотен угольных брикетов, хотя наверху было еще достаточно угля на весь следующий день, и которая пожаловалась на это в полицию, лейтенант, рассматривавший эту жалобу, ответил: «Вы обязаны выполнять работу, даже если ваши хозяева потребуют сделать это в 12 час. ночи...»

Ждать мужа и надеяться

По данным этого исследования, свыше половины служанок работали более 16 час. в сутки. В марте 1850 г. женщина-репортер *Фрауенцайтунг* так описывала бедственное положение служанок: «У меня нередко была возможность наблюдать за девушками, когда они сидели на расположенных террасами ступенях театрального здания (обычное место сбора девушек, ищущих работу. Здесь в определенное время появлялись посредницы, которые за известное вознаграждение сбывали девушек господам). Мне это место казалось невольничьим рынком Константинополя, хотя все это я наблюдала в древнегерманском христианском городе и видела при этом полные отчаяния лица бедных созданий, долгие недели проводивших здесь в ожидании работы и проедавших последние деньги, которые они принесли с собой из родных мест. Затем эту возможность использовали женщины определенного сорта, постоянно бродившие вокруг театра и «невольничьего рынка». Они умели

во время обнаружить девушек, бедственное положение которых было самым ужасным, и большими посулами соблазнить их на работу в определенного рода питейных заведениях, называвшихся «танцевальными кабачками». Только здесь и слишком поздно бедные жертвы узнавали, на что их должны использовать».

Если девушки из низших слоев общества вынуждены были работать не разгибая спины и валиться с ног от усталости, то дочерям и женам, представительницам уважаемых классов общества, категорически запрещалось выполнять любую работу. Ведь горожанин из среднего сословия оказался бы покрытым позором, если бы его жена оказалась вынужденной зарабатывать деньги. И даже если заработок мужа был скуден, жена могла, правда тайком, подрабатывать дома несколько грошей шитьем или вышиванием.

Единственной надеждой и целью жизни дочери из «порядочного дома» было найти состоятельного или живущего по крайней мере в приличных условиях мужа. Но еще в 1870 г. в Пруссии насчитывалось 1,25 млн. незамужних женщин, о которых должны были заботиться их семьи. Писательница из Кёнигсберга Фанни Левальд испытала на себе положение дочери буржуа: «А мы, женщины, с семнадцати лет сидим и сидим, ждем и ждем изо дня в день, погруженные в праздное раздумье, не явится ли мужчина, который полюбит нас в такой степени, что почувствует жалость к нашей беспомощности».

Каждый шестой ребенок родится вне брака

Мужчина, который пусть необязательно любит, но по меньшей мере платит, также оказывался последней палочкой-выручалочкой для многих обнищавших девушек простого происхождения, отвергнутых своими семьями. Уже в 1846 г. проституция была в Берлине процветающим ремеслом. В докладе, подготовленном в то время Эрнстом Дронке, говорилось, в частности: «Проституция, в первую очередь в Берлине, достигла таких масштабов, которые свидетельствуют о том, что исключительно велико число людей, понуждаемых внешними условиями существования и воспитания вступать в открытую схватку с законами морали.

Численность проституток, не считая девушек, которые прежде занимались этим ремеслом в 250 привилегированных борделях, теперь закрытых, достигает десяти тысяч. Все эти женщины относятся к наиболее бедным и всеми забытым классам. Поскольку там же проживают в целом 170 тыс. женщин, последнее означает, что одна из 17 женщин проституирует. Если же принять во внимание, что этим ремеслом занимаются женщины в возрасте от 17 до 45 лет и общая численность женщин этой возрастной группы составляет 87 тыс. человек, то проституткой оказывается уже каждая восьмая женщина.

Кроме того, в Берлине насчитывается 18 тыс. служанок, из которых как минимум 5 тыс. предаются если не открытой проституции, то хотя бы тайному распутству. Число детей, рожденных в браке, составляет 11 тыс., вне брака — 2 тыс. Таким образом, каждый шестой ребенок внебрачный».

Фабричные работницы занимаются проституцией

До конца XIX в. вряд ли что изменилось в описанном выше положении вещей. В 1890 г. в Мюнхене каждый третий ребенок рождался вне брака. В это же время берлинская полиция зарегистрировала 4039 «официальных» проституток. В конце прошлого века большая часть фабричных работниц, швей, портних, официанток и служанок вынуждены были подрабатывать себе на хлеб проституцией. Историки Барбара Дуден и Элизабет Майер-Реншхаузен высказали эту мысль в своем исследовании, вошедшем в книгу «Пруссия. К истории социальных отношений в государстве».

Подобных «социальных тенет» еще не существовало в период грюндерства. Капитализм был таким жестоким и несправедливым, каким он ныне представляется в лозунгах левацких студентов. Люди, имевшие несчастье родиться не на той стороне социального забора, отделившего высшие слои общества от пролетариата, вынуждены были дорого платить за очень быстрые и радикальные изменения, когда-либо пережитые обществом в мирное время.

Годы промышленной революции, сопровождавшиеся отвратительными явлениями (омерзительные парвеню; непосильный труд людей на фабриках; спекулянты и ловцы удач; поденщики, влачившие жалкое существование в тяжелейших условиях; женщины, вынужденные продавать душу и тело), тем не менее были необходимы, чтобы положить начало тому развитию, которое привело в промышленно передовых странах к невиданному до тех пор благосостоянию масс, практически сплошному социальному обеспечению населения, к созданию таких условий труда, которые 100 лет назад едва ли можно было себе представить.

Глава 5
ИСКУССТВО ГРЮНДЕРОВ

Промышленная революция, относительно которой некоторые историки утверждали, что она якобы была вовсе не «революцией», а медленно протекавшим «процессом структурных преобразований», изменила не только реальную экономическую действительность, но и сам характер мышления людей. Открытие того, что мир можно «творить», воодушевило поэтов и мыслителей, художников и композиторов.

Но воплощение нового мироощущения, мифа о машинах, технических изобретений и социальных преобразований в произведения искусства было связано со значительными трудностями, ведь представители образованных слоев общества продолжали жить в мире представлений, сформированных под влиянием идеализма, а их стремление к утонченности и совершенству плохо вписывалось в шумный мир фабрик и паровых машин. Даже такой ум, как Иоганн Вольфганг фон Гёте, с трудом постигал новые времена. В своей «Теории цветов» он решительно защищал идеалистические представления о природе, противопоставляя их «бездушной физике» какого-то Ньютона.

Художники тех дней должны были совершать далекие экскурсы к истокам мифологии, чтобы найти приемлемые образы для объяснения того, что разыгрывалось в промышленном районе, лежавшем между Верхней Силезией и Руром. Порой воспринимали они доменную печь как современный вариант древнегерманской «кузницы мечей» или считали локомотив «паровым конем». Иногда даже видели в фабрике земной филиал «творца всевышнего». Даже конструкторы машин вначале еще старались привести свои творения в соответствие с представлениями, передававшимися из поколения в поколение.

Они «приукрашивали» паровые машины и токарные станки изображением отдельных частей человеческого тела — рук, ног, головы,— исполненными в чугуне или дереве; называли паровозы чисто по-человечески «Адлер» («Орел»), «Блюхер», «Элиас» (имена собственные). В Англии прядильную машину нарекли «Тросл» («Певчий дрозд»), а в России угольная шахта называлась «Фридрих Великий». Наделяя машины ласкательными именами, люди хотели по-своему очеловечить мир машин, который воспринимался ими как чуждый и бесчувственный. Обладая таким же образом мышления, фабриканты распорядились изготавливать заводские ворота в неоготическом стиле или стиле необарокко. Этим создавалось впечатление, что рабочий люд попадает в церковь или театр. Даже самые святые реликвии капитализма — акции, куксы и другие ценные бумаги, дающие право на долю в имуществе новых

предприятий,— своим тщательно исполненным орнаментом более походили на суперобложку какого-нибудь любовного романа, чем на весьма прозаический документ.

Страх перед скоростью

В головах образованных людей индустриализация порождала либо наивные мечты, либо непостижимый внутренний страх. Типичным в этом отношении явился ужас, обуявший многих немцев, когда первые паровозы с «безумной скоростью» 35 км/час помчались по стране. В заключении Высшей медицинской коллегии Баварии за 1838 г. значится: «Высокая скорость непременно должна вызвать у пассажиров болезнь головного мозга, своего рода Delirium Furiosum. И если пассажиры не боятся этой страшной опасности, то государство должно по меньшей мере оградить от нее сторонних наблюдателей, поскольку в противном случае у них при виде быстро мчащегося поезда проявится та же болезнь головного мозга. Поэтому крайне необходимо обнести железнодорожные станции с обеих сторон высоким дощатым забором».

Если на первых порах связи между культурой и промышленностью несли на себе отпечаток глубокого непонимания, то в эпоху грюндерства между ними сложились довольно прагматические отношения. Новый класс состоятельных буржуа нуждался в искусстве, которое позволяло подчеркнуть солидность положения, повысить престиж и провести четкую грань между собой и нижестоящими социальными слоями общества. Со своей стороны представители искусства с благодарностью воспринимали денежные дары и использовали предоставлявшиеся им возможности вместе со своими состоятельными заказчиками проникнуть на олимп социального благополучия.

В наши дни искусство периода грюндерства не пользуется доброй славой. Для него характерны кичливость, вычурность стиля, отсутствие вкуса. И все же с ним стоит познакомиться немного поближе, ибо оно многое говорит об образе мышления и мотивах поведения людей того времени. Более того, то искусство не настолько хуже низкопробных произведений, которые фабрикуются сегодня под видом настоящих произведений искусства. Лишь в самое последнее время работники сферы искусств и художественные критики, в известной мере преодолевая сложившиеся здесь предрассудки, начинают вновь серьезно заниматься тем, что было создано тогда в этой области.

Предприятия хотели иметь «аристократический» вид

По мере того как технический прогресс в эпоху машин все более ускорялся, интерес предпринимателей к технике падал. Они стремились приобрести дворянские титулы и общественный вес, добиться признания со стороны высших слоев. Поэтому их дома и жилье должны иметь, по их мнению, более «аристократический» вид. Ну, а что же было более благородно и знатно, чем искусство былых

времен? И вот архитекторы и художники, ваятели и столяры-мебельщики прошлись по истории стилей с одной-единственной целью — выяснить, что же, собственно, в различные эпохи относилось к «знатному», «аристократическому»: искусство Древнего Египта и Древней Греции, стиль эпохи Возрождения или барокко.

Теперь уже и представители искусства, подобно своим клиентам-грюндерам, обращавшимся к давно известным изобретениям в интересах организации прибыльного массового производства, использовали элементы прежних стилей для создания своих не менее доходных произведений. В Берлине и Рейнланде, на берегах Альстера и в Мюнхене появлялись дома буржуа в стиле необарокко, строились классические здания оперных и драматических театров, возводились неоготические соборы и виллы в стиле неоренессанса. Разбогатевшие бюргеры Кёльна собрали крупную сумму денег, чтобы завершить наконец возведение собора, остававшегося на протяжении столетий недостроенным. И даже во всемирно известном кафедральном соборе в Ульме на берегах Дуная были построены его последние «готические» арочные контрфорсы.

Впрочем, эти бюргеры отождествляли себя со своими предками скорее из эпохи Возрождения, чем периода более аскетической готики. Ведь и тогда, в XV и XVI вв., такие бюргерские семейства, как итальянские Медичи или швабские Фуггеры, смогли подняться до самой вершины социальной иерархии. А это импонировало нуворишам XIX в. Уже в эпоху Возрождения разбогатевшие на торговле сукном и пряностями, на добыче золота и меди патриции приобретали общественный престиж за счет щедрого меценатства. В результате переосмысливания творчества античных предшественников, бравшегося за пример для подражания, наступил период расцвета европейского искусства, когда создавали свои бессмертные творения Леонардо да Винчи и Рафаэль, Микеланджело и Тициан. Художники нового поколения задавали себе вопрос: почему не может появиться вновь что-то похожее?

Страстное влечение к величию и прочной славе, материальному благосостоянию и социальному признанию эти представители искусства делили с грюндерами второго поколения. Если пионеры промышленности все еще оставались невзыскательными техниками и торговцами, которым вполне достаточно было одной гордости за выполненную работу, то их наследники искали признания уже за стенами своих фабрик и заводов. Деятели искусства, работники системы образования и воспитания, представители имущих слоев населения периода грюндерства были одного мнения в том, что они жили в «великое» время, хотя им не всегда было совершенно ясно, в чем, собственно, заключается это «величие».

Промышленник как «сверхчеловек»

Представители искусства видели в предпринимателе исключительного человека, сравнимого разве что с героями античного мира. Исключительный индивидуализм, превратившийся в конечном счете в культ гениального человека, полностью отвечал жизненному восприятию, присущему высшим слоям общества. Прославлялись дела отдельных людей, и при этом упускалось из виду то обстоятель-

ство, что они свершались только благодаря усилиям очень многих. Если сегодня, напротив, многие социологи и историки принижают значение отдельно взятого достижения и считают основной силой, формирующей историю, группо-динамические процессы, то в те времена восхищались великими делами «сверхчеловека».

Лучше всех суть героизма грюндерской эпохи выразил Фридрих Ницше, в трудах которого можно найти такого рода тезисы: «В области культуры нет более серьезной тенденции, чем формирование и становление гения... Народ — это окольный путь природы, выводящий на шесть или семь великих людей... Ни государство, ни народ, ни даже человечество не существуют сами по себе; цель заключена в их авангарде, в великих «одиночках», святых и представителях искусства... Человечеству следует беспрестанно работать над тем, чтобы создавать отдельных великих людей. Это, и ничто другое, является его задачей».

Героическое имело место и тогда, когда Рихард Вагнер, долгие годы состоявший в дружбе с Ницше, колдовал над своими партитурами. Композитор прошел путь от неудавшегося революционера и критика капитализма до по-настоящему очень талантливого обиралы господствующего класса. На деньги баварского короля Людвига II, страдавшего небольшим помешательством, Вагнер построил в Байройте свой собственный пантеон. Уже в 1876 г., т. е. в год открытия, пантеон полностью проявил свою притягательную силу,— силу своего воздействия на публику, типичную для эпохи грюндерства. Многозначительная музыка Вагнера, наполнившая звучанием гегелевский Абсолютный дух, как и его другие музыкальные темы, заимствованные в своем большинстве из германской и древнегерманской истории, пришлись по вкусу националистически настроенной буржуазии.

И хотя Вагнер был гениальным композитором, все же большие способности он проявил как финансист. Не имея ни гроша в кармане, с помощью одной лишь ярко выраженной силы воображения он сумел выколотить сотни тысяч марок на строительство дворца для проведения всевозможных торжеств. Он, например, убедил опьяненного красотой баварского короля Людвига II в том, что тот ничто в царстве искусства, а он, Вагнер, самый настоящий князь там. Король, для которого правление страной не значило ничего, а искусство было очень дорого, поспешил покрыть наметившийся у Вагнера дефицит в средствах непрерывными денежными пожертвованиями.

«Все рассчитано на производимый эффект»

Ничто так сильно не импонировало истинным титанам периода грюндерства, как манеры самоуверенного, высокопарного поведения. Поэтому самые умные представители искусства стремились подогнать свой образ жизни под представления о нем своих меценатов. Лучше всего это удалось «живописцам-князьям» Хансу Макарту и Францу фон Ленбаху. Техника, в которой писал Макарт, была совершенной. Он отдавал предпочтение крупным полотнам, исполненным в стиле и на мотивы эпохи Возрождения. Чтобы добиться оптимальной сочности картины, некоторые краски он

смешивал с металлическим порошком, а в качестве основы брал не холст, а битумированный картон.

В своем многотомном труде «Вехи германской культуры с 1870 г. до настоящего времени» Рихард Хаман и Йост Херманд писали о Макарте, оборудовавшем для себя за государственный счет громадное помпезное ателье на венском Гутсхаузгассе: «Все рассчитано у него на производимый эффект, на опьяняющий дурман и декорации. Пожалуй, самым роскошным экспонатом было его ателье, меньше походившее на мастерскую художника, чем на музейный павильон, весь заполненный самыми разнообразными произведениями искусства и предметами роскоши, которые были подобраны таким образом, чтобы они производили на почитателей впечатление гигантского полотна, написанного в стиле барокко. Время посещения: с 16 до 17 час. Аристократы и финансовые тузы платят по двойной таксе».

«Государственная студия» Макарта, за финансирование строительства которой князь Константин фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрст ходатайствовал перед императором Францем Йозефом I, описана в 1886 г. искусствоведом Робертом Штясны: «Там на богато украшенном орнаментами немецком ларе в стиле ренессанс можно увидеть китайский идол или эллинскую Анат, выполненные из терракоты; под балдахином, поддерживаемом двумя витыми колоннами эпохи позднего Рима,— латы воина; в узком одностворчатом шкафу старо-итальянской работы блистает своим великолепием коллекция восточных тюбетеек, расшитых золотом и жемчугом; глазам посетителей представляется женский поясной портрет, помещенный в фантастически красивую деревянную рамку, которая установлена на высокой каминоподобной подставке; картину с двух сторон обрамляют эффектные Аллегории; ковры из Смирны и гобелены покрывают стены, на которых контрастно выделяются прекрасные копии с картин старых итальянских и голландских мастеров; люстры, лампы необычайных форм, светильники в виде женских фигур заставляют скользить взгляды вверх, к потолочным фрескам; античное и средневековое оружие украшает дверной архитрав, а там заполняет угол. И сидя на удобной мебели и инкрустированных стульях в окружении бюстов, скелетов животных, мумий, олеандров и музыкальных инструментов, люди мало-помалу приходят к постижению гармонии искусства в беспорядочно бущующем и кажущемся пустым великолепии».

Позировали дамы из общества

Художник привык принимать заказчиков и поклонников среди всей этой рухляди, подобно владетельному князю. Когда он в 1873 г. в своем ателье выставил широкоформатную картину «Въезд императора Карла V в Антверпен», здесь побывало 35 тыс. человек. Венцев привлекал сюда не только чисто художественный интерес. Своего рода приманкой служил пущенный Макартом, который был хорошим психологом, слух, что он якобы писал портреты молодых придворных дам в коротких, легких одеждах с дам высшего света Вены.

Макарт и его коллеги по призванию умели мастерски удовлетворять тщеславие своей состоятельной клиентуры. Свои картины они драпировали плюшевыми гардинами, которые привыкли распахивать театральным жестом, едва только появлялся заказчик с толстым кошельком. Такие художники, как Макарт, Ленбах, Пилоти или Гляйре, в лучшие свои годы брались за кисть, только если уже имели твердый и хорошо оплаченный заказ.

Торговец Николаус Эдлер фон Думба с мастерством продемонстрировал, что же представляет собой «венский парадный стиль». Для внутренней отделки своего построенного в 1870 г. городского дворца он пригласил сразу двух самых дорогих художников: Макарт оборудовал и обставлял рабочий кабинет хозяина, а Густав Климт, не менее известный художник, работавший в стиле модерн,— музыкальный салон. Дворец Думба представлял собой самый настоящий «винегрет» различных направлений и стилей, театр абсурдов с постоянной сменой картин и декораций на сцене.

Менее зажиточные обожатели Макарта утешались тем, что заказывали себе шляпы тех фасонов, в которые мастер привык одевать дам на своих картинах. «Шляпы Макарта» в один миг стали очень популярным фирменным товаром. То же самое происходило с «воротничком Макарта» и «букетсм Макарта», составленным из высушенного камыша, трав, осенней листвы и пальмовой ветви. В годы грюндерства он непременно присутствовал в любом доме буржуа, в котором хотели иметь что-то на его «вкус».

Макарт, художник-князь

Князья-художники превратились в настоящих идолов просвещенной публики благодаря тому, что устраивали пышные публичные торжества. Это были балы искусств или торжественные шествия, на которых великие эпохи в истории человечества отображались с помощью декораций и при участии актеров в театральных костюмах. «Одним из крупнейших событий подобного рода было организованное Макартом в Вене в 1879 г. шествие. Оно продолжало жить в рассказах современников, бывших в упоении от него. По своей пышности и великолепию красок с ним не мог идти ни в какое сравнение даже торжественный въезд в город князя. «Вероятно, в мыслях художника постоянно витали представления о больших триумфальных шествиях эпохи Возрождения и барокко, для которых такие мастера живописи, как Дюрер и Рубенс, создавали проекты триумфальных ворот»,— делают предположение Рихард Хаман и Йост Херманд. «Куда ни бросишь взгляд, всюду видишь тела, праздничные наряды, оружие и лошадей, цветы и венки. Театральное представление в любом смысле этого слова: театр, маскарад! Не история, а праздник искусств!»

Если Макарт жил в Вене, то Михаэль фон Монкачи устроил свою резиденцию в Париже. Собственно говоря, его имя было Михаэль Либ, и был он бедным учеником столяра в тот момент, когда открыл в себе талант к живописи и чутье угадывать желания публики. В течение всего нескольких лет он сколотил себе солидное состояние, создавая жанровые картины драматического плана (типичный для него мотив: «Последний день приговоренного к смер-

ти»). Затем он женится на французской баронессе, и, наконец, он строит барский дом на фешенебельной авеню де Вилье, в котором он мог устраивать приемы на 800 человек.

В Мюнхене не меньшие расходы имел Франц фон Ленбах, который в созданных им портретах воздавал должное, пожалуй, прежде всего чувству собственного достоинства грюндеров. Он занимал не один городской дом, а располагал несколькими дворцами в стиле ренессанс, которые находились, само собой разумеется, не позади хорошенького палисадника, а в центре просторно раскинувшегося парка с фонтанами в стиле барокко. «Спрашивается, откуда такой художник возьмет время для работы, если ему предстоит устраивать праздники и подчеркивать свое высокое положение в обществе, если ему нужно постоянно заботиться о сохранении и приумножении своего состояния, если он, подобно рантье крупного масштаба, должен каждодневно изучать курсовые бюллетени и делать соответствующие оценки»,— терялись в догадках Хаман и Херманд.

Потребность в «величии»

Если мастер приглашал знатных людей своего времени — царствующих особ, министров, крупных землевладельцев и промышленных баронов — на сеанс в свою роскошно отделанную студию, то держал себя свободно и непринужденно, как и сами приглашенные. Это не отношения, принятые между клиентами-заказчиками и исполнителем заказа, а встреча между господами, обладавшими властью, и метром, обставлявшим все с большим блеском и великолепием. Самым известным объектом творчества Ленбаха был Бисмарк, с которого он написал десятки портретов. Для многих художников своего времени рейхсканцлер был просто человеком, наделенным большой властью, живым воплощением ницшеанского «сверхчеловека».

Словно полубоги из совершенно другого мира, сверху вниз взирали на простую публику написанные Ленбахом истуканы, взгляд был мрачен, полон раздумий и собственной значимости. Ведь в своем презрении к людской толпе представители высшего света были неизменно едины. Неравенство (людей), зависимость (рабочих), недружелюбие (между собой) — в этом заключалось их кредо, как-никак Французской революции не исполнилось еще 100 лет!

Потребности грюндерского периода в «величии» и благородстве породили столь различные по своей природе феномены, как культ Гёте, «Кольцо» Вагнера, «Заратустру» Ницше, крупповскую виллу «Хюгель», венский Ринг и баварские королевские замки. Ни одна идея не представлялась художникам-монументалистам этой эпохи чересчур смелой. Разве можно было вообразить себе что-то такое, что нельзя было бы осуществить. Фердинанд Лессепс отделил Африку от Азии Суэцким каналом. В Париже барон Жорж Ойжен Хаусман провел огромные просеки по облику города, складывавшемуся веками. Под Рюдесхаймом на Рейне архитектор Карл Вайсбах и скульптор Иоганнес Шиллинг воздвигли 38-метровый «памятник немецкой нации», отлитый из бронзы и весивший 75 т.

Герои, созданные немецким умом, с большим удовольствием воздавали почести крупным историческим фигурам независимо от того, какое имя они носили — Гёте, Лютер или Микеланджело. Так, весьма начитанный для своего времени искусствовед-историк Герман Гримм обожествлял своих друзей-гениев: «Породнившись между собой, словно члены невидимой аристократической семьи, они стоят перед нашим взором вплотную друг к другу в каком-то светлом облаке: столетия и национальности не разделяют их; Рафаэль и Фидий протягивают друг другу руки; Фридрих Великий стоит к нам не ближе, чем Цезарь, а Платон и Гомер находятся от нас не дальше, чем Гете и Шекспир... Безотчетно мы кладем к их ногам все то значительное, что происходит в мире, и ожидаем их приговора».

«Обогащайтесь!»

Хайнрих фон Трайчке, придворный историк грюндеров, задает тот же самый тон, когда воспевает Гёте: «Он вступил на свое поприще, полностью осознавая свою исключительную одаренность, и призвал свояка Кроноса трубить в рог, чтобы в подземном мире услышали: идет князь!» Фридрих Ницше заставил понапрасну ждать еще одного, когда он за эталон своего «сверхчеловека» принял великого негодяя эпохи Возрождения Чезаре Борджиа и прославил его как «опасного, прекрасного хищника», который одним ударом лапы разрушил все буржуазные представления о морали.

Совершенно ясно, что поклонники исключительных, необычных людей, обитавшие в художественной среде, всегда находили пригодные на все случаи жизни мотивы, оправдывавшие нечестивую охоту за деньгами. Как в прошлом ханжи и святоши, они объявляли богатство праведным вознаграждением за ведение жизни, угодной богу. «Обогащайтесь!» — так звучал категорический императив периода грюндерства, импортированный из Франции. Богатый является богатым милостью божьей, бедный беден по той же причине. Таково было мировоззрение социал-дарвинистов. Иными словами, буржуазия, в сущности, копировала уловки аристократии, которая на протяжении сотен лет божьим милосердием отстаивала свои притязания на господство.

Разумеется, было бы неправильно оценивать значимость периода грюндерства только по официозному искусству поклонников культа героев. На самом деле период 1835—1890 гг. был одним из самых плодотворных в истории европейского искусства. Помимо чопорной и скучной придворной живописи Антона фон Вернера, оно было представлено весьма точным в деталях реализмом Адольфа фон Менцеля, романтическими картинами Каспара Давида Фридриха, аллегориями Арнольда Бёклина, идилическими сценками Шпицвега.

В Германии успешно развивалась школа первоклассной крестьянской живописи, лучшими представителями которой были Вильгельм Ляйбл и Франц фон Дефреггер.

Понятие «грюндер» было оскорблением

Во Франции представители Барбизонской школы живописи создавали отличавшиеся хорошим настроением пейзажи, а импрессионисты и пуантилисты начали опрокидывать законы академической живописи. У нынешних знатоков искусства эта «антикультура» пользуется большим уважением, чем придворная живопись, которая в те годы была увенчана славой.

Невозможно себе представить, что в Германии будто не было в области культуры никакой оппозиции оппортунизму грюндерских лет. Напротив, берлинский сатирический журнал *Кладдерадач* («Трах-тарарах») неизменно помещал на своих страницах едкие карикатуры на грюндеров, да и само это понятие на первых порах имело пренебрежительный оттенок. Генрих Цилле подвергал острой социальной критике «рабочую среду» Берлина, создавая карикатуры на весьма злободневные темы. Точно так же и писатель Фридрих Шпильхаген в своем наделавшем много шума романе «Штормовой прилив» всячески поносил спекулятивную лихорадку грюндеров: «Граф дал знак; он мог уже не удивляться, что в следующие полчаса разговор шел исключительно о делах. С его стороны он велся столь старательно и заинтересованно, что кровь ударила ему в голову. Он осушал стакан за стаканом.

В разговоре переходили от «Кайзерин-кёнигин-хютте» к «Нидерзексише машиненфабрик», от нее к Берлинской северной железной дороге, а от этой последней к Берлинско-Сундинской дороге. Господа могли сообщить интереснейшие подробности из ее истории, из истории железной дороги, которая после столь блестящего почина стояла на грани банкротства. Но так все выглядело только в глазах людей, которые не знали, что курс ценных бумаг искусственно понизили, чтобы получить возможность скупить обратно акции, те самые акции, курс которых должен был вновь пойти вверх, т. е. воскреснуть из пепла, как птица феникс. И это произойдет, как только получат концессию на продолжение строительства дороги.

Хотел бы господин граф принять в этом участие? Теперь как раз самый подходящий момент! У господина графа нет наличных денег? Это просто шутка! В этом деле деньги вообще не играют никакой роли! Сколько желает господин граф? 50 000? 100 000? 150 000? Господину графу остается лишь назвать сумму! Господин граф не должен был ничего дарить! Заявление господина графа, что он, возможно, войдет в дирекцию железной дороги на острове, само по себе оценивается единомышленниками в 50 000. «Ловлю господ на слове»,— вскричал граф».

Дорога на Луну

Чуть позже автор высмеивает гигантоманию грюндерских прожектеров: «Объектом должна стать дорога по воздуху на Луну, при этом сохраняется право на продолжение дороги до Большой Медведицы. Это произойдет в момент, когда человек на Луне посеребрит на предприятии свой последний золотой рог. В качестве акционерного капитала Филипп предлагает семь миллиардов неподвижных звезд. В ответ на это нотариус общества считает себя вправе

напомнить о том, что этот сорт монет может породить на бирже неприятные ассоциации идей. Не окажутся ли более доверительными «кометы»? Ну, а кроме того, их должно было бы быть десять миллиардов, поскольку многие из них находятся на неверном пути и их даже с помощью громадных весов невозможно было бы отличить от метеоритов. 10 миллиардов были подписаны в одно мгновение».

Не менее дерзко, только гораздо искуснее расцарапывал Генрих Гейне национальную гордость немцев. По поводу памятника Арминию в Тевтобургском лесу, сооруженного в 1838—1875 гг. по проекту Эрнста фон Банделя в Готенбурге под Детмольдом, ему на ум пришли следующие стихи:

Вот он, наш Тевтобургский лес!
Как Тацит в годы оны,
Классическую вспомним топь,
Где Вар сгубил легионы.
Здесь Герман, славный херусский князь,
Насолил латинской собаке.
Немецкая нация в этом дерьме
Героем вышла из драки.
Когда бы Герман не вырвал в бою
Победу своим блондинам,
Немецкой свободе был бы капут
И стал бы Рим господином.
А Шеллинг бы, Сенекой став, погиб,
Сраженный таким конфликтом,
Корнелиус наш услыхал бы тогда:
«Cacartum non est pictum!» *
Слава господу! Герман выиграл бой,
И прогнаны чужеземцы,
Вар с легионами отбыл в рай,
А мы по-прежнему — немцы.
Наш Раумер — тот же немецкий босяк,
Хоть дан ему орден, я слышал,
И шпарит рифмами Фрейлиграт:
Из него Гораций не вышел.
О Герман, благодарим тебя!
Прими поклон наш низкий!
Мы в Детмольде памятник ставим тебе,
Я участвую сам в подписке **.

Те, кто не заразился грюндерской лихорадкой и не хотел глумиться над этой страстью, находили целительный отдых в тривиальных романах Хедвиги Куртс-Малер, пробирались через Дикий Запад Карла Мея по следам «Сокрушающей руки». В высших кругах говорили о «прекрасной эпохе» (1888—1899) или о «конце века». В 1888 г. в Париже состоялась первая постановка одноименной комедии. В обоих случаях имелось в виду одно и то же, а именно чувство того, что ты живешь в столь прекрасное, дающее наслаждение время.

* «Пачкотня — не живопись!» (лат)
** Генрих Гейне. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1981, т. 2, с. 391—392.

Время расцвета кафе

В те времена любимыми литературными героями были Сноб и Дэнди, а в Вене еще и граф Бобби. Жизнь разбогатевших в период грюндерства бездельников протекала главным образом в частных салонах или общественных кафе, таких, как «Демель» в Вене или «Кранцлер» в Берлине. Там обсуждали самое последнее «дело», которое с невероятной точностью вновь раскрыл Шерлок Холмс, умелый детектив Артура Конан Дойля. Или сплетничали по поводу мемуаров художника Ансельма Фойербаха, в которых он признавался, что покинул Вену в гневе, вызванном успехами его конкурента Ханса Макарта.

Ехали на воды — в Киссинген или Мариенбад — и боялись венерических болезней, приходили в восхищение от великолепных конных статуй Райнольда Бега (как перед рейхстагом в Берлине), в шикарных вагонах-люкс новых железных дорог листали путеводители Карла Бедекера и, пожимая плечами, выслушивали сообщение о том, что в 1880 г. в Бремене был создан немецкий клуб для занятия «футболом», игрой, привезенной из Англии. В первую же очередь они были заняты тем, чтобы утвердить свое положение в обществе позднего грюндерства.

Ведь в этом отношении ничего не изменили ни революция 1848 г., ни трудолюбие грюндеров, ни даже честолюбие буржуазии, стремившейся сколотить состояние и получить образование. В результате до окончания первой мировой войны Германия оставалась сословным государством. Процесс индустриализации дал немногим возможность сосредоточить в своих руках огромные богатства. Он не ликвидировал, а обострил социальные противоречия.

Вот почему Хаман и Херманд критически отмечали: «Разбогатевшая буржуазия могла теперь свысока взирать на рабочее сословие, что позволяло ей воспринимать себя существом более высокого порядка. Поэтому принадлежащий буржуазии капитал не стал освободителем. Напротив, он прилагал все усилия для того, чтобы на базе денежной собственности и получения денег вновь оживить старые формы рангов и сословий. Так, при приеме лиц в офицерский корпус определенную роль наряду с родовой аристократией неожиданно стал играть и капитал».

«Физический труд бесчестит»

Присвоение буржуазии, крепкой в финансовом отношении, таких титулов, как, скажем, коммерции советник, или возведение ее в дворянское сословие сделали для образования новой касты больше, чем требовалось. Сыновья рабочих с самого начала не имели никаких шансов попасть в среду офицеров. Впрочем, этого лишались и сыновья состоятельных родителей, которые зарабатывали деньги еще вполне очевидным для других способом. Это были, например, торговцы, продолжавшие стоять за прилавком вместо того, чтобы заставлять работать на себя других, как это уже делали предприниматели и фабриканты. «Физический труд бесчестит», — говорили в этих кругах.

Уловкой, с помощью которой аристократия делала нарождавшуюся буржуазию сговорчивой, было провозглашение ею идеала «знатности». Быть просто трудолюбивым, а следовательно, и богатым теперь оказывалось уже недостаточно. Чтобы стать знатным, следовало шире копировать манеру поведения аристократии. Нуворишей высмеивали как простых выскочек, и в светских кругах потешались над их неловкостью. Чем больше выскочки приспосабливались к «старым» деньгам, тем прочнее становились позиции высших слоев дворянской аристократии.

Представители искусства прилагали немалые усилия для того, чтобы укрепить существовавшие в социальном положении различия. По этому поводу Хаман и Херманд писали: «Между родовой и денежной аристократией на одном полюсе и духовной аристократией — на другом лежала целая пропасть с точки зрения их положения в обществе и социального восприятия окружающего. Трайчке охарактеризовал эту пропасть давнею полузвериною ненавистью лейтенанта к профессорам. Представители искусства того времени старались преодолеть ее за счет содержания у себя истинно княжеского двора, что стоило громадных денег. Одновременно они выходили на тот социальный уровень, который препятствовал их духовному творчеству. И все же некоторым из них удавалось пребывать в обществе королей и дворянской аристократии».

Ставя философов и историографов по величию духа на верхние ступени иерархической лестницы, представители искусства делали их равными себе и тем самым дестабилизировали положение буржуазии, стремившейся владеть вполне осязаемым состоянием. Самих себя они причисляли к лагерю власть имущих, т. е. прибегали к уловкам, на которые еще и сегодня попадается мелкая буржуазия Западной Германии.

Глава 6
МОНСТР ПО ИМЕНИ КРУПП

Самая удачливая — что касается богатства, могущества и удачливости — фигура среди основателей тяжелой промышленности последнего столетия не может быть, собственно говоря, даже названа грюндером в прямом смысле этого слова: Альфрид (позднее он стал именовать себя Альфред) Крупп, родившийся в 1812 г. в г. Эссене и уже в нежном возрасте 14 лет считавшийся «фабрикантом». Империя, которую Альфред Крупп создавал на протяжении 75 лет жизни, до 1967 г. носила имя его отца — Фридриха Круппа из Эссена.

Что же все-таки представляла собой фирма, бразды правления которой взял в свои руки после смерти отца этот долговязый и тощий как жердь юноша с бледным лицом? Имеет смысл поподробнее познакомиться с этой стороной дела, несмотря на то что история дома Круппов была изложена уже в многочисленных описаниях жизни, то благоговейно-восхищенных, то наполненных завистью и ненавистью или же проникнутых неприкрытым цинизмом. Потому что жизнь этого Альфреда (иначе Альфрида) Круппа в ее патологической увлеченности и одержимости отражает все безрассудство авантюры под названием «промышленность», включая ее гуманные и разрушительные аспекты.

«Имя Крупп звучит подобно хриплому лаю недалекой уже гаубицы, жестко и угрожающе»,— считал Бернт Энгельман. Или: «Рабочий был для него самым дорогим товарищем, потому что он был одним из них»,— восторгался во времена Гитлера официальный биограф Круппа Вильгельм Бердров.

Возникает вопрос, было ли большим, чем простой случайностью, то, что именно Круппы стали самой состоятельной в Европе семьей, вызывающей у всех чувство страха перед династией «пушечных королей», людьми, которые в разное время давали работу более чем 100 тыс. рабочих и командовали самым крупным промышленным комплексом Германии? Имей семья Круппов счастья одной крупицей меньше, уже в первой четверти прошлого столетия все дело могло бы завершиться обычным банкротством. Основатель фирмы Фридрих был полнейшей бездарью, которого его более везучий сын, вероятно, не принял бы в свою контору даже в качестве посыльного.

«Фабрика», оставшаяся после Фридриха, состояла из полуразвалившегося строения и находилась в одном часе пути к северу от Эссена на реке Берне. В этом сарае слонялись без дела пятеро брюзжащих рабочих, уже длительное время не получавших заработной платы. Когда 8 октября 1826 г., не достигнув возраста 40 лет, основатель предприятия умер от воспаления легких, оно уже давно пришло в упадок. За год до его смерти предприятие вычеркнули

вначале из списка налогоплательщиков, а затем и из торгово-промышленного реестра города. После смерти главы семейства вдове и его четырем детям осталась лишь куча долгов.

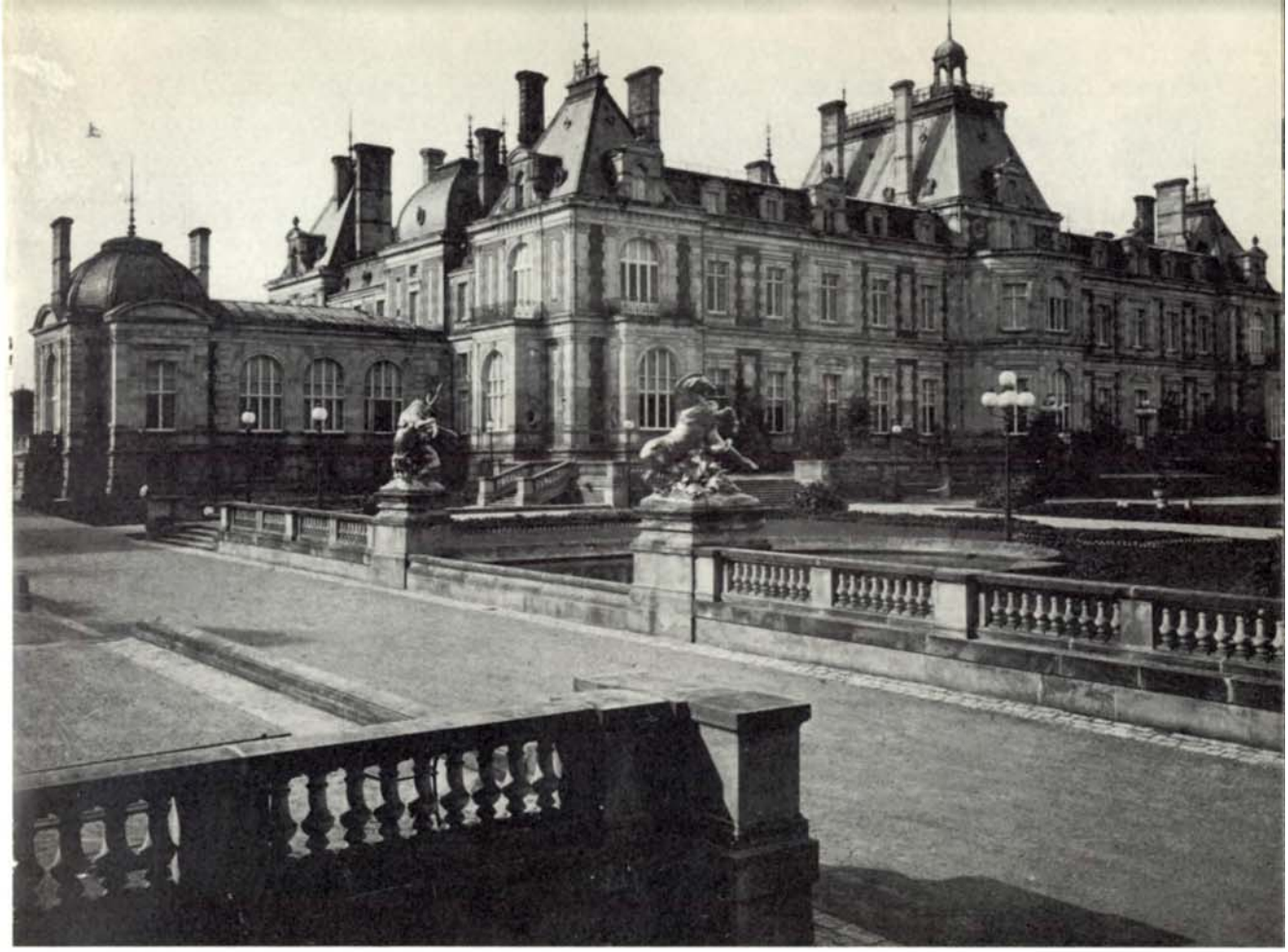
«Крупша с кошкой-копилкой»

Однако никто из носивших имя Крупп не имел права банкротиться. Эта династия, в течение столетий проживавшая в Эссене, не могла пережить такой позор. Первый Крупп в династической линии (его именовали еще Крупе) был занесен в книгу жителей Эссена уже в 1587 г., а в конце Тридцатилетней войны его внук Маттиас стал городским секретарем, т. е. занимал высокую должность, которую семья удерживала за собой более 100 лет. Круппы торговали винами и водкой, домами и земельными участками, а также оружием и патронами.

Городской секретарь, носивший имя Дитрих Крупп, был уже самым крупным в Эссене налогоплательщиком, что, впрочем, не много значило, так как сегодняшняя промышленная метрополия в ту пору представляла собой сонный провинциальный городок, насчитывавший всего 3 тыс. жителей. Самой примечательной фигурой среди тех ранних Круппов была женщина, а именно Хелена Амалия Ашерфельд. Девятнадцатилетней девушкой она вышла замуж за сорокапятилетнего Фридриха Йодокуса Круппа, которого пережила на 53 года (муж умер уже через 6 лет после заключения брака). Эта дама известна тем, что ее прозвали «Крупшей с кошкой-копилкой»: в наследство от своего усопшего супруга она получила толстенные пачки наличных денег, которые предпочитала носить на себе, обвязав их вокруг талии.

Столь же умная, как и красивая, вдова, бабка будущего банкрота Фридриха, со всем рвением отдавалась делам. Массово скупала она недвижимость, расширила торговлю семейства Круппов за счет красок и текстиля, приобрела небольшую фабрику, на которой изготавливался нюхательный табак, и, наконец, агентство по распространению лотерейных билетов. Она была первым в семье человеком, который проявил интерес к зарождавшейся горной и металлургической промышленности. Амалия Крупп, урожденная Ашерфельд, как она себя сама именовала, в 1800 г. купила у разорившегося владельца в Штеркраде под Оберхаузеном заброшенный металлургический завод «Добрая Надежда», который явился зародышем крупнейшего в Европе машиностроительного концерна «Гутехоффнунгсхютте». Семь лет спустя она перевела этот завод, производивший кухонные приборы и земледельческие орудия, на имя своего девятнадцатилетнего внука Фрица.

Юный сорвиголова основательно разорил небольшое, но солидное предприятие. Вскоре после женитьбы своего явно бесталанного внука энергичная бабушка, не спрашивая его, с большой выгодой продала завод одному из родственников. Впрочем, у покупателя не было оснований сожалеть об этой сделке. Его звали Хайнрих Гуиссен. Совместно с Герхардом и Францем Ханиэлями, с которыми он находился в прямом родстве, и дальним родственником Готлобом Якоби он уже длительное время управлял процветавшим торговым предприятием в Руре. Потомки тех энергичных деловых партнеров



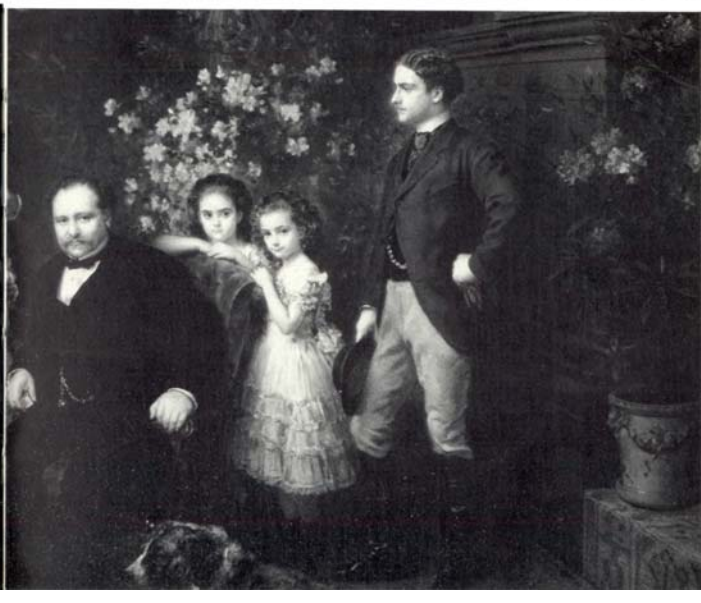
Замок Нойдек в Верхней Силезии

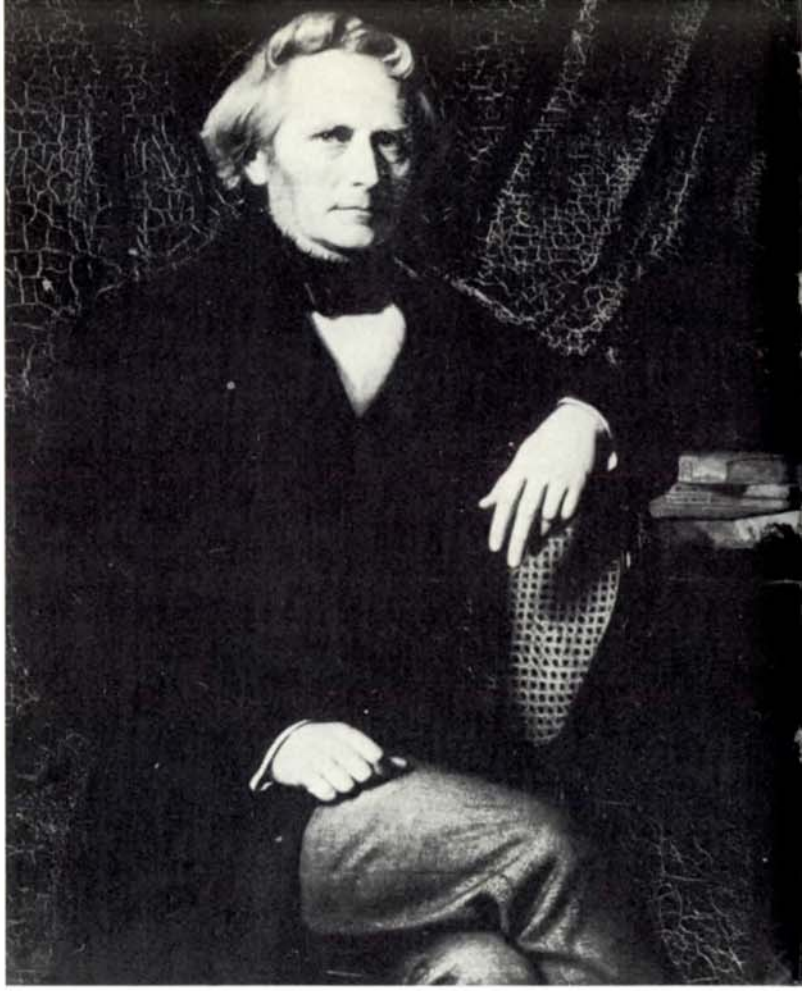
Граф Гвидо Хенкель фон Доннерсмарк (1870)

Громадный портрет Терезы Паивы в росписи потолка во дворце Хенкеля на Елисейских полях в Париже

Открытие 7 декабря 1835 г. первой железной дороги в Германии, соединившей Нюрнберг и Фюрт

Железнодорожный король Бетель Генри Штроусберг в кругу своей семьи (с картины Людвига Кнауса)





Фридрих Харкорт (1793—1880) — один из родоначальников западногерманской промышленности и железнодорожного транспорта (с картины Георга В. Фолькхарта)

Первая немецкая фабрика, построенная Ф. Харкортом в 1834 г. в г. Бург Веттер. Позднее на ее месте возник машиностроительный концерн «ДЕМАГ АГ»

Карл Фердинанд фон Штумм-Хальберг, «король Сааравии»

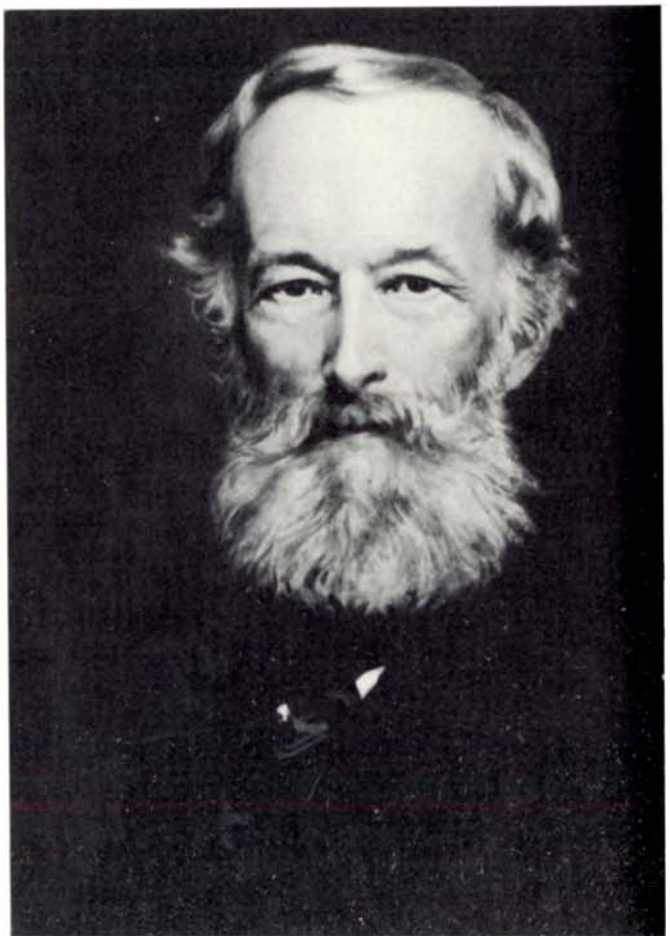
Аугуст Тиссен, один из крупнейших основателей концернов в Руре

Бессемеровская технология выплавки стали (гравюра на дереве, 1886 г.)

Вилла «Хюгель» в Эссене

Старое здание фирмы Круппа, оставленное на территории завода

Учредитель концерна Альфред Крупп



Гигантская пушка Круппа на Всемирной выставке в Париже в 1867 г.

Мощный паровой молот «Фриц» (1862)

Райнхард (слева) и Макс Маннесман (справа)

Технология изготовления бесшовных труб, разработанная братьями Маннесман

Типичная парадная вилла, построенная в Берлине в период грюндерства

Внутреннее убранство светских салонов богачей: квартира директора банка Лессера на Бендлерштрассе

Фрайхайт— международный печатный орган анархистов

Кладдерадач («Трах-тарарах!»)— юмористический листок

Гартенлаубе— иллюстрированный семейный журнал

Redaktion & Expedition
John Müller, New York, City
Post Office Box 3135.
Preis:
1 Exemplar 5 Cts.; 1 Quartal 50 Cts.
Dritte Vorausbezahlung.

Freiheit.

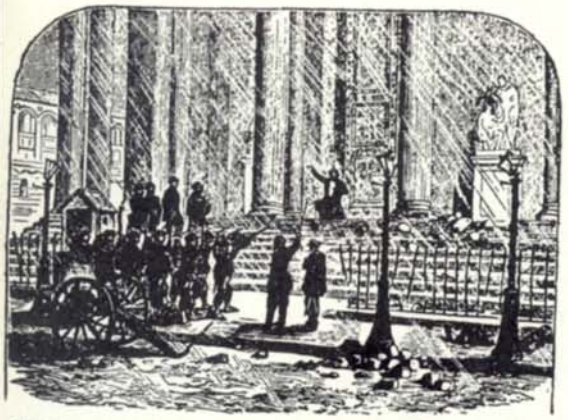
Korrespondenzen:
Redaktion, Expedition, Korrespondenz:
Man wende sich an die
Vertrauensleute
in London.
Preis per Quartal 2 Mark;
in Couvert 4 Mark.

Internationales Organ der Anarchisten deutscher Sprache.

No. 11. 10. Jahrg. London und New York, 10. März 1888. Preis 5 Cents.

Zur Erinnerung an die soziale Revolution vom 18. Maerz 1871.

VIVE LA COMMUNE!



Milliere wird auf den Stufen des Panthéon auf Betreiben Jules Favres erschossen — 26. Mai 1871. Er stirbt unter dem Rufe: „Es lebe die Menschheit!"

Ni
Dieu
Ni
Maitre!

Pulver
und
Blei
macht die Welt frei!

Brod ist Freiheit,
Freiheit Brod!

Die Commune begräbt ihre Todten während der blutigen Woche auf dem Pere la Chaise — Mai 1871.

Nr. 18. Berlin, den 18. April 1869. XXII. Jahrgang.

Kladderadatsch.

Wochenkalender.

Montag, den 19. April.

Die Ausstellung des Macart'schen Bildes wird in Paris untersagt, weil es die nackte Wirklichkeit — in Paris — darstellt.

Dienstag, den 20. April.

Die „Antiope" des Correggio im Louvre wird verhüllt, weil sie, wie Cora Pearl behauptet, die Tugend bloßstellt.

Mittwoch, den 21. April.

Murillo's „Betteljunge mit dem Ungeziefer" wird als politische Satyre verstoßen.

Wochenkalender.

Donnerstag, den 22. April.

Aus demselben Grunde wird Rubens' „Sieg der Wahrheit durch die Zeit" aus den Salons geworfen.

Freitag, den 23. April.

Poussin's „Sündfluth" wird fortgeschafft, wie es heißt, aus Rücksicht auf hohe Spanische Gäste.

Sonnabend, den 24. April.

Die Französische Nation ist stolz auf den Ruhm, der Welt voranzuleuchten als Lehrerin der Sittenreinheit und des — Cancans.

Kladderadatsch.

Humoristisch-satyrisches Wochenblatt.

Dieses Blatt erscheint täglich mit Ausnahme der Wochentage. Man Abonnements-Preis für Berlin und die Preußischen Staaten 21 Sgr. abonnirt bei den Post-Anstalten des In- und Auslandes, sowie in den Buchhandlungen. vierteljährlich. Abonnementspreis für alle außerpreußischen Staaten 22 Sgr. vierteljährlich. Einzelne Nummern 2½ Sgr.

Die Gartenlaube

Illustrirtes Familienblatt

Jahrgang 1873.

Leipzig.

Verlag von Ernst Keil.

Площадка для катания на роликовых коньках в берлинском кафе «Флора» (1878)

Одно из достижений периода грюндерства — создание ватерклозета

Владелец типографии Эрнст Литфас изобрел новое средство рекламы — круглую тумбу для афиш и объявлений

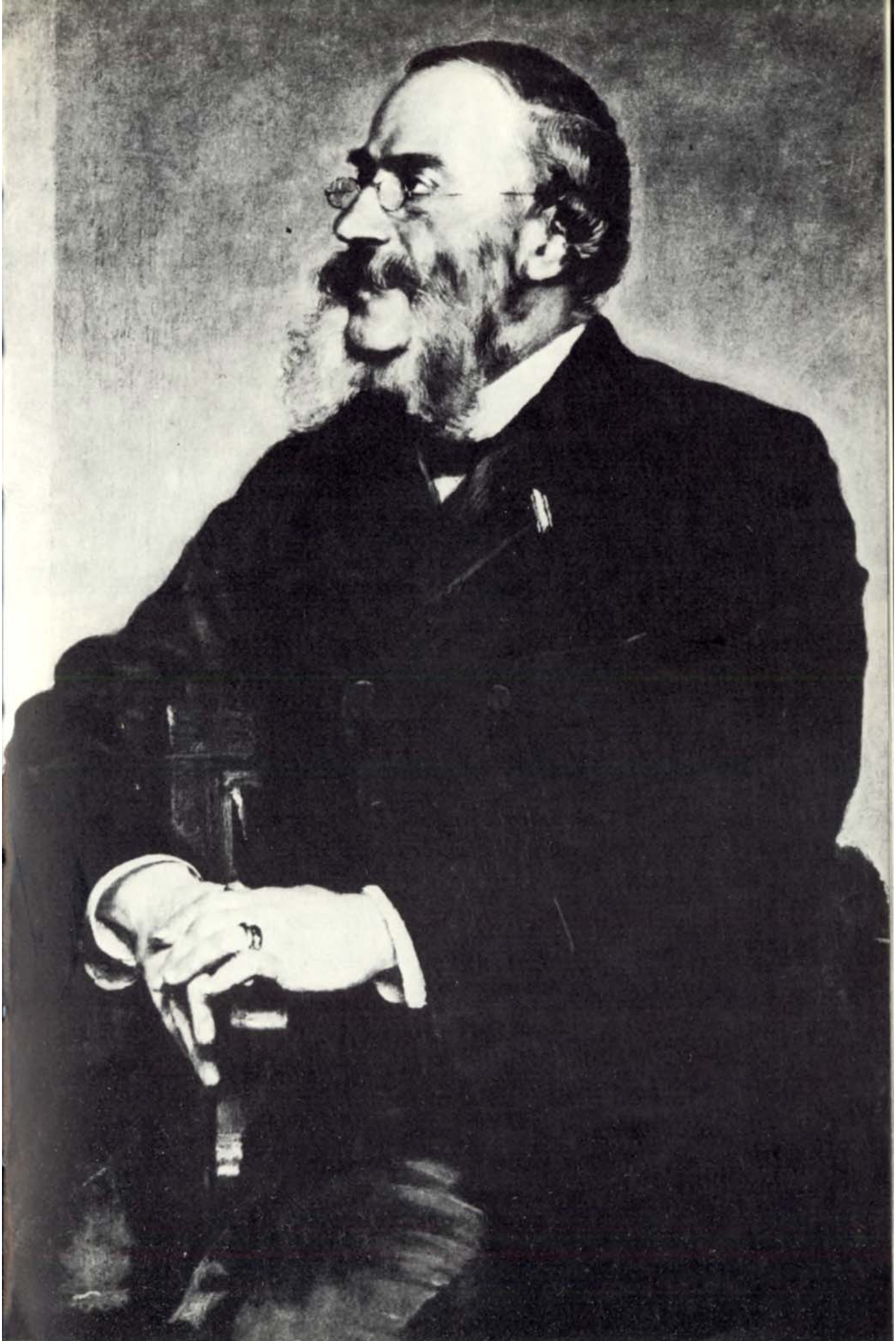
Блеск и нищета эпохи грюндерства: офицер прусской гвардии уланов

Блеск и нищета эпохи грюндерства: двенадцатилетняя девочка, занимающаяся непосильным трудом на шахте

Берлинская биржа (1883)

Большой зал биржи (по рис. Кнута Эквалла)

Герсон Бляйхрёдер, частный банкир О. Бисмарка и самый богатый человек Берлина



Так развлекался высший свет (картина Адольфа Менцеля «Светский обед»)

А в таких бараках ютились бедняки (квартал обездоленных «Бараккиа» на пустыре в Темпельхофе)

Амалии Крупп, разросшиеся в клан, насчитывающий около 500 персон, еще и сегодня сохраняют контроль над «Гутехоффнунгсхютте», в то время как ни один носитель имени Крупп уже длительное время не оказывает влияния на ведение дел одноименного концерна.

Все началось с конкурса

Семья Круппов не позволила разориться Фридриху. Со своей прелестной, но не слишком много имевшей в голове женой Терезой, урожденной Вильгельми, которая продолжала и в супружеской постели играть с куклами, Фридрих, этот разорившийся владелец металлургического завода, переехал на жительство в дом бабушки на Флаксмаркт в Эссене. Бабушка Амалия, разменявшая к тому времени седьмой десяток, еще раз ссудила ему 10 тыс. талеров, приличную по тем временам сумму, после того как Фридрих изложил ей свой план — присоединиться к консорциуму купцов, которые хотели обойти объявленную Наполеоном континентальную блокаду и ввозить из Англии контрабандой такие колониальные товары, как кофе, индиго, пряности, что обещало большие барыши.

Однако и эта затея провалилась. Французы ужесточили контроль и конфисковали партии товаров, в финансировании которых участвовал Крупп. Фридрих опять оказался на грани банкротства. Но тут весной 1810 г. умерла его бабушка, оставив ему в наследство третью часть своего солидного состояния. С этого момента, собственно говоря, и начинается история основания дома Круппов, ибо уже дважды разорившийся молодой предприниматель, получив наследство, вознамерился с его помощью начать нечто совершенно новое и необыкновенное. В этом отношении он может считаться грюндером, хотя он никогда не был на высоте своего дела.

Два события послужили поводом для создания предприятия, которое молодой Крупп несколько высокопарно назвал «Новой фабрикой по производству литой стали». Первым был своего рода конкурс, организованный Наполеоном I в связи с континентальной блокадой. Французский император предложил вручать изобретателям и предпринимателям большие премии, если они внедрением новых продуктов и технологий помогут улучшить тяжелое положение со снабжением, вызванное проводимой им континентальной блокадой. Одним из импортных товаров, отсутствие которого ощущалось наиболее остро, была сталь из Англии.

В действительности ни одно предприятие на континенте не могло производить в то время литую сталь, которая была необходима, хоть и в небольших количествах, для изготовления ножей, ножниц, а также небольших валков и монетных чеканов. Тщеславный молодой господин из Эссена не мог даже и подозревать, что наступит время, когда сталь будет перерабатываться не килограммами, а тоннами. Им руководило в первую очередь стремление получить императорскую премию в размере 4 тыс. золотых франков.

Проворные господа Крехель цу Кехлау

Франки, казалось, были уже в пределах досягаемости, когда однажды, как бы посланные благосклонной судьбой, в дверь постучали два бойких и красноречивых господина. Их звали Карл Георг Готфрид и Вильгельм Георг Людвиг фон Крехель цу Кехлау. Они отрекомендовались как офицеры в отставке из Ансбаха и утверждали, что знают секреты изготовления литой стали, так ревниво оберегаемые англичанами.

Не в силах противостоять столь благоприятному стечению обстоятельств, Фридрих Крупп 20 ноября 1811 г. в присутствии нотариуса Теодора Шаумбурга заключил с двумя незнакомыми ему обладателями секретов договор о создании общества. В нем говорилось: «Учредители согласились в том, чтобы заложить здесь, в Эссене, совместную фабрику по производству английской литой стали и всех изготавливаемых из нее продуктов. По договору эта фабрика делится между тремя учредителями на три равные части. Капитал или фонд, необходимый для работы фабрики, ссужается господином Фридрихом Круппом, коммерсантом, из 4%, которые вместе с предоставленным в ссуду капиталом относятся на счет деятельности фабрики».*

Биограф семьи Круппов Вильгельм Бердров с грустью вспоминает: «К сожалению, из трех заключивших договор только один выполнял свои обязательства: этим лицом был Крупп». Оба франкских «фабриканта» выпотрошили неопытного кредитора, как рождественского гуся. Вначале Фридрих оборудовал им для «экспериментов» сарай позади дома на Флаксмаркт, затем два усердных господина Крехеля уговорили его поставить производство на широкую ногу. Всего через три надели после заключения договора Фридрих Крупп купил за большие деньги у своего брата Вильгельма сукновальню на берегу реки Берне и оборудовал двухэтажное строение всем необходимым для плавки стали.

Подозрительная тишина на фабрике

К этому времени в доме будущего продуцента литой стали произошло радостное событие: 26 апреля 1812 г. Тереза Крупп родила второго из четырех ее детей. Продолжатель рода, который появился на свет через три года после своей старшей сестры Иды, был окрещен Альфридом. И как надеялся гордый отец, в первые крики маленького крепыша должен был вплетаться гул молота на сукновальне. Но на крупповской фабрике литой стали оставалось подозрительно тихо.

Хотя за прошедшее время было принято на работу 3—4 рабочих и выросли запасы чугуна, за три года, в течение которых господа Крехели начинали все новые эксперименты, не было отлито ни одного грамма стали. Между тем владелец металлургического завода Крупп за заслуги в индустриализации региона был избран в городской совет, а на свою «фабрику» он выложил в общей сложности не менее 32 тыс. имперских талеров.

Наследство покойной вдовы Крупп, урожденной Ашерфельд, было благополучно промотано, а родственники настойчиво отказы-

вались раскошеливаться на сумасбродные забавы Фрица. Подобно Наполеону, зачинщику злополучного конкурса, после поражения великой армии в России, в битве народов под Лейпцигом и других освободительных войнах, Фридрих Крупп также оказался перед грудой развалин. Биограф Бердров отмечал в связи с этим: «Фабрика бездействовала, литую сталь получить не удалось, даже напильники едва удавалось сбывать, континентальная блокада была снята, английская сталь беспрепятственно, почти беспошлинно снова поступала в страну».

Грюндер снова попадает впросак

В ноябре 1814 г. Крупп с тяжелым сердцем рассчитал господ Крехелей, однако не мог отказаться от своей блестящей идеи. Разоренный в финансовом отношении городской советник с трудом сам приводит молот в движение. Уже из чувства самоуважения он не должен был отказываться от своей мечты. Отступи он сейчас, его репутация в Эссене была бы навсегда загублена. Только это, и ничто иное, было мотивом, который вынуждал его все глубже увязать в афере со сталью.

В отчаянии цеплялся он за любую соломинку. Так, он ухватился за объявление в *Вестфелишер анцайгер,* в котором летом 1815 г. некто Фридрих Николаи объявлял себя владельцем патента прусской королевской инспекции горного надзора, в соответствии с чем ему предоставлялось исключительное право на изготовление литой стали. Фридрих Крупп был вновь убежден в том, что нашел нужного партнера. Он незамедлительно установил контакты с Николаи, и тот произвел на Фридриха Круппа хорошее впечатление. Ротмистр Николаи располагал всем необходимым для того, чтобы наладить сталелитейное производство: прекрасный патент, многолетний опыт, который он приобрел на металлургическом заводе «Карлсхютте» под Клаусталем и даже согласие правительства на предоставление ему кредитов.

Решающий вопрос, зачем же тогда незнакомец нуждался в нем, разорившемся владельце металлургического завода, пришел на ум Круппу чересчур поздно. Потому что и это предприятие, скрепленное еще более фантастическим договором от 18 июля 1815 г., закончилось, как и все предыдущие. «Николаи унд Крупп», как теперь называлась фирма, не производила, кроме поступавших крупных денежных счетов, ничего достойного упоминания. Господин ротмистр обосновался вместе со своей молодой женой в перестроенном с комфортом домике рядом с сукновальней и постоянно докладывал о захватывающих успехах своему компаньону, который по условиям договора должен был держаться подальше от фабрики.

Передовое предприятие финансировалось, этому не приходится удивляться, исключительно самим господином Круппом, у которого в результате еще одной смерти в семье и связанного с ней наследства вновь завелись наличные деньги. Лишь в апреле 1816 г. до Круппа, без устали подчеркивавшего в Эссене свои заслуги, дошло, что он опять обманут.

Однако ротмистр был гораздо более неприятным противником, чем господа фон Крехели. Когда рабочие, которых надули с заработной платой, начали бунтовать, он обратил оружие противника против самого Круппа и в жандармерии обвинил его в покушении на убийство: «Вас наверняка обрадует, что попытка убить меня и мою семью из-за угла не удалась...» Оба экс-партнера предстали перед судом и взаимно обвиняли друг друга во лжи и обмане. Лишь когда ротмистр почувствовал, что в воздухе запахло жареным, он дал тягу под покровом ночи. Дома осталась лишь его жена Антуанетта, находившаяся на последнем месяце беременности, на которой Крупп, ставший посмешищем всего города, срывал свой гнев.

Либо свершить нечто великое, либо погибнуть

Для отпрыска старинной купеческой династии настало бы вроде самое подходящее время прекратить чудачества с выплавкой стали и попытаться удовлетворить свое профессиональное честолюбие в более надежных сферах деятельности. Фридрих не был еще разорен, потому что семья владела еще значительным недвижимым имуществом. Его матери Петронелле принадлежали два дома в городе и также лесное подворье под Ратингеном, а тесть Вильгельми участвовал в самых различных предприятиях. Вот почему Фридрих мог бы без труда выпутаться из неприятностей и стать уважаемым членом семейного клана.

Но он не желал опускаться до уровня середнячка, а предпочитал либо свершить нечто великое, либо погибнуть. И в своем упрямстве этот Крупп седьмого поколения обнаружил действительно нечто похожее на величие. При всем этом он не имел ни малейшего представления о том, как, собственно говоря, должна изготавливаться литая сталь.

Все еще никакого понятия о стали

Единственный проблеск надежды, на который он мог рассчитывать, был связан с тем фактом, что Королевский монетный двор в Дюссельдорфе купил у него несколько чеканов. После бегства Николаи ему удалось в результате неустанных забот довольно неплохо наладить производство чеканов на своей сукновальне, и когда его посетил генеральный директор Государственного монетного двора в Берлине господин Гёдекинг и вселил в него надежду на новые заказы, то у господина изготовителя литой стали словно понесли лошади.

Фридрих Крупп мог действительно поставить себе в заслугу, что именно он в 1816 г. изготовил первую немецкую тигельную сталь по технологии, которую англичанин Хантсмен открыл еще около 1740 г. Достижение Круппа имело, без сомнения, существенное значение для немецкой промышленности, потому что литая сталь предоставляла гораздо более широкие возможности, чем сварочная сталь повышенного качества, известная с начала XVII в. Из этого материала, который изготовляли путем ковки и сварки сырой стали,

полученной в кричном горне под молотом, на сотнях небольших предприятий в Зауэрланде производили такие инструменты, как напильники, зубила, сверла, болты, молотки, ножницы, пилы и ножи.

Однако сварочная сталь повышенного качества изготавливалась в ходе длительного, связанного с большими потерями времени процесса в сравнительно небольших количествах и не всегда первосортного качества. Кроме этого, к началу XIX в. была известна цементная сталь, пригодная почти исключительно для производства только грубых инструментов. Она изготавливалась в ходе многодневного процесса из плоских полос сварочного железа и древесного угля, помещенных в большие, выложенные кирпичом «ящики». Оба этих сорта стали намного превосходила более дешевая и одновременно более вязкая и твердая британская тигельная сталь, которая выплавлялась на островах уже в больших количествах и после окончания континентальной блокады наводнила беспошлинный немецкий рынок.

Все это мог знать Фридрих Крупп, когда он колдовал на сукновальне над своими тиглями. Однако он определенно не имел никакого представления о том, насколько важной должна стать литая сталь для промышленности в эпоху железнодорожного строительства. Когда Крупп поставил Королевскому монетному двору свои первые чеканные штемпели, он не понял еще всей проблемы получения стали. Он знал в принципе только, что нуждается в чугуне высокой чистоты, хорошо обессеренном коксе, огнеупорных тиглях, в бесперебойной подаче в достаточном количестве кислорода в тигли и обеспечении высокой температуры в печи.

Насколько ненадежен был его метод, обнаружилось уже в ближайших плавках, которые оказались сплошь неудачными. Однако Гёдекинг поставил свое согласие на дальнейшие заказы в зависимость от качества крупповских штемпелей, которые должны соответствовать первым, уже удовлетворительным пробам. В своей обычной надменной манере нетерпеливый молодой предприниматель — ведь ему было всего 29 лет,— недолго думая, посчитал причиной ошибок конструктивные недостатки своей мини-фабрики.

Коварство капризного ручейка

Он незамедлительно наметил новые планы и в январе 1818 г. начал строительство третьей сталеплавильни, которая, по словам его биографа Бердрова, «могла бы удовлетворить потребности монетных дворов всего континента». В одноэтажном, вытянутом в длину здании на берегу реки Берне, имевшем 11 печей, 10 ворот и 84 окна, Крупп был намерен производить ежедневно 90 фунтов литой стали. И все же предприятию, которое проглотило его последние резервы и довело до предела терпение всех его родственников, был предречен упадок.

Поскольку все деньги, которые Крупп смог раздобыть, он вложил в строительство, ему не хватило средств для покупки первоклассного чугуна, а из железных отходов, которые он использовал вместо этого для плавки в своих тиглях, даже при всем желании невозможно было изготовить хорошей литой стали. Несмотря на это, молодой

фабрикант в довольно заносчивом тоне потребовал от прусского государства предоставления субсидий. Странные представления основателя будущего концерна комментирует Бернт Энгельман: "В Берлине, не в пример Эссену, вообще не проявили интереса к великолепной «фабрике для производства литой стали» господина Круппа, которая, помимо основного недостатка, заключавшегося в том, что она не могла выпускать литой стали, имела еще один: снабжение ее энергией зависело от капризного ручейка Берне, коварный нрав которого должен был бы быть, собственно говоря, хорошо известен Фридриху Круппу. Уже в первый год после окончания строительства фабрика практически бездействовала. На протяжении нескольких месяцев стояла засуха, и превратившаяся в слабый ручеек речка не смогла приводить в движение водяное колесо".

Прошло еще два года, прежде чем наш грюндер, стартовавший с таким подъемом и блестящими шансами на успех, был вынужден признать, что он окончательно потерпел неудачу. После того как на все просьбы о финансовой поддержке, которые Крупп адресовал то своему тестю, то русскому правительству, то, наконец, Государственному монетному двору в Берлине, был получен отказ, Фридрих Крупп слег в постель.

Болезнь как последнее прибежище Фридриха Круппа

Исчерпав все свои возможности, фабрикант, которого уже давно высмеивали его эссенские сограждане, слег в постель. Между тем материальное положение его семьи все ухудшалось и ухудшалось. Дом на Флаксмаркт был продан, и Тереза Крупп вынуждена была переселиться со своим прикованным к постели мужем и четырьмя детьми — Идой, Альфридом, Германом и Фридрихом — в маленькую сторожку рядом с фабрикой, медленно приходившей в упадок.

Внешне Круппы, уже в течение столетий принадлежавшие к городской верхушке, сохраняли видимость благополучия. После того как Фридрих оправился от депрессии, он сам известил друзей, что его переезд был вызван «отчасти желанием поправить здоровье на свежем воздухе, отчасти же намерением иметь на месте возможность лучше и с большей пользой следить за производством на фабрике». Так продолжалось еще несколько лет. Семья скудно кормилась на подачки родни. Время от времени удавалось продать несколько напильников или небольших валков.

8 октября 1826 г. пионер производства литой стали в Германии в возрасте всего 39 лет навсегда закрыл глаза в результате «острого упадка сил». Его вдова быстро перешла к повседневным делам, написав другу Овербеку в Люденшайд: «Дело от этого ни в коем случае не пострадает, так как мой муж предусмотрительно передал секреты приготовления литой стали моему старшему сыну, и я буду продолжать дело с его помощью».

Требуется мальчик

Старшим сыном был бледнолицый, худощавый мальчик в возрасте 14 лет. Альфред Крупп, самый крупный предприниматель прошлого столетия — творение его жизни не имело аналогов не только в Германии, но и во всем мире,— находился всю свою сознательную жизнь под невероятным гнетом стремления к успеху. Он воочию наблюдал упорные, но тщетные попытки отца изготовить литую сталь, социальное падение семьи, злорадство родни, все проявления материальной нужды. Но его характер сформировался под влиянием безрассудной гордыни его матери, нереальной атмосферы жизни в семье, которая стремилась любой ценой казаться большим, чем она была на самом деле.

В 14 лет он вынужден был оставить школу, чтобы содержать семью. Хотя он начал свою трудовую деятельность лишь в качестве одного из шести рабочих сталелитейни, которая скорее плохо, чем хорошо управлялась матерью и зятем Кристианом Фридрихом фон Мюллер, Круппы вели себя так, будто юноша оберегает бесценную семейную тайну. Будучи уже пушечным королем, Крупп рассказывал об этих годах: «С 14 лет я нес на себе заботы отца семейства, работая днем, размышляя по ночам о том, как преодолеть трудности. Выполняя тяжелую работу, часто ночи напролет я питался картофелем, кофе, маслом и хлебом, без мяса, сохраняя при этом серьезность отягощенного заботами главы семейства».

Обремененная долгами фирма, которая в течение нескольких последующих лет не приносила никакой прибыли, официально принадлежала матери, и Альфред в течение 22 лет работал как назначенный ею управляющий, не получая за свои услуги ни заработной платы, ни другого вознаграждения. Все, что приносило жалкое предприятие, шло на содержание семьи или сразу же тратилось на закупку сырья, инструментов и машин.

Условия, в которых молодой Крупп начинал карьеру предпринимателя, были тяжелыми даже для того времени. Первые годы его профессиональной жизни могли бы быть значительно более легкими, если бы он ликвидировал жалкое производство на сукновальне и прошел положенную коммерческую выучку у своего дяди Карла Шульца или деда Вильгельми. Но поступить так не позволяла ему крупповская гордость, которая у молодого Альфреда была выражена еще ярче, чем у его отца.

Боязь неудач

Побуждаемый болезненным страхом оказаться несостоятельным, как это случилось с его отцом, подросток трудится до полного изнеможения. Он проводит у тиглей все дни напролет, властно требуя при этом от рабочих, чтобы они обращались к нему «господин Крупп». В дополнение к своей дневной смене Альфред обрабатывает обширную деловую корреспонденцию, умиротворяя недовольных клиентов и выпрашивая у родственников новые субсидии. Затем снова до поздней ночи он ломает себе голову в литейной над причинами дефектов, которые все чаще были присущи крупповской стали.

На арендованной кляче Альфред раз в две недели регулярно объезжает районы между реками Рур и Зиг, пытаясь продать свои напильники и чеканные штемпели. И так из года в год, без всякого видимого прогресса. Фирма все еще погрязает в долгах, о прибылях не приходится и говорить. Но Альфред учится на ошибках. Он постигает, что сырье решающим образом сказывается на качестве его стали, и приобретает теперь чугун и железо только из одного источника, на кузнечном предприятии «Оземунд» в Верзетале, принадлежащем И. К. и Петеру Брюнингхаузам.

В результате его сталь действительно становится более мелкозернистой, благодаря чему повышается ее вязкость и твердость. Вскоре ему удается доказать владельцам некоторых кузниц в Зауэрланде, что наковальни, изготовленные из крупповской литой стали, исключительно прочны. Однако вновь и вновь производство на его фабрике останавливается, когда мелеет Берне. В этом случае отливки с большими трудностями должны перевозиться в Штеркраде, на завод «Гутехоффнунгсхютте», где озабоченно морщат нос при виде твердой крупповской стали, потому что никакая другая сталь не поддается ковке с таким трудом, как эта. Вновь и вновь пытается Альфред выковать маленькие валки, в которых так нуждаются золотых и серебряных дел мастера и монетные дворы. Однако желаемые по качеству экземпляры получаются очень редко. Большинство же трескается еще при закалке. И вот однажды родственник по имени Рохолль, сам изготавливавший такие валки, дает ему совет отливать заготовки не круглыми, а ребристыми, с тем чтобы избежать образования внутренних трещин. Альфред следует этому совету, и, к его удивлению, дело пошло на лад. Правда, угловатые чушки нужно затем обтачивать в круглую форму валков, но они не дают трещин и не растрескиваются при закалке.

Теперь, как становится ясно Альфреду, он нуждается в токарном и шлифовальном станках, с тем чтобы иметь возможность поставлять не только недорогие необработанные отливки, но и готовые полированные стальные валки, которые приносят от 50 до 100 талеров за штуку. Но где взять все это? Зимой 1830 г.— стоит лютый мороз, и Берне замерзла — он начинает конструировать собственные металлообрабатывающие станки.

Машины-самоделки

Крупп, который ни разу в жизни не бывал ни в одном конструкторском бюро и имел весьма куцое школьное образование, мастерил из дуба, железа и стали странные на вид механизмы. «Это была, пожалуй, самая необычная мастерская своего времени: неуклюжие трансмиссии с широкими деревянными брусами, которые называли барабанными осями и которые вращались в примитивных опорах, похожих на металлические крючья. Кованые гвозди заменяли болты, странные устройства обеспечивали натяжение тросов»,— развлекался Вильгельм Бердров.

Весной, когда вновь зажурчала вода по руслу реки, начал вращаться и диковинный колесный механизм крупповской фабрики. Многое пришлось в нем изменить, усилить или вовсе переде-

лать, но постепенно производство налаживалось. И наконец в августе была готова к отправке первая пара безупречно отполированных валков твердой закалки. Позднее Альфред Крупп признавался: «Если бы я заранее предвидел трудности, связанные с этой работой, и понимал их характер, то я не взялся бы за нее при цене 55 талеров (за каждый изготовленный валок.— *Прим. ред.*), так как это принесло большие убытки, а две штуки были испорчены».

Поскольку поведение речушки было поистине непредсказуемым, Крупп так переделал свои машины, что в случае необходимости они могли приводиться в движение вручную 3—4 рабочими с помощью крупного маховика. Однако в силу большой твердости крупповской стали ее обточка и шлифовка были весьма тяжелым делом. Каким бы убогим, даже смешным ни было бы предприятие на Берне, оно дало возможность молодому Круппу изучить, начиная с азов, весь процесс изготовления стали.

Каждая ошибка, которую он допускал, доходила до сознания не через выговор, полученный от мастера. Он ощущал ее как свое прямое поражение. Любой опыт, который он приобретал в своей мастерской, чем-то напоминавшей домовую прачечную, был для него ценен, потому что нигде в Германии о новом продукте не знали больше, чем здесь, в полуразвалившемся сарае у ворот Эссена. И уже в свои юные годы Альфред Крупп был уверен, что будущее принадлежит литой стали и никто не сможет лишить его преимущества в этой области, если только он всегда будет быстрее и умнее своих конкурентов.

Ничто не интересует его, кроме дела

Понимание этого пришло к нему в 1832 г., когда Альфред, двадцатилетний юноша, собрался в свой первый более или менее крупный коммерческий вояж по Южной Германии. Эта поездка, во время которой он, плывя сначала вверх по Рейну на новехоньком пароходе, а потом добираясь лошадьми, посетил Висбаден, Дармштадт, Карлсруэ, Пфорцхайм и Хайльброн, была для Альфреда поучительной в двух отношениях: во-первых, она убедила его, что рынок для сбыта изделий из литой стали огромен, и, во-вторых, показала, что он, Крупп, умеет не только изготавливать сталь, но и продавать ее.

Он привез с собой из поездки большое количество заказов, полученных прежде всего от мастеров Пфорцхайма и Хайльброна, работавших по золоту и серебру. На местах, общаясь с клиентами, он понял также, что на готовых изделиях можно заработать несравненно больше, чем на сырой стали. Готовый штемпель он мог продавать в четыре раза дороже, чем стоил материал, затраченный на его изготовление, а отполированный до блеска валок даже вдесятеро дороже. «Я должен ревностно приняться за выпуск готовых изделий,— отмечал он,— при реализации которых оплачивается еще и искусство».

После этой поездки сталелитейная фабрика Круппа превращается в обрабатывающее предприятие со слесарями, столярами-модельщиками и инструментальщиками. Альфред каждый день приобретает новый опыт. Он объединяет в одном лице литейщика,

металлурга, конструктора, руководителя предприятия и продавца. В эти годы, когда к нему приходят первые в жизни успехи, Альфред становится «однолюбом»: ничто, кроме производства стали и фабрики, не представляет для него интереса.

Бабушка помогает ему вырваться из долговых тисков

Семья Круппов по-прежнему живет все еще очень скромно, ютясь в маленьком сторожевом домике рядом с литейной. Весь земельный участок, включающий сад, свинарник и место выпаса скота, больше напоминает крестьянский двор, чем территорию промышленного предприятия. Младший брат Альфреда Герман помогает ему в мастерской, старшая сестра Ида — в ведении деловой переписки. В 1833 г. предприятие предоставляет работу 8 рабочим, каждый из которых зарабатывает в год не более 80 талеров. Несмотря на это, касса постоянно пуста, потому что платежи от клиентов поступают по капле. Бабушка снова помогает внуку вырваться из долговых тисков, продав унаследованную ею кузницу в Плеттенберге за 800 талеров и предоставив эти деньги Круппу.

Следующий год приносит решающий в истории дома Круппов поворот к лучшему; это был год создания Германского таможенного союза. Альфреду становится ясным, какие шансы для сбыта товаров возникнут после того, как исчезнут таможенные барьеры вокруг нескольких десятков карликовых германских княжеств. Рынок продаж его товаров внезапно расширился во много раз, и вот 17 мая он отправляется в свое второе большое коммерческое турне, полностью загрузив экипаж валками, образцами стали и другой своей продукции. На этот раз он хочет освоить рынки не только Южной Германии, но и Швейцарии, Австрии, Саксонии и Берлина.

На поездку ему требовалось 12 недель, но он вынужден значительно сократить турне, так как его опять преследуют приступы слабости и лихорадки. Когда 9 июня, полностью обессиленный, он возвращается в Эссен, то имеет в кармане заказов на 3 тыс. талеров, что достаточно для загрузки мощностей его фабрики в течение двух лет. Однако на протяжении всего того времени, в течение которого он отдыхает от огромного напряжения, вызванного поездкой, на сукновальне царит подозрительная тишина. Берне вновь пересохла, а на фабрике кончился чугун. Вот уже десять лет работает он как вол, и каков результат? Еще лежа в постели, измученный путешественник решает сделать наконец свое предприятие независимым от капризной речушки. Ему нужна — и это становится Альфреду Круппу совершенно ясно — паровая машина. Она должна быть движущей силой кузнечных молотов и машин в так называемой токарной мастерской.

Крупп вновь не кредитоспособен

Но столь крупные капиталовложения он никогда не смог бы финансировать самостоятельно, поэтому, уже в который раз, приходится привлекать к этому делу родственников.

Отставной майор Кристиан Фридрих фон Мюллер, супруг тетки Хелены, сестры его отца, незадолго до этого купил под Кёльном замок «Меттерних», построенный на воде. Значит, у него были деньги. Альфред Крупп едет к нему, показывает полученные заказы и в самых розовых красках описывает будущее фирмы Круппа. И действительно, богатый дядюшка поддался на уговоры и разрешил своему сыну Фридриху Карлу, прозывавшемуся Фрицем и поддерживавшему дружеские отношения с Альфредом, стать, внеся сумму в 10 тыс. талеров, негласным пайщиком крупповской фабрики литой стали.

Единственным предприятием во всей округе, которое, как представлял себе Альфред, могло поставить паровую машину, была как раз фабрика «Гутехоффнунгсхютте». Господа Ханиэль, Гуиссен и Якоби приняли, однако, к исполнению заказ Круппа, который был известен им как не очень надежный должник, лишь после того, как он смог выложить им на стол личное поручительство своего негласного пайщика. Слабосильный паровой двигатель, который, согласно заказу, должен был развивать мощность в 20 л. с., но практически из-за многочисленных дефектов в изготовлении в лучшем случае давал только половину этой величины, представлял собой тем не менее неслыханный по тем временам прогресс. Он обеспечивал по меньшей мере непрерывную работу предприятия, хотя силы пара не всегда хватало, чтобы одновременно обеспечивать энергией кузницу и токарную мастерскую.

В Эссене и его окрестностях постепенно начинают обращать внимание на молодого Круппа. Вильгельм Люг, генеральный директор «Гутехоффнунгсхютте», самолично приезжает в Эссен, чтобы осмотреть работающую на пару́ фабрику господина Круппа. Он привозит с собой легендарного Фридриха Харкорта, патриарха вестфальской промышленности. Однако едва только паровой молот начинает функционировать более или менее удовлетворительно, Крупп уже снова без гроша. Установка новых машин и переход на энергию пара съедают гораздо больше капитала, чем рассчитывал Альфред, и богатый дядюшка Мюллер опять вынужден спасать его от банкротства.

И хотя заказов поступает все больше — в самый последний момент и от швейцарской часовой промышленности, которой требуются стальные валки из твердой как стекло стали,— массовые сделки с прутковой и инструментальной сталью для промышленности по-прежнему находятся в руках английских конкурентов. Поэтому Альфред загорелся желанием непременно поехать в Англию, чтобы на месте получить информацию о применяемых британцами методах производства.

Непреодолимая тяга к эпистолярному жанру

В июне 1838 г. Альфред отправляется в поездку с первой остановкой в Париже. Он хочет с ходу заставить известных французских ювелиров и часовщиков раскошелиться на несколько заказов. Но и в октябре месяце он все еще на берегах Сены. Альфреда Круппа интересует, однако, не пульсирующая жизнь самого большого города на континенте, а исключительно бизнес. В

портфеле у него уже вдесятеро больше заказов против того, на что он первоначально рассчитывал. Каждый день он открывает новое для себя в мастерских по нанесению позолоты на металлы и в монетных дворах. Впервые проявляется у него мания незамедлительно записывать все, что ему приходит на ум.

Он бомбардирует своего брата Германа длинными письмами, в которых бесконечно распространяется о чугуне, плавке, нагревании и закалке, о рабочих и надзоре за ними, о тиглях и молотах. Подобно перегретому паровому котлу, непрерывно стравливающему пар, Альфред безостановочно выдает идеи, которым его замотанные коллеги не могут найти применения. Но одного своей исступленной писаниной он все же достигает: даже находясь вдалеке, он владеет помыслами и делами своих людей в Эссене.

Наконец, когда Альфред Крупп увидел все, что могла предложить ему французская промышленность, он едет дальше, в Англию. В Лондоне Альфред встречает Фрица Зёллинга, своего старого школьного товарища из Эссена и дальнего родственника, который позднее станет его ближайшим другом и партнером. Семья Зёллинга уже длительное время занимается торговлей с Англией и поэтому располагает здесь хорошими связями.

Господин «Шропп» занимается шпионажем

В Англии Альфред выдает себя за господина «Шроппа» с тем, чтобы не привлекать к себе внимания конкурентов, возможно, слышавших хотя бы раз его имя. Замаскировавшись под заказчика, он осматривает сталеплавильные заводы Ливерпуля и Шеффилда, устанавливает новые деловые связи в Лондоне и Эдинбурге и днями и ночами, если больше нечем заняться, исписывает своими пометками целые записные книжки.

Так как Альфред страдал хронической бессонницей, то он уже с детства привык писать также и в темноте, чтобы свет не мешал спать братьям и сестрам. В последнем письме, отправленном домой из Англии, Альфред так описывает то, что он считает открытым им секретом британских сталеваров: «Судя по тому, что я здесь увидел, качество изготавливаемой стали зависит исключительно от чугуна, а трещин в стальных прутках, как и шероховатостей на валках для изготовления плющеной проволоки также можно избежать, если мы будем перерабатывать для этих целей подходящий чугун, который я намерен покупать в Гулле».

Из Англии Альфред не возвращается сразу в Эссен, а заезжает опять в Париж, чтобы раздобыть еще несколько заказов. Однако настроение во французской столице теперь намного хуже, чем во время его первого посещения. В мае 1839 г. в Париже происходит восстание рабочих, и дельцы не только не желают делать новых заказов, но даже, напротив, аннулируют уже сделанные.

Дома его встречает еще одно неприятное известие: бабушка Петронелла, которая так часто поддерживала его, лежит при смерти. Чтобы погасить самые срочные обязательства, он решает продать старую сукновальню. Но это еще не решает дела. Нужны новые заказы. И он намечает рекламное турне, в ходе которого должен объехать пол-Европы.

Дома все идет вверх дном

С декабря 1839 г. до лета 1843 г. Альфред, с короткими перерывами, все время в пути. В Берлине он продает за 5 тыс. талеров фирме «Фолльгольд» состоящий из четырех частей стан для прокатки изделий из серебра, в Вене намечается большой заказ от Императорского монетного двора. Однако с выполнением этого заказа дело не ладится. В больших растяжных валках обнаруживаются трещины, их следует переделать. Фирма опаздывает с поставкой. Чтобы успокоить заказчика, Альфред тотчас направляется к берегам Дуная.

Во время пробного пуска новых валков случилась неприятность. Крупповский монтажник подозревает саботаж. Рабочие монетного двора, как сообщал Альфред в Эссен, намеренно допускали перегрев валков. Начинается малая война с монетным двором. Со стороны Круппа речь идет о частичной оплате стоимости заказа, со стороны монетного двора — о требованиях новых гарантий. Альфред не отступает. Он доходит до Императорской придворной палаты и добивается выплаты по крайней мере части принадлежащих ему денег. Как-никак на карту поставлено 25 тыс. талеров.

Когда шеф находился в Вене, дома все пошло вверх дном. Кристиан Фридрих фон Мюллер опять, в который уж раз, вынужден осуществить «подкачку» денег фирме. Однако на этот раз риск становится для него уже неоправданным. В 1843 г. его сын, бывший негласным участником крупповской фирмы, выходит из дела. Принадлежавшая ему доля капитала переходит к школьному товарищу Альфреда Фрицу Зёллингу. Это уже партнер другого калибра, поскольку Зёллинг владеет несравнимо большим состоянием, чем Мюллер, но предъявляет гораздо более высокие требования к коммерческой стороне управления предприятием. Он вкладывает в предприятие 50 тыс. талеров, но хочет при этом постоянно быть в курсе дела относительно финансового положения фирмы. Отныне раз и навсегда в конторе Круппа должен быть положен конец неразберихе.

Никакого интереса к пушкам Круппа

Так же трудно и утомительно, как строительство фабрики литой стали, продвигалось вперед дело и с обоими важнейшими изделиями, которым впоследствии Крупп будет обязан своим всемирным признанием,— пушками и железнодорожными колесами. В 1843 г. он в первый раз посетил оружейную фабрику в Саарне под Мюльхаймом. Когда Альфред увидел, с каким трудом из полосового металла, из так называемого сляба, сваривают оружейные стволы, он тотчас же учуял возможность заключения сделки. Альфред предлагает изготавливать оружейные, а «если это оказалось бы желательным и полезным», то и орудийные стволы из литой стали.

В своей мастерской он велит втайне изготовить несколько оружейных стволов методом, который называет пустотелой ковкой, а затем, упаковав в мешки, отослать на оружейную фабрику в Саарн. Специалисты восхищены оружейными стволами Круппа, так как при пробных выстрелах они выдерживают даже пятикрат-

ный заряд пороха. Два прошедших испытание ствола Альфред посылает прусскому военному министру фон Бойену, описывает технологию изготовления и утверждает, что аналогичным образом он сможет изготавливать также орудия. Но это не делается так быстро. Военное министерство холодно объясняет ему, что его предложением не намерены воспользоваться, так как «современный способ производства стволов и их качество отвечают всем необходимым требованиям и вряд ли заставляют желать чего-нибудь лучшего».

Бессмысленные требования армии

Альфред возмущен, поскольку, являясь экспертом по стали, знает совершенно точно, что вооружение прусской пехоты давно уже устарело. Но у него есть дела поважнее, чем затевать тяжбу с армейскими чинами. Впрочем, вопреки ожиданию последние сами дают о себе знать и присылают ему домой чертежи «шестифунтовки» с требованием «отлить» из литой стали такое орудие за счет средств военной администрации. Условие: крупповский ствол должен иметь не меньший вес, чем стандартное, изготавливаемое из бронзы орудие, поскольку в противном случае пушка оказалась бы малоустойчивой при выстреле. Альфред качает головой, размышляя о технических профанах из военного министерства. Ведь как раз в меньшем весе пушки из литой стали он видит ее решающее преимущество: несмотря на бóльшую дальность стрельбы и пробивную силу, стальные орудия были бы маневреннее, чем их бронзовые предшественники. Он пытается объяснить это заказчику, но артиллерийские офицеры из Берлина настаивают на своем предписании относительно веса орудия. После этого Альфред велит отлить стальной пушечный ствол калибром 6,5 см и, чтобы обеспечить требуемый вес, покрыть его оболочкой из бронзы.

Альфред не знает еще, что почти в то же самое время в военном министерстве Пруссии объявляется конкурент, который запрашивает государственную помощь для сооружения литейного завода по изготовлению пушек из литой стали. Речь идет о гениальном умельце из Швабии Якобе Майере, который уже с 1836 г. был в состоянии производить литую сталь и владел респектабельной фабрикой в Бохуме.

Если бы Крупп предполагал, что по пятам за ним гонится конкурент, то он, конечно, еще более ускорил разработку конструкции своей первой пушки. Однако он и так появился с ней довольно рано, поскольку шел 1848 г.— год революции, и в берлинских казармах были заняты более важным делом, чем дискутировать о сумасбродных идеях какого-то фабриканта литой стали из Эссена. Первая крупповская пушка покрывалась пылью в углу прусских королевских артиллерийских мастерских в Шпандау, так и не принеся никому пользы или вреда.

Пушка была проектом будущего, о котором никто не знал, пригодится ли он когда-либо. Предприятие Круппа, которое по своим размерам даже в то время относилось к группе мелких и средних, существовало прежде всего за счет продажи стальных валков, которые имели то большое преимущество, что они шлифовались не из круглых, а из прямоугольных заготовок.

Кража патента

Без сомнения, Альфред был искусным конструктором, но еще большую ловкость он проявлял в использовании идей других людей. Благодаря одной такой идее ему удалось наладить производство товара, оказавшегося в ту эпоху наиболее ходовым из всей его продукции, а именно — валков для изготовления ложек. На эту идею навел Альфреда один из его заказчиков, золотых дел мастер и гравер Вимер из Мюнхена, который однажды появился в Эссене с чертежами конструкции валков крайне большого диаметра со странными вогнутостями. Альфред в это время находился как раз в Париже, и его 24-летний брат Герман взял на себя заботу о необычном клиенте. Гравер Вимер намеревался эмигрировать в Мексику. Он хотел взять с собой валки, чтобы с их помощью изготавливать в Новом Свете машинным способом нечто такое, что до сих пор изготавливалось лишь вручную, а именно ложки и вилки.

И здесь произошло нечто странное: Герман сразу же оценил значимость этого изобретения и срочно известил о нем находившегося в Париже брата. Тот попросил Германа скопировать чертежи, чтобы позже можно было воссоздать по копиям эту интересную машину. Вместе с технически одаренным юнцом Фрицем Герман принялся за чертежи Вимера и даже внес в них несколько изменений. С гордостью представили они старшему брату полученный результат после возвращения того из Парижа. Альфред невозмутимо принял это к сведению и попутно заметил, что он уже продал в Англии один экземпляр крупповских валков для изготовления ложек.

«Дальнейшее было еще более занятным,— удивлялся биограф Круппа Бернт Энгельман.— Как только Альфред бегло осмотрел машину со всеми исправлениями, которые внесли Герман и в первую очередь Фриц, как уже начал строить планы использования своего изобретения — вот именно: своего! Ибо поскольку то, что он увидел, казалось хорошим, то этим оно могло быть обязанным только ему!.. Клиент был дураком, а младшие братья Альфреда всего-навсего последовали полученным от него инструкциям. Поэтому они, его подручные, не заслужили даже дружеского похлопывания по плечу, зато удостоились в виде исключения положительного упоминания в тайном дневнике».

Альфред нарушает договоры

Изобретение бесстыдно обманутого клиента Вимера, которое самочинно было присвоено Альфредом Круппом, позволило предприятию удерживаться на поверхности в течение длившихся годами споров с Венским монетным двором и совпавшего с ними периода конъюнктурного спада. Крупп продавал свои валки для изготовления столовых наборов в Россию, Венгрию, Англию, а также в Берлин. Но самая интересная сделка состоялась в Вене, городе, который он ненавидел из-за своих споров с Императорским монетным двором. И все-таки именно в Вене на берегах Дуная он познакомился с неким Александром Шёллером, отпрыском богатей-

шей семьи фабрикантов из Дюрена, владельцем крупной экспедиторской фирмы. Господа обнаружили общие интересы, и Крупп, гений по части продажи, уговорил рейнца пойти на то, что сегодня назвали бы joint venture (совместное предприятие двух и более фирм.— *Прим. ред.*), на строительство совместной фабрики по производству столовых приборов. Шёллер должен был в основном финансировать предприятие, а Крупп осуществлять технический надзор.

Начало кооперации оказалось успешным, но вскоре между партнерами произошел разрыв. Дело в том, что Альфред взял на себя обязательство перед Шёллером не учреждать с другими партнерами второй фирмы подобного типа. Однако вскоре после этого он начал переговоры с эльберфельдским фабрикантом Егером об аналогичном проекте. Узнав об этом, Шёллер отказался далее сотрудничать с Альфредом Круппом. Тогда техническое руководство фабрикой металлоизделий в Берндорфе взял на себя его брат Герман, что явилось наилучшим для всех участвующих сторон выходом из создавшегося положения. Александр Шёллер имел теперь партнера, на которого мог положиться, а Альфред отделался таким образом от обременительного соперника.

«...считал себя важной птицей»

Теперь лишь один человек представлял опасность для единоличного господства Альфреда в Эссене — умелец Фриц. Озлобленно записал старший Крупп в свой дневник в 1847 г. сразу по возвращении из деловой поездки в Англию: «Мой брат, который раньше работал довольно прилежно и преданно, позволил себя совратить, стал зазнайкой, не обращал на меня никакого внимания, считая себя важной птицей...» Альфред, этот ипохондрик, находящий радость в споре, видевший себя и свою фирму под постоянной угрозой многочисленных опасностей, не хотел больше терпеть такое несоблюдение субординации.

В феврале 1848 г. он убедил старуху мать переписать наконец на его имя фирму, в которой он 22 года работал в качестве управляющего. И это соглашение также предавало огласке хитрость и жестокость рано поседевшего главы фирмы, который в свои 36 лет выглядел как пятидесятилетний. Этот шахматный ход можно вполне охарактеризовать как весьма ловкий, поскольку момент для передачи фирмы был выбран очень удачно. Фирма Круппов снова вошла в полосу убытков: в течение одного года ее оборот сократился наполовину — с 80 тыс. до 40 тыс. талеров, но на горизонте уже маячили весьма выгодные сделки. Жестоким было прежде всего то, как Крупп обошелся со своими братьями и сестрой.

Альфред оценил стоимость фирмы, включая все земельные участки, здания, машины и запасы,в смехотворно маленькую сумму 40 тыс. талеров, хотя его партнер Фриц Зёллинг получал лишь 25% от прибыли при участии в 75 тыс. талеров в капитале фирмы. Но даже и эти 40 тысяч показались Альфреду в ходе переговоров о передаче еще слишком высокой оценкой. Поэтому, когда и австрийская фирма, участвующая в капитале, сообщила об убытках, он снизил символическую покупную цену фирмы до 25 тыс. талеров.

Впрочем, даже эта скромная сумма, как было договорено, должна была оставаться у фирмы в качестве ссуды и быть выплачена ее владельцам не раньше, чем по истечении 12 лет.

Братья и сестра остаются не у дел

Другими словами, братья и сестра Альфреда — Герман, Фриц и Ида — не получили ровным счетом ничего за то, что отказались от своего наследства. Герман, однако, имел участие в капитале фабрики металлических изделий в Берндорфе. Ида, достигшая к тому времени возраста 39 лет, но все еще незамужняя, проживала в доме Альфреда и получала скромное жалованье за свои услуги. Оставался, следовательно, ершистый Фриц. Чтобы сделать Фрица более податливым на уговоры своего брата и матери, Альфред предложил ему скромную пожизненную ренту. Удовлетворенно записал Альфред в своем дневнике: «24 февраля 1848 г., в день начала Французской революции, моя мать передала мне, по настоянию дяди Шульца, развалины фабрики».

К тому моменту, как разразилась революция, «развалины» предоставляли работу 122 человекам, а в декабре того же года их осталось всего 74. Некоторые были уволены из-за ограниченного поступления заказов, другие же, как кузнец Марре и слесарь Хюльсман,— за политическую деятельность. За дисциплиной на предприятии следил Адальберт Ашерфельд, мужчина богатырского сложения, типичный фельдфебель, состоявший с Круппами в дальнем родстве. Чтобы каждый работник предприятия знал, что он должен делать, Альфред выпустил свой первый «Фабричный устав», в котором устанавливал также моральные заповеди, такие, как эта: тот, кто становится должником в трактирах или у торговцев, должен «без всякого снисхождения и незамедлительно увольняться с предприятия», потому что (как полагает самый крупный должник в Эссене и его окрестностях) «наличие у человека долгов портит его характер, приводит к легкомыслию и кражам». К этому времени для того, чтобы иметь возможность хотя бы выплатить своим работникам зарплату, Альфред вынужден был даже переплавить фамильное серебро.

Крупная сделка с железной дорогой

Трудные времена оказались непродолжительными. И как только после провалившейся буржуазной революции был восстановлен прежний порядок, накопившийся отложенный спрос «позаботился» о новом притоке заказов на предприятие Круппа. Двигателями конъюнктуры стали железные дороги, и никто не нажился больше на первой большой волне индустриализации, катившейся теперь по Германии, чем имевшие уже прочные позиции поставщики чугуна, стали и угля. Новое транспортное средство не зря было названо «железной» дорогой, так как рельсовые пути и локомотивы, колеса и оси изготавливались еще из простого железа, которое соответственно и быстро изнашивалось.

Но уже стояли начеку такие опытные сталевары, как Крупп,

готовые изготавливать все подверженные высоким нагрузкам узлы и детали железной дороги из несравненно более твердой и вязкой, чем железо, стали. Первым, кто воспользовался этим новшеством, была Кёльнско-Минденовская железнодорожная компания, которая уже в 1847 г. проложила линию через Рурскую область. Крупп поставил полный комплект амортизаторов и $^1/_3$ осей для 500 вагонов. Тем самым был открыт путь к превращению фирмы в крупное предприятие.

Маленькая фабрика литой стали в Эссене росла почти теми же самыми темпами, что и сеть немецких железных дорог. Если первый участок, сооружением которого в 1836 г. началась прокладка дороги между Нюрнбергом и Фюртом, имел протяженность всего 6 км, то 30 лет спустя в эксплуатации уже находились 15 тыс. км железных дорог. Крупп, который в 1848 г. едва мог оплачивать труд 70 рабочих, в середине 50-х годов имел в своем распоряжении персонал, насчитывавший более 1000 человек. Железные дороги не только удешевили перевозки сырья, они сделали мобильнее также людей, и все бóльшие потоки дешевой рабочей силы устремлялись из обедневших восточных областей в индустриальные районы Рейна и Рура. Ясно, что при избытке предложения рабочей силы заработки оставались низкими. В то же время продукты постоянно дорожали из-за стремительного роста спроса на них.

У конкурента появляется хорошая идея

Обильные прибыли сделали предприятия способными осуществлять крупные капиталовложения, что в свою очередь положительно сказалось на конъюнктуре. В те годы Альфред Крупп делал хороший бизнес на одном изделии, про которое тоже лишь условно можно сказать, что оно «выросло на собственном навозе». Его идея была подсказана не кем иным, как генеральным директором фабрики «Гутехоффнунгсхютте» Вильгельмом Люгом, который в начале 50-х годов посоветовал Круппу заняться наконец колесами для железнодорожных вагонов. Они изготавливались тогда большей частью из древесины и были, как когда-то раньше у почтовых карет, охвачены по окружности тонким, сделанным из листового железа обручем, который сваривался на месте стыка полосы.

Из-за увеличения скорости движения поездов возникновение трещин в сварочных швах все чаще приводило к поломке колес. С самого начала Альфреду Круппу стало ясно, что тот, кто сможет изготовить бесшовный обруч для колес, сделает на этом выгодное дело. И так как Альфред Крупп умел уже изготавливать бесшовные валки, он не видел в выполнении этой новой задачи слишком больших трудностей. В мастерской, строго изолированной от остальной части предприятия и прозванной крупповскими рабочими «Сибирью», он начал проводить первые опыты.

Первый «бесшовный колесный венец» был готов летом 1852 г., и Альфред Крупп велел тотчас запатентовать его. В свойственной ему манере выражаться он назвал свою цель — производить в год 20 тыс. венцов — «Чимборасо моих желаний» *. Крупп стал произво-

* Чимборасо — горная вершина в Андах.— *Прим. ред.*

дить намного больше, и уже одной этой сделки с железной дорогой было бы достаточно для того, чтобы превратить его фирму в одно из самых значительных предприятий немецкой промышленности. Тем настойчивее добивался он, после того как семилетний срок действия патента истек, его продления еще на 15 лет. Однако отнюдь не благоволившие ему в тот период министерские чиновники в Берлине согласились продлить его лишь на один год. Во всяком случае, спрос на «бесшовные колесные венцы» Круппа сохранялся на протяжении всей жизни Круппа, потому что никто из конкурентов так и не смог ликвидировать достигнутое им опережение в производстве этого изделия. Поэтому ни для кого не было удивительным, что своим фирменным знаком он сделал как раз три переплетенных кольца, символизирующих колесные обручи.

Белокурая девушка в оперном театре

Напротив, брачными узами он до сих пор пренебрегал, к великому сожалению своего партнера Зёллинга, который неустанно советовал ему жениться на богатой даме, приданое которой было бы достаточным, чтобы санировать фирму. Итак, фирма была, как любил выражаться Альфред, «в цвету», когда, будучи уже 41-летним, он осознал, что для того, чтобы стать основателем промышленной династии, ему не хватает самого главного, а именно наследника. И он отделался от этой обременительной обязанности с неподобающей его положению, почти неприличной поспешностью.

Во время одного из своих редких посещений Кёльнской оперы Альфреду бросилась в глаза необычайно красивая белокурая девушка с лучистыми голубыми глазами — и его решение созрело. Была ли это любовь с первого взгляда или всего лишь его верное чутье на людей, которые могли принести ему пользу, мы никогда этого не узнаем. Во всяком случае, он тотчас установил имя девушки. Она звалась Берта Айхоф и происходила из добропорядочной, правда, неимущей чиновничьей семьи. Несколько дней спустя он вновь приехал поездом в Кёльн и, проявив присущую ему ловкость, получил доступ в родительский дом своей возлюбленной. В мгновение ока он уговорил вышедшего на пенсию рейнского таможенного инспектора отдать ему руку дочери.

В том же месяце, 19 мая 1853 г., состоялась свадьба. «Она стала настоящим народным праздником, о котором долго еще говорили в Эссене. Вечером накануне торжества — большое факельное шествие, сад и фабрика сияли в свете бенгальских огней, и их треск сливался с непрерывной пальбой из всего, что могло стрелять. Было израсходовано 60 фунтов пороха, что как бы предвещало будущую профессию жениха»,— заливался соловьем почитатель Альфреда Вильгельм Бердров. Неугомонный жених не позволил себе потратить ни минуты времени без пользы, потому что ровно через девять месяцев, 17 февраля 1854 г., Берта родила ему страстно желанного продолжателя рода. В 42-й день рождения отца наследник был окрещен двойным именем — Фридрих Альфред.

Берта спасается бегством на Лазурный берег

Поскольку цель женитьбы была достигнута, Альфред снова с головой уходит в фабричные дела. Когда Берта попросила однажды мужа вывозить ее по вечерам на концерты, тот грубо напустился на нее: «Я должен заботиться о том, чтобы дымились трубы моей фабрики. Когда на ней начинается утренний грохот молотов, то мне слышится в нем музыка более прекрасная, чем если бы играли все скрипки мира». Впечатлительная девушка, которой во время бракосочетания было всего 22 года, уже весьма скоро поняла, что она была нужна своему мужу разве что для представительства. Как, например, когда принц Вильгельм I, ставший позже королем Пруссии, и затем и германским императором, во время инспекционной поездки по своим западным провинциям заехал также в Эссен и 15 июня нанес короткий визит на фабрику литой стали Круппа. Как бы ненароком Альфред попросил высокого гостя осмотреть два свежевыточенных пушечных ствола, которые, однако, предназначались Баварии, а не Пруссии. Живой интерес, проявленный к этой стреляющей машине Гогенцоллерном, вошедшим в историю под прозвищем «картечного принца», сыграл впоследствии благодатную роль в истории фирмы Круппа.

Во всяком случае, Берта находила в чопорном церемониале, который ее муж считал уместным в подобных случаях, столь же мало удовольствия, как и в постоянном грохоте паровых молотов, от которого в доме лопались посуда и бокалы. И хотя молодая женщина не ощущала недостатка в комфорте — в обширном парке были павлины, фонтаны, экзотические растения,— но вся атмосфера в вилле Круппов была для нее слишком деловой и недомашней. Поэтому все чаще она уезжала для лечения на воды. Со временем у нее развилась сильная склонность к длительным путешествиям в места между Ниццей и Монте-Карло, в то время как ее остававшийся в прокопченном Эссене муж с годами становился все чуднее.

В доме Круппов пахнет коровьим навозом

Альфред культивировал свою склонность к ипохондрии, чураясь всего, что могло вызвать болезнь, и в тысячах своих писем друзьям и знакомым бесконечно распространялся о симптомах всевозможных болезней, которые он, по его мнению, находил у себя. Лучшей терапией против постоянно и повсюду подстерегающих его опасностей являлся, как он открыл, «здоровый сельский воздух». Это означало не что иное, как то, что в доме Круппов всегда должно было пахнуть коровьим навозом. Данное обстоятельство также могло послужить одной из причин частого отсутствия его жены Берты.

Среди постоянно мучивших его страхов особо ярко выраженным был страх перед огнем, хотя в сталелитейне он постоянно имел с ним дело. По этой причине он не терпел в своем окружении ничего сделанного из дерева, поскольку это могло воспламениться. С возрастом он относился также со все бо́льшим недоверием к собственным рабочим и к «прокуре», как он называл управляющих

своей фирмы, не исключая даже таких близких друзей, как Фриц Зёллинг. Повсюду ему чудилось предательство, без устали царапал он в свой дневник строчки, подобные этим: «Полагаю, нужно было бы иметь второго сторожа, который контролировал бы первого, и третьего, который наблюдал бы за вторым».

На своих предприятиях он организовывал строго охраняемые секретные отделы, а у прусского правительства даже запросил разрешение на приведение всего персонала предприятий к присяге на сохранение производственной тайны. Запрос был отклонен, но Крупп все-таки требовал от каждого работника соответствующей клятвы, так сказать, в частном порядке. Даже своих заводских шпионов, которых он внедрял на другие предприятия с целью сбора информации о некоторых используемых там производственных процессах, Крупп заставлял давать клятву верности.

«Уже через неделю он поправился и умер»

Страсть к засекречиванию принимала у него уже патологический характер, когда после многих разочарований, пережитых им во время переговоров с прусской военной бюрократией, пришел наконец в движение «пушечный бизнес». Перелому в умозаключениях руководящих чинов армии Крупп был обязан именно тому «картечному принцу», который намного раньше проявил свой интерес к стальным пушкам Круппа и 28 октября 1857 г. вышел на авансцену, став правителем при своем тяжело заболевшем брате-короле. До того момента «пушечный бизнес» Круппа протекал весьма вяло. Правда, уже после Парижской всемирной выставки не кто иной, как император Франции Наполеон III, проявил живой интерес к не знавшим, по-видимому, износа орудийным стволам из Эссена, однако он не решился разместить заказы за рубежом из-за противодействия собственных фирм — производителей оружия. Только вице-король Египта и русский царь заказали несколько десятков дешевых стальных пушек из Эссена. Альфред Крупп, будущий пушечный король, решил было уже закрыть отделение фирмы по производству нерентабельных орудий, как вдруг весной 1859 г. из Берлина пришел ожидавшийся с таким нетерпением первый крупный заказ. Более десяти лет потратил Крупп на то, чтобы доказать прусским артиллеристам преимущества стальных пушек, демонстрировал свои орудия на всемирных выставках и даже подарил прусскому королю до блеска отполированную пушку-шестифунтовку.

Теперь же по указанию принца-регента ему предстояло незамедлительно поставить 300 полевых орудий. Удовлетворение Круппа, вызванное этим крупным заказом, в мгновение ока сделавшим его крупнейшим в королевстве производителем оружия, было лишь в небольшой мере омрачено смертью его долголетнего партнера Фрица Зёллинга. Когда этот обладавший трезвым расчетом торговец, который был единственным человеком, позволявшим себе возражать своему всемогущему шефу, умер в январе месяце, Крупп прокомментировал это событие только одним предельно кратким замечанием: «Уже через неделю он поправился и умер».

Беспрецедентный бум в производстве вооружений

60-е годы принесли фирме Круппа беспрецедентный бум в производстве вооружений, поскольку Пруссия, для которой предприятие Круппа стало важнейшим поставщиком оружия, вела одну за другой сразу три войны: против Дании, затем против Австрии и, наконец, против Франции. По меньшей мере в войне с Австрией пушки Круппа стреляли друг в друга с обеих сторон, потому что в то время «король» Альфред поставлял пушки всякому, кто мог платить. Это не освобождало его, однако, от денежных забот, потому что он расходовал на строительство новых заводских объектов суммы значительно больше тех, что возвращались к нему в виде доходов.

И хотя благодаря этому фирма росла захватывающими дух темпами, ее обеспеченность собственным капиталом постоянно оставалась слабой. Вновь и вновь Крупп вынужден был занимать огромные суммы у банкиров — у Оппенгейма и Дайхмана в Кёльне или Бляйхрёдера в Берлине. Даже правительство Пруссии было вынуждено неоднократно оказывать Круппу финансовую поддержку через государственное общество морской торговли, после того как он пригрозил, что в другой раз привлечет французский капитал к участию в производстве пушек. Полученные деньги Крупп инвестировал в такие объекты, как, например, тысячетонный кузнечный пресс «Фриц». Для его установки в землю пришлось вогнать в качестве фундамента множество свай, на изготовление которых пошел целый лес деревьев. С помощью этого чудовища из самых крупных отливок, когда-либо существовавших на континенте, Крупп мог изготовлять крупнокалиберные орудийные стволы, а также корабельные валы для судов будущих поколений.

Когда в середине 50-х годов его шпионы сообщили из Англии, что некто Генри Бессемер запатентовал новый, сенсационный метод изготовления стали, при котором жидкий доменный чугун насыщался чистым кислородом во вращающемся конверторе, так называемой «бессемеровской груше», Альфред Крупп не успокоился, пока не узнал все детали данной технологии. И как это уже часто случалось на его жизненном пути, он решил присвоить бессемеровский метод, который делал возможным массовое производство стали из дешевого сырья.

Украденное изобретение предъявляется к патентованию

В 1856 г. Крупп предъявил в Берлине к патентованию под своим именем украденное британское изобретение. Однако эксперты технической комиссии были уже информированы, и министр торговли отклонил заявку на выдачу патента коротко и лаконично: «Данная технология ... не представляет чего-либо нового и оригинального, что могло бы стать объектом патентования». Теперь, если Крупп не хотел отказаться от использования бессемеровской технологии, ему не оставалось ничего другого, как договориться с британским изобретателем и уплатить ему определенную сумму за лицензию.

Однако он снова под покровом большой секретности первым на континенте начал производство бессемеровской стали в одном из зданий своей фабрики, замаскированном под „прокатный стан «С» для производства колес". Теперь ему нужно было лишь раздобыть подходящий прокатный стан, и тогда он был бы надлежащим образом подготовлен к предстоящей колоссальной сделке с рельсами для железных дорог. До сих пор приходилось довольствоваться чугуном, потому что сталь была просто-напросто слишком дорогой. И вот теперь бессемеровская технология предоставляла возможность заменить непрочные и быстро изнашивающиеся рельсовые пути из чугуна на практически вечные стальные рельсы.

Когда в 1870 г. разразилась война между Германией и Францией и пушки Круппа разгромили империю Наполеона III, Альфред был на вершине своего могущества. На его заводах было занято более 10 тыс. рабочих, и, как неограниченный властитель, он управлял крупнейшим промышленным комплексом Германии. Теперь, решил Альфред, настало время всему этому дать внешнюю огласку и обзавестись приличествующей своему положению резиденцией, в которой он как ровня мог бы принимать князей и королей. Но в отличие от силезских магнатов или биржевых спекулянтов Берлина, разбогатевших на волне грюндерского бума, речь не шла о разработке великолепного проекта силами знаменитых французских архитекторов. Нет! Как решил неограниченный властелин в империи стали, никто, кроме него самого, не в состоянии справиться с этой большой задачей.

Странный дом на пригорке

В разгар войны немецкий пушечный король недели напролет занимался только одним делом — своим будущим замком. И конечно, Альфред уже совершенно точно представлял себе, как должна выглядеть его будущая резиденция, когда перешел к поискам подходящего для нее участка. При этом он лишний раз подтвердил свою уже известную нам обстоятельность. Альфред приказал своим рабочим построить передвижную наблюдательную вышку, которая была выше самого высокого дерева окрестности. Четыре десятка крепко сложенных крупповских рабочих должны были волочить это деревянное чудище по всему обширному и довольно холмистому участку, который Крупп предварительно купил через подставных лиц. Альфред стоял при этом наверху, на вышке, и изучал менявшийся ландшафт.

Когда он наконец подыскал холм, пригодный для «жилища, помещения для конюшни, манежа для верховой езды, дворов, парковых и садовых сооружений, водонапорной станции, фонтанов, каскадов, прудов для рыбы на вершине и в низине, охотничьего парка, виадуков через овраги, мостов, пастбища на реке Рур для лошадей и другого скота» (так он подытоживал в целом требования к резиденции), он тотчас же установил, что и найденная площадка была несовершенна. Чего не хватало на ней, так это красивых старых деревьев. Так как у Альфреда не было желания ждать 20 или 30 лет, пока деревья достигнут желаемой высоты, он приказал повсюду скупать красивейшие деревья для аллеи, выкапывать, перевозить их на свой холм и здесь вновь высаживать.

Он сам вплоть до мельчайших деталей разработал проект строительства своей виллы «Хюгель». Это был огромный величественный дворец со 180 помещениями, столь же уютный, как складское помещение фабрики по производству угольных брикетов. Невзирая на то, кто в данный момент был другом, а кто врагом Пруссии, Крупп приказал доставить строительный материал из каменоломни Шантильи под Парижем. Его рабочая комната во дворце должна была быть снабжена тройными железными дверьми, а окна каменного чудовища должны были герметически закрываться, чтобы ни малейшее дуновение ветерка не могло застудить чувствительных бронхов хозяина дома. Однако венцом этого строительного творения, которое могло быть внушенным только безумием грюндерских лет, была придуманная Альфредом хитроумная система вентиляции, которая через искусно проложенные шахты прямо в рабочую комнату доносила столь милое ему благоухание конюшен.

В дурмане грюндерских лет

Прошло почти четыре года, прежде чем вилла «Хюгель» была построена. В этот период ее строитель пережил свой самый большой триумф и самые глубокие унижения. В дурмане грюндерских лет он путем поспешных приобретений расширил свою фирму, называвшуюся теперь «Фатерлендише аншталь», до размеров горнометаллургического концерна, располагавшего собственной угольной и железнорудной базой. Альфред покупал почти без разбора и при этом почти всегда слишком дорого: примерно 300 рудников в Зигерланде и бассейне реки Лан, металлургические заводы «Сайн» под Нойвидом и «Иоханнисхютте» под Дуйсбургом, каменноугольную шахту «Ганновер» под Бохумом, металлургические предприятия «Германсхютте», «Берндорфер айзенхютте» и завод «Плойель» в Сайне. Однако все это, и даже более того, он вынужден был уже вскорости перезаложить, потому что летом 1872 г. еще до «большого грюндерского краха» в Эссене вдруг возникла нехватка денег.

Экспансионистский натиск неврастеничного Альфреда еще раз опустошил кассы, и для спасения фирмы необходимо было срочно раздобыть совсем пустяк — 10 млн. талеров. Консорциум банков, созданный во главе с прусским обществом морской торговли, изъявил готовность предоставить Круппу крупный кредит. Правда, при условии, что он откажется от своих прав собственника «объединенных заводов» и, кроме того, будет регулярно представлять банкам отчет о своих операциях. День 4 апреля 1874 г., когда Крупп подписал это кредитное соглашение, стал для патриарха, привыкшего к единоличному правлению фирмой, днем «капитуляции фирмы» перед «еврейскими мошенниками», под которыми подразумевались банкиры.

«Карандаш просто рвется из пальцев»

Тем более бесцеремонно обращался он в дальнейшем со своей «прокурой», т. е. теми высшими управляющими во главе с Эрнстом Айхофом, двоюродным братом Берты Крупп, которые уже долгое

время фактически руководили фирмой. Время грюндера миновало, даже если бессонными ночами «карандаш все еще рвался из пальцев» и он, не останавливаясь, исписывал целые записные книжки. Последние пять лет своей жизни Альфред провел в полном уединении в пустынных анфиладах комнат своей роскошной виллы, и едва ли хоть кто-нибудь из 20 тыс. крупповских рабочих и служащих обращал уже внимание на старика, который к моменту, когда он 13 июля 1887 г. испустил последний вздох, уже давно пережил себя. Годом позже за ним последовала Берта. Однако фирма «Крупп» еще в течение 80 лет оставалась семейным предприятием, несмотря на то, что уже сын его Фридрих Альфред едва ли справлялся с обязанностями по руководству крупнейшим концерном немецкой промышленности. Чуждые семье Круппов менеджеры, как пришедший позднее Бертольд Байтц, определяли в дальнейшем судьбу общества «Фатерлендише анштальт», которое лишь в 1967 г., когда оно в очередной раз оказалось на грани финансового краха, стало, с правовой точки зрения, вполне «нормальной» фирмой.

Глава 7
БИТВА НАРОДОВ

Период грюндерства породил идею, ставшую типичной для тогдашних предпринимателей, мысливших категориями максимальной выработки и конкуренции, и для молодых промышленных государств, стремившихся к поддержанию своего престижа. Это была идея организации всемирных выставок. Как в наше время на Олимпийских играх, так и тогда нации боролись за золотые медали на этих промышленных состязаниях. И нередко правительствам отдельных стран приходилось осторожно, но настойчиво заставлять свои фирмы, как утомленных борьбой атлетов, снова и снова выходить на эту арену героев.

В период с 1850 по 1880 г. состоялось восемь таких промышленных «супершоу»: в 1851 г.—в Лондоне, в 1855 г.—Париже, в 1862 г.—Лондоне, в 1867 г.—Париже, в 1873 г.—Вене, в 1876 г.—Филадельфии, в 1878 г.—Париже и в 1880 г.—в Дюссельдорфе.

На первых четырех выставках у Германии возникала проблема, связанная с тем, что еще не было государства с таким названием. Вместо этого посетители, совершавшие паломничество в великолепные выставочные павильоны Лондона и Парижа, любовались продукцией фирм из незнакомой им страны с непонятным названием «Таможенный союз».

Один прусский чиновник, который в 1851 г. совершил путешествие в Лондон, высказал по этому поводу критическое замечание: «Люди задавали вопрос о географическом местоположении этой мнимой страны или считали эту конфедерацию государств порождением протекционистской экономической политики». Лишь после основания в 1871 г. Германской империи немцы стали выступать в качестве немцев.

По отношению к представителям национальной промышленности на этих выставках роль своего рода Национального олимпийского комитета выполнял «Союз для поощрения ремесленных промыслов», созданный в Пруссии еще в 1822 г. Петером Кристианом Вильгельмом Бойтом. Тон в нем задавали чиновники берлинского министерства торговли. Если немецкие предприниматели в первую очередь были заинтересованы в заключении выгодных сделок на выставках, то государственные чиновники заботились прежде всего о том, чтобы в первую очередь Пруссия выглядела на них в наиболее благоприятном свете.

Немецкий принцип: «дешево и ...плохо»

Промышленность Германии все еще была вынуждена бороться с устоявшимися представлениями о ее второразрядности. Немецкие предприниматели находились тогда в таком же положении, в

котором через столетие оказались японцы: их считали по-настоящему талантливыми, но никто не поверил бы тому, что они когда-либо смогут сравняться с ведущими фирмами Великобритании. Первая Всемирная выставка 1851 г. в Лондоне была в значительной степени английской выставкой: 6146 английским фирмам противостояло всего 1563 немецких фирмы. Еще в 1876 г. посетивший Всемирную выставку в Филадельфии Франц Рёло, основатель теории кинематики и доцент Промышленной академии в Берлине, сообщал в письме: «Промышленность Германии следует своему основному принципу: „дешево и ...плохо“».

Лишь немногие немецкие предприниматели уже тогда оценили громадное значение той формы рекламы, которая сегодня называется „Public Relations“. Одним из них был Альфред Крупп, пушечный король. Никто из грюндеров не уделял такого большого внимания всемирным выставкам, как он, и никто другой не имел на них столь значительного успеха. В то время как большинство глав фирм еще только боязливо подсчитывали свои расходы, связанные с участием в выставках, Крупп давно понял, какую выгоду сулила ему идентификация своих интересов с интересами Пруссии. Так, например, перед открытием в 1873 г. выставки в Вене он инструктировал своих сотрудников, чтобы те убеждали потенциальных клиентов в бескорыстии фирмы: «Только говорите, что фирма работает на одну Пруссию, и пусть посетители не думают, что мы участвуем в выставке лишь для того, чтобы получить заказы. Мы руководствуемся исключительно соображениями высшего порядка — разъяснить миру политику Пруссии!»

«Англичане еще разинут рты!»

При этом хитрый предприниматель из Эссена ни на минуту не забывал того, о чем еще в 1867 г. писал из Парижа кёльнский журналист А. Эбелинг: «Только одна мысль занимает умы тех, кто участвует в этом гигантском празднике народов: будем ли мы на равных стоять рядом с другими участниками, сможем ли мы поспорить с ними за награды или даже быть увенчаны венком победителей».

Иначе говоря, эти чудовищные по своим масштабам промышленные выставки были своеобразными мировыми чемпионатами грюндеров-патриархов. И один из них, фигурировавший под номером один, а именно Альфред Крупп, открыто угрожал: «Англичане еще разинут рты!»

Уже первая промышленная выставка, открывшаяся в Лондоне 1 мая 1851 г., по тогдашним условиям явилась настоящим «супершоу». Она была организована в лондонском «Стеклянном дворце», получившем позднее мировую известность и представлявшем собой гигантскую конструкцию из стекла и стали, сооруженную по проекту британского архитектора Джозефа Пакстона. Новехонький «храм прогресса» должен был наглядно продемонстрировать возможности промышленности и техники. По этому поводу специалист по истории культуры Рольф Линненкамп писал: «То, чем были для императоров романской эпохи замки-крепости, соборы для клерикалов периода готики, здания магистрата или ратуши для бюргеров-

бакалейщиков в век Ренессанса и, наконец, замки в стиле барокко для верхушки феодальной знати,— все это в глазах представителей класса предпринимателей было хотя и достойным для подражания, а нередко и типичным для них, однако далеко не так репрезентативно, как этот подобный замку Грааля стеклянный дворец, напоминающий одновременно и бургтеатр, и храм, и купола железнодорожного вокзала, и универсальные магазины, одним словом, нечто сверхсовременное... Труд, затраченный на роскошную отделку здания, сделал свое дело. Огромное сооружение из стекла как бы овевалось ветрами всего мира, излучало какую-то таинственную, но притягивающую к себе неизвестность».

Чудовище на улицах Парижа

Более шести миллионов посетителей совершили паломничество в выставочный замок из стекла, в котором более 13 тыс. фирм со всей Европы, из США и России представили образцы своих наиболее престижных изделий. Альфред Крупп, подобно офицерам генерального штаба перед сражением, уже за много недель до открытия выставки подготовил свой выход на международную арену — его агенты в Великобритании снабжали информацией об экспонатах конкурентов. Он приготовил для лондонцев «вещичку», которая вряд ли могла остаться незамеченной — отливку из литой тигельной стали весом 4290 фунтов,— и, кроме того, пушку, которая тоже была отлита из стали, а не из бронзы, как это было принято до сих пор.

Англичане, являвшиеся до этого времени ведущей нацией в обработке стали, были удивлены. «По поводу размеров следует сказать, что, без сомнения, до сих пор столь большие отливки не изготавливались»,— отметили члены жюри и присудили немецкому предприятию высшую награду — Council Medal. А некоторые британские журналисты, не вдаваясь в подробности, вначале приняли Круппа за одну из английских фирм, ибо, по их мнению, немец не смог бы изготовить нечто подобное.

Разумеется, такое положение довольно скоро изменилось, и четыре года спустя, на выставке в Париже, немцев уже нельзя было просто не замечать. «Месье» Альфред Крупп из неизвестного прусского провинциального местечка Эссен с первого дня работы выставки дал пищу для разговоров более чем пяти миллионам ее посетителей. Они начались с того момента, когда огромная стальная отливка, которую Крупп решил отправить на берега Сены, прогрохотала по улицам Парижа. Она оказалась вдвое больше и тяжелее, чем тот чудовищный экземпляр, отлитый из 98 тиглей, который вызвал такую сенсацию в Лондоне.

Мощные транспортные тележки, усиленные медными пластинами, не выдержали все же веса стального чудовища и сломались на пути к выставочному павильону «Трокадеро». Стальной блок из Эссена должен был метр за метром перетаскиваться к выставочному павильону с помощью катков по дощатому настилу подобно тому, как это делали строители древних египетских пирамид при транспортировке камней. И все это — к потехе огромной толпы людей, которая сразу же собралась вокруг объекта тевтонского бахвальства.

Война немецких сталеваров

Когда колосс занял наконец свое место в выставочном павильоне, то вдобавок ко всему пол под ним осел, и выставочный образец весом в 10 тыс. фунтов с неописуемым грохотом рухнул в подвал. Собравшиеся здесь для предварительного осмотра члены жюри были на волосок от смерти — провалившийся в подвал экспонат едва не увлек их за собой и не раздавил в лепешку. Когда об этом узнал Альфред Крупп, оставшийся дома из-за неотложных дел, с ним случился нервный припадок. Ибо одновременно с этим он получил от своих агентов в Париже специальный выпуск журнала *Monde Industriel,* в котором со всеми подробностями описывались три исполинских колокола из литой стали, выставленные в Париже самым опасным конкурентом Круппа Якобом Майером. Последний еще в 1842 г. основал металлургическое предприятие «Бохумер ферайн фюр бергбау унд гусштальфабрикацион».

На подобные известия предприниматель из Эссена обычно реагировал весьма болезненно, потому что выходец из Швабии Майер уже давно не давал ему спокойно спать. Именно этот самый Майер, часовых дел мастер, въедливо и настойчиво утверждал, что как раз он изобрел стальное фасонное литье. К великому сожалению Круппа, ему не удалось оспорить эту привилегию у Майера. Хотя Крупп распространил в Эссене слух, что Якоб Майер самым подлым образом сманил у него нескольких рабочих и выведал у них секреты изготовления литой стали, сегодня достоверно установлено, что в Бохуме еще в 1844 г., т. е. когда Круппу не была известна литая сталь, была отлита первая пушка из нее. И с тех пор два стальных барона всегда шли войной друг на друга, где бы они ни сталкивались. Крупп, на предприятиях которого во время выставки 1855 г. было занято более тысячи человек, незамедлительно опротестовал утверждение, что бохумские колокола якобы отлиты из литой стали. Он был убежден в том, что они изготовлены из чугуна и при повторной проверке не могли бы быть отлиты вновь. С негодованием бохумцы отвергли подобные подозрения и предложили передать дело на рассмотрение нейтрального международного жюри.

«Определенная беззастенчивость...»

Альфред Крупп принял вызов и выделил 2100 франков на проведение проверки. Одновременно он дал указание своим парижским уполномоченным, чтобы те использовали все имеющиеся возможности воздействия на жюри: «Не жалейте добрых слов и денег, чтобы завести друзей, которые помогут вам. Будьте максимально подобострастны по отношению к прусским, а равно и к французским чиновникам». Историк Эвелина Крокер, в диссертации которой исследуется тема «Всемирные выставки XIX столетия», дает всему этому следующую оценку: «Определенная беззастенчивость в поведении Круппа на всемирных выставках, которая по меньшей мере в форме резких высказываний не замечается у других предпринимателей, бросается в глаза особенно в тех случаях, когда речь шла о прямом воздействии на комиссии, обязанные в силу своего положения быть объективными».

В Париже не помогли, однако, ни деньги, ни добрые слова. Анализ материала, из которого были отлиты бохумские колокола, не оставлял никаких сомнений: это была литая сталь. Газеты отводили целые колонки освещению тяжбы между немецкими сталеварами. В Бохуме вышел даже специальный выпуск газеты *Меркишер шпрехер,* в котором триумфально сообщалось: «В городе царит всеобщее ликование по поводу того, что недостойные интриги живущего по соседству завистника не смогли помешать нашей фабрике литой стали получить одну из пяти больших почетных медалей, которые вообще достались Пруссии. Правое дело победило, а тщеславие и невежество теперь уже утратившего первенство фабриканта литой стали со всеми его мистификациями получили жестокий урок».

В конечном же счете оба конкурента оказались в выигрыше от той широкой известности, которую неожиданно получила в Париже их тяжба. С удовлетворением отмечал благоволивший Круппу его биограф Герт фон Класс: «Всемирные выставки всегда были для Круппа мероприятиями, сулившими ему успех. Они являлись благодатной почвой, на которой раскрывалось его искусство вести «пропаганду» в широком масштабе... Возможно, Крупп был первым пропагандистом в мире». А генеральный директор фирмы «Бохумер ферайн» Луис Бааре через два года после этой истории сокрушенно констатировал во время своей поездки в Южную Германию: «В Южной Германии о нас никто ничего не слышал и не знает». И лишь когда он в присутствии своих заказчиков заводит речь о тяжбе по поводу литой стали, лица его собеседников светлеют и они «признают, что читали в Париже о его фирме». Из этого Бааре делает естественно напрашивающийся вывод, который уже давно был известен Альфреду Круппу: «Совершенно необходимо, чтобы название нашей фирмы время от времени называлось публично».

Заманчивое предложение из Франции

Хотя в Париже Крупп и оказался проигравшей стороной в «колокольном споре», тем не менее конкурент из Эссена оставил о себе более глубокое, чем его соперник, впечатление. Это объяснялось тем, что кроме своей гигантской отливки Крупп предложил посетителям еще один экспонат, который вызвал у французов крайнее удивление,— отполированную до зеркального блеска пушку, которая выглядела в точности как знаменитое полевое орудие французской армии *Canon de l'Empereur* («пушка императора»). С той только разницей, что эссенская 12-фунтовка была изготовлена из стали, а не из бронзы, как ее французский аналог.

Император Наполеон III, покровитель выставки и фанатичный поклонник орудий, был в полном восторге от этого экспоната и сразу приказал подвергнуть обстоятельному испытанию эту стальную пращу. Тест показал, что пушка Круппа была почти на два центнера легче, чем стандартное орудие французской артиллерии, а ее ствол не обнаружил ни малейшего износа даже после 3000 выстрелов, которые были сделаны во время пробной стрельбы в Винсенне. За свою пушку Альфред получил вторую золотую медаль, а позднее даже орден Почетного легиона.

Дальше — лучше: если уж англичане в свое время приняли Круппа за одного из своих, то французы вдруг припомнили, что в 1812 г., когда родился основатель фирмы, Эссен, место его появления на свет, еще принадлежал Франции. Поскольку немец, умевший изготавливать столь опасное оружие, был, собственно говоря, французом, то никто не терял надежды привлечь его под цвета французского флага. Самый могущественный банк Франции «Креди мобилье» предложил эссенцу, который постоянно нуждался в деньгах, кредит на сумму более 30 млн. золотых франков (по сегодняшней оценке, примерно 300—400 млн. марок!). Единственное условие, поставленное Круппу,— ему надлежало перенести свою фабрику во Францию.

Запоздалая победа над конкурентами

Быть может, история Европы сложилась бы иначе, если бы пушечный король принял это предложение. Ведь во франко-прусской войне 1870/71 г. именно крупповские стальные орудия наряду с сетью прусских железных дорог, проложенных в соответствии с военно-стратегическими соображениями, а также стратегией Мольтке, определили в конечном счете судьбу компании. И разумеется, не чистый патриотизм побудил Круппа отказаться от золота банка «Креди мобилье». Из писем и заметок Круппа того периода совершенно четко вытекает, что на уме у него было только одно — оставаться неограниченным хозяином в своем собственном предприятии. Получение же такого огромного кредита поставило бы его в безнадежную зависимость от французского банка. Кроме того, он опасался, что французы заинтересованы лишь в его патенте производства литой стали и что, как только узнают секрет, они возьмут назад свое согласие на предоставление кредита.

Итак, Крупп не хотел, по существу, терять свою самостоятельность, но он был в любой момент готов вооружить всю французскую артиллерию своим полевым орудием из литой стали, даже невзирая на опасность, что Франция за счет этого получит огневое превосходство над немцами. И все-таки французы, которые сами располагали развитой военной промышленностью, не захотели уступать заграница такой огромный заказ. Наполеон III остался при своих двенадцатифунтовках и под Седаном был наголову разбит немцами. Что касается Альфреда Круппа, то благодаря неустанной деятельности по пропаганде своего нового орудия на последующих всемирных выставках он поднялся до положения пушечного короля общеевропейского масштаба. Но только через 110 лет после завершения «колокольной тяжбы» его предприятие вышло победителем и в конкурентной борьбе с соперниками из Бохума. В 1965 г. предприятие «Фридрих Крупп хюттенверке АГ» в Райнхаузене полностью поглотило «Бохумер ферайн фюр бергбау унд гусштальфабрикацион».

Глава 8
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ КОРОЛЬ

Когда грюндерство вступило в период своего наивысшего расцвета, то для человека, являвшегося самым богатым и могущественным представителем плеяды первооткрывателей, лучшие годы были уже позади. Бетель Генри Штроусберг, родившийся в 1823 г. в восточнопрусском Найденбурге в семье обедневшего еврейского адвоката, без сомнения, являлся одной из самых блестящих фигур XIX в. Он олицетворял собой как те фантастические возможности для самых головокружительных карьер, которые предоставляла эпоха индустриализации, так и огромный риск, который подстерегал тогда предпринимателей.

Штроусберг, который, по понятиям тяжелой промышленности, начинал свою карьеру почти неимущим, считался в свои лучшие годы одним из самых богатых людей мира. Он владел громадными поместьями с великолепными замками, одной из красивейших вилл Берлина, десятками фабрик, металлургических заводов, угольных шахт и железнодорожных компаний. Где бы он ни появлялся, везде его принимали, как князя. И будь он чуть менее легкомыслен, его имя стояло бы сегодня в одном ряду с именами Круппа, Тиссена и Борзига. А так ему не оставалось ничего иного, как славы величайшего банкрота грюндерских лет.

Начало необычайной карьере неприметного еврейского мальчика из Восточной Пруссии, который уже в раннем возрасте был обращен в христианскую веру и на тринадцатом году жизни избавился от данного ему при крещении имени Барух Хирш, было положено в Лондоне. Здесь, в маленькой экспортно-импортной фирме братьев своей матери бедный родственник из Найденбурга надеялся получить возможность обеспечить себе хотя бы небольшие удобства в жизни.

В появившейся в 1876 г. автобиографии «Штроусберг и его деяния, описанные им самим» он пишет о тех годах несколько высокопарно: «Я использовал это время для того, чтобы получить научное представление о положении самых различных стран, с которыми у нас установились связи, а также о принципах банковской и торговой систем, и вообще посвящал свои карманные деньги, заработную плату и каждую минуту свободного времени духовному совершенствованию».

Юный издатель терпит кораблекрушение

Такого рода старания, очевидно, не пропали даром, поскольку всего через несколько лет бывший помощник продавца уже работал экономическим обозревателем нескольких небольших газет. Как

долго занимался он этим делом и для каких газет писал, будущий промышленный магнат, к сожалению, оставил нас в неизвестности. Верно только то, что он учредил собственную экономическую газету под названием *The Merchant's Magazine,* а вскоре после этого купил литературный ежемесячник *Sharpe's London Magazine.*

Свои годовые доходы от обоих изданий Штроусберг оценивал почти в 1500 ф. ст., что в те времена соответствовало примерно 10 тыс. талерам. В связи с этим он хвастливо писал: «Впрочем, такой суммы не хватало для того домашнего хозяйства, какое я вел в Англии. К тому времени я содержал, как всегда, где это мне представлялось возможным, респектабельный дом, в котором царили гостеприимство, художественный вкус и комфорт».

Юный издатель потерпел крушение, когда решил печатать свои издания в «более дешевой» Германии. Поскольку готовые экземпляры постоянно поступали в Лондон с большим опозданием, абоненты постепенно отошли от газет. Штроусберг вынужден был продать оба издания по низким ценам. В последующие годы он зарабатывал себе на жизнь, работая генеральным агентом в одной прусской компании по страхованию жизни и в качестве импортера произведений немецкого искусства.

В то время как торговля произведениями искусства никак не хотела процветать, операции по страхованию жизни шли все лучше. Знание отрасли очень пригодилось ему, когда среди страховых компаний в Англии разразилась волна слияний. Для нескольких крупных компаний он сумел подготовить экспертные оценки о стоимости интересных кандидатов на слияние, что, как он заметил, принесло ему «кругленькую сумму в 10 тыс. ф. ст.».

По воле случая — в железнодорожный бизнес

В 1855 г. Штроусберг переселился в Берлин, чтобы урвать свой кусок от «немецкого экономического чуда», слух о котором дошел между тем и до Лондона. Случаю было угодно, чтобы в один прекрасный день к Штроусбергу заявилось несколько британских джентльменов с рекомендательными письмами их посольства, которые желали получить его совет «по поводу приобретения концессии на строительство железной дороги Тильзит — Инстербург». Вопрос о том, что именно побудило господ поручить выполнение такой задачи малозначительному страховому агенту и потерпевшему неудачу бывшему издателю, никогда не будет выяснен до конца.

Единственная связь, которую Штроусберг имел до этого в Берлине с британским посольством, была весьма поверхностного свойства. Будучи вынужденным представлять в Берлине интересы одного английского подданного, предъявившего иск прусскому правительству, английский посланник лорд Бломфилд заручился юридическим заключением блестяще владевшего английским языком немца. Кроме того, посол напрямую подключал красноречивого эксперта к переговорам между британцем лордом Лофтусом и его немецким контрагентом графом Арнимом. И вот случай впервые подкинул первую козырную карту рыцарю удачи.

С прусской стороны переговоры вел советник юстиции Гепперт. Этот чиновник был лично заинтересован в исходе жестких перегово-

ров о дороге Тильзит—Инстербург. Они продолжались уже три года. Могли ли британские кредиторы, и если да, то в каком размере и на каких условиях, участвовать в строительстве прусской железной дороги? И этот вопрос стал тем, что в корне изменило жизнь Бетеля Генри Штроусберга.

Игра втемную

Юркий агент с самого начала взял ход переговоров в свои руки. Англичане, возглавлявшиеся мистером Хэндри, предоставили Штроусбергу неограниченные полномочия действовать за них. Его партнером на переговорах был тот самый советник юстиции Гепперт, с которым он уже раньше познакомился в посольстве. Штроусберг вспоминает: «Трудность состояла в том, чтобы найти законную форму, которая обеспечила бы привлечение капитала, покрытие связанных с этим издержек и курсовых потерь, приобретение земельных участков, осуществление строительства и, наконец, получение связанной с этим законной прибыли. Сложность создавалась... предписаниями торгового кодекса, согласно которым обществу не разрешалось продавать акции по цене ниже номинальной стоимости и вообще никакое общество нельзя официально учреждать до того, как будет доказано, что весь акционерный капитал распространен среди акционеров по его номинальной стоимости».

Штроусберг решил эту проблему путем использования строительно-финансовой системы, с которой он познакомился в Англии. Так называемая система *General Enterprise* (генерального подряда.— *Прим. ред.*) предусматривала, что государство целиком передавало строительство дороги, включая приобретение земли, одному предпринимателю и оплачивало этот подряд акциями. Предприниматель мог затем по своему усмотрению продать эти акции на бирже, но должен был полученную от их реализации выручку внести в кассу компании. В дальнейшем в зависимости от хода строительных работ он получал из кассы соответствующую долю своего дохода.

Прусское государство, крайне заинтересованное в строительстве новых железных дорог, не имело достаточно ни людей, ни денег, чтобы самостоятельно заниматься этим делом. А частные предприниматели, которые были в состоянии осилить то и другое, делали упор прежде всего на ценность уникального товара. Строительство железной дороги сопровождалось чрезвычайным риском: никто не знал заранее, насколько дорогой могло оказаться одно приобретение необходимого земельного участка, поскольку цены на землю имели обыкновение резко повышаться, едва только просачивалась информация о запланированном прохождении трассы. Трудно было калькулировать также стоимость самих строительных работ, так как она в значительной степени зависела от особенностей местности. Намного сложнее было определить, как интенсивно впоследствии станет эксплуатироваться дорога, ибо сравнительные данные все еще были очень неполными. Наконец, совершенно открытым оставался вопрос, как отреагирует биржа на выпуск акций железной дороги. Последнее означало, что отсутствовали точные данные об окупаемости так необходимого капитала. Лишь отчаянный человек, легко идущий на риск, мог вести игру втемную.

«Человек, который покупает все»

Бетелю Генри Штроусбергу эта задача была по плечу. Если в своем первом проекте — строительстве железной дороги Тильзит — Инстербург — Штроусберг возложил на себя лишь функции генерального поверенного британских кредиторов, то при строительстве других железных дорог в Пруссии он уже выступал как генеральный подрядчик. Что касается Восточнопрусской южной железной дороги, то он был там уже движущей силой строительства и являлся, по-видимому, единственным участником проекта, который греб деньги лопатой. Непосредственным руководителем проекта он назначил исключительно богатого англичанина Джозефа Брэя, обладавшего большим опытом строительства железных дорог. Последний, как с большим самомнением отмечал Штроусберг в своих мемуарах, «потерял в ходе строительства все свое состояние, стоимость которого превышала 3 млн. талеров». Напротив, продувной подрядчик заработал на проекте не менее 300 тыс. талеров наличными и получил к тому же обширные поместья в Восточной Пруссии.

Потерпевший в прошлом неудачу «издатель» Штроусберг сразу стал зажиточным бюргером и, что было еще важнее, сделал себе имя как великолепный организатор и эксперт по строительству железных дорог. И с этого момента все пошло как по маслу: в течение буквально нескольких лет «гениальный любитель», как охарактеризовал его однажды один современник-банкир, Штроусберг превратился в прусского железнодорожного короля.

После Южной железной дороги в Восточной Пруссии Штроусберг построил железную дорогу Берлин — Гёрлиц на правобережье Одера, Бранденбург — Позен, Галле — Сорау и, наконец, линию Ганновер — Альтенбекен. В общей сложности протяженность вновь построенной железнодорожной сети превысила 1 тыс. км. Вскоре и иностранные государства стали проявлять интерес к легендарному строителю железных дорог из Германии. От русского царя Штроусберг получил разрешение на строительство железнодорожной ветки Брест — Граево. Наконец, он принялся за сооружение Северо-восточной железной дороги в Венгрии.

На реализации всех этих проектов железнодорожный король получил огромные барыши. Но в избытке чувств от своих успехов он упустил одно — вовремя создать резервы на покрытие неизбежно возникающих в последующем убытков. Все это происходило в то время, когда берлинские банкиры насмешливо называли его «человеком, который покупает все». В этой оценке содержалось лишь небольшое преувеличение, потому что в действительности Штроусберг сумел в течение небольшого отрезка времени создать крупнейший в Европе промышленный концерн.

Борзиг приказывает убрать рычаги управления

Типичным для образа мышления и действий поднявшегося из ничего креза было принятое им решение начать, помимо строительства железнодорожных линий, производство паровозов. По этому поводу сам Штроусберг пишет: «При очень крупных заказах,

которые мне предстояло выдавать, в отдельных отраслях я оказывался в полной зависимости от фабрикантов. Я вынужден был вносить крупные задатки до и во время изготовления заказанных мною изделий, оплачивать всю сумму заказа перед отгрузкой товара и выполнять всевозможные неприятные для меня условия, в то время как, будучи заказчиком, я мог бы рассчитывать на максимальный учет моих собственных пожеланий.

Не в моем характере было так спокойно выносить все это; и как раз поведение господина Борзига навело меня на мысль сделать себя в известной мере независимым путем приобретения и строительства собственных фабрик. Утвердило меня в этой мысли следующее происшествие: я заказал у Борзига паровозы, кажется 30 штук, для дороги Берлин — Гёрлиц, затем стоимость одной трети заказа оплатил и, кроме того, оплатил еще треть стоимости заказа по группе уже строящихся паровозов в соответствии с положениями контракта. В итоге в руках у господина Борзига оказалось несколько сотен тысяч талеров, вместо которых я сам не получил ничего.

В таких условиях были изготовлены и поставлены первые три паровоза. Это произошло в полном соответствии с условиями контракта. Последнюю треть стоимости предстояло уплатить при приемке, т. е. после положительного заключения о состоянии паровозов. Паровозы были переданы Гёрлицкой железной дороге. Я не имел бы ничего против всего этого. Хотя было бы весьма неуместно, если бы Борзиг сообщил компании о том, что он поставит ей эти паровозы как свою собственность и сохранит за собой право собственности на них до тех пор, пока не осуществят окончательные расчеты. Однако этой меры предосторожности названному господину еще недостаточно. Он приказал убрать с паровозов рычаги управления, чтобы я не мог начать их эксплуатацию. Это оскорбление чрезвычайно возмутило меня».

Смелый замысел создания концерна

В то время Штроусберг был уже достаточно силен, чтобы дать отпор одному из крупных, помимо Альфреда Круппа, предпринимателей Германии. Недолго думая, он приобрел «Эгесторф», конкурирующую с Борзигом паровозостроительную фабрику в Линдене под Ганновером, на базе которой позднее возник концерн «Ханомаг-верке». Осуществляя громадные капиталовложения, он расширил производственные мощности фабрики примерно с 40 до почти 300 паровозов в год и увеличил численность занятых с 600 до 2500 человек. Почти одновременно с этим он приобрел в Руре сталеплавильный и прокатный завод «Дортмундер хютте», чтобы иметь возможность изготавливать железнодорожные рельсы, необходимые для строительства дорог, на собственном предприятии.

По тому времени идея вертикального концерна, который производил бы все — от стали и необходимого в ее производстве угля до локомотивов,— т. е. все то, что было нужно для строительства и эксплуатации железной дороги, была новой и неслыханно смелой. Однако опьяненный прежними успехами неутомимый предприниматель чересчур поздно осознал, что этот замысел таил в себе также и большие риски. Поскольку Штроусберг должен был думать

одновременно о самых различных сделках, а функционирующего аппарата управления концерном еще не существовало, его неудачи стали частым явлением. Паровозы с фабрики «Эгесторф» часто выходили из строя, прокатные станы в Дортмунде нередко оставались незагруженными, и даже в самом строительстве железных дорог дело вновь и вновь доходило до таких срывов, которые обходились ему чертовски дорого. Уже тогда весьма осмотрительный берлинский банкир Герсон Бляйхрёдер давал такую оценку: «Это толковый и рассудительный человек, однако его манера раздувать сделки, чтобы залатать старые дыры, является опасной. При возникновении трудностей все построенное им здание может рухнуть, и под его развалинами окажутся погребенными миллионы доверчивых акционеров».

Стиль жизни как у царствующей особы

Разумеется, дело еще не зашло так далеко. Штроусберг продолжал покупать и покупать. В Нойштадте, что рядом с Ганновером, он купил металлургический завод, на котором предполагалось с помощью торфа выплавлять чугун, шедший на его паровозостроительную фабрику. В Рурском бассейне он покупает шахту «Глюкауф», в бассейне Вальденбурга — еще несколько угольных шахт, в Зигерланде приобретает металлический рудник, в порту Антверпена — огромный участок для сооружения на нем крупнейшей в Европе фрахтовой гавани.

Попутно Штроусберг обзаводится всевозможными «мелочами», такими, как скотный рынок и крытые рынки в Берлине, поскольку, следуя собственным прихотям, полагает, что сможет сделать приличный бизнес на поставках свежего мяса и морской рыбы в столицу.

К этому времени «человек, который покупает все», вел уже образ жизни, свойственный царствующим особам. В окрестностях Позена он владел огромными поместьями Тарново, Румянек и Карлсхоф, общая площадь которых составляла 6 тыс. моргенов. На Вильгельмштрассе в Берлине он проживал во дворце, которому позавидовал бы иной князь и в котором позже располагалось британское посольство. Но самым ценным владением Штроусберга было имение Збиров в Верхней Силезии, земельный надел площадью более 100 тыс. моргенов с обширными лесными угодьями, деревней в 400 дворов, а также с лесопильными заводами, металлическими рудниками и угольными шахтами, доменными печами, прокатными станами, фабрикой по производству вагонов и железнодорожной веткой протяженностью 12 миль. Запасы железной руды оценивались в 376 млн., каменного угля — в 115 млн. центнеров. По тогдашним оценкам, все это стоило почти 20 млн. талеров.

Гулливер среди лилипутов

Сэр Эдвард Мэйлет, будущий британский посол в Берлине, так описывает свою встречу с «железнодорожным крезом» в базельском отеле «У трех королей»: «Весь персонал отеля выстроился в холле, и,

когда я приблизился к человеку, который, судя по его напускной важности, был директором отеля, тот попросил меня отойти в сторону. Я удалился в угол, подумав, что сию минуту войдет король или по меньшей мере принц. Я видел, как через холл с зажженным канделябром прошагал метрдотель и по ступенькам лестницы вышел на улицу. Затем он возвратился назад, ведя за собой небольшого роста пожилого мужчину одетого в роскошное меховое пальто. Мужчину сопровождала прелестная молодая женщина, по внешнему виду еврейка. Они поднялись по лестнице, официант с канделябром в руках шел впереди. Персонал исчез, и я вышел из своего угла. Я спросил у портье, который, как мне показалось, обрел наконец после всеобщего возбуждения спокойный, равнодушный вид, присущий людям его профессии, кто это только что прибыл. Мой вопрос заметно удивил его, и он ответил: «Этот господин — доктор Штроусберг». Услышанное имя ничего не говорило мне, и я вновь задал ему вопрос: «Кто он, этот господин доктор Штроусберг?» Портье изумился еще больше. «Как, вы не знаете господина доктора Штроусберга, крупного финансиста из Берлина?» — ответил он. Находясь на вершине своего могущества, Штроусберг рассматривал себя, видимо, как своего рода сверхчеловека: «Я должен был бы подготовиться к тому, что буду чувствовать себя здесь подобно Гулливеру среди лилипутов. Его размеры устрашили жителей, и, не зная, каков был его характер, они посчитали его опасным для себя. Поэтому, когда Гулливер спал, жители связали его бесчисленными маленькими веревками, с тем чтобы он не смог создать для них никакой угрозы. Однако эти маленькие люди были мудры... ибо они не убили его, а ухаживали за ним и, когда лучше узнали Гулливера, смогли извлечь из этой дружбы выгоду, так как он смог сослужить им великую службу».

Дворянство, пресса и чиновники подкуплены

«Гулливер»-Штроусберг представлялся многим современникам, которые не доверяли его фантастическому взлету, скорее карликом в вопросах морали, нежели гигантом в сфере духа. В качестве примера такой позиции приведем мнение Отто Глагау, который с раздраженностью писал в *Гартенлаубе* : «Золотой ключик открывал любую дверь, Штроусберга знали в каждой конторе, каждом ведомстве, включая министров на самом верху, повсюду он имел друзей и покровителей, которые снабжали его информацией, давали советы и с воодушевлением отстаивали его интересы. Из-за него вынуждены были уйти со своих постов очень многие высокопоставленные чиновники. Штроусберг на самом деле покупал все, и в этом состоял очевидный секрет его успеха; в последнюю очередь он подкупал высшую аристократию...

Он подкупал прессу, чиновничество и аристократию, обходил и попирал законы и открыто бросил вызов всем нормам морали...

Он строил так плохо, как это только было возможно, и брал за это так дорого, как это только можно было себе представить; при этом должны были сыпаться миллионы — и не только для него самого, но и для его сообщников и пособников. Он продавал за бесценок выпускавшиеся им самим акции и привилегированные

облигации, если те встречали плохой прием на рынке, сбывал их по любой цене, но вновь и вновь выпускал новые. Он содержал литераторов, одаривал журналистов и назначал им пенсии; таким путем он заполучил в свои руки прессу. Проложенные им железные дороги имели ту кощунственную особенность, что их либо совсем нельзя было пускать в эксплуатацию, или, будучи задействованы, они вскоре становились причиной несчастных случаев...»

Рискованное предприятие в Румынии

Закат человека, в жизни которого удается, казалось бы, абсолютно все, начался незадолго до того, как разразилась франко-прусская война, как раз в тот момент, когда он ввязался в самую крупную из своих афер — строительство нескольких железнодорожных линий в Румынии общей протяженностью 942 км.

Незадолго до этого княжество Румыния получило нового правителя — Карла фон Гогенцоллерн-Зигмарингена, который стал именовать себя Каролем I. Позднее он стал королем Румынии. Кароль захотел превратить родину Дракулы в современное индустриальное государство и, безусловно, нуждался для этого в сети железных дорог. Многие европейские предприниматели соперничали между собой за получение концессий, однако наилучшие шансы с самого начала имели лишь двое — Штроусберг и австрийский промышленник Офенхайм, барон фон Понтёксин. И румыны были достаточно хитры, чтобы столкнуть между собой обоих железнодорожных магнатов, разумеется, с пользой для себя.

Штроусберг использовал большую заинтересованность Пруссии в румынских железных дорогах — планам Бисмарка лучше всего подходило иметь за спиной Австрии современное государство во главе с Гогенцоллернами — и в конце концов привлек в поддержку своего проекта нескольких виднейших представителей высшей аристократии. Герцоги фон Ратибор и Уйест, а также граф Лендорф-Штайнорт дали личное поручительство по финансированию крупнейшего предприятия.

Румынская железнодорожная компания Штроусберга хотела мобилизовать средства, необходимые для строительства, путем продажи 7,5% облигаций на общую сумму 254 млн. франков. Подписку на заем предстояло объявить на фондовой бирже в Берлине и провести под наблюдением агента румынского правительства. Этим агентом был обер-финанцрат Пруссии Амбронн, с давних пор являвшийся доверенным лицом семьи Гогенцоллерн-Зигмаринген. Румынское правительство приняло на себя обязательство обеспечить выплату процентов, срок по которым наступил, однако осталось неясным, должно ли это обязательство вступить в действие сразу или только после окончания строительства дорог. В свою очередь Штроусберг обязался не позднее 1872 г. сдать участки дорог в эксплуатацию.

Как генерал во время сражения

С самого начала это предприятие Штроусберга находилось под несчастливой звездой. Поскольку он одновременно прокладывал железнодорожные пути во многих местах Европы, его лучшие

инженеры, техники и рабочие были привязаны к этим объектам. Для стройки в Румынии оставались лишь специалисты второго сорта. Штроусберг рассказывает: «Многие не желали работать за рубежом, поэтому я был вынужден комплектовать персонал стройки большей частью из чуждых и неизвестных для меня, причем не всегда лучших элементов. Не на что было ориентироваться при калькуляции цен, нормировании работ, расходовании материалов; местные предприниматели привыкли работать по правительственным заказам, на которых они наживались благодаря различным махинациям. Срочно возникший спрос привел к повышению всех цен и вообще затруднил заключение контрактов. И как вообще можно было начинать строительство там, где не существовало никаких планов?»

Все материалы и большая часть рабочей силы должны были ввозиться в эту балканскую страну, страдающую бездорожьем и все еще продолжающую жить в какой-то мере нравами и обычаями средневековья. Несмотря на эти проблемы, Штроусберг сделал ставку на оптимизм. Как генерал перед сражением, он подбадривал своих рабочих, выступая перед ними в Галаце, городе, в котором должно было начинаться строительство: «Вы не должны изменять своей прусской натуре и впадать в немецкую дремоту, а должны, твердо следуя лучшим прусским традициям, быть подтянутыми, энергичными, благоразумными и исключительно терпеливыми!» Напоследок он даже пообещал Каролю I, с тем чтобы получить львиную долю концессий, закончить сооружение дороги уже в конце 1869 г. В это же время его крупный конкурент Офенхайм приступал к сооружению другой, правда значительно более короткой, линии железной дороги.

«...или же грубы до нахальства»

«Целые флотилии судов шли по Дунаю, груженные рельсами, деталями мостов, паровозами, вагонами и арматурой для железных дорог; тысячи воловьих упряжек тянулись по проселочным дорогам»,— предавался приятным воспоминаниям Штроусберг. И все-таки трудностей становилось все больше. То отсутствовало необходимое техническое оборудование, то грубо ошибались плановики, а то бастовали рабочие. К этому следует добавить и то, что строительство дорог ни в коей мере не пользовалось популярностью у румынского населения. Иностранцев, скорее, считали за эксплуататоров, которые покупали продукцию у местных ремесленников по чересчур низким ценам и предъявляли при этом слишком высокие требования.

Когда же в конечном счете произошла еще и смена политической власти — вместо положительно относившейся к сооружению дороги «красной» к власти пришла сугубо националистически настроенная «белая» партия,— сроки строительства полностью нарушились. Все землевладельцы, уступившие земельные угодья компании по строительству железных дорог, потребовали теперь более высокие цены, а румынские чиновники, которые до этого были готовы в любой момент оказать помощь, неожиданно стали весьма строптивы. В конце 1869 г. рабочие колонны Штроусберга были все

еще весьма далеки от своей цели, в то время как конкурент Офенхайм с большой помпой открыл свою линию.

У железнодорожного короля все более и более сдавали нервишки, и новый прусский генеральный консул Йозеф Мариа фон Радовитц докладывал из Бухареста в Берлин о растущих антинемецких настроениях. Позднее Штроусберг с горечью писал в своих мемуарах, что «в Румынии вообще нельзя было достигнуть чего-нибудь по-хорошему, потому что большинство румын либо пресмыкаются раболепно, либо грубы до нахальства».

Роковая развязка приближается

Во время одной из этих остановок в работе дело уже не сдвинулось больше с места (последнее произошло, разумеется, в Трансильвании), и события развивались дальше своим чередом. Отчеты Радовитца звучали все озабоченнее, давно уже намеченное открытие одного из участков пути постоянно откладывалось, румынские газеты превосходили друг друга в полных ненависти тирадах, направленных своим острием против прусских строителей железной дороги. В конце весны 1870 г. на берлинской бирже началось падение курса румынских облигаций, а Радовитц в Бухаресте получал со всей Германии озабоченные запросы о положении дел с проектом.

В августе биржевой курс румынских облигаций упал до 43 пунктов, т. е. до уровня, который прежде едва ли считался возможным, а немецкие подписчики стали одновременно с этим на 50 млн. талеров беднее. Несколько позднее бесследно исчез из Бухареста советник юстиции Амброни, который должен был осуществлять контроль за финансами Штроусберга. Задним числом выяснилось, что до своего исчезновения он еще успел осуществить ряд чрезвычайно сомнительных махинаций в пользу Штроусберга. Чаша народного терпения в Румынии переполнилась, и этот случай грозил превратиться в европейский политический скандал крупнейших масштабов.

Поскольку франко-прусская война также оказывала отрицательное влияние на биржевые курсы акций, а бизнес на железных дорогах стал приходить в упадок, империя Штроусберга зашаталась. Каждые шесть месяцев ему одному приходилось выплачивать по 2,5 млн. талеров в виде процентов по своим румынским облигациям, и уже в середине 1870 г. он с большим трудом собрал нужную сумму. Это удалось ему лишь после того, как он выбросил на рынок огромное количество акций из собственных активов и разместил на нем крупные займы. Позже он утверждал, что потерял на этих операциях 4 млн. талеров, поскольку должен был продавать ценные бумаги по самым низким биржевым котировкам.

Штурм немецкого посольства

Штроусберг мнил себя жертвой международного заговора, в котором известную роль сыграли якобы берлинские банкиры. Поскольку они отказали ему в дальнейшем предоставлении кредитов,

он обратился наконец за помощью к государству. Он хотел получить от прусского правительства 2,5 млн. талеров наличными под залог акций его многочисленных предприятий на сумму 5 млн. талеров.

В поддержку этой операции выступил прежде всего Бисмарк, потому что он знал, что в сделках Штроусберга замешан ряд его, Бисмарка, ближайших друзей. Кроме того, он опасался катастрофических последствий развала одной из крупнейших немецких промышленных групп. Однако либерально настроенные министры в кабинете Бисмарка отказались транжирить государственные деньги на нужды частного предпринимателя. 1 января 1871 г. Штроусберг был вынужден признать свою неплатежеспособность, но при этом пообещал не позднее чем до конца марта собрать 2,5 млн. талеров для выплаты процентов, по которым наступили сроки платежа.

Румынское правительство категорически отказалось признать выданные им гарантии по уплате процентов. Свой отказ оно аргументировало тем, что данные обязательства вступают в силу лишь с окончанием сооружения дороги. Речь шла о колоссальных суммах: следует представить себе, что бы произошло, если бы лопнул румынский проект, ведь на карту был бы поставлен немецкий капитал на общую сумму 200 млн. талеров. Поддержанный Бисмарком, считавшим румын «пришедшим в упадок народом», который следовало бы призвать к порядку с помощью «пары сильных батальонов», Штроусберг со всей решительностью потребовал права на эмиссию новых облигаций от имени румынского правительства, с тем чтобы иметь возможность выполнить свои текущие обязательства.

Положение в Бухаресте обострилось, и 22 марта разбушевавшиеся противники Штроусберга ворвались в помещение, в котором собралась немецкая колония и посланник Радовитц, чтобы отпраздновать день рождения Вильгельма I. Бунтовщики разгромили помещение и нанесли ранения многим присутствовавшим на собрании членам немецкой колонии. Румынская полиция в бездействии наблюдала за происходящим.

Арест в Петербурге

Немецкий посланник, возмущенный происшедшим инцидентом, потребовал от Кароля I отставки румынского правительства в полном составе. Гогенцоллерн, трон которого уже заметно пошатнулся, согласился на это требование из страха перед реакцией немецкого канцлера, которую трудно предсказать заранее. И тем не менее оказалось невозможным решить запутанную проблему с помощью политических и даже военных средств.

В далеком Берлине это признал в конечном счете даже Отто фон Бисмарк. Поэтому осенью 1871 г. он поручил двум своим умнейшим банкирам взяться за это дело. Герсону Бляйхрёдеру и Адольфу Ханземану потребовалось почти 11 лет на окончательное решение этой проблемы. В качестве своего первого шага они учредили новое акционерное общество, которое приняло на себя права и обязательства потерпевшего крах предприятия Штроусберга. Сам он пообещал внести по крайней мере 6 млн. талеров к тем 15 миллионам,

которые новое общество хотело набрать, чтобы довести до конца строительство железных дорог, однако он не смог сдержать свое обещание. Это произошло по той причине, что железнодорожный король так и не смог выйти из «красных цифр» на банковских счетах, хотя другие его предприятия продолжали функционировать. Дыры, которые румынская авантюра наделала в кассе его концерна, были настолько велики, что их не удалось бы залатать даже с помощью новых манипуляций.

В конце 1875 г. человек, который прежде мог похвастаться тем, что зарабатывает в месяц более 1 млн. талеров, был арестован в Петербурге из-за опротестованного векселя на сумму более 2 млн. талеров. Русский Ссудно-коммерческий банк, который состоял со Штроусбергом в деловых связях еще со времени сооружения железной дороги Брест—Граево, опасался за свои кредиты, а директора банка за свои головы. Штроусберг был перевезен в Москву и заключен в долговую тюрьму. Обвинители поставили ему в вину то, что он склонил руководство Ссудно-коммерческого банка одобрить предоставление ему более крупных кредитов, чем это разрешалось уставами русских банков.

Концерн идет с молотка

Будучи лишенным свободы, мультипредприниматель не имел больше никаких возможностей удержать в своих руках нити своего распавшегося концерна. В то время как его немецкие, бельгийские, австрийские и французские общества одно за другим были вынуждены объявить о своем банкротстве, Штроусберг писал в московской тюрьме слезливую оправдательную автобиографию, в конце которой значится: «Дело еще рассматривается, я не в состоянии и не имею также желания критиковать законы и отправление правосудия в России. Я начинал работать в Пруссии и никогда не думал, что буду судим и что со мной станут обращаться по русским законам. Я убежден, что даже по русским законам обвинение несостоятельно. Однако исход дела, учитывая господствующие здесь условия, представляет собой лотерею».

Его последняя надежда была связана с сохранением за ним имения Збиров, которое в один прекрасный день должно было позволить ему вновь стать активным предпринимателем. Однако и эта жемчужина его бывшей империи пошла с молотка и принесла, как это можно было предполагать, гораздо меньше тех 20 миллионов, в которые она оценивалась. Когда после семилетнего заключения в московской тюрьме Штроусберг был выпущен на свободу, этот человек, прежде самый богатый в Германии, оказался бедняком. Тщетно пытался его прежний компаньон граф Лендорф-Штайнорт оказать давление на русских через ведомство иностранных дел и раньше срока освободить Штроусберга.

От императора Вильгельма I, который никогда не мог постичь того, что его друзья-аристократы связались с таким парвеню, как Штроусберг, пошел следующий анекдот: «Когда он (Вильгельм I), скромный, сдержанный человек, которому претило все чрезмерное, хвастливое, узнал об осуждении Штроусберга, то он сказал компаньону последнего герцогу фон Уйесту: «Добрый день, доктор Уйест,

как дела герцога фон Штроусберга?» Об этом рассказывает графиня Марион Дёнхоф в своей книге «Имена, которые никто больше не произносит».

Возвратился в Берлин нищим

В 1882 г. Штроусберг возвратился в Берлин. Банкир Карл Фюрстенберг рассказывает об этом: «Сам я познакомился с Штроусбергом лишь тогда, когда он, совершенно надломленный человек, после освобождения из заключения в Москве почти нищим возвратился в Берлин, который он когда-то покинул магнатом, владевшим доселе невиданным богатством. В то время как раз я стал владельцем банка «Берлинер хандельсгезельшафт» и, возможно, одним из самых известных, во всяком случае, самым современным тогда банковским директором Германии. В рваной одежде ко мне пришел Штроусберг и сказал, что я являюсь единственным в Германии человеком, который может помочь человеку его, Штроусберга, таланта опять оказаться в седле. Я вынужден был возразить ему, что мне надлежит первым делом обеспечивать свой собственный дом и я не вижу никакой возможности помочь ему подняться на ноги. Этот человек был низвержен с такой неслыханной высоты, что я не мог отказать ему в соболезновании, хотя несчетное число судеб было разрушено по его вине».

Погребен в румынской грязи

В одном из своих писем своему другу, графу Карлу де Сент Валье, тогдашнему послу Франции в Берлине, Бисмарк отводит душу по поводу аферы Штроусберга: «Наши крупнейшие магнаты и чистильщики сапог полагали, что Штроусберг преподнесет им золотой кладезь, и масса людей рисковала большей частью своей собственности, потому что они доверились обещаниям этого искателя приключений. Все это погребено теперь в румынской грязи, а многочисленные люди в один прекрасный день увидели себя разоренными: два герцога, один генерал-адъютант, полдюжины придворных дам, вдвое большее число камергеров, сотня владельцев кафе и все кучеры дрожек в Берлине...

В настоящее время румынское правительство с ростовщической грубостью пользуется бедственным положением акционеров: интригами, различными ухищрениями, шантажом оно стремится вынудить их передать железную дорогу правительству за бутерброд... Каждый день наши немецкие инженеры и рабочие подвергаются избиениям, жестокому обращению, давлению, обману; у них отбирают все, а мы не можем ничего поделать, чтобы помочь им... Именно поэтому я сказал им, что мне хотелось бы ввести туда военные корабли, как в случае с Никарагуа, чтобы добиться удовлетворения наших требований. Но это невозможно, а я не имею даже воздушных шаров, чтобы доставить туда немецкие войска».

Бетель Генри Штроусберг, который любил титуловать себя «доктор Штроусберг», после возвращения из Москвы был разорен точно так же, как большинство его прежних компаньонов. Он умер в 1884 г. в бедности и покинутый своими друзьями, в возрасте 61 года.

Глава 9
ИМПЕРИЯ В ЗОЛОТОМ УГАРЕ

Настоящий подъем грюндеры пережили в «золотые» 70-е годы. Как когда-то золотоискатели Калифорнии, так и прежде столь трезвые бюргеры Пруссии и других германских государств после блистательной победы Бисмарка над французами испытали истинное упоение. Немецкая золотая лихорадка была порождена теми громадными денежными суммами, которые когда-либо получала страна от поверженного противника.

После того как 28 января 1871 г. Париж окончательно капитулировал, Бисмарк направил из Берлина в Версальский дворец на переговоры с главой французского правительства Адольфом Тьером двух самых ловких немецких денежных тузов: Герсона Бляйхрёдера, банкира, представляющего его интересы, и верхнесилезского магната Гвидо Хенкеля фон Доннесмарка. Посредники-миллионеры, в то время наряду с Альфредом Круппом самые богатые люди Германии, в конечном счете установили размеры французских репарационных платежей на уровне 5 млрд. золотых франков. Эта сумма, реальную значимость которой трудно себе представить, должна была бы почти удвоить национальный доход Пруссии. Выплачивать их надлежало наличными, т. е. золотом, причем в течение трех лет.

Золотая лавина, которая «покатилась» с запада в запломбированных и хорошо охранявшихся поездах особого назначения, не только переполнила сейфы берлинских банков, но и оказалась чрезмерной для силы воображения прусской финансовой бюрократии. Столь же бесхитростно, как в наши дни распорядители денежных средств у арабских нефтяных шейхов, чиновники излишне торопливо и неумело пускали французское золото в денежный оборот нации. Вместо того чтобы финансировать долгосрочные проекты, например железнодорожное или жилищное строительство, они, как истинные немцы, из свалившегося на их голову богатства сначала принялись оплачивать свои долги. Последствия оказались роковыми: капиталы, которые немецкие бюргеры вложили в государственные или военные займы, неожиданно высвободились и наводнили биржевые залы.

Крупные и мелкие капиталисты тогдашней Германии пребывали в прекрасном настроении. Война выиграна, экономика процветает, дела на бирже идут бойко с того момента, как 27 июня 1870 г. прусское правительство опубликовало новый закон об акционерных обществах. Если раньше для учреждения акционерного общества требовалось получение государственной лицензии, то отныне любое лицо могло продавать на бирже акции своего предприятия. Более того, управляющие предприятием теперь могли распоряжаться по

своему усмотрению, не опасаясь официального надзора. Многие немецкие управляющие широко пользовались предоставленной им свободой.

Мания величия немцев

Впервые с пугающей четкостью проявилась теперь, едва только была образована Германская империя, роковая мания величия немцев. В избытке чувств, вызванных победой над Францией, немцы уверовали в то, что они навсегда завладели удачей. Каждый хотел получить долю в новом богатстве, блеск французских миллиардов ослепили помещиков и пенсионеров, банкиров и прислугу, высшее общество и бедняков. Спекуляция превратилась в излюбленное занятие общества тех дней, а биржевой бюллетень стал настольной книгой буржуазии.

Домашняя прислуга изымала сбережения на черный день и с воодушевлением относила их в кассовые окошечки ближайшего банка, алчно желая приобрести какую-нибудь акцию. В кафе небольших городков за столами завсегдатаев местная знать обсуждала уже не планы сражений графа Мольтке, а дела железнодорожных компаний. Даже богатейшие из богатых не гнушались тем, чтобы тут или там урвать «шальной талер». Князь фон Гогенлоэ-Эринген, один из крупнейших землевладельцев Германии, вкладывал миллионы в создание сомнительных фирм, и даже самому канцлеру князю Отто фон Бисмарку приходилось терпеть упреки в том, что, управляя государством, он чересчур много уделял внимания своей личной шкатулке.

Близкий родственник его жены Иоганны, урожденной фон Путткамер, открыто заявлял, что рейхсканцлер изменил закон только для того, чтобы Иоганна смогла наследовать состояние Путткамеров. А банкир Герсон Бляйхрёдер, который уже с середины 60-х годов управлял личным состоянием князя, подозрительно часто был чересчур хорошо осведомлен о предстоящих решениях правительства, которые приносили ему и его видному клиенту изрядные доходы.

Сказочные прибыли от спекуляций

Да и кто согласился бы стоять в стороне, когда газеты каждый день писали о том, насколько легко разбогатеть на бирже. При наличии у населения подобной страсти приобретательства банкиры и биржевики ощущали постоянную потребность выпускать все новые и новые акции. Начала распространяться лихорадка грюндерства.

То, что учреждалось теперь в эпоху легких денег, по сути дела, уже не заслуживало, чтобы именно так называться. Ведь под «учреждением» понималось уже не зарождение совершенно нового предприятия, а простая трансформация семейного предприятия в акционерное общество. Там, где уже дымилась заводская труба, немедленно появлялось несколько «грюндеров», которые предлагали озадаченному владельцу заманчивые планы.

«Образцы для вязания» подобного рода учредительств оставались неизменными: учредительный комитет покупал магазин у прежнего владельца по вздутым ценам, дополнительно предоставлял солидную сумму комиссионных и на различного рода издержки, а затем выпускал такое количество акций, что акционерный капитал нередко в два или три раза превышал реальную стоимость предприятия.

Чтобы публика почувствовала интерес к таким липовым ценным бумагам, котирующимся на бирже, ее заманивали проспектами, отпечатанными на роскошной бумаге, и сенсационными газетными сообщениями, ведь продажные издатели и журналисты появлялись задолго до изобретения системы строительного подряда.

Широкая публика нарасхват раскупала акции «вновь основанного» предприятия, в действительности же всего-навсего изменившего свою правовую форму. Слухи о сказочных прибылях на спекуляциях облетели всю Германию. И все новые и новые акционеры жаждали урвать как можно больший кусок от золотого тельца, которого, казалось, каждый день вновь забивали в биржевых залах.

Каждый день новая акция

Приток новых акций был необъятен и бесконечен. Если в 1790—1870 гг. к биржевым сделкам в королевстве Пруссия было допущено всего около 300 акционерных обществ, то только в 1871—1872 гг. там возникло уже более 780 прусских акционерных обществ. В течение этих двух лет в берлинском биржевом бюллетене практически каждый день появлялась новая акция.

Берлин, бесспорно, был центром грюндерского бума, хотя его биржа находилась в тени своих венских конкурентов. В столице императорско-королевской монархии в 1870 г. уже насчитывалось 20 частных акционерных банков. В Берлине же существовал один-единственный банк, «Кассенферайн», акционерный капитал которого составлял 1 млн. талеров. В сравнении с «Винер кредитанштальт», капитал которого превышал 40 млн. талеров, он выглядел довольно жалко. Но Берлин быстро наверстывал упущенное, и в конце 1872 г. в несравненно большей по своим размерам дунайской монархии не было и половины того количества акционерных обществ, которое существовало в Пруссии.

Учреждалось все, чем можно было торговать на бирже: банки и страховые компании, конки и фирмы по эксплуатации минеральных источников, машиностроительные фабрики и ботанические сады, пивоваренные заводы и отели, железные дороги и клееварни. Большинство из этих вновь созданных обществ исчезали со страниц биржевого бюллетеня столь быстро, как и появлялись. Но некоторым, несмотря на врожденные пороки, удавалось добиться благосостояния и снискать уважение.

Наиболее известным предприятием того времени является «Дойче банк». Он получил концессию 10 марта 1870 г., за несколько недель до того, как вступил в силу новый закон об акционерных компаниях. Был создан институт шести частных банкиров. Движущей силой последнего были берлинец Адальберт Дельбрюк и ставший впоследствии депутатом рейхстага Людвиг Бамбергер,

которым тяжело было наблюдать, как иностранные банки извлекали все больше и больше прибыли при финансировании экспортных сделок немецких фирм. Поначалу предполагалось, что «Дойче банк» станет институтом, финансирующим исключительно экспортные операции. Тем, что «Дойче банк» стал чем-то большим, он обязан своему первому генеральному директору Георгу Сименсу.

К менее значительным операциям такого рода относится создание химико-фармацевтической фирмы «Шеринг АГ», пивоваренного завода «Шультхайс-брауэрай АГ» и машиностроительных предприятий Эгелльса и Вёлерта в Берлине. Крупнейший и известнейший предприниматель прусской столицы «паровозный король» Альберт Борзиг упорно не желал бросать созданную отцом фирму на съедение финансовым и биржевым акулам, хотя ему и сулили за это баснословные суммы — более 12 млн. талеров.

Разоряются многочисленные семьи

Безумный биржевой бум, закончившийся крахом «Винер кредитанштальт» в мае 1873 г., а позднее положивший начало самому продолжительному и тяжелому экономическому кризису века, привел к небывалому до сих пор перераспределению народного богатства. Когда началось резкое падение биржевых курсов, сотни тысяч немцев потеряли свои сбережения. Многочисленные семьи были разорены настолько, что потребовалось несколько поколений, чтобы оправиться от всего пережитого. В Берлине резко увеличилось число самоубийств, многие спекулянты, мечтавшие о вечном богатстве, остались без крыши над головой.

Журнал *Гартенлаубе* опубликовал историю одного помещика из Померании. Он продал свое поместье и, имея 250 тыс. талеров наличными в кармане, приехал в Берлин, намереваясь вести жизнь рантье. Доверчивого землевладельца уговорили вложить капитал в акции Центрального строительного банка, который уже через 10 месяцев после своего образования выплачивал громадные — 43%-ные — дивиденды. Поэтому в апреле 1873 г. его акции шли по курсу 420. Рантье приобрел акций этого банка номинальной стоимостью 80 тыс. талеров по курсу 400 на сумму 320 тыс. талеров. 250 тыс. талеров он выплатил наличными, а остальные 70 тыс. ему ссудил банк, постоянным вкладчиком которого он являлся. В обеспечение долга банк взял на хранение все акции. *Гартенлаубе* так описывает конец этого предприятия: «Курс акций начал падать и падал безостановочно; банк потребовал погашения долга, а поскольку этого не последовало, он в порядке принудительного прекращения сделки продал все акции своего вкладчика на бирже. Бывший помещик менее чем за полгода потерял все свое состояние и остался должен банку 20 тыс. талеров».

Для многих западных специалистов в области экономической истории большой грюндерский крах 1873 г. был единичным «несчастным случаем на производстве» в истории капитализма, о котором они вспоминают весьма неохотно. Вольфганг Цорн, профессор экономической и социальной истории Мюнхенского университета, пишет по этому поводу: «Исследования в данной области еще далеки от завершения, здесь еще предстоит многое доработать». Тем

охотнее разрабатывают эту тему историки-марксисты из ГДР. Ханс Моттек, например, один из ведущих специалистов ГДР в области экономической истории, опубликовал несколько книг по данному вопросу. Он считает, что крупнейший грюндерский кризис — это типичный случай, свидетельствующий о неспособности капитализма успешно решать им же самим создаваемые проблемы.

Типичный или несчастный случай — это мы можем определить, проследив события тех лет. В наши дни явления детских лет капитализма повторяются чересчур часто. Даже если сегодня биржа функционирует много лучше, если в законах, действию которых подчиняется процесс хозяйствования, давно учтен опыт прошлого, то основные образцы стремления людей к приобретательству остаются прежними. И методы, к которым прибегают ловкие бизнесмены сегодняшнего дня, пытаясь надуть друг друга, разве что по стилю отличаются от рекламных средств их предшественников 1870 г.

Методы надувательства

Кому из тех, кто перелистывает биржевые проспекты эпохи расцвета грюндерства, сразу же не придут в голову сегодняшние газетные объявления о фирмах, консультирующих своих клиентов по поводу способов уклонения от налогообложения, об агентах по срочным сделкам на поставку товаров или о дельцах, имеющих дело с акциями! И в те времена газеты неплохо наживались на биржевом буме. Некоторые из них урезали рекламные колонки и одновременно в таком же темпе повышали цены на публикации. Настоящие чудеса творили авторы текстов крупноформатных объявлений акционерных компаний. Так, Первый сахарный завод в Альтенбурге, руководство которого намеревалось заняться также горным делом, следующим образом рекламировал свои ценные бумаги, котирующиеся на бирже: «К самым благодатным уголкам немецкой отчизны относится восточный округ герцогства Саксония — Альтенбург. Исключительное плодородие его почв признается всеми. Однако эти земли таят в себе и ценнейшие подземные богатства — залежи бурого угля с высокой толщиной пластов, что открывает широкие перспективы промышленного развития этой местности. Здесь нужно лишь умело и действенно приложить руки, чтобы быстро обеспечить длительный расцвет».

Ежегодные прибыли столь щедро одаренного богатствами общества «арендатор герцогских угодий» по имени Науман щедро оценивал в 113 тыс. талеров. Однако годом позже это предприятие уже не нуждалось в «умелом и действенном приложении рук», поскольку оно обанкротилось, а его акционеры лишились всех своих вкладов.

«Биржевой коммивояжер для города и деревни»

Журналист Отто Глагау, сотрудник семейного журнала *Гартенлаубе* и автор вышедшей в 1877 г. книги «Недобросовестные биржевые и учредительские сделки в Берлине», был одним из самых компетентных критиков спекулятивных операций. В дости-

жении сомнительных успехов мошенников он наряду с грюндерами винил и своих коллег-журналистов: «В первую очередь «маленькие» люди, да, впрочем, и представители обычного третьего сословия до 1870 г. имели о бирже весьма слабое представление, они едва различали акции по названиям, а биржевой бюллетень был для них книгой за семью печатями. Они хранили свои деньги в кубышке; они переводили деньги в сберегательные кассы или на покупку земельных участков до тех пор, пока недобросовестные учредительские сделки не заставили и их мерцать, пока они и их не втянули в свой водоворот».

Любой журнал, любая провинциальная газетенка помещала на своих страницах курсовые таблицы, вела постоянную рубрику биржевых новостей, ежедневно публиковала в разделе объявлений и в редакционных статьях рекламные материалы о вновь образованных фирмах и новых акциях. Так неожиданно возник новый класс коммивояжеров, биржевых коммивояжеров для города и деревни, которые не оставляли без внимания ни одного дома, опускались в подвалы и поднимались в комнаты на чердаках и всюду предлагали свои акции. Повсюду в небольших городках и самых отдаленных деревеньках у биржи были свои агенты, которые навязывали ремесленникам и крестьянам те или иные ценные бумаги, котировавшиеся на бирже, обещая им сказочное богатство; своими подписями или перечислением видных, знатных или добропорядочных имен, стоявших на акциях, старались убедить в отсутствии реальной угрозы их существованию.

Газеты жаждали рекламных объявлений и пестрели сообщениями о сенсационных успехах учредителей. И только если газета получала слишком небольшую толику тех богатых денежных даров, с помощью которых грюндеры «удобряли плантации» печатных объявлений, журналисты могли уже несколько основательнее заниматься происходящим на бирже. Едва успевала появиться критическая статья о том или ином предприятии, как вновь как из рога изобилия сыпались заказы на помещение рекламных объявлений, а через несколько номеров предприятие, которому пришлось раскошелиться, уже представало перед читателями в новом блеске. Впрочем, не только журналисты и издатели были теми, кто столь однозначно и безоговорочно поставил себя на службу грюндерам. Многие политические деятели самого высокого уровня, такие, как прусский министр финансов Отто Кампаузен, президент палаты депутатов фон Беннигсен или депутаты рейхстага фон Кардорф и Бамбергер, в годы грюндерского бума относились к числу наиболее удачливых «добытчиков» крупных денежных поступлений. Лишь немногие аутсайдеры осмеливались открыто говорить об имеющем место — по определению *Гартенлаубе* — «обмане маленького человека». Кроме Отто Глагау, здесь следует назвать таких журналистов по экономическим проблемам, как Рудольф Майер, Фердинанд Перро или Георг Хирт.

Бульварный журналист вызывает на дуэль

Депутат рейхстага Людвиг Бамбергер, бывший одним из учредителей «Дойче банк» и Имперского банка, переменил тактику и с

парламентской трибуны обозвал те немногие биржевые бюллетени, которые до некоторой степени все еще придерживались объективной точки зрения, «бульварной прессой». После этого журналист Рудольф Майер бросил Бамбергеру вызов драться на пистолетах. Бамбергер, будучи человеком, хорошо понимавшим толк в деньгах, не воспринимал обычаи прусских офицеров всерьез, а потому взял свое обвинение назад. Отто Глагау пришел в негодование: «Господин Людвиг Бамбергер и вместе с ним либеральная пресса страдают грандиозным смешением понятий, если они называют бульварной прессой те издания, которые разоблачают безалаберность манчестеризма и клеймят ограбление народа грюндерами и биржевыми игроками. К бульварной прессе следует отнести скорее те биржевые листки, которые за деньги и замолвленное словечко потворствуют наглому надувательству».

«И они валили толпой»

Инспирирующая кампания столичной прессы, не знавшая никакой передышки, имела свои результаты. Едва появлялось новое общество, как незамедлительно по многочисленным адресам рассылались проспекты, отпечатанные на шикарной бумаге, на страницах газет помещались хвалебные статьи, и публика уже страстно желала получить в свои руки новые акции. Уже тогда грюндеры применяли на практике методы массовой психологии, чтобы как-то оживить спрос. Они искусственно создавали дефицит и внушали публике, что возможность быстро разбогатеть имеется только у того, кто начнет действовать без промедления.

В назначенный день в трех или четырех банках Берлина объявлялась подписка на акции нового общества, и только тот, кто приходил в первый же день, получал их по курсу дня выпуска (100%). Отто Глагау так описывает происходившее у банковских стоек: «И они валили толпой, заполоняли улицу и осаждали банк. Когда же дверь наконец открывали, поток устремлялся внутрь и в мгновение ока все выставленные для продажи купонные листы оказывались подписанными. Один подписывался на 100 талеров, другой — на 500, третий — на 1 тыс., четвертый — на 3 тыс., пятый — на 10 тыс. талеров. «Сумма подписки превышена в 3—5 раз! Сумма подписки колоссально превышена!» — в тот же вечер хором сообщали газеты».

Между тем все это представление было тщательно подготовлено учредителями общества: «Те люди, которые толпились и толкались у банка, принимавшего подписку на новые ценные бумаги, были коммивояжерами и рассыльными близких или дружественных фирм или нанятыми посыльными, которых на этот день обрядили в пальто и цилиндры. Более того, здесь можно было видеть многочисленных праздношатающихся и любопытных. Время от времени сюда забредал и рантье. Введенный в заблуждение толпой, он подписывался на определенную сумму и, несмотря на все «ограничения», неизбежно получал все акции»,— писал автор *Гартенлаубе.*

«Фирмы» и «крупные дома»

В действительности сбыть все ценные бумаги было не так легко, как можно было предположить, прочитав в газетах описания подобных сцен. Однако успех, пусть и мнимый, заражал, и постепенно все больше и больше мелких чиновников, рабочих и слуг стали проявлять интерес к поразительным ценным бумагам — акциям, которые в течение всего одной ночи якобы могут решить все материальные проблемы.

Центром всех страстных желаний, всей активности грюндеров и махинаций на курсах была биржа, которая хотя и существовала в Берлине с 1716 г., но никогда не была столь популярна, как в бурные годы грюндерства. Здание в классическом стиле на углу улиц Бург- и Нойе Фридрихштрассе имело самое большое крытое помещение в Берлине. Биржевой зал — свидетельство исключительного роста значения сделок купли-продажи акций — в три раза превышал размеры королевского зала в здании «Кролл», в прошлом приводившего многих в восхищение, и был рассчитан на прием более 5 тыс. человек. Современник так описывал спектакль, который разыгрывался незадолго до полудня, когда открывались 13 дверей, ведших из вестибюля в собственно биржевой зал: «Со всех сторон в зал устремляются молодые Меркурии. Они приходят пешком или приезжают в колясках, на извозчиках первого и второго класса, в собственных, часто очень дорогих, экипажах со слугами и кучерами в общитых галунами камзолах. Приходят и «молодые люди», курьеры и рассыльные; появляются маклеры, агенты и банкиры; приходят «фирмы» и «крупные дома». Все, торопясь и толкаясь, валом валят в вестибюль, где на вахте стоят портье и два контролера — три внушительные фигуры в нарядной форме христианского и древнегерманского происхождения, как вся прислуга и низшее чиновничество. Налево по коридору — фондовая, или валютная, биржа, направо — товарная биржа.

Массивная дверь в форме задрапированного зеленой тканью турникета, с которым следует обращаться умело и осторожно, служит входом. За один оборот через турникет проходит почти 25 человек, причем скорым шагом. Однако проскользнуть в дверь удается далеко не каждому. Контролер знает всех, а того, кто ему незнаком, он просит предъявить «карту» или назвать «фирму», а затем, вежливо придерживая за воротник, препровождает вон».

Игра на бирже

Правила игры в этом крупнейшем в Германской империи центре денежного обращения были гораздо менее строгими, чем на нынешних фондовых биржах. Тогда еще не существовало никаких контролирующих органов, и даже такие наиболее спекулятивные биржевые сделки, как, например, сделки купли-продажи на срок, не были запрещены. На бирже торговались и спекулировали. Вот что писал один из современников: «По сравнению с игрой на бирже все азартные игры представляются детскими забавами, даже запрещенные притоны выглядят вполне невинно. В Хомбурге или Баден-Бадене можно было проиграть не больше того, что имеешь в

кошельке. При биржевой игре на разницу в курсе ценных бумаг никогда не знаешь, сколько потеряешь; за один час можно потерять больше, чем имеешь вообще. Игра на бирже настолько рискованное и социально опасное дело, что правительства никогда не должны были бы допускать ее существования... Очевидно одно: здесь были разорены многие семьи и дьявол собрал здесь богатый урожай».

Берлинцев, охваченных настроением того времени, подобные перспективы не могли заставить отказаться от твердого решения разбогатеть без труда путем игры на курсах акций. Толпами следовали они — как сегодня дантисты и другие умельцы — получать высокие доходы за своего рода артистами в деле амортизационных списаний — за грюндерами, которые вынашивали планы, один фантастичнее другого.

Болотный цветок «Флора»

Одной из типичных берлинских фирм тех лет была «Флора». Идея создания «Флоры», которая должна была стать увеселительным центром, достойным имперской столицы, с летними и зимними садами, с павильонами и парадными залами, принадлежала крупнейшему «асу» Берлина в строительном деле, предпринимателю по имени Й. А. В. Карстен. Переселившемуся из Гамбурга спекулянту крупного масштаба за несколько лет удалось нажить миллионное состояние. Он, по дешевке скупая поля и луга рядом с городскими окраинами Берлина, «превращал» их в строительные участки, иными словами, он поступал точно так, как это делают строительные дельцы в наши дни.

Свой самый крупный замысел король недвижимости, позднее получивший дворянский титул и ко всему прочему заново отстроивший всю Кайзерштрассе от Штеглица до Шарлоттенбурга, реализовал, осуществив возведение городского района Лихтерфельде. Когда Карстен учредил свою земельно-строительную фирму «Лихтерфельде АГ», эта, ныне плотно застроенная, часть Берлина состояла из покинутой людьми деревни и заброшенных земельных угодий. В короткий срок он превратил унылое место в видную колонию вилл с двумя железнодорожными вокзалами.

Вначале он за бесценок скупил земли у тамошних крестьян, затем перепродал их им самим основанному строительному обществу, получив при этом прибыль в несколько сотен тысяч талеров, и за счет своих акционеров построил виллы, которые опять-таки с изрядной выгодой для себя продал зажиточным берлинцам.

Трюк с кадетским корпусом

Чтобы избалованные жители столицы согласились жить в прежде мало привлекательной местности, неутомимый грюндер прибег к уловке: он подарил императору щедро отмеренный в Лихтерфельде земельный участок для строительства кадетского корпуса. А так как в первые годы существования империи Бисмарка ничто так не привлекало прусских буржуа, как армия, то позднее у Карстена не было никаких трудностей со сбытом шикарных домов, расположенных непосредственно вблизи от будущей офицерской школы.

В вечернем выпуске от 18 декабря 1871 г. газета *Национальцайтунг* сообщала: «В своем письме Его величество император очень одобрительно отозвался о плане. Генерал свиты Его императорского величества барон фон Штайнеккер был избран председателем административного совета, а одно место было оставлено для представителя военного министра». Ясно, что курс акций земельно-строительного общества «Лихтерфельде АГ» поднялся. Через год после учреждения общество Карстена выплатило своим акционерам дивиденды в размере 25%, а курс его акций продолжал повышаться. Между тем в 1873 г. размер дивидендов составил всего 5%, а еще год спустя уже не выплачивалось никаких дивидендов. Курс акций, который в период «расцвета» достигал 155, теперь упал до 18.

Подобное крушение надежд ожидало и акционеров «Флоры», для которых Карстен приготовил очередную сладкую конфету. Проект, несомненно, пришелся ко времени: роскошный танцевальный и увеселительный дворец предназначался для выскочек грюндерского поколения. Следуя безошибочному чутью на желания публики, Карстен предложил своим акционерам не только «надежные» дивиденды в размере 12%, но и право на бесплатный вход в будущий берлинский храм увеселений и муз. Само собой разумеется, что это право распространялось и на членов семей его кредиторов.

Предприятие развивалось по испытанной схеме: вначале Карстен вместе с состоятельным помещиком Людвигом Эберсом в полной тайне приобрел большой парковый участок в Шарлоттенбурге, где прежде стоял замок Штайна. Затем владельцы участка учредили так называемое акционерное общество «Флора» и пригласили на общее собрание, состоявшееся 26 сентября 1871 г., всех, кто обладал в Берлине именем и высоким положением.

Обрушиваются стропила

Ловкие дельцы включили в административный совет предприятия таких представителей знати, как князь фон Путбус, полицай-президент фон Вурмб, а также многочисленных тайных коммерции советников и советников посольств. Вместе с ними за столом сидело несколько пользовавшихся дурной славой грюндеров, таких, как Хайнрих Квисторп, который по богатству и числу основанных им обществ вполне мог сравняться с самим Карстеном, или почти столь же продувной спекулянт Жан Френкель. Чтобы берлинский высший свет в полной мере мог воспользоваться своим правом приобрести акции фешенебельного предприятия по подписной цене, его учредители бросили весьма соблазнительную приманку. Карстен пообещал, что во «Флоре» станет регулярно выступать Лукка, прославленная берлинская примадонна тех лет, а чтобы здесь не произошло никакого конфуза, он назначил первым директором заведения супруга звезды, некоего господина фон Радена. Грюндеры, вероятно, считали, что они тем самым исполнили свой долг и теперь могут спокойно наблюдать за тем, как их прекрасный план претворяется в жизнь. Следующий шаг, подписка на акционерный капитал, не создал никаких трудностей, поскольку эта «замечательная» идея, по-видимому, пришлась по душе берлинцам. Впрочем,

сами строительные работы шли довольно медленными темпами, а в марте 1873 г. рухнули стропила еще недостроенного большого зала. Намеченное на весну этого года открытие увеселительного центра было отложено на целый год.

«Царит полная бесхозяйственность»

Только в мае 1874 г. газеты сообщили об открытии дворца увеселений, но строительство самого здания было еще далеко не завершено. Предприятие в целом, как и многие проекты тех лет, страдало типичным грюндерским недугом. Все компаньоны желали заработать на этом как можно больше, делая при этом очень мало. *Гартенлаубе* опубликовал сообщение о положении дел на предприятии: «Здесь царит полная бесхозяйственность. Наблюдательный совет и правление нередко одновременно являются кредиторами «Флоры», имеют векселя, выданные обществом, или же отдают в залог ту или иную собственность общества. Часть самых необходимых инструментов и принадлежностей арендована, что связано с колоссальными расходами. Здешний ресторан длительное время также вызывал нарекания. Это длилось до тех пор, пока владелец предприятия в один прекрасный июльский день не сбежал как раз в тот момент, когда остановившиеся в Шарлоттенбурге почетные гости собрались отобедать у него. Его преемник в ближайшие месяцы обанкротился, причем не по своей вине. Ему оставили лишь кухню, но не напитки — ни вина, ни пива. И тем не менее ему надлежало содержать целую армию кельнеров и оплачивать их труд. Пивом угощает за свой счет президент наблюдательного совета Юлиус Пиккарт, так как по случайному совпадению он являлся генеральным арендатором пивных залов дворца».

И даже такие широко разрекламированные пропагандистские маневры, как старт французского дирижабля с территории «Флоры» или организация лотереи на четверть миллиона талеров, не смогли вернуть в число приносящих прибыль предприятие, которое пустили по неверному пути. Курс акций «Флоры» упал до неслыханно низкого уровня, а ее владельцы потеряли на увеселительном дворце более двух миллионов талеров. *Гартенлаубе* сетовал: «Бедная несчастная «Флора»! Никогда еще ни с одной женщиной, тем более богиней, не обращались столь грубо, ни одну женщину так бесстыдно не обирали и не обкрадывали!»

«Кайзерхоф» хорошо застрахован

Столь же неудачным, как и создание «Флора», оказалось учреждение другого, также помпезного, предприятия — «Кайзерхоф». Предполагалось, что это будет роскошный суперотель, достойный города мирового значения, которым начинал становиться Берлин. Заправилы величественного проекта входили в окружение только что созданного «Дойче банк». Это были такие люди, как коммерции советник Адальберт Дельбрюк, барон Аугуст фон дер Хайдт и Георг Сименс. Они учредили «Берлинер отельгезельшафт АГ», которое намеревалось возвести на Цитен- и Вильгельмплатц свою фешене-

бельную гостиницу на 262 номера, оборудованную «вентиляционными стволами, лифтом и солярием». «Чудо комфорта, изящности и роскоши»,— восторгалась пресса.

Когда наконец роскошное здание было построено, лично прибыл его величество император Вильгельм I, чтобы проверить, как работает лифт. На банкет, посвященный открытию гостиницы, пригласили 250 высших чиновников, представителей науки, искусства, торговли и прессы. *Национальцайтунг* восторженно описывала это общественное событие: «Перед каждым прибором было выставлено девять различных бокалов для вина. И чокались каждым из них. Вслед за изящным стеклянным бокалом, наполненным сверкающей пеной, зазвучал сужающийся кверху крупный бокал зеленого цвета, в который было налито рейнское вино, на смену бургундскому вину приходило мозельское, а белое шабли в широких плоских бокалах приветствовало искристое бордо в красивых точеных хрустальных бокальчиках».

Но на девятый день после того, как роскошное здание открыло двери для своих гостей, блистательный спектакль завершился совершенно неожиданно. Гости и обслуживающий персонал опрометью бежали из «образцового отеля», а из окон на улицу летели кровати, одежда, белье, ковры и гардины. «Кайзерхоф» начал полыхать ярким пламенем. Как возник пожар, так никогда и не выяснилось. Только очень скоро по Берлину поползли слухи о том, что учредителям шикарной гостиницы пожар пришелся как нельзя кстати. В действительности оказалось, что ее владельцы задолжали за строительство 2,5 млн. талеров, а сама гостиница за несколько дней до пожара была исключительно выгодно застрахована в городской страховой кассе, осуществляющей страхование от огня.

Грюндеры открывают для себя рынок пива

Там, где дела идут хорошо, обычно изрядно пьют, и Берлин в годы грюндерства не составлял исключения из этого правила. Уже тогда излюбленным напитком было пиво, и поэтому было логично, что грюндеры обратили свои взоры на процветающую отрасль — пивоварение. В те времена варили ячменный напиток трех сортов:

— простое пиво — «Лагер»;

— пиво подороже — «Байриш»;

— светлое пиво, в которое берлинцы для вкуса добавляли щепотку тмина,— «Кюле блонде».

В ту эпоху в Берлине существовало множество мелких и средних пивоваренных предприятий, таких, как «Швенди», «Липпс», «Аренс», «Вагнер», «Патценхофер», поставлявших вполне приличные напитки. И единственное «Акциен-бир» («Акционерное пиво») столицы, выпускавшееся в продажу основанным еще в 1857 г. акционерным обществом «Тиволи АГ», пользовалось известной популярностью. Ситуация резко изменилась, когда профессиональные грюндеры, подобно стае голодных волков, набросились на пивоваренные заводы, по чересчур завышенным ценам выкупали их у прежних владельцев и тут же преобразовали их в акционерные общества.

Пивоваренное дело считалось особенно прибыльным, потому что сулило высокие темпы роста производства. Дело в том, что каждое лето в Берлине ощущался острый дефицит пива. Поскольку сроки хранения того пива были сравнительно небольшими, его нужно было быстро реализовывать. А пивоваренные заводы по имеющимся производственным мощностям не могли ориентироваться на высокий спрос летнего периода, потому что иначе зимой им неизбежно пришлось бы остаться с большим количеством непроданного товара.

Тост, произносимый с бокалом «дивидендного пойла»

Поэтому в теплое время года ячменное пиво свозили в Берлин со всей Германии, а грюндеры усматривали в широко обсуждавшемся «пивном вопросе» приглашение к денежному обогащению. Едва новое акционерное право вступило в силу, как рынок пива оживился. В течение всего нескольких недель появились десятки новых акционерных пивоваренных обществ, в том числе фирмы «Унион-брауэрай», «Фридрихсхоэ», «Шультхайс», «Бок», «Моабит», «Шёнеберг», «Адлер», «Кёнигсштадт», «Зоциететсбрауэрай» и «Хазенхайде».

Тайну о том, как шел этот процесс учреждения новых обществ, поведал Бютцов, сохранивший свою самостоятельность пивовар, который в 1871 г. вышел из Союза владельцев пивоваренных предприятий: «За мой пивоваренный завод мне предложили баснословную сумму 300 тыс. талеров. Комиссионер, который осуществлял посредничество, запросил такую мелочь, как 25 тыс. талеров, сам учредитель потребовал 50 тыс. талеров, а банкиры, образовавшие биржевой консорциум,— 225 тыс. талеров, вот почему акционерный капитал должен был составить 600 тыс. талеров». Пивоваренный завод, который на самом деле стоил всего лишь около 200 тыс. талеров, предлагался акционерам по тройной цене. Бютцов отклонил предложение и сохранил свою самостоятельность.

Игрушка в руках тех, кто стремился к наживе

Жителей Берлина исключительно шумный пивной бум оставил в проигрыше. Пиво становилось дороже и хуже, а покупатели фальсифицированных акций пивоваренных предприятий потеряли большую часть своих вкладов. *Гартенлаубе* отмечал: «Чтобы обеспечить размещение акций пивоваренных предприятий, выплачивались высокие дивиденды, и, чтобы при чудовищных расходах в условиях разорительного и расточительного хозяйствования вообще иметь возможность получать дивиденды, пивоварни выпускали напиток, которому народ с полным основанием дал очень меткое название «дивидендное пойло». От этой отвратительной бурды, которая не утоляла жажды и не взбадривала, а, напротив, доставляла известные неудобства и даже вызывала недомогания, в равной степени страдали люди и владельцы ресторанчиков. Ее пили с отвращением и с некоторым внутренним сопротивлением, к тому же в гораздо меньших количествах, чем обычно. Даже самые страстные любители пива вынуждены были отказывать себе в лишней кружке, что было для них равносильно умерщвлению плоти».

Поскольку «дивидендное пойло» все дороже обходилось владельцам ресторанчиков, а у клиентов оно не пользовалось спросом, хозяева этих заведений пошли на уловку, которая у них в ходу до сих пор: они уменьшили пивные кружки и стали наливать в них больше пены, чем пива. Дурную славу приобрели так называемые мерные пивные кружки, сужающиеся кверху, с исключительно толстым дном и стенками толщиной в палец. Они уже вмещали не пол-, а четверть литра пива. Одновременно хозяева пивных на 33,3% повысили цены. Поскольку большинство пивоваренных заводов имели большой акционерный капитал и плохо управлялись, они были вынуждены непрерывно уменьшать размеры дивидендов, мирясь с неизбежным понижением курса акций. Так, курс акций «Унионбрауэрай», одного из крупнейших в Берлине акционерных пивоваренных предприятий, упал со 140 до 65. Некогда процветавшее пивоваренное общество «Швенди» в 1873 г. выплатило дивиденды в размере 3%, а годом позже — всего 1,5%.

Аналогичная картина наблюдалась и в других отраслях. Перспектива легкого получения денег вызывала никогда не виданный до того рост деловой активности, но все это было мимолетным успехом: огонь, ярко вспыхнув, моментально гас. Никто не брал на себя труд вести хозяйство на солидной основе: все должно происходить как можно быстрее и приносить как можно большую прибыль. Даже самые серьезные промышленные фирмы попадали в водоворот опасного бума и превращались в игрушку в руках тех, кто стремился к наживе. Одним из таких предприятий был «Ферайнигте Кёнигс- унд Лаурахютте», крупнейший горно-металлургический концерн Верхней Силезии. В то время он принадлежал графу Гвидо Хенкелю фон Доннерсмарку. Предприятие одного из самых богатых и крупных землевладельцев включало в себя многочисленные цеха, металлургические и прокатные заводы и требовало осуществления больших капиталовложений, если только его владелец действительно намеревался превратить его в единый концерн.

Акционеров оставляют в дураках

Проект показался графу слишком грандиозным, и он обратился к банкиру Герсону Бляйхрёдеру, своему компаньону по переговорам с французским премьер-министром Тьером. Оба магната решили объединить все верхнесилезские горнодобывающие и металлургические заводы графа и преобразовать их в акционерное общество. Если бы они сделали только это и ничего иного, то затея с «Лаурахютте» наверняка не стала бы одним из крупнейших грюндерских фиаско тех лет. Однако Бляйхрёдер и Хенкель в духе лучших «традиций» грюндерства увеличили акционерный капитал вдвое против реальной стоимости предприятия, причем оба на этом хорошо заработали и манипулировали курсом акций на бирже по всем правилам искусства.

Доверяя доброй славе учредителей металлургического предприятия, подписчики на акции валили валом. Курс акций неуклонно повышался и достиг рекордной отметки — 270. «Если бы они на этом остановились и перестали бы использовать в корыстных целях публику за счет биржевой игры, то против создания нового

концерна нечего было бы возразить»,— писали критики в газете *Нойе бёрзенцайтунг.*

Но ажио — разница между реальной стоимостью предприятия и стоимостью распространявшихся на бирже акций — составляло 100%. После краха на бирже в Вене курс акций упал до 80, и не одной сотне акционеров пришлось поплатиться двумя третями своих сбережений. То же самое имело место с другими фирмами, учреждавшимися Бляйхрёдером, рурскими угольными трестами «Шамрок» и «Иберния».

«Курс должен расти и расти»

Второй после Бляйхрёдера банкир Германской империи А. Ханземан, глава «Дисконто-гезельшафт», был инициатором тяжелого по своим последствиям грюндерского блефа в Рурской области. Ханземан сговорился с эссенским торговцем железом и скобяными изделиями Фридрихом Грилло, который объединил несколько различных предприятий в «Дортмундер унион». Акции предприятия, в котором участвовали кёльнский банк Оппенгейма и Ротшильды, на первых порах котировались на бирже по курсу 110, затем их курс непрерывно повышался, достигнув в конечном счете отметки 228, а после биржевого краха упал до смехотворно низкого уровня — 12 талеров за акцию.

Бывший железнодорожный король Штроусберг так высказался по этому поводу: «Беда заключалась в том, каким отвратительным способом велась спекуляция на бирже. Ну, а самое странное заключалось в том, как вел себя Грилло: он считал, что курс недостаточно высокий и он должен еще повышаться. В конечном счете не смог найти покупателя для своих акций и оказался в положении, которое означало потерю немалой части его состояния».

Уже тогда захватывали пустовавшие дома

«Маленький человек» испытывал на себе последствия грюндерских афер, будучи просто-напросто квартиронанимателем и не вкладывая своих сбережений непосредственно в акции. Нигде спекуляция не достигала таких размеров и не бушевала столь яростно, как на жилищном рынке. Параллели с современностью ошеломляют: уже в те годы проводилось преднамеренное уничтожение жилого фонда в интересах возведения импозантных конторских дворцов, уже в тот период свирепствовали квартирные ростовщики, искусственно создавался дефицит жилья. Даже принудительный захват домов отнюдь не изобретение наших дней, уже тогда в официальных бумагах берлинской полиции фиксировались случаи принудительного выселения из тех жилых домов, в которых бездомные обитали «по нулевому тарифу».

Подъем конъюнктуры после успешно завершенной войны с Францией даровал Берлину невиданные прежде темпы роста населения. Со всех частей империи в поисках счастья в столицу устремились авантюристы и карьеристы, горничные и женщины легкого поведения, рабочие и ремесленники. Особенно велик был

поток сельскохозяйственных рабочих, поденщиков и прислуги из крупных поместий, лежавших в восточной части страны. Все они надеялись найти в столице избавление от барщинного труда и нищенского существования. Однако в Берлине их нередко ожидала еще более тяжкая доля. Ведь в деревне всегда была еда в достатке и крыша над головой. А как раз именно этого так не хватало гигантской сверхдеревне на Шпрее с тех пор, как разразилась грюндерская лихорадка.

Примитивные убежища для бедняков

В 1867 г. в Берлине пустовало еще добрых 8600 квартир, а через пять лет их количество едва достигало тысячи. Но одни эти цифры еще ничего не говорят о явном жилищном кризисе в германской столице, потому что большинство пустовавших квартир были слишком дорогими и чересчур большими для неимущих, нахлынувших в Берлин. И действительно, десятки тысяч бездомных жили в примитивных условиях барачных лагерей за городом, ночевали под мостами или в брошенных железнодорожных вагонах. Даже под поворотными кругами берлинских вокзалов ютились бездомные иммигранты.

Постоянный приток новых горожан, как и возросшие в годы грюндерского бума доходы населения, способствовал повышению квартирной платы. Если до 1870 г. обычная берлинская семья среднего служащего расходовала на оплату жилья шестую часть семейного бюджета, то в 1872 г. квартира поглощала уже четверть ее доходов.

Все, кто разбогател во время учредительного бума, стали предъявлять повышенные требования к размерам квартиры и ее обстановке. В центре города власти стали планомерно сносить жилые дома, высвобождая место для строительства административных зданий многочисленных новых акционерных обществ, банков и страховых компаний. Директора и наблюдательные советы, биржевые маклеры и спекулянты возводили фешенебельные городские дома, строили роскошные виллы вокруг Тиргартена и, как правило, поднимали общий уровень цен на жилье. Рабочие, ремесленники и мелкие чиновники, которые прежде еще проживали в центральных районах города, постепенно начали покидать дорогие кварталы и переселяться в берлинские предместья.

«Берлин станет городом мирового значения»

На территории, которую занимает в наши дни аэропорт Темпельхоф, возникла «Баракия», временный поселок из лачуг, сооруженных из гофрированной жести, и примитивных строений для беднейших из бедных.

Когда «грюндеры» принялись за «освоение» берлинского жилищного рынка, они, по всей видимости, думали не о дешевых квартирах, отдаваемых внаем, а о роскошных домах для состоятельных слоев населения. «Берлин станет городом мирового значения» — стало их лозунгом. Это — название театральной пьесы Дави-

да Калиша, которая пользовалась тогда наибольшим успехом. В действительности же столица вновь образованной Германской империи не выдерживала никакого сравнения со своими крупнейшими прототипами — Парижем и Лондоном.

Если они давно уже были городами-миллионерами, то в Берлине в 1870 г. насчитывалось едва-едва 500 тыс. жителей. Правда, уже через год население Берлина увеличилось до 824 тыс., а в 1873 г. превысило 900 тыс. человек. Он стал самой быстрорастущей столицей Европы. Впрочем, еще в июне 1871 г., когда состоялся парад в честь победы над Францией, улицы города очень напоминали сонную резиденцию Старого Фрица. Еще никогда Германия так открыто не демонстрировала свою военную мощь, как в тот яркий солнечный летний день, когда возглавляемые Вильгельмом I, Бисмарком и генерал-фельдмаршалами Мольтке и Рооном парадные колонны проходили мимо густых толп берлинцев, восторженно их приветствовавших. 42 тыс. увенчанных лавровыми венками и цветами солдат торжественным маршем шли по улицам Берлина. Баронесса Хильдегард фон Шпитцемберг в восторге писала в своем дневнике, одном из интереснейших документов той эпохи: «Прекрасное зрелище представляли собой унтер-офицеры всех армейских корпусов, несшие впереди воинских частей боевые знамена и другие воинские символы французов с изображением орлов».

Чикаго на Шпрее

Большая Чингдерасса открыла новую эпоху в истории столицы. Неожиданно по всему городу стали появляться строительные котлованы, превращаться в развалины и исчезать в облаках пыли старые идиллические домики, чуть ли не за ночь возникать новые дворцы в стиле классицизма, неоренессанса или даже неоготики.

Конечно, городом мирового значения в духе Парижа Берлин так никогда и не стал, а денежным городом он был уже тогда. «Благодаря благоприятному географическому положению и наличию широкой сети железных дорог и каналов Берлин стал центром торговли в рамках постоянно расширяющегося промышленного региона»,— писал американский историк Фритц Стерн.

Основатель «АЭГ» Эмиль Ратенау придумал название динамичной столице Германской империи, которое в то время берлинцы восприняли как оскорбление,— Чикаго на Шпрее. Как и в метрополии американских скотобоен на озере Мичиган, в Берлине начала 70-х годов прошлого века вся жизнь вращалась вокруг прибыли.

«Ужасное порождение фантазии»

Богатые строили в западных районах города свои виллы, бедные прозябали в унылых густонаселенных домах казарменного типа. Несколько десятков лет спустя немецкий историк Фридрих Майнекке с горечью писал о Берлине грюндерских лет: «Здесь рядом с домом нюрнбергского патриция стоит ассирийский храм, немного поодаль виднеется Версаль, так что невольно начинаешь думать о Бродвее, Италии или Египте; все это — ужасное порождение разгоряченной пивом технической фантазии».

Историк высказал то, что было на сердце у многих немцев, когда писал: «Сегодня мы со стыдом вспоминаем о вульгарном дурмане грюндерских лет, о наивном высокомерии, с которым тривиальный либерализм вел «культуркампф»... Нас глубоко печалит то эстетическое скудоумие, с которым немцы спокойно наблюдали, как старая милая, умеренно изысканная Германия нашей молодости, тихая прелесть наших старых городов, садов и привычной домашней обстановки приносятся в жертву дешевой роскоши массовой индустрии и массового вкуса».

В те дни зародилась новая форма строений, которую мы сегодня скорее любовно, чем пренебрежительно называем архитектурой времен грюндеров: крытые торговые пассажи, универсальные магазины, оборудованные с излишней роскошью, стеклянные дворцы со стальными перекрытиями и помпезные памятники. Все должно было выглядеть большим, тяжеловесным или, употребляя модное словечко той эпохи, «колоссальным». В Берлине строились такие типичные для того периода здания, как Потсдамский вокзал, «Пале-Рояль» и кайзеровская галерея, пассаж со стеклянным перекрытием, расположенный между Берен- и Фридрихштрассе.

Картофельные поля превращаются в строительные площадки

Нигде столь четко не проявлялась жизнеспособность, а одновременно безвкусица и жестокость грюндерского периода, как в «жилищном бизнесе». Отто Глагау писал с отвращением: «Грюндеры увлеклись «жилищным вопросом». Они заявили, что хотят помочь преодолеть «жилищный кризис», и для этого учреждали акционерные общества одно за другим. Они скупали земельные участки и дома в городе, сносили их, они приобретали общественные сады и учреждения, превращали их в строительные площадки; они скупали картофельные поля и огородные участки в предместьях, поля, болота и клочки песчаных земель за городскими воротами, пастбища и угодья соседних деревень и всюду размечали ряды домов и кварталы. Садовники из пригородов, крестьяне из ближайших окрестностей становились обладателями крупных капиталов, с которыми они толком не знали, что делать, и очень скоро приносили их на биржу. В окружающей Берлин местности неожиданно не стало ни лугов, ни полей, остались только строительные площадки и строительные грунты».

Быстрее, чем росли стены домов, в биржевых бюллетенях маклеров появлялись все новые и новые названия строительных обществ. В течение нескольких месяцев в Берлине возникло около 100 новых акционерных обществ, которые заявляли о своем намерении позаботиться о новых квартирах для населения. Статистик берлинского административного органа по надзору за строительством Ханс Швабе подсчитал, что планируемых новостроек хватило бы для размещения 9 млн. человек и что, если бы все проекты были претворены в жизнь, Берлин по своей площади оказался бы в три раза больше Лондона.

К счастью, подавляющая часть этих строительных обществ обанкротилась еще до того, как в фундамент был заложен ими

первый кирпич. Многие из них и не ставили перед собой такой цели, просто они намеревались спекулировать земельными участками. И этот бизнес в те дни процветал так же, как и сегодня. «На бирже и за ее пределами земельными участками торговали как ценными бумагами, «документы, подтверждавшие основные условия сделок» с домами, оплачивались со все большей доплатой. Уровень цен оказался сказочно высоким. Цены стали уже несоизмеримы с выручкой от сдачи квартир внаем и с реальной стоимостью зданий; было утрачено само понятие о мере, господствовали совершенно произвольные оценки, пускал корни дух торгашества и спекуляции»,— отмечал *Гартенлаубе.*

Спекулянт лезет в петлю

Журнал описал случай, происшедший с одним домовладельцем, который задумал продать свое небольшое владение за 120 тыс. талеров. Однако объявилось так много претендентов, стремившихся опередить друг друга, что в конечном счете он получил за него 250 тыс. талеров. А через 2 недели он узнал, что принадлежавший ему дом был приобретен каким-то банком за 400 тыс. талеров. В припадке ярости и отчаяния он вскоре повесился.

В Берлине периода грюндерства цены на земельные участки росли быстрее, чем столетие спустя в западной части Франкфурта-на-Майне. Такие строительные львы, как Герман Гебер, Хайнрих Квисторп, Й. А. В. Карстен или Пауль Монк, за короткое время нажили миллионы на спекуляциях земельными участками. Впрочем, большинство земельных миллионеров недолго наслаждались своим легко и быстро приобретенным богатством, так как вслед за биржевым крахом произошла катастрофа и на рынке недвижимости.

Одно за одним следовали банкротства строительных обществ, которые не могли больше оплачивать свои долги, поскольку принадлежавшие им земельные участки теперь не стоили и половины тех денег, которые были отданы за них при получении кредитов. Количество пустовавших квартир резко увеличилось и превысило 4 тыс., а, по оценкам статистика Швабе, имущество стоимостью 20 млн. талеров не находило себе применения.

Баррикадные бои против бездомных

Безрассудные спекуляции земельными участками не ослабили, а, напротив, обострили жилищный кризис: в июле 1872 г. дело дошло до ожесточенных баррикадных боев между полицией и взбунтовавшимися бездомными. Поводом для волнений послужило насильственное выселение столяра из квартиры на Блюменштрассе, осуществленное полицией по ходатайству какого-то спекулянта. 600 полицейским в форме и стольким же в гражданском только с большим трудом удалось подавить мятеж.

Даже части военных гарнизонов, расположенных в окрестностях Берлина, находились в состоянии повышенной боевой готовности. Не исключалась возможность начала гражданской войны. Один из

офицеров, позднее ставший королем Вюртемберга, писал домой следующее: «Ужасное чувство охватывало при мысли о том, что при определенных обстоятельствах придется вступить в бой с бездомными соотечественниками, причем некоторые из них — это вернувшиеся домой бывшие соратники по оружию!»

Конец грюндерского бума, который казался историку Сарториусу фон Вальтерсхаузену «эпидемией разнузданной жажды денег», наступил 7 февраля 1873 г. В этот день Эдуард Ласкер, глава фракции Национал-либеральной партии в палате депутатов прусского рейхстага, разоблачил несколько типичных мошеннических операций железнодорожного короля Бетеля Генри Штроусберга, в которые были втянуты высокопоставленные политические деятели, например министр торговли граф Итценплитц или тайный коммерции советник Вагенер и такие представители знати, как князь Путбус или принц Бирон.

Депутат разоблачает махинации

Разоблачения Ласкером событий, происшедших во времена строительства Центральной железной дороги Померании и Берлинской северной железной дороги, произвели в Берлине эффект разорвавшейся бомбы, хотя некоторые посвященные лица уже давно были в курсе дела. Целые газетные столбцы были отведены описанию сенсанционной карьеры начинавшего с нуля железнодорожного короля, настоящее имя которого было Барух Хирш Штраусберг и который одно время считался самым богатым человеком Германии.

Читатели смаковали подробности историй о коррупции и мошенничествах, об огромных прибылях и халатном управлении. Президент ведомства рейхсканцлера Рудольф Дельбрюк цинично комментировал растущее недовольство проделками грюндеров: «Никакое законодательство не в силах помешать людям избавиться от своих денег, если они задались такой целью». Однако лавину, вызванную разоблачительной речью Ласкера, остановить было уже невозможно.

Эхо этого выступления отозвалось с юга: в апреле 1873 г. по Вене поползли слухи о том, что двум крупнейшим банкам якобы грозит крах. Акционеры и вкладчики тут же ринулись на штурм банковских касс, стремясь как можно скорее продать свои ценные бумаги. Курс акций падал с головокружительной быстротой.

Берлинские грюндеры все еще верили, что паника в Вене — чисто австрийское явление, и даже известный политэконом Йозеф Нойвирт заявил: «Это строго локальный биржевой кризис, не больше». Но экономические системы молодых индустриальных государств были уже связаны между собой гораздо прочнее, чем могли предполагать теоретики.

Курс акций падает в бездонную пропасть

В Берлине курс ценных бумаг временно имел незначительные колебания. Однако летом через Атлантику пришло сообщение о том,

что в Америке разразился крупный кризис железнодорожных обществ. Теперь уже не осталось никаких сдерживающих факторов — наступал первый мировой экономический кризис. Тогда никто не мог допустить, что он положит начало самой продолжительной и глубокой депрессии века.

Итоги грюндерского бума, несмотря на все его пороки, были все же удивительными. За три года в Германии было построено такое количество сталелитейных заводов, доменных печей и машиностроительных фабрик, какое появилось там за предшествовавшие 70 лет. Возникло 843 новых акционерных общества, активы которых составили 2,8 млрд. марок. Численность населения Берлина почти достигла миллионной черты, и немцы впервые испытали то чувство, которое почти столетие спустя Людвиг Эрхард охарактеризовал словами: «Мы снова кое-что значим».

Казалось, везде им сопутствовала удача: на полях сражений и на бирже, на мировых рынках и в сферах высокой политики. Вековая цель немцев, а именно обогнать Англию в экономическом отношении, была уже близка. А потом наступил полный крах, и голубые мечты были развеяны в одну ночь. Обанкротились 61 банк, 116 промышленных предприятий и 4 железнодорожных общества. Курс акций на бирже падал в бездонную пропасть, и еще в 1876 г. он находился на 50% ниже котировок периода грюндерского бума до февраля 1873 года.

Банкир Герсон Бляйхрёдер, благополучно переживший кризис, считал, что во время биржевого краха была потеряна $^1/_3$ национального богатства Германии. В Берлине пустовали десятки тысяч квартир, и многочисленные домовладельцы были не в силах погасить кредиты. Германия, которая, казалось, совсем недавно уверенно шла по пути к богатству, стояла на грани экономической катастрофы.

«Нечто более страшное, чем смерть»

Никто больше не хотел ни во что вкладывать деньги, никто больше не хотел ничего покупать. Фирмы сидели на горах непроданных товаров и вынуждены были снижать на них цены, о прибылях и дивидендах уже давно не было и речи. Производство резко сократилось, число безработных непрерывно росло, а заработная плата и жалованье сокращались.

Ужас, пронизавший в то время немецких буржуа до мозга костей, наглядно описан Томасом Манном в его романе «Будденброки» о семье торговцев из Любека. Вот как описывает автор тот момент, когда Тони Будденброк узнает о банкротстве своего мужа: «В эту минуту перед ее глазами прошло все, что заключало в себе слово «банкрот», все, что она, еще будучи ребенком, ощущала как смутное и ужасное... «Банкрот»... Это было нечто более страшное, чем смерть, это означало смятение, крах, позор, стыд, отчаяние и нищету».

Глава 10
«ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ ЕВРЕИ»

Годы лишений и нужды в период великой депрессии, длившейся до 1896 г., способствовали формированию в Германии ряда тенденций, чреватых тяжелыми последствиями. Одной из самых роковых был зародившийся после грюндерского краха антисемитизм. Как это нередко случалось в германской истории, евреи в тяжелые для народа годы становились настоящими козлами отпущения. Еще со времен раннего средневековья периодически наблюдались вспышки ненависти к евреям. Как правило, это были периоды тяжелого экономического положения.

Вот и на этот раз была поднята антисемитская возня. Причина тому — значительные успехи, достигнутые гражданами еврейского происхождения в годы грюндерства. С повышением конъюнктуры начался активный приток евреев из Восточной Европы в Германию, и многие из них осели в центрах экономической жизни страны. После большого грюндерского краха в Германской империи насчитывалось около 700 тыс. евреев, причем 500 тыс. человек проживало в одной Пруссии. В то же самое время в несравненно большей по своей площади королевско-императорской австрийской монархии их было всего 200 тыс. (Во Франции в ту эпоху проживало всего 80 тыс. евреев, в Великобритании — 50 тыс., в Италии — 40 тыс., в Дании — 5 тыс., в Швеции — 1 тыс.) В 1876 г. только в Берлине насчитывалось около 50 тыс. евреев, т. е. столько же, сколько во всей Великобритании.

Гораздо больше, чем сама численность граждан еврейского происхождения, немцев пугала их сноровистость в обращении с деньгами и капиталами. После биржевого краха берлинские газеты печатали казавшиеся достоверными сообщения о том, что почти 90% грюндеров были евреями. И действительно, в биржевых проспектах акционерных обществ было полным-полно еврейских фамилий, а бизнесмены-«арийцы» на берлинской бирже представляли собой скорее исключение. Самые роскошные виллы в Тиргартене принадлежали евреям, самые известные фамилии финансовой аристократии звучали по-еврейски, большинство газет империи издавалось евреями, а о богатстве таких еврейских магнатов, как Ротшильды, Герсон Бляйхрёдер, Людвиг Бамбергер или Абраам Оппенгейм, в народе ходили легенды.

Капитализм так и не понят

Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие разочарованные немцы, потерявшие после биржевого краха свои состояния, были готовы спихнуть всю ответственность за свои несчастья на

темные семитские силы. Иными словами, немцы так толком и не поняли, что же такое капитализм. Текучесть денег, цикличность экономического развития, накопление огромных состояний, трудно постижимые биржевые законы, махинации и уловки торговли ценными бумагами на бирже — все это было загадкой для основной массы населения, в то время как куда более малочисленная группа еврейских биржевиков и бизнесменов, очевидно, хорошо разбиралась во всем этом. Многочисленная группа легковерных людей, поверившая щедрым посулам грюндеров, теперь считала себя невинной жертвой громадного заговора, за кулисами которого стояли те самые курчавые, горбоносые банкиры еврейского происхождения. «Доказательства» верности таких теорий, рождавшихся за столами завсегдатаев в пивных, не замедлили предоставить такие журналисты, как Отто Глагау, Фердинанд Перро, Георг Хирт и Рудольф Майер, которые в своих статьях, разоблачавших закулисные стороны различных махинаций, никогда не забывали намекнуть и на еврейских зачинщиков. Тогда же родилась отвратительная идея о тайном заговоре евреев против немецкого народа, которую десятилетия спустя использовал Адольф Гитлер для претворения в жизнь своего «окончательного решения».

Вместе с ненавистью к евреям пришло и глубокое недоверие к современному капитализму. Немцы, которые еще не так давно верили, что несколько акций могут оказаться билетом в страну с молочными реками и кисельными берегами, теперь и слышать ничего не желали о деньгах или о бирже. Публицист и философ, сын лютеранского пастора Константин Франтц выразил чувства немцев того периода следующими словами: «Истинно, весь мир — это сплошной обман».

Идея о еврейском заговоре

Консерватор, формирующий общественное мнение, обрушивался с нападками на экономический либерализм О. Бисмарка, на «англосаксонский» прагматизм мышления немецких предпринимателей, на «измену христианству и возврат к новому язычеству». «Кто же, собственно говоря, правит в новой империи? И чему же служили победы под Садовой (Кёнигтрэтц) и Седаном, ради чего захватили миллиарды в качестве трофея, ради чего Бисмарк боролся с католической церковью, если не ради установления еврейского господства?» Критики Бисмарка саркастически рекомендовали в будущем печатать на банкнотах не голову императора, а изображения еврейских банкиров, таких, как Бляйхрёдер или Ротшильд: «Тогда каждому станет ясно, кто правит современным обществом».

Ненависть к евреям олицетворял в своем лице бывший ландрат, кавалер ордена *Pour le mérite* Отто фон Дист-Дабер, который уже в 1870 г. начал открыто критиковать связи О. Бисмарка с его банкиром Герсоном Бляйхрёдером. Необходимую информацию поставлял Герман фон Тиле, в прошлом секретарь Бисмарка. Дист-Дабер считал Бляйхрёдера душой заговора евреев, которые втянули рейхсканцлера в свои сети и превратили его в послушное орудие осуществления своих коварных намерений. Тогда речь шла о

сомнительных сделках с прусским «Централь-боденкредит АГ», на которых канцлер, следуя советам своего банкира, заработал более 100 тыс. талеров. Бляйхрёдер управлял не только личным состоянием канцлера, на которое он якобы начислял ежегодно 18%, но и, по распоряжению О. Бисмарка, так называемым Гвельфским фондом в 16 млн. талеров, из которого Бисмарк мог черпать средства для осуществления политических маневров по своему усмотрению, не испрашивая на то разрешения парламента. Депутаты от оппозиции в берлинском рейхстаге окрестили финансовые резервы канцлера «фондом пресмыкающихся» *, потому что он служил для вскармливания «рептилий», как О. Бисмарк однажды обозвал некоторых ганноверских журналистов.

Союз Бисмарка с «грязным евреем»

Странный альянс между самым могущественным человеком Европы и «грязным евреем», как его называл старший сын Бисмарка Херберт, не могли понять даже многие друзья «железного канцлера». Но Бисмарк очень хорошо знал, что ему нужно было от преданного банкира. Герсон Бляйхрёдер, родившийся в 1822 г. в Берлине, безусловно, был финансовым гением. Его отец Самуэль в 1803 г. открыл на Розенталер штрассе небольшую меняльную лавку и с 30-х годов работал агентом семейства Ротшильдов, в то время самых богатых и влиятельных банкиров в мире. Когда он в 1855 г. умер, он уже был весьма состоятельным и авторитетным частным банкиром.

В 1839 г. Герсон вступил в банк отца, быстро получил генеральную торговую доверенность и после смерти Самуэля взял в собственные руки ведение всех дел. В 1860 г. в банке Бляйхрёдера работало 22 служащих, а их хозяин платил налог с годового дохода, равного 23 333 талерам. В возрасте 39 лет он получил первый орден — «Roter Adler» четвертой степени. Герсон всячески развивал связи с Ротшильдами, установленные еще его отцом, и именно благодаря их посредничеству сумел войти в контакт с О. Бисмарком. Еще занимая пост прусского посланника в Германском союзе, будущий рейхсканцлер познакомился во Франкфурте-на-Майне с бароном Мейером Карлом Ротшильдом и сразу же по достоинству оценил этого человека. Когда в 1862 г. в Берлине король Вильгельм I, будущий император, назначил его главой прусского правительства, он начал поиски равно способного и преданного банкира, которому он мог бы доверить свои личные денежные дела. Поэтому он обратился за советом к франкфуртскому Ротшильду, и Мейер Карл порекомендовал ему молодого Бляйхрёдера.

«Раболепная угодливость»

Об умении О. Бисмарка разбираться в людях говорит тот факт, что он сумел разглядеть положительные качества вечно выглядев-

* «Reptilienfond» («фонд пресмыкающихся») — секретный фонд для вознаграждения продажных журналистов.— *Прим. ред.*

шего несколько неуклюжим банкира, который в конце 1862 г. нанес ему свой первый визит. Сорокалетний, наполовину ослепший Бляйхрёдер сближался с решительным, архиконсервативным прусским юнкером, как говорится, с «раболепной угодливостью», хотя в то время он уже принадлежал к числу наиболее влиятельных банкиров Берлина.

За год до назначения О. Бисмарка Бляйхрёдер приобрел в Берлине на Беренштрассе, 63, внушительное здание, в котором разместились и банк, и отделанная со всем блеском и роскошью грюндерских лет частная квартира. Банк Бляйхрёдера находился недалеко от биржи, а также в двух минутах ходьбы от замка и будущей резиденции Бисмарка на Вильгельмштрассе. Благодаря отличным отношениям с Ротшильдами и умелому осуществлению операций еще до начала работы у Бисмарка среди клиентов быстро росшего банкира числились многие высокопоставленные сановники двора, представители дипломатической службы, промышленники и люди искусства, такае, как Рихард Вагнер и его будущая супруга Козима фон Бюлов.

Хотя в то время новоиспеченный премьер-министр Пруссии и не был бедным человеком, но и состоятельным его тоже нельзя было назвать. В 1855 г. он унаследовал от отца обремененные крупными долгами поместья Шёнхаузен и Книпхоф, которые он тут же сдал в аренду, едва начав заниматься политикой. Доходы от этой аренды не превышали 3,5 тыс. талеров в год. Его жалованье как посланника в Петербурге составляло 30 тыс. талеров в год. Но Бисмарку приходилось здесь нести большие расходы на представительство.

Юнкер и деньги

С переездом в Берлин доходы Бисмарка сократились наполовину — премьер-министр Пруссии получал ежегодно всего 15 тыс. талеров и имел весьма скромную служебную квартиру. Расходы же юнкера были какими угодно, только не скромными, так что у Бисмарка было больше долгов, чем поступлений. Американский историк Фриц Стерн, издавший о Бисмарке и его банкире Бляйхрёдере книгу под названием «Золото и железо», так описывал будущее отношение Бисмарка к денежным делам: «Как любой человек, который когда-либо пережил тревоги, связанные с безденежьем, Бисмарк так и не смог заставить себя жить легко и свободно и в глубине души верить в то, что он мультимиллионер, которому не страшны потери, налоги и последствия бесхозяйственности. В своем отношении к деньгам, так же как к власти или дипломатии, Бисмарк был в высшей степени реалистом. Он считал также, что собственность — это лучшее полномочие, позволяющее заниматься политикой, и что способ обращения с деньгами позволяет судить о характере человека».

Итак, по собственному признанию, у юнкера в молодые годы был довольно плохой характер. Порядок в его имущественном состоянии был наведен только тогда, когда им занялся Бляйхрёдер. И будучи не в состоянии умерить страсть Бисмарка тратить деньги, он проявлял тем большую заботу о его доходах: иногда он предоставлял далеко не наивному в денежных делах премьер-

министру ссуду для совершения особенно выгодной покупки, а иногда от его имени спекулировал акциями.

Политика и бизнес тесно переплетены

Если потери оказывались неизбежными, то заботливый банкир брал их на себя, в то время как прибыли он записывал на им же самим управляемый счет Бисмарка. Впервые состояние премьер-министра заметно увеличилось в 1865 г. В благодарность за победу в шестинедельной войне с Данией Вильгельм I даровал ему графский титул и позаботился о том, чтобы ландтаг не возражал против выплаты герою премии в размере 400 тыс. талеров (по сегодняшней покупательной силе денег это соответствует почти 7 млн. западногерманских марок). С этих пор состояние политического деятеля росло прямо-таки неприличными темпами, и нередко частные сделки государственного деятеля самым тесным образом переплетались с его политическими маневрами. Когда королевство Пруссия решило расстаться со своей долей акций Кёльнско-Минденовской железнодорожной компании, одним из первых частных лиц об этом узнал банкир Бисмарка Бляйхрёдер, который незамедлительно приобрел значительное количество этих акций для своего самого знатного клиента. В ситуации противоположного характера О. Бисмарк также наживался на проводимой им политике. В 1878 г. прусское правительство решило национализировать частные железные дороги, и премьер-министр, разумеется, прекрасно знал, какую цену государство было готово платить за это. А так как она была выше тогдашнего биржевого курса, Бляйхрёдер по поручению Бисмарка опять-таки приобрел большое количество железнодорожных акций.

Изрядные прибыли от таких сделок банкир в большинстве случаев вкладывал в надежные ценные бумаги с твердым процентом. Впрочем, процентных поступлений от этих вложений никогда не хватало бы для обеспечения ежегодных доходов в размере 18%, которые Бляйхрёдер записывал на счет своему видному клиенту. Следовательно, должны были существовать какие-то другие, спекулятивные вложения. Бисмарк редко вникал в операции, которые осуществлял за него его банкир. Только в одном случае он четко высказывал свое мнение — при покупке новых земель.

Юнкер, некогда имевший большие долги, оказался ненасытным покупателем недвижимости. С помощью Бляйхрёдера он добавил к полученным в наследство землям вначале громадное поместье Варцин площадью 9,2 тыс. моргенов с кирпичным заводом и фабрикой, производящей известь, а также две соседние латифундии, площадь земельных угодий которых составляла 12,9 тыс. моргенов. Еще более значительными были приобретения Бисмарком земельных угодий после победы над Францией. Вильгельм I, в то время ставший императором Германии и знавший о «земельном» голоде своего канцлера, подарил ему 21 марта 1871 г. Заксенвальд близ Гамбурга, уже тогда крупнейший лесной массив Пруссии. Столетие спустя площадь этой земли, которая и сегодня делает потомков князя богатейшими людьми Германии, оценивалась в 27 665 моргенов. Ее теперешняя стоимость составляет, по оценкам, почти 2 млрд. марок.

В действительности он был еще богаче

Насколько неразборчивым был «железный канцлер», когда речь шла об извлечении личной выгоды из политических маневров, настолько мелочным он становился, когда его звала к ответу казна. В 1870 г. он был определен в 18-й разряд налогообложения. Это означало, что чиновники налогового управления оценивали его годовой доход, с которого предстояло взимать налог, в 32—40 тыс. талеров: На такие деньги можно было существовать вполне прилично, так как в те годы среднегодовой доход на душу населения Пруссии составлял всего 116 талеров. Несмотря на это, скупой премьер-министр заявил протест и не успокоился до тех пор, пока финансовые чиновники не согласились брать в расчет его собственные данные, а именно 24,5 тыс. талеров.

Чувство реального, никогда не покидавшее Бисмарка, если речь шла о наживе, и приносившая прибыль забота со стороны его банкира с годами сделали канцлера самым богатым человеком в стране. Когда он в 1890 г. оставил службу, в его собственности находилось 64 тыс. моргенов земли реальной рыночной стоимостью около 6 млн. марок. По последней проверке его портфеля ценных бумаг в банке Бляйхрёдера, состоявшейся 31 декабря 1890 г., активы составили 1,216 млн. марок. В действительности же канцлер был еще богаче, так как около 300 тыс. марок он перевел на имя своей жены Иоганны и ровно столько же на имя старшего сына Херберта. В целом состояние Бисмарка, по-видимому, составляло тогда около 8 млн. марок.

Целенаправленная дезинформация

Неприступный олимпиец, каким воспринимали его современники, слишком хорошо знал, зачем ему нужны доверительные отношения с презираемым многими его коллегами по сословию «биржевым евреем». Союз с Бляйхрёдером отличался не только финансовой стороной. Бисмарк, которому было прекрасно известно, сколь тесные связи поддерживает Бляйхрёдер с Ротшильдами, нередко использовал его в политических целях. Банкир снабжал его информацией, которую не в состоянии были получить ни прусская секретная служба, ни дипломатический корпус. Вместе с тем через Бляйхрёдера, а следовательно, Ротшильдов О. Бисмарк распространял слухи, предназначавшиеся для правительств в Лондоне или Париже. И в других вопросах эти столь неравные люди оказывали друг другу необходимые услуги. Когда Эдуард Ласкер разоблачил грюндерские махинации в палате депутатов рейхстага и обвинил в коррупции тайного коммерции советника Германа Вагенера, в дело вмешался Бляйхрёдер и кредитами помог другу Бисмарка, оказавшемуся в тяжелом финансовом положении. Другому протеже канцлера графу Хатцфельдту-Вильденбургу, погрязшему в долгах, он пробил хорошо оплачиваемую должность в наблюдательном совете металлургической компании «Ферайнигте Кенигс- унд Лаурахютте». Несравненно более ценной была дружеская услуга, оказанная Бляйхрёдером государственному деятелю, когда он приобрел известное «Вольфше телеграфенбюро» и преобразовал его в акционерное общество «Континенталь-телеграфен-компани», капитал которого был установ-

лен в размере 333 тыс. талеров. Отныне это предприятие стало занимать монопольные позиции в системе связи Германии и благодаря его финансовой поддержке успешно отражало все попытки иностранных конкурентов, агентств Рейтер и Гавас, проникнуть в эту сферу.

По настоянию Бляйхрёдера «Телеграфен-компани» заключило с прусским государством договор сроком на 10 лет, по которому правительству предоставлялось право просматривать все телеграммы еще до того, как они поступали на телеграфную станцию. Кроме того, правительство могло настаивать на увольнении «ненадежных» корреспондентов и назначать одного представителя в наблюдательный совет предприятия. Вместе с телеграфной сетью Вольфа О. Бисмарк, по мнению многих историков, располагал решающим средством воздействия на прессу, а также надежным каналом распространения пропагандистских материалов.

«Во всем блеске и мерзости»

Бляйхрёдер со своей стороны был обязан Бисмарку колоссальным ростом своего престижа. Его беспрепятственный доступ к средоточию власти — банкир бывал у канцлера на Вильгельмштрассе три или четыре раза в неделю — сделал его наиболее осведомленным частным лицом в Берлине и ярчайшей звездой на финансовом небосклоне. Благодаря поддержке Бисмарка Бляйхрёдер стал не только самым видным буржуа еврейской национальности в Германской империи, но и прототипом социальной выскочки или, как говорили в те времена, парвеню.

Историк Фриц Стерн очень тонко заметил: «Жизнь Бляйхрёдера весьма характерна для XIX в.— жизненный путь богатого буржуа во всем его блеске и мерзости». Отталкивающим был образ жизни дисциплинированного и мудрого в делах человека, так и не пожелавшего смириться с тем, что он при всей своей добропорядочности никогда не считался одним из своих теми, кто держал в своих руках реальную власть в империи, в том числе и самим О. Бисмарком.

Хотя Бляйхрёдер и не был грюндером в собственном смысле этого слова, он, пожалуй, как никто другой, воплощал в своей фигуре все возможности и противоречия грюндерских лет. Проявляя инициативу и ум, он финансировал строительство железных дорог и промышленных предприятий, учреждал акционерные общества и организовывал государственные займы. И все же своим взлетом он был обязан прежде всего умению приспосабливаться к существующим условиям. Хотя он лучше, чем его коллеги, понимал особенности индустриальной эпохи, ему все равно не доставало признания со стороны вечно вчерашних: мелких помещиков и героев войны. Он удивительно походил на карикатуру «мерзкого еврея», черты которого Людвиг Бамбергер, один из основателей «Дойче банк» и виднейший наряду с Эдуардом Ласкером член парламента еврейской национальности, описывал так: «Настойчивость и бестактность, жадность, бесцеремонность, тщеславие и отсутствие понятия о чести, духовное убожество и раболепие».

Икру ели ложками

Бляйхрёдер пошел вначале в услужение к могущественным Ротшильдам, а затем и к еще более могущественному Бисмарку. Он жаждал орденов и титулов. Его кёльнский коллега, банкир Абраам Оппенгейм писал по этому поводу: «Ваша грудь, по-видимому, может не вместить всех высоких наград, полученных при поддержке различных влиятельных особ».

Когда полуслепой банкир наряжался в свой парадный костюм, то на отворотах его фрака сверкали баварские, австрийские, российские, французские и бразильские ордена. Вечерние приемы в его дворце на Беренштрассе считались самыми богатыми в Берлине. «Все должно было быть только самого высокого качества: гости, угощения и развлечения,— восторгался Фриц Стерн.— Заморские яства и напитки поставлялись из самых удаленных уголков Европы. У ворот дома выставляли двух полицейских для регулирования движения».

На торжествах у Бляйхрёдера во время танцев играли самые дорогие музыканты тех лет, например скрипач-виртуоз Пабло де Сарасате или придворная пианистка Есипова. Икру в его доме ели ложками, поскольку банкир имел собственную службу курьеров, ежедневно доставлявшую ему это лакомство с берегов Каспийского моря. Так что он всегда мог побаловать вкусы столь престижных гостей, как О. Бисмарк, или таких деловых партнеров, как Ротшильды, свежей спаржей, экзотическими фруктами или паштетом из гусиной печенки. Поскольку холодильников тогда еще не было, то можно себе представить, что приобретение таких скоропортящихся деликатесов было делом весьма и весьма дорогостоящим.

Ленбах требует двойную цену

Хорошо и дорого поесть было в эпоху грюндерства излюбленным символом положения растущего класса, а разбогатевших евреев никто не мог в этом перещеголять. Еще одним престижным объектом было искусство, и Бляйхрёдер пытался преуспеть и здесь, хотя, по свидетельству современников, нисколько в нем не разбирался. Для своего городского дома финансист дал указание обработать тонны ценнейшего каррарского мрамора, а самый дорогой художник того времени Франц фон Ленбах сначала написал по его заказу портрет Бисмарка, а затем и его собственный. Бисмарк, которому это, очевидно, пришлось не по нраву, осыпал банкира насмешками, рассказывая всем и каждому, что Ленбах запросил за портрет Бляйхрёдера вдвое больше, чем за портрет Бисмарка. Художник якобы объяснял это тем, что писал канцлера «с любовью». Во всяком случае, Бляйхрёдеру пришлось заплатить за свой портрет 30 тыс. марок. Известному скульптору Райнольду Бегасу он заказал проект надгробного памятника, который должен был обойтись ему в 75 тыс. марок.

Банкир, для которого в центре зала Берлинской биржи была зарезервирована постоянная ниша (точно так же Натан Мейер Ротшильд имел на Лондонской бирже свою привычную стойку), считал себя уже на вершине социального подъема, когда 8 марта

1872 г. император Вильгельм I возвел его в родовое дворянское достоинство. «Биржевой еврей», по словам Фридриха Ницше, «вообще отвратительное изобретение человеческого рода», достиг того, что не удавалось до него никому из не обращенных в другую веру семитов Пруссии.

Друзья императора спасены от позора

Пожалование Бляйхрёдеру дворянского титула, которое произошло по настоятельной просьбе Бисмарка, было воспринято в Берлине как сенсация. Бляйхрёдер сразу стал самым высоким по рангу евреем в Германии, и радость от этой мысли была омрачена только тем, что его крупнейший конкурент Адольф Ханземан, глава «Дисконто-гезельшафт», получил дворянство одновременно с ним. Причина присвоения дворянского титула обоим банкирам была типичной для отношений, господствовавших в Германии XIX в.: Бляйхрёдер и Ханземан спасли от оскорблений и позора нескольких представителей господствующего класса.

Высокопоставленные лица, о которых идет речь, были близкими друзьями Вильгельма I и Бисмарка. Это были князь Путбус (по прозвищу Капутбус), герцоги фон Ратибор и Уйест, а также граф Лендорф, флигель-адъютант императора. Эти господа поддались на уговоры удивительного железнодорожного короля Штроусберга взять на себя поручительство за гигантские проекты в Румынии. Однако трансильванское предприятие Штроусберга переросло в полную неразбериху, и знатных поручителей не позднее 1871 г. ожидало полное банкротство. По просьбе императора Бляйхрёдер взял на себя улаживание румынских дел и оздоровил финансы неопытных в деловом отношении друзей Бисмарка.

«Не включайте лиц буржуазного происхождения»

После получения дворянского титула желание миллионера как-то проявить себя приобрело прямо-таки уродливые черты. Это событие ему хотелось отметить самым грандиозным торжеством, какое когда-либо видел Берлин. И все еще отрезанный от истинного «высшего света» парвеню наконец-то получил надежду принять у себя самую отборную часть сливок общества. Придворный чиновник, которого он попросил составить список приглашаемых офицеров, рассказывал позднее, что новоиспеченный дворянин посоветовал: «Не включайте, пожалуйста, лиц буржуазного происхождения, хотелось бы быть только среди своих».

А когда капитан гвардейского полка все же привел с собой своего коллегу-буржуа, на торжестве разразился скандал. Бляйхрёдер отвел офицера в сторону и сделал ему выговор: «Мой дорогой, нельзя же опускаться так низко». По знаку капитана все присутствовавшие офицеры поднялись со своих мест и покинули дом. Баронесса Хильдегард фон Шпитцемберг записала в своем дневнике: «Самые лучшие полки объявили бойкот дому Бляйхрёдера». Вот почему на протяжении нескольких последующих месяцев банкир не

мог давать «официальных» балов. А еще шесть лет спустя светская львица Мария фон Бунзен отмечала: «Блестящий праздник устроил также Бляйхрёдер... Общественное положение Бляйхрёдера было, если хотите, превосходным, но все же поучительным. Почти весь аристократический и официальный Берлин прибыл к нему в гости с тем, чтобы, извинившись, вскоре уйти».

Даже Вильгельм Кардорф, еще один друг О. Бисмарка, которому Бляйхрёдер не раз помогал выпутываться из неприятностей, оплачивая его долги, подшучивал над банкиром в письме к жене: «Вчера вечером был на большом концерте и балу у Бляйхрёдера. После концерта состоялся торжественный ужин, а затем бал, на котором, как мне кажется, было слишком мало мужчин, особенно офицеров...»

Дворянство игнорирует парвеню

Как парвеню ни старался, высшая знать Берлина ни на минуту не желала признавать его за своего. Почти в отчаянии этот выскочка пытался подражать образу жизни своих идолов, значительно уступавших ему в деловом отношении. У бывшего фельдмаршала Роона он по сильно завышенной цене, 1,29 млн. марок, приобрел поместье Гютерготц, расположенное всего в семи километрах от королевских дворцов Потсдама, где его однажды, правда всего на час, посетил сам император.

Собственных родственников и почти всех остальных евреев Бляйхрёдер принципиально не включал в число приглашенных. Баронесса Шпитцемберг язвительно заметила: «Аристократ гордится своими предками, парвеню стыдится их». Из-за разрыва с соплеменниками имя Бляйхрёдера в 1874 г. даже попало в полицейские протоколы. На берлинской Зигесаллее возникла сумятица, когда один еврей во время прогулки спросил банкира, почему тот не ходит по западной стороне улицы, как все остальные сыновья Израиля. На это Бляйхрёдер ответил: «Там слишком сильно пахнет чесноком».

Афера совсем другого рода омрачила последние годы жизни банкира, который скончался от отека легких 19 февраля 1893 г. в возрасте 71 года. Он оставил после себя состояние как минимум в 40 млн. марок — в конце жизни он оценивал свой годовой доход в 3,34 млн. марок,— т. е. он считался самым богатым человеком Берлина. На первый взгляд речь шла о коротком романе стареющего денежного короля, в действительности же ставший чересчур богатым и слишком могущественным еврей вновь оказался у позорного столба.

Неприятное дело с невзрачной женщиной

Скандальная история началась еще в 1868 г., и причиной ее было просительное письмо некоей Доротеи Кронер. По словам современников, эта далеко не красивая и не особенно умная вдова закройщика имела несколько лет назад короткую связь с Бляйхрёдером. Теперь она требовала денег под тем предлогом, что ее брак распался якобы после того, как ее супруг застал банкира в их доме.

Только много позже выяснилось, что все это не соответствовало действительности, так как брак закройщика был расторгнут из-за его же собственных промахов и ошибок.

Бляйхрёдер обратился за помощью к своему другу Гвидо фон Мадай, полицай-президенту Берлина. Тот поручил начальнику управления полиции фон Дригальски начать переговоры с Кронер. Была достигнута первая договоренность: Бляйхрёдер выплатил своей бывшей возлюбленной отступные, и она заявила о своем согласии переехать в Копенгаген и никогда больше не досаждать своими требованиями банкиру. К несчастью Бляйхрёдера, в поездке ее должен был сопровождать подчиненный Дригальски некто Хуго фон Шверин. Позднее за служебные проступки этот полицейский чин был уволен со службы и в досаде попытался отомстить своему бывшему начальнику, предложив свою помощь Кронер, которая спустя два года опять вернулась в Берлин.

Скоро на Беренштрассе, 63, стали приходить новые вымогательские письма, и, хотя начальник полиции неоднократно делал предупреждения Доротее Кронер, она продолжала свою кампанию против банкира. В апреле 1880 г. она предъявила Бляйхрёдеру иск на выплату ей 18 тыс. талеров. Банкир был вызван в суд, где он под присягой дал следующее показание: «Я клянусь, что тот факт, будто бы я подписал документ, в котором взял на себя обязательство пожизненно выплачивать истице ежемесячно по 30 талеров, а также по 25 талеров к каждому из четырех еврейских праздников и, кроме того, выделить отступные ее детям, не соответствует действительности».

«Клятва еврея...»

Клятва, произнесенная публично, превратила частное дело в скандал. Наставляемая фон Шверином, которому она пообещала 10% тех денег, которые ей удастся выжать из Бляйхрёдера, Кронер теперь уже обвиняла банкира в даче ложного показания. Тут Бляйхрёдер забеспокоился, потому что в этом случае вынесение приговора грозило ему тюремным заключением. Наконец, через посредника он предложил своей бывшей возлюбленной громадную сумму — 75 тыс. марок. Доротея Кронер приняла ее и забрала свой иск назад. Своему сообщнику Хуго фон Шверину она не заплатила обещанных 10%, отчего Бляйхрёдеру пришлось еще раз взяться за кошелек. Однако 6 тыс. марок, которые он передал обиженному экс-полицейскому, по всей видимости, не хватило для успокоения его самолюбия. Шверин принялся бомбардировать прусское министерство юстиции петициями, в которых обвинял прокуроров, судей и даже самого министра в коррупции. Дело постепенно приобрело политическую окраску, и в конечном счете о нем вынуждены были проинформировать даже самого императора. Но по-настоящему Шверин развернулся только тогда, когда вошел в контакт с депутатом Германом Альвардтом, которого историк Фриц Стерн относил к числу «мастеров грязных махинаций». Альвардт, выразитель антисемитских настроений в парламенте, понял, что он может с политической выгодой использовать дело Бляйхрёдер — Кронер. Вскоре появился памфлет под названием «Клятва еврея», в котором

Бляйхрёдер был представлен мрачным злодеем, Доротея Кронер — невинной жертвой, а государственные органы — продажными правонарушителями. Опус заканчивался призывом: «Долой евреев из нашей юстиции!..»

Материал для бесчисленных подстрекательских статей

Пресса заинтересовалась этим делом, и *Форвертс*, ведущий орган социал-демократов, изливал желчь: «В данном случае нас волнуют не частные любовные похождения барона фон Бляйхрёдера, этого биржевого царька, этой примадонны в хороводе вокруг золотого тельца. Но Альвардт в своем опусе выдвигает обвинения против берлинской полиции, которой Бляйхрёдер, пытаясь замять дело, позолотил ручку. Здесь под вопросом стоят уже общественные интересы».

Этот случай дал материал для многочисленных статей, его открыто обсуждали на публичных сборищах антисемитов. Прокурору пришлось вновь заняться им, поскольку прусский министр юстиции потребовал перепроверки обстоятельств дела, хотя даже мнимая дача ложных показаний Бляйхрёдером подпала под действие закона о сроке давности. Поток намеков и клеветы не иссякал до тех пор, пока банкир не отошел в мир иной. Но даже на похоронах начальник полиции счел нужным скрыто выставить полицейскую охрану, поскольку можно было ожидать выступлений со стороны антисемитски настроенных дебоширов.

«Евреи — наше несчастье»

Впервые понятие «антисемитизм» было публично произнесено в 1879 г. Предполагают, что его изобрел журналист Вильгельм Марр, вне всяких сомнений фанатик расовой дискриминации. К этому времени антисемитизм в Германии превратился в мощное движение, сторонниками которого были представители самых различных слоев населения. «Пролетариев в белых воротничках», мелких служащих и чиновников деловитость евреев пугала не меньше, чем многочисленных ремесленников и лавочников. И не без причины. В 1885 г. евреи составляли 10% прусского студенчества, что в семь раз превышало пропорции между численностью граждан данной национальности и общей численностью населения страны.

В Берлине на их долю приходилось всего 3% населения города. Но уже каждый второй предприниматель столицы был иудейского вероисповедания. Даже помещики и крупные аграрии, число которых не превышало 25 тыс. человек, но которые тем не менее представляли в политическом отношении чрезвычайно мощную группу, во многом способствовали разжиганию антиеврейских настроений. Их архиконсервативный Союз сельских хозяев обрушил свою критику на «безнравственность контролируемого спекулянтами-евреями мобильного капитала». Оседлую верхушку населения Пруссии очень тревожила мобильность и маневренность современного капитализма, а воплощение этих черт они видели в еврейских банкирах типа Ротшильдов, Бляйхрёдеров и Оппенгеймов.

Масштабы враждебного отношения к евреям росли также и в среде интеллигенции. Правда, антисемитизм снобов имел на себе известный налет эстетизма и мистицизма, доступных исключительно посвященным. Под влиянием таких столпов общества, как композитор Рихард Вагнер, историк Хайнрих фон Трайчке или писатель Пауль де Лагард, они поклонялись весьма расплывчатым идеалам, были настроены консервативно, выступали против всего нового. Свое политическое пристанище все эти штудиенраты и профессора находили в Немецкой консервативной партии.

Показательными для образа мышления тех людей были идеи, высказанные в конце 1879 г. Хайнрихом фон Трайчке во влиятельном альманахе «Preußische Jahrbücher»: «Бесспорно, что семиты породили сплошной обман, бесцеремонную алчность грюндеров-чудовищ, что в большой мере они ответственны за презренный материализм наших дней, который любой труд рассматривает только как сделку и который грозит навсегда покончить с активным трудовым энтузиазмом нашего народа; в тысячах немецких деревень живет еврей, который наживается, скупая продукцию у своих соседей... Отовсюду, включая круги лиц, занятых в системе высшего образования, в среде деятелей, готовых с возмущением отмести от себя любую мысль о религиозной нетерпимости или национальном высокомерии, в один голос звучит сегодня клич: „Евреи — наше несчастье!“»

Придворный проповедник Штёккер развертывает агитацию

Если Трайчке, так сказать, ввел антисемитизм в салоны буржуазного общества, то право стать подлинным выразителем мнения юдофобов тогдашней Германии присвоил себе придворный проповедник-евангелист и основатель Христианско-социальной рабочей партии Адольф Штёккер. Священник намеревался возвратить рабочих в лоно церкви и монархии, но участие в выборах в рейхстаг в 1878 г. окончилось для него весьма плачевно: за него был подан всего 1% голосов. Штёккер, однако, не капитулировал, а начал домогаться расположения неорганизованного среднего сословия. И у обывателей одно из его сочинений, озаглавленное «Требования, предъявляемые к современному еврейству», находило все больший отклик.

Исключительно красноречивый проповедник быстро поднаторел в искусстве наживать политический капитал, играя на опасениях своей паствы. Когда в 1893 г. был избран новый состав рейхстага, из 397 депутатов шестнадцать публично объявили себя сторонниками антисемитизма. Перед необходимостью высказать свое мнение был поставлен, наконец, новый император Вильгельм II. В конце ноября было опубликовано официальное сообщение: «Император не одобряет действия придворного проповедника Штёккера. Он полагает, что история понемногу забудется, и считает это представление полезным, ибо оно должно сделать евреев более скромными».

Тем временем начали циркулировать первые расистские теории, сразу объявлявшие еврейскую нацию неполноценной. Правда, говорилось и о том, что в зрелые годы грюндерства большинство немцев в действительности желали только одного, чтобы их еврейские сограждане не ставили постоянно под сомнение чувство собственного достоинства германской «расы господ». Август Бебель лаконично и убедительно охарактеризовал мнение своих современников: «Антисемитизм — это своего рода социализм глупцов».

Борьба Бисмарка против католической церкви

Вряд ли менее странным, чем волна антисемитизма, представляется, с точки зрения нашего современника, еще одно течение духовной жизни Германии периода грюндерства: так называемый культуркампф. Эта борьба развернулась между рейхсканцлером О. Бисмарком и могущественной Национал-либеральной партией, с одной стороны, и католической церковью, а также находившейся под ее влиянием Партией центра — с другой. Речь шла — как, впрочем, и на протяжении многих столетий истории развития западноевропейских стран — о решении кардинального вопроса, кто могущественнее: папа или германский император?

Очередной раунд этой борьбы начался с провозглашения вновь избранным папой Пием IX подчеркнуто агрессивной политики. Острие опубликованных в 1864 г. папских энциклик «Quanta cura» и «Syllabus errorum» было направлено против принципов политического, культурного и хозяйственного либерализма. Шесть лет спустя, 18 июля 1870 г., Ватиканский собор постановил считать безошибочными те решения, которые папа принимал *ex cathedra* по вопросам теологии и этики. И хотя последнее не представляло в принципе ничего нового для католиков, этот догмат вызвал в протестантской Пруссии тех лет неслыханные волнения.

Государственные деятели и либералы, задававшие тон в хозяйственной жизни, считали церковь и христианскую религию несовместимой с тем опытом, который был накоплен современными естественными науками. Даже в рядах немецких католиков давало о себе знать сопротивление реакционным решениям Рима. Противники этих решений, во главе которых стоял Игнац фон Дёллингер, специалист в области истории церкви, стали именовать себя старокатоликами. Церковь отреагировала на это очень резко. Она лишила мятежных священников права на преподавание, в некоторых случаях заводила речь об отлучении от церкви и требовала их увольнения с государственных должностей.

Арест епископов

Итак, О. Бисмарку подали сигнал к упорядочению отношений между государством и церковью. В качестве первого шага он упразднил католический отдел в прусском министерстве культуры. Это произошло в июле 1871 г. Чуть позднее был издан Закон о государственном надзоре за школьным образованием, которым все

коммунальные и частные школы ставились исключительно под государственный контроль. Затем последовал «параграф о церковной кафедре» (§ 130а Уголовного кодекса), запрещавший священникам с церковной кафедры обсуждать государственные вопросы «в той форме, которая нарушит общественное спокойствие».

Наконец, наступил момент, когда удар следовал за ударом. Последовательно издаются Закон об ордене иезуитов, который запрещал деятельность всех отделений ордена на немецкой земле; Закон об экспатриации, предоставлявший правительству право принудительно выселять священников с территории империи; «Закон о корзинке для хлеба», запрещавший правительству перечислять католической церкви наличные деньги из государственной казны; Закон о монастырях, упразднивший в Пруссии отделения всех без исключения орденов. На основании этих уголовных законов все прусские епископы в 1876 г. были арестованы или высланы из Германии. Одновременно в законодательном порядке был введен гражданский брак.

И хотя О. Бисмарк непреклонно вел борьбу против католической церкви, она завершилась его поражением. В начале 1875 г. папа Пий IX объявил все прусские церковные законы недействительными. Тем, кто тем не менее выполнял требования этих законов, грозило отлучение от церкви. Число голосов избирателей, отданных во время выборов в рейхстаг в 1874 г. за кандидатов католической Партии центра, удвоилось. Католики становились тем крепче, чем больше они ощущали себя в опасности. Когда Бисмарк увидел, что церковь нельзя победить, он пошел на уступки и в 80-х годах заключил с духовенством мир. Ведь и канцлеру для проведения в жизнь своей политики протекционизма нужны были голоса депутатов католического центра.

Либерализм свое уже отслужил

Ничто так четко не выявляет те глубокие следы, которые оставила глубокая депрессия, последовавшая за крахом грюндерства, в сознании немцев, как переход в экономической политике от свободной торговли к протекционизму. Чем продолжительнее оказывался кризис, тем труднее было противостоять приверженцам свободного, открытого курса становившимся все более назойливыми требованиям заинтересованных групп установить таможенные границы и тем самым закрыть доступ иностранных товаров в страну.

Канцлер, который считал, что созданием Германской империи он достиг цели своих политических планов, и полагал, что отныне он имеет возможность править, не создавая излишне сложных проблем, оказался захваченным врасплох наступлением длительного экономического кризиса. Бисмарк, никогда не разбиравшийся в экономике, не знал, что делать. И всегда, когда он не знал, что же ему следует предпринять, его охватывал физический недуг. Он страдал ревматизмом и опоясывающим лишаем. В мае 1875 г. Бисмарк на полном серьезе просил императора освободить его от должности.

Вильгельм I эту просьбу отклонил, и «великан из Заксенвальде» вынужден был волей-неволей продолжать исполнять свои обязанности. Политические деятели Отто Кампхаузен и Рудольф Дельбрюк, принадлежавшие к либеральному крылу правительства, энергично выступали за сохранение прежнего политического курса. Они опирались на большинство Национал-либеральной партии и доказывали, что основная причина депрессии — перепроизводство в промышленности и что данная проблема сама собой решится с течением времени. Эти предшественники Людвига Эрхарда уже тогда возлагали надежды на силы самоисцеления, якобы присущие экономике, и рассчитывали на очень скорое повышение конъюнктуры.

«Я всю ночь ненавидел»

Самые серьезные противники этих политических деятелей находились в рядах боссов тяжелой промышленности, которые в период грюндерского бума хорошо нажились на проводившейся в жизнь экономической политике. Теперь же их предприятия находились в упадке, нужно было сокращать производство, на повестке дня стояли массовые увольнения, а от сокращения заработной платы никуда не денешься. Промышленники энергично требовали проведения «национальной» экономической политики, что означало просто-напросто защиту от импорта товаров.

Предводителем протекционистов стал помещик Вильгельм фон Кардорф, Свободно-консервативная партия которого увеличивала число своих сторонников. Во время грюндерского бума Кардорф оказался участником всякого рода сомнительных сделок, вот почему с началом биржевого краха он повсюду таскал за собой гигантское бремя долгов. В 1877 г. ему пришлось продать свою конюшню скаковых лошадей, а в 1886 г. даже имение Вабнитц, где постоянно проживала его семья.

Чтобы как-то подчеркнуть важность своих требований, предприниматели, которым кризис почистил кошельки, начали объединяться в крупные союзы. Первыми пример подали «сталевары», за ними последовали текстильщики, и, наконец, в 1876 г. был создан Центральный союз немецких промышленников, предшественник теперешнего Федерального союза германской промышленности. Кардорф стал президентом этого объединения, главная задача которого состояла в том, чтобы претворить в жизнь требования об установлении покровительственных пошлин.

В апреле 1876 г. первым среди либералов осознал свое бессилие Рудольф Дельбрюк, президент ведомства имперского канцлера и наиболее способный сотрудник Бисмарка. Сам канцлер находился в это время в жалком состоянии. Целые ночи он регулярно проводил без сна, сидя за письменным столом, и, как правило, начинал дремать около 8 час. утра. К своим делам государственный деятель приступал не раньше полудня. «Я всю ночь ненавидел»,— имел он обыкновение рявкать в ответ своим сотрудникам, выражавшим ему свою озабоченность.

Главную роль во всех кошмарах, преследовавших Бисмарка, играла супруга Вильгельма I императрица Аугуста, умная женщина, полностью осознававшая свою силу. «Эта баба плетет интриги против меня»,— жаловался канцлер своим друзьям. Все плохие вести он связывал с происками своего заклятого врага. Но в действительности они не имели никакого отношения к основной проблеме — этому проклятому экономическому кризису. Ситуация в Рурской области внушала все больше и больше опасений: ряд крупнейших предприятий находился на грани краха. В 1877 г. на своем первом генеральном собрании промышленный союз продемонстрировал свою экономическую мощь. Из всей Германии для участия в нем прибыло 500 предпринимателей, чтобы подчеркнуть важность требований относительно установления протекционистских пошлин.

Архиконсервативные крупные аграрии, многие из которых во время грюндерского краха потеряли часть своего громадного имущества, вложенного в спекулятивные операции, и которые несли материальные потери от быстрого падения цен на скот и зерно, в один голос поддержали требования протекционистов. Получавшие жалкие гроши за свой труд батраки массами уходили с их земель, в результате чего производилось все меньше сельскохозяйственной продукции с гектара земельных угодий. Кроме того, им приходилось противостоять на национальном рынке усиливающейся конкуренции зарубежных производителей продукции сельского хозяйства. Дело в том, что осуществление на протяжении последнего десятилетия либеральной экономической и торговой политики способствовало формированию и в аграрном секторе мирового рынка, который безжалостно «отделял плевелы от пшеницы».

По словам историка Ханса Розенберга, в среде крупных землевладельцев «зрела ярко выраженная ненависть к банкам и биржам, а также к капиталу, функционирующему в торговле продуктами сельскохозяйственного производства, и особенно к сделкам на срок, которые в основном считали «повинными» в тех трудностях, которые возникли в сельском хозяйстве». С середины 70-х годов представители «зеленого фронта» единодушно выступили против политики свободной торговли и вместе с крупными промышленниками потребовали закрытия таможенных границ.

Покушение на императора, решившее все проблемы

В идеологическом отношении об отходе от мировой торговли говорили осторожно, мягко, с намеками. «Германское сельское хозяйство — первый и важнейший промысел, самая прочная опора империи и каждого отдельно взятого государства. Оберегать и укреплять его — это наша наипервейшая и наисерьезнейшая задача, так как развитие и процветание сельского хозяйства обеспечивают общее благо всех прочих отраслей»,— записал в своей программе реакционный Союз сельских хозяев.

Бисмарк, который по своему происхождению и образу мыслей был консерватором и который оказался достаточно умен, чтобы осознать последствия проведения в жизнь экономической политики, ориентировавшейся лишь на национальные интересы, очень долго тянул с тем, чтобы уступить давлению лоббистов — сторонников введения оградительных пошлин. Безучастно лавировал он между обоими фронтами, пока непредвиденные обстоятельства не привели его в боевую готовность. Это были две попытки покушения на императора в 1878 г. 15 мая некто Макс Хёдель стрелял в 81-летнего монарха, а 2 июня его тяжело ранил Карл Нобилинг.

«Получив известие о покушении Нобилинга, Бисмарк неожиданно остановился. Резким движением он вонзил свою дубовую трость в землю и произнес, облегченно вздохнув: «Вот теперь мы распустим рейхстаг!» И только после этого он осведомился о состоянии императора»,— описал эту сцену историк Эрих Айк. Духовное озарение было хорошо рассчитано. Оба покушения давали О. Бисмарку прекрасный повод одним политическим ходом сразу решить несколько проблем.

Жестокость как ответ на социальный вопрос

Ситуация в стране быстро изменялась в пользу консервативных сил. Поэтому в ходе новых выборов следовало рассчитывать на очевидное высказывание вотума в поддержку протекционистской политики. Одновременно можно было свалить на социалистов вину за оба покушения, а также грубо и жестко, т. е. в манере, присущей господствующим классам, ответить на социальный вопрос, становящийся для них все более неприятным.

Рейхстаг был распущен. В ходе новых выборов в рейхстаг, проводившихся стремительными темпами, за свободных консерваторов было подано 785 тыс. голосов, т. е. вдвое больше, чем на предшествующих выборах. Национал-либеральная партия потеряла 100 тыс. голосов. Историк Фриц Стерн так оценивает результаты выборов: «Победа, добытая в ходе кампании самой беззастенчивой дискредитации противника; поданный пример и его результаты означают нанесение большого ущерба политическому будущему Германии».

То, чего стремился достичь Бисмарк, было не просто изменение политического курса, но и установление совершенно нового порядка в империи. По его мнению, эпоха либерализма уже прошла, свободная игра сил пришла в расстройство, а посему вмешательство государства должно быть более активным. Канцлер вспомнил о своих собственных интересах, ведь он был крупнейшим землевладельцем, и последовал зову своих товарищей по сословию, требовавших «национальной» защиты.

Его отношение к неспокойному рабочему сословию было позицией строгого, но справедливого патриарха. И он надеялся, что разработанный им «государственный социализм» даст возможность справиться с революционным и более не управляемым рабочим движением. В концепцию всемогущего государства, вмешивающегося во все сферы хозяйства, включался также план полной национализации прусских железных дорог. Уже по чисто военным соображе-

ниям Бисмарк считал целесообразным установить контроль над важнейшим средством сообщения XIX в., а если он при этом что-то еще заработает, то тем лучше.

Невероятный закон

Казалось, пришел конец грюндерскому периоду. Отныне темпы экономического и технического прогресса определял не каждый отдельный предприниматель, обладавший мужеством и отвагой, а государство, которое должно было учитывать прежде всего интересы самых сильных в политическом отношении групп. Германия отгородилась от мировых рынков и установила высокие пошлины практически на все импортные товары. В результате группа крупных землевладельцев смогла еще в течение нескольких десятилетий удерживать свои ведущие позиции в империи. В остальном же протекционистская политика не дала больших выгод, поскольку депрессия продолжалась до 1896 г. Когда же экономическая жизнь стала оживляться, то это было вызвано не вмешательством государства, а тем, что предприниматели вновь осмелели и стали вкладывать в нее свои капиталы и создавать новые фирмы.

Опираясь на консервативное большинство в рейхстаге, Бисмарк положил конец либерализму также во внутренней и социальной политике. 21 октября 1878 г. правительство приняло Закон о социально опасных устремлениях социал-демократии («Закон о социалистах»), в котором наряду с прочим содержалось и следующее положение: «§ 1. Запрещаются объединения, которые своими социал-демократическими, социалистическими или коммунистическими устремлениями ставят перед собой цель изменить существующий государственный и общественный строй. Сказанное распространяется и на объединения, в которых социал-демократические, социалистические или коммунистические устремления, направленные на изменение существующего государственного и общественного строя, провозглашаются в форме, которая наносит ущерб общественному спокойствию, особенно согласию между различными классами населения. К объединениям приравниваются организации любого рода».

Тюремное заключение для социал-демократов

«§ 9. Распускаются собрания, на которых провозглашаются социал-демократические, социалистические или коммунистические устремления, направленные на изменение существующего государственного и общественного строя.

Запрещаются собрания, которые фактами подтверждают справедливость предположения о том, что они поощряют формирование устремлений, перечисленных в предшествующем абзаце. К собраниям приравниваются публичные торжества и шествия.

§ 10. Запрещение и роспуск относятся к компетенции полицейского управления. Жалобы подаются только в органы надзора.

§ 11. Запрещаются печатные издания, в которых социал-демократические, социалистические или коммунистические устремления, направленные на изменение существующего государственно-

го или общественного строя, провозглашаются в форме, которая наносит ущерб общественному спокойствию, особенно согласию между различными классами населения.

В периодических изданиях запрет может распространяться и на дальнейший выход его в свет, если на основе этого закона запрещается выход отдельного номера.

§ 17. Лицо, являющееся членом запрещенного объединения или осуществляющее деятельность в его интересах, подвергается денежному штрафу в размере до 500 марок или тюремному заключению сроком на 3 месяца. Этому же наказанию подвергается также лицо, которое принимает участие в запрещенном собрании или которое незамедлительно не удалится после роспуска собрания полицией.

Лица, которые принимают участие в работе объединения или собрания в качестве руководителя, распорядителя, агента, выступающего с речью, или кассира, или лица, которые призывают к проведению собрания, подвергаются тюремному заключению на срок от 1 месяца до 1 года.

§ 19. Лицо, которое распространяет, продолжает распространять или печатает вновь запрещенное печатное издание или издание, подлежащее временному запрету, подвергается денежному штрафу в размере до 1000 марок или тюремному заключению на срок до 6 месяцев».

Проведение собраний только с разрешения полиции

«§ 28. Для округов или населенных пунктов, в которых устремления, перечисленные в § 1, абзаце 2, создают угрозу общественной безопасности, центральные ведомства государств — членов федерации могут принимать с согласия бундесрата на срок не более 1 года и при условии, что таковых не имеется в земельном законодательстве, постановления о том, что

1. собрание можно проводить только после получения на него предварительного разрешения полиции; это ограничение не распространяется на собрания, проводимые в связи с официально объявленными выборами в рейхстаг или земельные представительства;

2. распространение печатных изданий на общественных дорогах, улицах, площадях или в других общественных местах должно быть запрещено;

3. лицам, от которых можно ожидать нарушения общественной безопасности или общественного порядка, может быть запрещено пребывание в округах или населенных пунктах;

4. владение, ношение, ввоз или продажа оружия полностью или частично запрещаются или же обусловливаются определенными оговорками.

§ 30. Настоящий закон вступает в силу с момента его обнародования и действует до 31 марта 1881 г.»

Действие «Закона о социалистах», принятие которого означало, что рабочее движение развертывается в условиях военного положения, продлевалось четырежды. Он сохранял свою силу до 30 сентября 1890 г.

Глава II
ПРОЛЕТАРИИ ТОЖЕ МОГУТ БЫТЬ ГРЮНДЕРАМИ

Хотя история грюндерства является в первую очередь историей предпринимателей, тем не менее, не бросив взгляда на социальные отношения, характерные для тогдашних фабрик и заводов, и на положение работавших там людей, едва ли можно разумно объяснить многие ее стороны. Поэтому позволим себе здесь краткий ретроспективный взгляд на состояние рабочего движения после революции 1848 г., революции, которая в действительности не была таковой.

Вступление народов Центральной Европы в индустриальный век, разумеется, не было следствием их бедственного материального положения. На протяжении столетий люди этого региона жили хуже или по меньшей мере не лучше, чем в 30-х—40-х годах XIX в. И хотя современная историография склонна объяснять исторические процессы происходящими в мире изменениями общественных условий, трудно оспаривать тот факт, что решающие импульсы для новых направлений развития исходили от отдельных лиц. Поэтому история грюндерского периода является одновременно и историей неординарных личностей.

Те или иные изобретения всегда свершались отдельно взятыми индивидами, они же принимали решения о создании новых промышленных предприятий. Они же, где только могли, добывали необходимые для этого ресурсы: капитал, материалы и сырье, людей. Те, кто следовал за ними и становился экономически зависимым от них, не были еще «рабочими» в собственном смысле слова. Ими они стали лишь на современных промышленных предприятиях. До этого они трудились преимущественно в сельских местностях как поденщики или ремесленники. На фабрики они отправились по собственной воле, поскольку там они получали больше денег и, несмотря на напряженный 12-часовой рабочий день, легче зарабатывали себе на жизнь, чем до этого.

Новые промышленные районы

В результате увеличения количества предприятий и численности занятых на них людей в Германии возникли целые промышленные районы. В то время к ним относились средняя часть Рейнской области, включая левый берег Рейна, королевство Саксония, особенно окрестности Хемница и Плауэна, Южная Вестфалия, Верхняя Силезия, а также местности, прилегавшие к Франкфурту-на-Майне, Мангейму, Мюнхену и Нюрнбергу. Одновременнно возник совершенно новый слой населения, который бюргерство несколько презрительно именовало пролетариатом. Однако перед революцией 1848 г. этот слой в целом еще не играл значительной роли.

Например, во всей Пруссии в 1846 г. проживало 16 285 тыс. человек. Из них только 550 тыс. были фабричными рабочими.

Одновременно насчитывалось 453 тыс. мастеров-ремесленников, 380 тыс. подмастерьев и учеников, 1,4 млн. сельскохозяйственных рабочих. На фирме Круппа в Эссене, ставшего впоследствии крупнейшим работодателем Германии, в тот момент работало всего 110 человек. Из них лишь одна треть проживала в окрестностях Эссена, в то время как остальные в своем большинстве являлись выходцами из Верхней Силезии.

Большую роль в то время еще играла работа на дому, так как для предпринимателей это было самым простым и дешевым способом быстрейшим образом наладить промышленное производство. Рабочие-надомники жили, главным образом, в отдаленных лесных районах Силезии, Саксонии, Тюрингии, Франконии или Бадена, где было мало других возможностей найти работу. Кроме текстильных и галантерейных товаров и различных скобяных изделий, они изготовляли также корзины, коробки, ножи, напильники, иголки, резные изделия из дерева, спички, курительные трубки, игрушки, часы и музыкальные инструменты.

«Жри, если хочешь, траву»

Рабочие-надомники явились той группой германского населения, которые подняли первое в период грюндерства восстание, направленное против существующих социальных порядков. Восставшие ткачи-надомники из Петерсвальдау в горных районах Силезии, которые в начале 90-х годов вдохновили Герхарта Гауптмана на написание своей известной драмы «Ткачи», протестовали, однако, не столько против нищенской оплаты своего труда. В действительности их мучил страх перед потерей самих источников их скудного существования. Они опасались новых ткацких станков, которые, как они предполагали, отнимут у них последнюю возможность зарабатывать себе на хлеб.

И действительно, социальные условия в тех отдаленных районах были ниже всякой критики. Ткачи, как они сами признавали впоследствии на допросах после подавления восстания, питались отрубями, похлебкой и вонючей кониной, спали на хворосте и одевались в лохмотья. Их хозяин — фабрикант Цванцигер — платил им в день от 2,5 до 3-х грошей серебром (130 серебряных грошей = 1 талеру). Для сравнения укажем, что фабричный рабочий аналогичной квалификации на хлопкопрядильных фабриках Кёльна получал в это же время 2,5 талера в неделю.

Сверх того силезские ткачи-надомники должны были оплачивать своему работодателю даже стоимость шпулей (бобин), с которыми они работали. Кроме того, помещик взимал с них еще определенную мзду за разрешение заниматься промысловой деятельностью на его земле.

Цванцигер считался особенно скаредным работодателем. Он платил рабочим по сравнению с другими предпринимателями более низкую заработную плату и заставлял ткачей после сдачи ими своей продукции долго ожидать получения денег и новой пряжи, необходимой для продолжения работы. Когда один из ткачей пожаловался, что ему больше нечего есть, фабрикант ответил ему: «Трава нынче особенно сочная, ты можешь, если хочешь, жрать ее».

Бушующая толпа на улицах деревни

В голодном 1844 г. положение с пропитанием для домашних ткачей стало особенно критическим. Один местный, оставшийся неизвестным поэт выразил эту нужду в следующих рифмованных строках:

Здесь у нас в местечке суд
Похлеще прежних фем.
Тут даже приговор не ждут,
Чтобы покончить с тобой.
На медленную в муках смерть здесь человек обречен.
Мы все здесь словно в мрачной камере тюрьмы.
Лишь слышимый отовсюду стон
Свидетель нашей несчастной судьбы.

Это стихотворение, повествующее далее об отвратительных подробностях из жизни домашних ткачей, быстро облетело весь Петерсвальдау, передаваясь из уст в уста. Некто, умеющий писать, изложил его на бумаге, и вскорости оно было распространено повсюду в виде многочисленных листовок. Один из ткачей прикрепил одну из них к стене цванцигеровской фабрики. Фабрикант поднял на ноги полицию, которая арестовала человека, распевавшего на улицах Петерсвальдау песенку на слова этого стихотворения. Это явилось искрой, приведшей к ухудшению и без того возбужденного настроения ткачей.

Они гурьбой направились к фабрике Цванцигера, потребовали немедленной выдачи арестованного товарища, а заодно и повышения зарплаты. Поскольку Цванцигер никак не отреагировал на это, они вышвырнули мебель из окна его дома, потом ворвались на фабрику, разбив все ткацкие станки. Окрыленная своим «успехом», горланящая толпа двинулась вдоль улицы деревни, разграбила винный погреб и бросила в воду священника. Между тем Цванцигер пытался успокоить скандалистов, срочно организовав распределение среди жителей деревни хлеба, соли и денег.

Когда разбушевавшаяся орава несколько успокоилась, служащие и слуги фабриканта перешли в наступление на рабочих, обратив их в бегство. Цванцигер тем временем оповестил о случившемся близлежащий гарнизон, военные выступили. Солдаты открыли огонь по взбунтовавшейся толпе. 10 ткачей были убиты на месте, многие тяжело ранены. Командир части приказал арестовать около 50 ткачей, из них 18 были осуждены за подстрекательство к мятежу.

Страх буржуа перед пролетариями

Восставшие своим выступлением не могли ни предотвратить введения новых более производительных ткацких станков, ни существенно улучшить свое собственное положение. Их революционное воодушевление фабрикант Цванцигер довольно легко выменял за пару продовольственных пакетов и несколько более человеческое обращение.

Однако произошедшее в 1844 г. восстание ткачей не оказалось напрасным. С одной стороны, оно стало важнейшей вехой нарождающегося рабочего движения, с другой — превратилось для промышленной буржуазии в постоянно преследующий ее кошмар.

Восстание открыло собой столетие борьбы промышленных рабочих за более высокую зарплату, лучшие условия труда и сохранение своих рабочих мест. В Петерсвальдау был впервые со всей беспощадностью поставлен на повестку дня социальный вопрос.

«Внезапная жестокая вспышка гнева испугала правящую бюрократию, а одновременно и верхние слои буржуазии во всех промышленных районах, ибо где-то в самой глубине городских социальных недр возник голодающий, лишенный средств к существованию, а часто и крыши над головой, невежественный и деморализованный «пролетариат». Не поднимется ли он в один прекрасный день?» Так описывала историк Хедвиг Вахенхайм ситуацию перед революцией 1848 г.

«Грюндеры» рабочего движения

Основная проблема развивающегося рабочего движения заключалась в том, что самого «рабочего», собственно говоря, еще не было. Происходящие то там, то здесь собрания объединяли левых студентов и интеллектуалов-фанатиков наряду с ремесленниками-подмастерьями, преисполненными сознания своей сословной принадлежности; лишенных собственности сельскохозяйственных рабочих; коренных ремесленников-мастеровых; политических радикалов вместе с католическими священниками; хорошо зарабатывающих рабочих-сталеваров наряду с полуголодными поденщиками. Формирование из суммы противоречивых интересов этой разнородной массы единого, руководствующегося ясной политической программой движения, несомненно, принадлежит к самым значительным свершениям грюндерского периода.

И действительно, «грюндеры» немецкого рабочего движения были фигурами, которые по формату и самобытности могли сравниться с любым предпринимателем. К ним принадлежал Карл Маркс, родившийся в 1818 г. в Трире сын еврейского адвоката, ставший властителем дум последующих поколений, но всю свою жизнь остававшийся загадкой для своих пролетарских современников.

«Коммунистический манифест», который он вместе со своим другом Фридрихом Энгельсом опубликовал в феврале 1848 г., прочли в Германии лишь очень немногие. Рабочие, которым он в конечном счете был адресован, не знали толком, как применить программные установки обоих интеллектуалов, портреты которых впоследствии колыхались на развивающихся флагах и знаменах Социал-демократической партии Германии. Вот некоторые выдержки:

«История всех существовавших обществ была историей борьбы классов... Угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытную, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов. Наша

эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса — буржуазию и пролетариат...

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество...

Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит, прежде всего, своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны».

Ну что ж, редко какой-либо пророк был столь основательно опровергнут историей, как Карл Маркс. И тем не менее он оказал на мышление и умственный кругозор людей влияние более неизгладимое, чем все философы со времен Аристотеля.

«Пусть льется кровь!»

Когда в начале марта 1848 г. перекинувшись из Франции, в Германии вспыхнула революция, интересы рабочих играли в ней лишь второстепенную роль. Призывы, звучавшие на баррикадах от Хайдельберга до Берлина, были взяты не из «Коммунистического манифеста», а позаимствованы из давнишнего репертуара бюргерства, веками остававшегося связанным путами феодальных ограничений. Восставшие провозглашали: «Смерть тиранам» «Пусть льется кровь», «Сбросим с себя ярмо рабства», а не «Повышение заработной платы» или «Долой машины». Конечно, пролетарии составляли большинство революционеров, но тон задавали студенты и мастера-ремесленники. Типичной в этом отношении была ситуация в Берлине. Когда до города дошли известия о восстаниях в Бадене и Рейнланде, нетерпеливые революционеры вышли на улицы города, потребовав свободы печати, независимости юстиции, права создания союзов, включая возможность проведения собраний, создания отрядов гражданской обороны и созыва общегерманского парламента. 17 марта король уступил и ввел в Пруссии свободу печати, а через день он преобразовал кабинет, назначив министрами либеральных рейнцев Лудольфа Кампхаузена и Давида Ханземана.

Но уже в тот же день вспыхнула борьба, поскольку король остался глух к основным требованиям восставших: немедленный отвод войск из города показался ему слишком рискованным делом. Фридрих Вильгельм IV отдал приказ открыть огонь по восставшим, и уже к вечеру улицы были усеяны телами 183 убитых людей. Лишь после этого монарх приказал вывести войска из города.

Через три дня он оказался вынужден лично почтить память погибших во время мартовских боев. Повязанный шарфом, имевшим красный, черный и золотой цвета, символизирующие столь

желанную народом немецкую республику, он проехал верхом на коне по улицам города, сопровождаемый постоянно увеличивавшейся толпой, которая состояла из гражданского ополчения, защитников баррикад и просто зевак. Но это своеобразное шествие сохранило дому Гогенцоллернов прусскую корону и власть еще на добрых 70 лет.

В этой революции рабочие выступили на стороне буржуазии, поскольку промышленному пролетариату тогда еще совсем не было ясно, что он может хотеть чего-то иного, нежели буржуазия. Хотя в его рядах было немало умных и дальновидных вождей, однако они были заняты решением более неотложной задачи: организацией и объединением пестрых рядов своих приверженцев.

Заниматься политической деятельностью не могут

Такие крупные философы, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, мыслившие масштабами всемирной истории, были непригодны для повседневной будничной политической деятельности. Маркс не пошел на баррикады, а по возвращении из брюссельского изгнания на взятые в долг 6000 талеров быстренько основал *Новую Рейнскую газету,* которая, однако, уже через год снова была запрещена. При поддержке своего друга Энгельса, отпрыска состоятельной купеческой семьи из Вупперталя-Эльберфельда, высланный тем временем из Германии теоретик начал в Лондоне работу над своим основным трудом «Капиталом», в то время как его ученик Стефан Борн, типографский наборщик по профессии, основал в Берлине первую немецкую национальную организацию рабочих.

Однако самой блистательной фигурой в лагере пролетариата был, несомненно, Фердинанд Лассаль, холеного вида эстет и прирожденный оратор. Родившийся в 1825 г. сын еврейского торговца шелковыми товарами из Бреслау сначала намеревался — под влиянием произведений Генриха Гейне и Людвига Бёрне — стать писателем. Однако этот фанатик справедливости с аристократическими манерами, изучавший в Берлине философию — прежде всего Гегеля и Гераклита,— стал, как он впоследствии сам признавался, «с 1840 г. революционером и с 1843 г.— убежденным социалистом».

Лассаль и поруганная графиня

Известность Лассаль приобрел, однако, не столько своими философскими откровениями, сколько благодаря своей афере с графиней Софьей фон Гацфельдт. Ему было 22 года, когда он, только что возвратясь из Парижа, познакомился в Дюссельдорфе с графиней, бывшей старше его на 20 лет. Софья фон Гацфельдт, честолюбивая, умная и волевая женщина, как раз намеревалась возбудить дело о разводе со своим мужем, и некоторые из друзей Лассаля хотели ей в этом помочь. Муж Софьи, один из богатейших магнатов Нижнего Рейна, весной 1847 г. подал жалобу, в которой обвинял ее в «непрерывных нарушениях супружеской верности» и упрекал ее в «являющихся вызовом брачным узам блужданиях по всему свету с благородными рыцарями всех видов». Лассаль и его друзья были

восхищены борьбой, которую вела аристократка, стремясь эмансипироваться от своего пользовавшегося политическим влиянием домашнего тирана. Дело «Гацфельдт против Гацфельдта» показалось им симптоматичным как пример борьбы всех угнетенных за свое освобождение, и когда молодой студент философии лично познакомился с графиней, то он решил отнестись к ее делу как к своему собственному.

Годы спустя Лассаль, ставший к тому времени вождем немецкого рабочего движения, признавался, почему он так рьяно вступился в защиту прав Софьи фон Гацфельдт: «И вот я, бессильный молодой еврей, восстал против всего, что олицетворяло собой самые могущественные силы, я один против всех — против силы, создаваемой положением и аристократическим происхождением, против власти безграничного богатства, против правительства и чиновников всех мастей — этих естественных союзников рангов и богатства — и против любых предрассудков».

Классовая борьба из-за любви

Молодой бунтарь, влюбившийся в свою подзащитную, превратил бракоразводный процесс в политическое мероприятие. Двум из его друзей удалось похитить у любовницы графа Гацфельдта шкатулку с документами, которые могли быть использованы для укрепления позиций графини. Лассаль, обвиненный перед судом в воровстве, в свою очередь развернул беспримерную обвинительную кампанию против аристократа-богатея.

В бесчисленных статьях, речах на собраниях рабочих и перед лицом судей он разоблачал сомнительные сделки и моральные проступки своего противника, так что каждому становилось ясно — на этом процессе речь идет не о семейной ссоре, а о «низости господствующего класса». При поддержке крестьян и сельскохозяйственных рабочих молодой трибун сумел проникнуть даже в господское имение Гацфельдта, чтобы произнести подстрекательскую речь «в логове самого льва».

Карл Маркс, ценивший ораторский талант Лассаля, но вообще принципиально не доверявший ему, создавал ему своего рода огневое прикрытие, постоянно освещая этот процесс в своей газете. По всей видимости, К. Маркс больше восхищался графиней, чем ее защитником. Так, в одном из писем Ф. Энгельсу он писал, что она обнаруживает «несравненно больше политического рассудка», чем Лассаль. Поэту Георгу Гервегу К. Маркс также признавался: «В единоборстве со своим мужем эта женщина обнаружила большую энергию, необычную для *немки*».

Экстравагантная женщина

Графиня Софья фон Гацфельдт, описанию жизни которой историк Хельмут Хирш посвятил поучительную книгу, в любом отношении действительно была необычайной женщиной. Она разорвала брачные узы с бесчувственным, нелюбимым и властным супругом, в течение многих лет ожесточенно боролась за свои права

и потом пошла на связь с этой горячей головой — Лассалем, который мог бы годиться ей в сыновья.

Политическая деятельность ее молодого возлюбленного настолько импонировала графине, что она, презрев все классовые барьеры, заключила союз с «буржуазией, мелкой буржуазией и пролетариатом» — по выражению ее биографа Хельмута Хирша — для борьбы против представителей собственного сословия. До самой смерти Лассаля она вместе с ним принимала активное участие в немецком рабочем движении и в качестве его душеприказчицы она еще в течение долгого времени после этого активно влияла на борьбу различных направлений этого движения. Так, после раскола Всеобщего германского рабочего союза в 1868 г. она возглавила сторонников Лассаля, образовав оппозицию объединениям Бебеля и Либкнехта.

Фердинанд Лассаль, ставший благодаря делу Гацфельдтов известным далеко за пределами Рейнской области, несколько раз подвергался аресту, тюремному заключению и денежным штрафам, но это лишь способствовало росту популярности этого обладателя ораторского дара среди рабочих кругов. Так как графиня в благодарность за его деятельное участие в ее бракоразводном процессе назначила ему пожизненную ренту, ему никогда не приходилось заботиться о заработке и всю свою энергию он мог отдать политической борьбе.

Маркс считал Лассаля мелкотравчатым

В противоположность Карлу Марксу, который следил за революцией с высоты своих теоретических концепций, как с наблюдательной вышки, Лассаль с головой окунулся в повседневную политику. Для него речь шла не о том, чтобы оказаться правым перед историей, а о том, чтобы как можно быстрее завоевать реальную политическую власть. Его программа была кратка и ясна: рабочее сословие должно организоваться в самостоятельную политическую партию, сделать своим лозунгом достижение всеобщего и равного избирательного права и добиваться представительства в законодательных органах.

Маркс считал эту тактику мелкотравчатой, надеясь на большую революцию, которая полностью и на вечные времена передала власть в руки пролетариата. На лондонской всемирной выставке 1862 г. дело дошло до окончательного разрыва между двумя столь различными людьми. Поводом послужил отказ Маркса возвратиться в Германию и возглавить рабочий союз, к созданию которого стремился Лассаль. Маркс презрительно назвал своего прежнего ученика «сектантом». «Секта», которую Фердинанд Лассаль в 1863 г. в конце концов основал, явилась Всеобщим германским рабочим союзом, организационно объединившим различные течения рабочего движения Германии и ставшим боевым авангардом ее пролетариата. Лассаль стал первым президентом союза сроком на 5 лет. Возможно, история немецкого рабочего движения сложилась бы иначе, останься этот талантливый демагог и организатор во главе союза хотя бы в течение всего этого срока предоставленных ему полномочий. Однако Лассаль, о котором Бисмарк сказал: «Это

был один из самых остроумных и приятных людей, с которыми мне когда-либо приходилось общаться», ушел из политики так же, как и вошел в нее: через авантюру.

«Елена должна быть моей!»

После своей триумфальной агитационной поездки по Рейнской области в 1864 г., во время которой его выступления ликованием встречались тысячами слушателей, он писал графине Гацфельдт: «Меня не покидало ощущение, что так примерно должно было все выглядеть при возникновении новых религий»; он снова по уши влюбился в одну красавицу. Елена фон Дённигес, дочь баварского дипломата, познакомилась с рабочим вождем в Берлине и посетила его затем в Швейцарии, где Лассаль. намеревался передохнуть несколько дней у подножия горы Риджи. Обоим влюбленным с самого начала было ясно, что отец Елены никогда не даст своего согласия на свадьбу, так как в его глазах Лассаль был своего рода бандитом, обкрадывавшим порядочных людей и постоянно вынужденным в судебном порядке защищаться от обвинений в уголовных преступлениях.

Романтически настроенная девушка была поэтому склонна бежать за границу, чтобы там выйти замуж за своего возлюбленного. Самонадеянный рабочий вожак отказался, однако, от этого плана, потому что надеялся добиться от старого Дённигеса согласия на женитьбу. Обиженная до глубины души Елена вернулась к своим родителям, Лассаль, привыкший преодолевать все препятствия с наскоку, видел отныне перед собой только одну цель: поговорить со своим будущим тестем и убедить его в порядочности своих намерений. Но старый дипломат долго не соглашался принимать подозрительного для него «смутьяна». Лассаль признавался впоследствии: «Рабочий союз, политика, наука, тюрьма, все это для меня полностью поблекло: Елена должна быть моей!»

И на этот раз он добился своего. Старый Дённигес принял наконец неугомонного возлюбленного своей дочери и, поддавшись неиссякаемому красноречию Лассаля, согласился на брак. Новым неожиданным неизвестным в уравнении, которое, казалось, было близко к блестящему разрешению, оказалась сама закапризничавшая вдруг Елена. Считая задетым свое самолюбие, она ответила Лассалю отказом и демонстративно вернулась к своему прежнему суженому.

Смерть в результате смехотворной дуэли

Тут настала очередь Лассаля потерять голову. Он почувствовал себя выставленным на посмешище. В него закралось сомнение, годен ли он после этого позора вообще на роль руководителя рабочих. Находясь в состоянии аффекта, он направил отцу Елены и ее жениху, с которым она была помолвлена, письмо, содержащее оскорбление. Как и следовало ожидать, обрученный вызвал его на дуэль, и 28 августа 1864 г. в Женеве оба соперника направили пистолеты друг на друга. Фердинанд Лассаль был тяжело ранен и

скончался три дня спустя. Князь Отто фон Бисмарк, его соперник и партнер в крупных политических вопросах, выразил свое огорчение случившимся в следующих словах: «Я был бы рад иметь в качестве соседа по своему имению человека его таланта и духовного склада».

Более вескую причину сожалеть о смерти Лассаля имели 4600 членов Всеобщего германского рабочего союза и все, кто верил в победу пролетариата над дворянством и буржуазией. Ибо этому, как бы ниспосланному самим небом, руководителю едва ли можно было найти замену.

Его преемником на посту председателя Союза стал воспитанник иезуитского монастыря Иоганн Баптист фон Швайцер, родом из Франкфурта. По силе духовного и интеллектуального воздействия на окружающих он не шел ни в какое сравнение с Лассалем и в конечном счете потерпел жизненное фиаско из-за своих недостатков чисто личного плана. За «публичное совершение непристойных действий» он был арестован в Мангейме и осужден на 14 дней тюремного заключения. Он не обладал необходимым для руководителя личным авторитетом, был слабоволен и вместе с тем властолюбив и не умел учитывать особенности характера своих сотрудников.

Либкнехт и Бебель

Совсем другого калибра были двое других людей, выдвинувшихся позже в число лидеров немецкого рабочего движения,— родившийся в 1826 г. в Гисене будущий участник добровольческих вооруженных революционных отрядов Вильгельм Либкнехт и подручный токаря-столяра Август Бебель, появившийся на свет на 14 лет позже своего будущего соратника по партии. Оба основали в 1869 г. в Эйзенахе, после частичного распада лассалевского союза, социал-демократическую рабочую партию, зародыш сегодняшней СДПГ. Если Либкнехт считался научно образованным марксистом, то Бебель воплощал собой тип боевого рабочего несгибаемой воли. В своих речах он представал как абсолютно честный человек, так что даже такой едкий критик, как Франц Меринг, констатировал: «Бебель обладает прирожденным народным красноречием, он всегда как бы опережает своих слушателей, говоря именно то, что лежит невысказанным грузом у слушателей на душе и просится наружу». Идеи, которые Август Бебель так доходчиво высказывал, в большинстве своем принадлежали Либкнехту, и вместе они образовывали дуэт, который доставлял немало хлопот и самому́ хитроумному рейхсканцлеру. Оба уже в 1867 г. были избраны в рейхстаг и в течение десятилетий оставались членами этого собрания. Вожди германского рабочего движения были озабочены прежде всего тем, чтобы создать политический противовес занимающим господствующие позиции офицерам, юнкерам и крупным капиталистам. Социальные же условия на предприятиях за период, прошедший с революции 1848 г. до создания империи, изменились лишь незначительно. Ибо рабочие были все еще плохо организованы, чтобы заставить предпринимателей считаться со своими требованиями более высокой заработной платы, более гуманных условий труда и бо́льшей социальной обеспеченности.

Бесчеловечная «траковая» система

Продолжительность рабочего времени все еще составляла в среднем 90 часов в неделю, сотни тысяч детей моложе 14 лет и множество женщин работали по 13 часов в дневную и 11 часов в ночную смену, хотя принятый 9 марта 1839 г. закон об охране труда ограничивал продолжительность рабочего дня для детей 10 часами. Согласно официальному отчету прусского правительства, у многих из этих несовершеннолетних, используемых в качестве рабочей силы, были обнаружены признаки серьезного ущерба, нанесенного их здоровью: «Бледные лица, тусклые и воспаленные глаза, одутловатости на теле, раздувшиеся щеки, отекшие губы и крылья носа, опухшие железы на шее, злокачественная сыпь на коже и астматическое состояние... все это резко отличает их в смысле состояния здоровья от других детей той же социальной группы, но не работающих на фабриках».

Институт назначаемых правительством фабричных инспекторов существовал уже с 1839 г., с тех пор как барменский фабрикант Иоганн Шухард произвел шок в рейнском ландтаге своим подробным описанием бедственного положения детей на фабриках. Однако к первому прусскому закону о промысловом надзоре предприниматели, как установил историк народного хозяйства Фридрих-Вильгельм Хеннинг, не относились всерьез: «Возможности для контроля были слишком недостаточны, тем более что на первых порах она поручалась местным чиновникам и возведенным в ранг «промысловых советников» ремесленникам, фабрикантам и купцам».

Особенно ненавистна была рабочим так называемая траковая система, которая хотя и была официально запрещена в 1845 г., однако и после этого продолжала широко практиковаться на многих фабриках. Она означала не что иное, как то, что рабочие получали свою зарплату не в деньгах, а в виде товаров, которые они сами производили на фабриках. Этим хитрым приемом предприниматель сразу убивал двух зайцев — гарантировал заранее сбыт определенной части своей продукции, одновременно неплохо зарабатывая на этом, ибо вряд ли кто из его рабочих был в состоянии определить настоящие издержки производства продукта. Предприниматель мог поэтому спокойно установить завышенную расчетную цену, получая тем самым дополнительную прибыль.

Рабочим, от которых отделывались таким бесчестным способом, стоило, естественно, большого труда превратить свою «зарплату» в деньги, чтобы купить затем на них продукты питания. В те времена «манчестерского» капитализма у трудящихся не было ни выходных дней, ни отпусков. Работа продолжалась почти круглые сутки и в самых отвратительных условиях.

Четыре человека в одной постели

Как жила тогда семья рабочего-надомника, описывает современник той эпохи, историк народного хозяйства Эмануэль Закс в своей книге об игрушечном промысле в Тюрингском лесу: «Подобные жилища состоят обычно из основной комнаты и каморки, помеще-

Фердинанд Лассаль

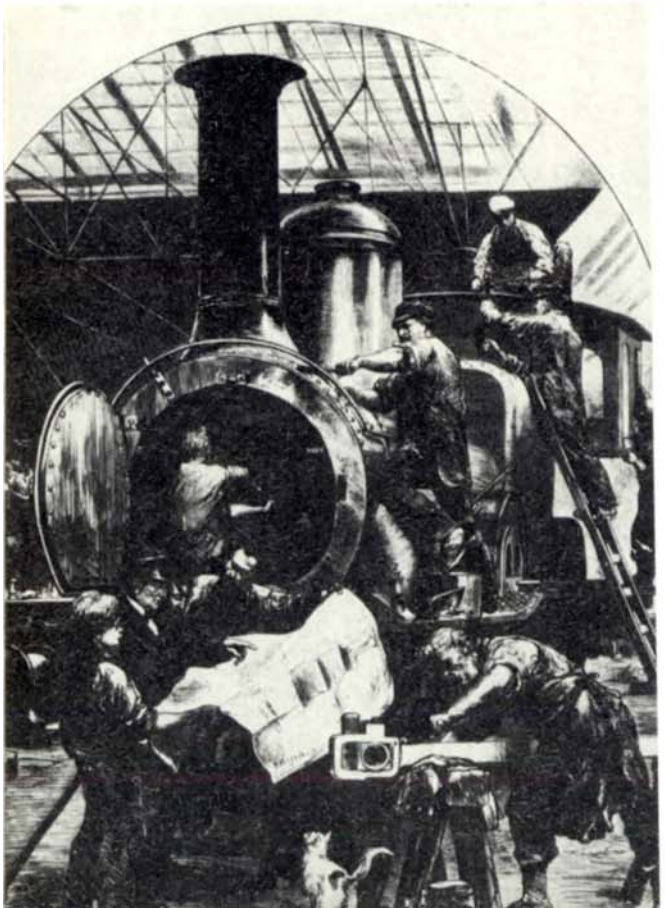
Графиня Софья фон Гацфельдт

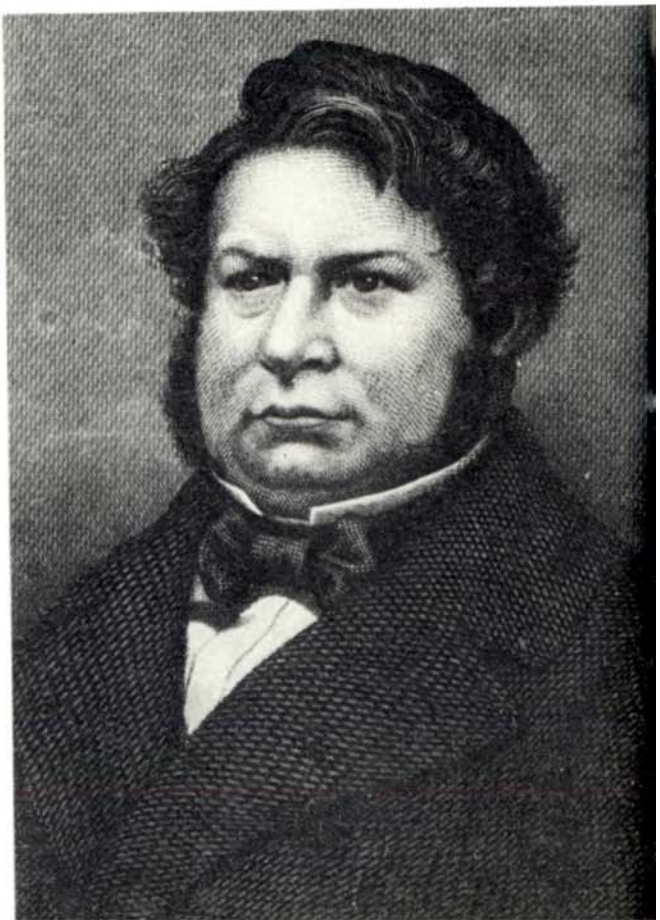
Начало забастовки в Гамбурге (1850)

Первый паровоз, построенный на предприятиях Борзига (1841)

Сборка паровоза на берлинских предприятиях Борзига (с картины Пауля Майерхайма)

Август Борзиг, создатель первого немецкого паровозостроительного предприятия





Сын Аугуста Борзига на празднике урожая в своем имении Грос-Бениц

В этой городской вилле, принадлежавшей семейству Борзигов, после окончания второй мировой войны состоялась конференция четырех держав

«Бремен», первый океанский пароход «Северогерманского Ллойда» (1858)

Более 1 млн. человек покинули Германию на борту океанских пароходов

Памятник в Нидервальде

Мастерская художника Ханса Макарта в Вене (80-е годы XIX в.)

Известная картина Х. Макарта «Смерть Клеопатры»

Художник Адольф фон Менцель в одном из кафе на Потсдамской площади

«Грех», типичная картина периода грюндерства, написанная Францем фон Штуком

Syphon
A. M. Esq.

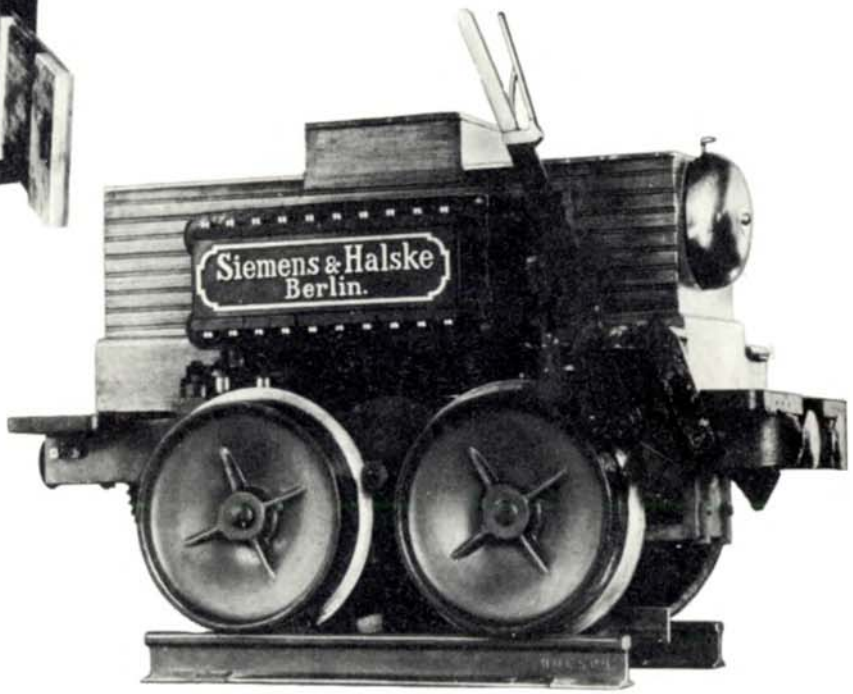
DIE SUENDE

«Стеклянный дворец» на Всемирной выставке в Лондоне (1851 г.)

Использование стекла в архитектуре характерно и для павильона на Парижской выставке (1855)

Первый стрелочный телеграф, построенный на предприятиях Сименса (1856)

Первый электровоз в Германии (1879)

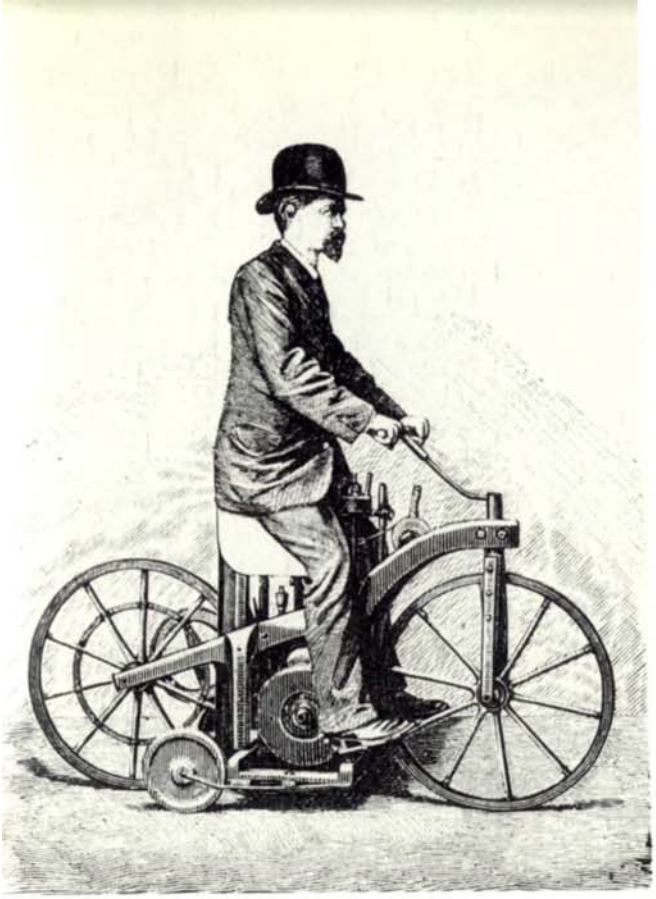


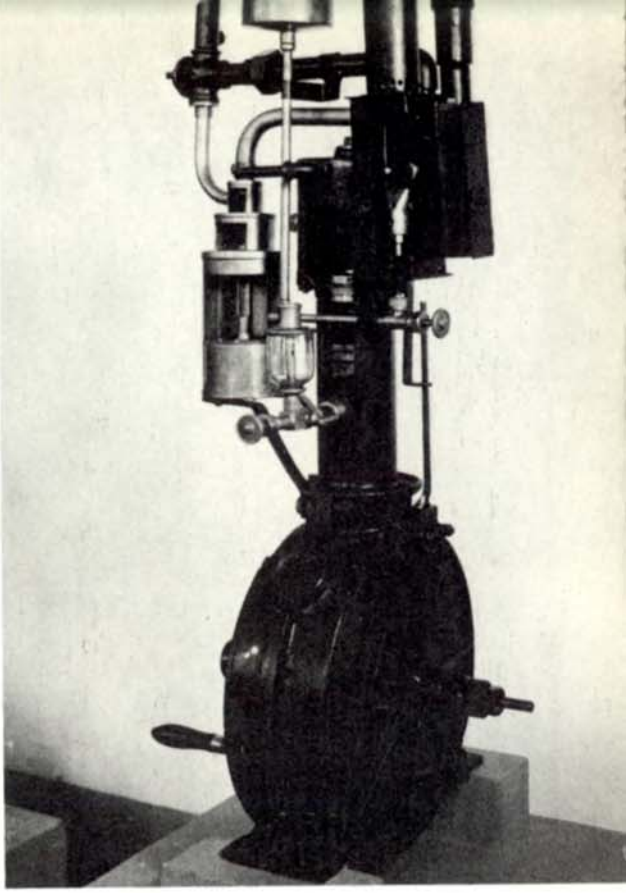
Морское судно-кабелеукладчик «Фарадей»

Вернер фон Сименс со своей второй женой (1870)

Паровой плуг Макса Эйта означал прогресс сельскохозяйственного производства

Цех на заводе Хартмана в Дрездене





B. ANILIN- &
SODA-FABRIK
STUTTGART
1885
P. Schnorr

«Мотоцикл» Готлиба Даймлера (1885)

Первый автомобильный двигатель внутреннего сгорания Даймлера и Майбаха (с накальным зажиганием)

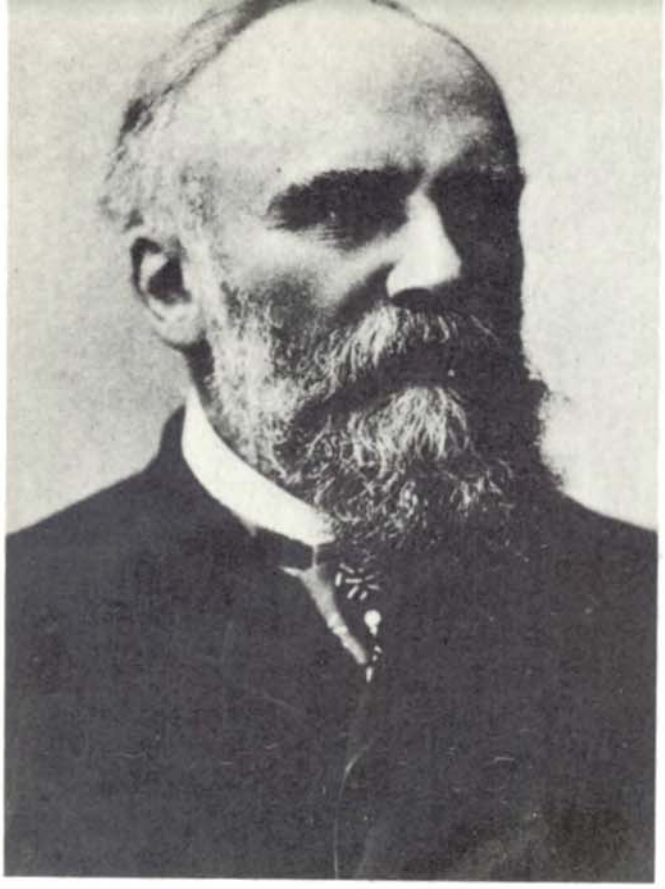
Карл и Клара Бенц на собственном автомобиле «Виктория» (1893)

Прейскурант фирмы «Бадише анилин- унд содафабрик» (1885)

Основное предприятие «БАСФ» через 16 лет после начала строительства

Химик Юстус фон Либих в своей лаборатории

Карл Дуйсберг, основатель концерна «ИГ Фарбениндустри АГ»



Ойген Ланген, крупный промышленник из Кёльна

Изобретатель двигателя внутреннего сгорания Николаус Аугуст Отто

Первый четырехтактный газовый двигатель внутреннего сгорания, созданный Н. Отто

ний с низкими потолками, забитыми до отказа предметами домашнего хозяйства и различными орудиями ремесленного труда. Внутреннее убранство безвкусно, обстановка бедная. И летом и зимой комната непрерывно отапливается, чтобы быстрее просыхал товар, расставленный на шестах и досках вокруг очага. В печь встроено нечто вроде котла для того, чтобы под рукой была горячая вода. Поднимающийся пар конденсируется в более прохладной каморке, служащей спальней, и повышает там влажность сверх нормального уровня. Основная рабочая комната, служащая одновременно и кухней и жилым помещением, где толкались дети, а мастер корпел над своими изделиями, обычно светла, а окна выходят на улицу: и хотя каморка нередко имеет приспособление для проветривания, проветривается она редко. В ней хватает места как раз для двух-трех кроватей, которые так тесно поставлены друг к другу, что между ними фактически не остается прохода; поэтому собирающийся воспользоваться ими обычно вынужден перелезать или перекатываться с одной кровати на другую. По ночам в каждую кровать укладываются по два человека, нередко в одной постели одновременно спят по 3, нередко по 4 человека — два головой в одну, два в другую сторону. Невольно отшатываешься при виде всей этой нищеты... Нетрудно себе представить, как обстоит дело с чистотой в подобных жилищах. Полы не подметаются в течение целой недели. За это время скапливаются целые кучи отходов от работы, которые удаляются лишь во второй половине субботнего дня, когда товар упаковывается для отправки в контору. Тогда вся домашняя утварь моется, чистится и скоблится, но уборки редко распространяются на спальную комнату, которая обычно остается привычно грязной...»

Всю жизнь один картофель

«Каково жилище — такова и пища»,— пишет дальше историк. «Ею в большинстве случаев служит картофель, подаваемый на стол во всевозможных видах. Его едят утром, запивая наваром цикория или жидким кофе, вторым завтраком служит хлеб с кофе. За обедом едят всевозможные картофельные блюда, к ним подают селедку и немного раздобытого у мясника сала; в наиболее бедных семьях вынуждены довольствоваться селедочным рассолом, именуя это селедочным бульоном (похлебкой)... «Картофель с самого утра, днем в похлебке, вечером вместе с кожурой — картофель всю жизнь» — этот стих дает представление о меню рабочих-надомников. Производство игрушек не обеспечивает жителей занятием в течение всего года, с конца ноября до начала марта среди них господствует полная безработица, начинающая постепенно уменьшаться лишь с наступлением пасхи. Эти зимние месяцы особенно ужасны в нагорной Тюрингии, в районе Оберланда. Сбережения кончаются почти сразу после рождества, приходится — хорошо ли худо ли — зимовать, используя отложенные на черный день запасы картофеля, или же население попадает в лапы мелких торговцев и ростовщиков...

Лишь начиная с мая к фабрикантам начинают все чаще и в больших количествах поступать новые заказы. Промысел вступает в пору сезонного оживления, достигающего своего пика в летние

месяцы — августе и сентябре... Стремясь максимально использовать этот короткий промежуток времени в 3—4 месяца, когда дело идет «по-настоящему», рабочий трудится с лихорадочной спешкой — только так он сможет обеспечить себе существование на следующий год. Действительно интенсивность, с которой работали тогда эти люди, превосходит все представления. И можно ли было вообще предположить, что человек с величайшим напряжением всех сил может работать по 18—20 часов в сутки, притом на протяжении не недель, а месяцев, в подобных жилищных условиях и при таком питании! Причем нередко случается, что с пятницы на субботу приходится работать всю ночь напролет, чтобы ко дню сдачи была готова вся заказанная партия...»

«...люди изможденны и болезненны»

«Последствия этого немыслимого образа жизни не заставляют долго себя ждать» — трезво констатирует Закс. «Они проявляются во внешнем облике людей, частой заболеваемости, высокой смертности. Несмотря на свежий лесной воздух, который дующий с высот ветер приносит в улочки поселков, люди имеют изможденный и болезненный вид, выглядят мрачными и невыспавшимися; они ходят ссутулившись, у них впалая грудь, хилое телосложение: такова раса производителей игрушек из Тюрингского леса!

В крестьянских селениях здоровые, хорошо сложенные дети, здесь исхудалые лица, сухая кожа — признаки плохого питания... Причиной смерти почти половины всех умирающих после 15 лет являются легочные заболевания. Основной контингент этого ужасающе большого количества легочных больных составляют формовщики и прессовщики. При приготовлении бумажной массы из тряпья, обрезков бумаги, мела и т. д. с добавлением клеевого раствора или отвара кожных отходов помещение тотчас наполняется пылью и невыносимой вонью. Последняя еще больше усиливается, когда вынутые из форм фигуры ставятся на просушку возле печки. При обработке рашпилем соединительных швов и зазоров и при окончательной чистке изделий выделяется особенно много пыли, которая содержит в себе различные минеральные частицы и, будучи вдыхаемой, вызывает катаральное состояние легких и, как следствие этого, чахотку...

Недельный заработок формовщика, работающего с полной нагрузкой и имеющего жену и ребенка, составляет от 12 до 15 марок, прессовщика — 7—9 марок».

Фабричным рабочим живется все же лучше

Описав в столь мрачных красках ситуацию рабочих-надомников, Закс затем приводит сравнение с положением рабочих, занятых в ближайшей мануфактуре по производству игрушек, констатируя следующее: «Нет никакого сомнения, что в целом рабочие, занятые на фабрике в Зонненберге, имеют по сравнению с самостоятельным мелким мастером более гарантированный доход, обеспечивающий ему более сносное существование. Фабричный мастеровой обеспе-

чен, как правило, работой в течение всего года, хотя и не всегда с полной нагрузкой. В выходные дни он может работать дома. Жена и дети, занятые в домашней промышленности, обычно полностью представляют свою рабочую силу в распоряжение хозяина дома, не учитывая отдельно затраченного времени и не получая никакого соответствующего вознаграждения в цене товара. Члены семьи фабричного рабочего имеют возможность самостоятельного заработка как на фабрике, так и дома. Хотя и фабричные помещения в осеннее время оказываются переполненными, тем не менее они просторнее домашних мастерских и не так душны. Хотя рабочий день и здесь весьма продолжителен (12—14 часов в сутки, не считая сверхурочных), тем не менее он все же ограничен определенным пределом, а сверхурочные оплачиваются отдельно, в то время как при домашнем промысле этой границей часто оказывается просто чисто физическая невозможность продолжать работу. И все это за зарплату, которая лишь удерживает душу в теле. И тем не менее мелкие мастера всеми силами противятся переходу на фабрику! На это есть свои причины. Пока мастер сохраняет самостоятельность, он считает, что он сам себе хозяин. Он голодает, но голодает в четырех стенах своего дома, он нищий, но на свой собственный риск и страх. На фабрике ему ведь тоже ничто не достанется даром, но он потеряет свою свободу. Он не хочет отправляться на работу и уходить с нее по команде под звон колокола. Он будет довольствоваться картошкой, если больше нечего есть, а может быть, и чем-нибудь лучшим, если позволяют обстоятельства. Не последнюю роль играют и соображения престижа — ведь в кругу коллег по стрелковому обществу или в пивной название «мастер» или «фабрикант» воспринимается совсем иначе, чем «фабричный».

Необходимо призвать «чернь» к порядку

Пролетарское сознание существовало тогда только в головах интеллектуальных вождей рабочего класса. Все бедняки — а к ним принадлежали как фабричный рабочий, так и поденщик, как подсобный рабочий, так и «пожизненные», не обзаведшиеся семьей подмастерья — рассматривались буржуазией как «пауперы», а дворянским сословием даже как «чернь», которую следует, когда ее поведение становится угрожающим, приводить в повиновение с помощью войск или полиции. Лишь немногие предприниматели, политики или представители духовенства видели в «пауперизме» проблему, которую необходимо было решить другим, более интеллигентным способом. Альфред Крупп, прототип патерналистски мыслящего предпринимателя-патриарха, которого, однако, трудно было заподозрить в симпатии социалистическим идеям, в 1858 г. основал потребительское общество, в котором его рабочие могли приобретать товары дешевле, чем в других магазинах, а пять лет спустя он начал строительство своих знаменитых заводских квартир. Строитель железных дорог Фридрих Харкорт и аахенский финансист Давид Ханземан, отец Адольфа Ханземана — соперника Бляйхрёдера, — также принадлежали к тому типу грюндеров, которые понимали, что капитализм сможет функционировать лишь в том случае,

если будет проявлена достаточная забота и о рабочих. Правда, «сэлф-мэйдмэны» германской промышленности и не помышляли о предоставлении своим рабочим права участвовать в делах фирмы или ее реорганизации. Но именно на это были направлены усилия политически мыслящих представителей немецкого рабочего движения.

Союзы подмастерьев и ссудные кассы

Среди либерально мыслящих представителей буржуазии тех лет было немало таких, которые хотели уничтожить эту противоположность интересов капитала и труда. Примером может служить родившийся в 1813 г. в Керпене близ Кёльна католик Адольф Кольпинг, который вначале работал сапожником, затем стал священником. Кольпинг отчетливо видел нужду лишенных постоянной работы ремесленников-подмастерьев и стал инициатором основания тех самых союзов подмастерьев, из которых впоследствии возникли знаменитая «кольпинговская семья» и существующий и поныне в рамках католической церкви «фонд Кольпинга». Христианская любовь к ближнему явилась также той движущей силой, которая побудила вестфальского барона Вильгельма Эмануэля фон Кеттелера заняться социальным вопросом. Будучи в 1848 г. только что избранным в немецкое национальное собрание, этот священнослужитель-аристократ произнес у могил убитых во время народного восстания депутатов (франкфуртского парламента.— *Прим. ред.*) генерала Ханса Адольфа Ауэрсвальда и князя Феликса фон Лихновского свою знаменитую надгробную речь, в которой он впервые высказал мысли, составившие впоследствии основу христианского социального учения. Барон фон Кеттелер, назначенный два года спустя епископом в Майнц, считал достаточное снабжение рабочих материальными средствами существования христианской обязанностью и выступал за справедливое распределение предпринимательских прибылей.

Скорее идеями либерализма, нежели христианским учением, руководствовался юрист Герман Шульце-Делич, создавший для помощи прежде всего ремесленникам и мелким предпринимателям те самые кредитные товарищества, из которых впоследствии возникли так называемые народные банки. Первоначально Шульце-Делич надеялся заинтересовать и рабочих своей идеей мелкокапиталистического партнерства. Однако он не учел, что у большинства пролетариев отсутствуют всякие предпосылки для самостоятельной хозяйственной деятельности. Фридрих Вильгельм Райффайзен, бывший на 10 лет моложе родившегося в 1808 г. Шульце-Делича, был также убежден в полезности таких организаций взаимопомощи, но и он имел в виду в первую очередь отнюдь не рабочих. Его интересовали главным образом мелкие сельские хозяйства. Он основал товарищество молокопроизводителей и ставшие предшественниками современных райффайзеновских банков ссудо-сберегательные кассы для финансирования мелкокрестьянских хозяйств.

Кооперация вместо конфронтации

Если подобные идеи еще могли найти для себя питательную почву среди сельских хозяев и мелких крестьян, то все попытки привлечь рабочих в лагерь буржуазии оказались обреченными на провал. Однако целью первых профсоюзов, возникших на немецкой земле, была не конфронтация, а кооперация. Уже основанные в 1848 г. барменский и эльберфельдский союзы, объединявшие рабочих ализариновых красилен, избегали, к большому разочарованию Фридриха Энгельса, классовой борьбы. Этот, по сути дела, первый немецкий профсоюз разработал тарифное соглашение современного типа, предусматривавший гарантированную минимальную зарплату (4 талера в неделю), фиксированную продолжительность рабочего дня (утром с 6 час. до 12 час., вечером с 1 час. до 7 час.), а также определенные мероприятия по обеспечению рабочих мест (предприятие не должно было брать на работу поденщиков). Пошедших на эти уступки предпринимателей организованные в профсоюз красильщики вознаградили тем, что в отличие от своих неорганизованных коллег во время рабочих волнений в мае 1849 г. продолжали спокойно работать. Обойтись без классовой борьбы надеялись также и основатели первых общенациональных профсоюзов. Книжный торговец Макс Хирш из Хальберштадта и Франц Дункер, один из основателей Немецкой прогрессивной партии («прогрессисты»), возникшей в 1861 г., проповедовали немецким рабочим «гармонию интересов капитала и труда». Своей целью хирш-дункерские профсоюзы ставили оказание помощи своим членам в случае болезни, похорон, странствий, нетрудоспособности и безработицы. Они планировали организацию касс, из которых производились бы выплаты в случае инвалидности, а также вынужденной перемены места жительства, намеревались заняться статистикой труда, посредничеством при трудоустройстве и охраной прав рабочих. Возможность стачек предусматривалась лишь в качестве крайней меры, в случае провала всех попыток со стороны различных третейских инстанций уладить трудовой конфликт мирным путем.

«Стачка» становится известной рабочим

Планы обоих умеренных профсоюзных грюндеров нашли отклик прежде всего у рабочих-машиностроителей. Но когда выяснилось, что финансирование этой обширной программы потребует высоких членских взносов, их воодушевление заметно остыло. Хирш и Дункер начали терять все больше своих сторонников, переходивших на сторону более радикальных профсоюзов, руководимых Августом Бебелем. Так же как предприниматели стремились до конца использовать возможности, открывавшиеся периодом грюндерства, находившегося тогда в самом разгаре, так и рабочие должны были сначала познать пределы своих возможностей. Поэтому все предпринимаемые в те годы попытки преодолеть противоположность интересов (капиталистов и рабочих.— *Прим. ред.*) были обречены на провал. Единственным средством борьбы за свои права, которым в то время располагали рабочие, была так называемая «стачка» («страйк»), как тогда еще по-английски называли прекращение работы.

Конец хирш-дункерских профсоюзов

Годы, прошедшие после революции 1848 г. до создания империи, в целом не были неблагоприятны для забастовок. За исключением кризисного 1857 г. и последовавшей затем легкой рецессии, продолжавшейся до 1860 г., германская экономика постоянно шла в гору. Типичным в этом отношении примером является опять же эссенская «стальная кузница» Круппа. Если в 1851 г. на предприятии было занято всего 704 человека, то десять лет спустя их было уже 2000, а в 1870 г. к началу франко-прусской войны целых 12 000.

Войны уже в то время оказывали положительное влияние на экономическую конъюнктуру, а с тех пор, как Бисмарк был назначен в 1862 г. прусским министр-президентом (канцлером.— *Прим. ред.*), (германская.— *Прим. ред.*) промышленность не могла пожаловаться на удовлетворение усилий, предпринимаемых государством в этом направлении. За шесть лет Пруссия провела три войны, а именно: сначала против Дании (1863/64), затем против Австрии (1866) и наконец против Франции (1870/71). Первые крупные забастовки произошли, как и следовало ожидать, в кризисном 1864 г.

В Лейпциге, центре книгопечатного и издательского дела, прекратили работу 500 типографских рабочих, требуя повышения зарплаты. Их примеру последовали гамбургские судостроители, лейпцигские и берлинские обувщики, берлинские каменщики, рабочие швейных предприятий Альтенбурга и красилен Вупперталя. Все эти забастовки не имели еще единого координационного центра, а были начаты по инициативе рабочих данных городов. И вследствие благоприятной конъюнктуры большинство работодателей было готово пойти на частичное удовлетворение требований рабочих.

Иначе сложилась ситуация летом 1869 г., когда горняки Вальденбургского каменноугольного бассейна основали хирш-дункерский профсоюз и тотчас же потребовали дополнительных социальных выплат. Сговорившись между собой, видавшие виды шахтовладельцы решили не признавать в качестве тарифного партнера показавшийся им опасным профсоюз. После этого 1 декабря 6400 из 7400 рабочих объявили забастовку. Профсоюзный лидер Макс Хирш, постоянно стремящийся к компромиссам с предпринимателями, настойчиво советовал вальденбуржцам не прибегать к забастовке. Тем не менее среди состоятельных друзей он собрал 30 000 талеров для помощи бастующим. Денег, однако, хватило ненадолго, и через восемь недель стачку пришлось прекратить, иначе горнякам пришлось бы умирать голодной смертью. Аналогичная судьба постигла рабочих текстильной фабрики в Форсте. Они тоже основали хирш-дункерский профсоюз, чтобы бороться за повышение заработной платы. И они также вынуждены были досрочно прекратить забастовку, так и не достигнув своей цели. Эти обе крупные забастовки 1869 г. означали практически конец хирш-дункерских профсоюзов.

Скудная зарплата за изнурительный труд

Каково было тогда финансовое положение рабочих, можно показать на примере Гамбурга. Содержание рабочей семьи из пяти человек обходилось в то время в 175,8 талера в год. В частности, расходовалось: на хлеб — 60 талеров, картофель — 50,3 талера, оплату жилья — 30 талеров, «отопление и освещение» — 9,5 талера, одежду — 20 талеров, разного рода ремонтные работы, лекарства и прочее — 3,5 талера. Годовая зарплата отца семейства составляла 160 талеров, т. е. на 15,8 талера меньше, чем было необходимо для обеспечения прожиточного минимума. Разница покрывалась женой, которая стиркой или уборкой в чужих домах прирабатывала примерно 20 талеров в год.

Так называемые гражданские профессии уже в то время приносили гораздо больший доход, чем труд промышленного рабочего. Учительница, например, зарабатывала от 180 до 350 талеров в год, старший учитель от 500 до 700 талеров, банковский служащий около 600, мастер-ремесленник до 1000 талеров в год. В Кёльне, после Берлина и Бреслау самом богатом городе Пруссии, лишь 5% населения, по данным тогдашней статистики, зарабатывали больше 400 талеров в год. В верхушке пирамиды доходов находились банкиры и — это являлось особенностью Кёльна — сахарозаводчики. Затем следовали врачи и аптекари, торговцы винами и кожами.

Наибольший — 60 000 талеров — доход в революционном 1848 г. получил кёльнский сахарозаводчик Карл Йост.

Забастовочная лихорадка в период грюндерского бума

Наиболее подходящим временем для борьбы (рабочих.— *Прим. ред.*) за увеличение дохода были, разумеется, годы дикого грюндерского бума 1870—1873 гг. Так как дела на предприятиях почти всех отраслей находились в процветающем состоянии, а новые акционерные общества основывались ежедневно, фактор «труд» оказался в дефиците. Хотя в прусские города непрерывно прибывали переселенцы из обедневших восточных областей, многим предприятиям не хватало квалифицированной рабочей силы. Немецкие рабочие инстинктивно поняли, что действие закона предложения и спроса в виде исключения сложилось в их пользу.

В своей книге «Немецкое рабочее движение 1844—1914 гг.» немецкий историк Хедвиг Вахенхайм так описывала тогдашнюю обстановку: «Рабочие были захвачены всеобщей надеждой на лучшие времена, всеобщей погоней за деньгами, жаждой деятельности. Они видели, как легко можно было заработать деньги, и были свидетелями подчеркнуто демонстрируемой роскоши. Однако удорожание снижало их жизненный уровень. И они решили потребовать свою долю в так легко зарабатываемых доходах. Разразилась, как говорили тогда, „забастовочная лихорадка“».

Эта лихорадка свирепствовала повсюду, но ей не хватало организованности. Профсоюзы и другие рабочие организации оказались слишком слабыми для ведения борьбы в общенациональном масштабе. Они чересчур много времени уделяли внутренним

спорам и общим политическим проблемам; и поэтому рабочие начали на собственный страх и риск добиваться того, что не смогли дать им (официальные.— *Прим. ред.*) представители их интересов. Забастовки в период необузданного грюндерства были всегда ограничены отдельным предприятием, в лучшем случае рамками местной отрасли. Они всегда были локализованы определенной местностью и, как правило, непродолжительны. Тем не менее они во многих случаях были успешными. Так как работодатели хотели максимально использовать благоприятную конъюнктуру, они часто шли на удовлетворение самых фантастических требований рабочих. Повышение зарплаты на 25 или даже 35% не было редкостью.

Реакция работодателей

Чем большего успеха добивались бастующие рабочие, тем конкретнее становились их требования: стали выдвигаться требования о сокращении рабочего времени, улучшении условий труда, участии рабочих в выработке правил внутреннего распорядка на предприятиях, проведении свободных выборов членов больничных касс, о смещении со своих постов мастеров, известных своим жестоким обращением с рабочими, наконец, о лишении предпринимателей права налагать денежные штрафы на руководителей стачек.

В Золингене точильщики ножниц забастовали потому, что предприниматели не полностью выплачивали им зарплату — в размерах более низких, чем было зафиксировано в тарифных соглашениях. Рабочие успокоились лишь после того, как предприниматели пообещали выплатить им приличное вознаграждение.

Владельцы фабрик были застигнуты врасплох широким стачечным движением местного характера и лишь к концу грюндерского бума начали разрабатывать совместные действия против бунтующих пролетариев. Так, например, Северогерманское объединение строительных предприятий 7 мая 1873 г. приняло целый каталог мероприятий против бастующих каменщиков и плотников-подмастерьев: «В округе, на который распространяются полномочия Северогерманского объединения строительных предприятий, ни один подмастерье не может быть принят на работу мастером без справки об увольнении с прежнего места работы. Тот, кто принимает на работу подмастерьев из другого округа или без справки об увольнении, обязан немедленно запросить о нем последнего работодателя или соответствующее учреждение и, если обнаружится, что нанимаемый принимал участие в частичной или общей забастовке, немедленно уволить его в ближайшую субботу...»

Многолетний идеологический спор

В то время как трудовые конфликты на предприятиях принимали все более ожесточенный характер, социал-демократические вожди рабочих занимались скорее политическими проблемами. Более важным делом, чем борьба за повышение зарплаты, им представлялся, например, вопрос о том, должны ли они во франко-прусской войне встать на сторону Парижской Коммуны или на сторону

классового врага пруссака Бисмарка. Когда Либкнехт в своей речи в Северо-Германском рейхстаге, обсуждавшем вопрос о конституции (Северо-Германского союза.— *Прим. ред.*), назвал дом Гогенцоллернов препятствием на пути действительного объединения страны, чаша терпения Бисмарка переполнилась.

17 декабря 1870 г. Либкнехт, Бебель и главный редактор социал-демократической газеты *Фольксштаат* по имени Хепнер были арестованы и обвинены в государственной измене. Однако главный сигнал к всеобщей травле социал-демократических лидеров консервативный рейхсканцлер протрубил лишь после грюндерского краха. Для рабочего движения тяжелые годы депрессии имели и свою хорошую сторону, ибо в 1875 г. «лассальянцы» и «эйзенахцы» прекратили свой многолетний идеологический спор и объединились в Социалистическую рабочую партию Германии (с 1891 г. Социал-демократическая партия Германии — СДПГ), которая уже на выборах 10 января 1877 г. сумела получить 9,1% всех голосов. Это в глазах Бисмарка крайне опасное развитие канцлер год спустя вознамерился пресечь с помощью радикального «закона о социалистах».

Глава 12
НАСЛЕДНИКИ РОТШИЛЬДА

В период грюндерства насчитывались тысячи смелых предпринимателей, в избытке были покладистые рабочие, не ощущалось нехватки в сырье и идеях. Не хватало лишь капитала. Зажиточные люди тех времен, как правило, не очень-то желали вкладывать свои деньги в рискованные начинания промышленности. Богатые землевладельцы, рантье и крупные торговцы предпочитали вкладывать свои капиталы в государственные займы, надежность которых обеспечивалась законом об опеке, ну а банков в сегодняшнем понимании этого слова тогда и вовсе не существовало.

В первой половине XIX в. финансы Германии находились примерно на том же уровне, на котором в наши дни осуществляются все финансовые операции в какой-нибудь развивающейся стране, например в Уганде или Бурунди. В германских княжествах существовало несчетное число «банкиров», но в большинстве случаев это были всего-навсего мелкие менялы, не обладавшие сколько-нибудь значительным собственным капиталом. Поскольку каждый князь придавал значение своей валюте, то торговец, скажем поставлявший ножи из Рейнланда в Вюртемберг или Курхессен, вынужден был считать деньги то в гульденах, то в талерах. Поэтому его денежное обращение представляло собой такой же сложный процесс, как и денежный оборот современного экспортного предприятия, поставляющего свою продукцию на рынки, разбросанные между Гонконгом и Буэнос-Айресом.

Важнейшей задачей крупных банкирских домов было установление размера учетного процента. Если, например, торговец сукном из Аахена продавал свой товар в Берлин, то он получал за него не наличные, а векселя с оплатой через три или шесть месяцев. Но поскольку ему предстояло немедленно оплачивать предъявлявшиеся на его имя векселя, он должен был уметь быстро обращать векселя в деньги. За соответствующее комиссионное вознаграждение (учетный процент) это обеспечивали ему ведущие «банкиры» крупных торговых центров. В 1846 г. на всей территории Пруссии в торговле деньгами было занято всего 1100 человек. Они были распылены по 442 банкирским домам. В большинстве случаев подобный «банкирский дом» состоял всего из двух человек — его хозяина и помогавшего ему работника. Во Франкфурте-на-Майне, крупнейшем в Германии центре денежного обращения, в 1855 г. насчитывалось не менее 109 частных «банкиров», хотя в городе была зарегистрирована всего 1131 фирма. Иначе говоря, каждая десятая фирма была частной меняльной конторой. Тогдашняя банковская система Германии была столь же мало пригодна для финансирования промышленности, как ножницы из маникюрного набора для ремонта паровоза.

Евреи держат в своих руках денежные сделки

С давних времен денежные сделки находятся в руках евреев. В средние века денежные операции оставались единственной сферой хозяйственной жизни, где им разрешалось свободно вести свои дела, так как цеха ремесленников преграждали им доступ в торговлю и к занятию ремеслами. И поскольку благочестивые немцы тогда еще не нарушали провозглашенный церковью канонический запрет на взимание процентов и не позволяли себе впутываться в предосудительное «ростовщичество», множество умных и умелых еврейских менял устремилось в образовавшуюся на этом рынке брешь.

С засильем евреев в ремесле, предметом которого являются деньги, покончили Фуггеры и Вельзеры, семейства крупных торговцев из Аугсбурга, которые поделили между собой весьма прибыльные ссудные операции с церковью, императором и королями. Но затем начался безудержный расцвет банковского дела, которым занимались только евреи, осуществлявшие денежные операции в Европе вплоть до середины прошлого столетия. Прототипом и не имеющим себе равных образцом для всех банкиров XIX в. был Мейер Амшел Ротшильд, основатель богатейшей и могущественнейшей финансовой династии из всех когда-либо существовавших до того времени на Земле.

Пика своего могущества Ротшильды достигли во времена Наполеона, когда сыновья Мейера Амшела роем вылетели из своего гнезда во Франкфурте-на-Майне и пооткрывали собственные банкирские дома в Лондоне, Париже, Вене и Неаполе. Словно гигантский паук, клан Ротшильдов протягивал в ту пору свои золотые нити к важнейшим финансовым центрам Европы. Не было ни одного государственного займа, ни одного многомиллионного кредита, ни одного крупного международного проекта, на котором не заработал бы один из Ротшильдов. Все немецкие банкиры высокого уровня брали с них пример. Они подражали их стилю и нередко зарабатывали на крохах от крупных сделок самих Ротшильдов.

Многие частные банкирские конторы занимались в ту пору денежными операциями в качестве побочного промысла, ссуживая под проценты то, что зарабатывали от торговли товарами. Именно так, начиная с первого незаметного шага, с создания небольших меняльных лавок, некоторые из них сумели стать членами международной финансовой олигархии. К их числу принадлежали бывший посредник Ротшильда Герсон Бляйхрёдер в Берлине, семейства Париш, Гольдшмидт и Хайне в Гамбурге, фирмы Бетмана, Гонтарда и Нёфвиля во Франкфурте-на-Майне, банкирский дом Зелигмана в Мюнхене, Й. Д. Херштатт, Й. Х. Штайн и Абраам Шаафхаузен в Кёльне.

Клан Оппенгеймов

Самым крупным финансовым кланом в низовье Рейна было семейство Оппенгеймов, которое в 1789 г. учредило в Бонне свой банкирский дом. Но уже через девять лет, когда прекратили гонения на евреев, они перенесли его в Кёльн. Подобно своим

кумирам Ротшильдам, они породнились с представителями европейской промышленной и финансовой аристократии. Если основатель династии Соломон осуществлял свои сделки преимущественно как «придворный еврей» курфюрстов, то его одаренные сыновья Абраам, Симон и Дагоберт очень рано стали заниматься финансированием растущей промышленности на Рейне и в Рурской области.

Старший сын Абраам считался одним из умнейших банкиров своего времени. Одним из первых он понял, что одних средств даже столь крупных частных финансистов, как Ротшильды, далеко не достаточно для того, чтобы удовлетворить неуемные потребности развивавшейся на западе Германии промышленности в капитале. Он был и тем, кто, невзирая на ожесточенное сопротивление Ротшильдов, способствовал усилению представлявшей смертельную опасность для собственной профессии конкуренции со стороны коммерческих банков, существовавших в форме акционерных обществ.

Отличительной чертой торговцев деньгами еврейского происхождения, которая наряду с их широкими личными и семейными связями создавала им превосходство над конкурентами, была способность рассматривать конкретное дело со многих сторон. Типичным представителем подобного интеллектуального подхода к деловой жизни был младший брат Абраама Оппенгейма Дагоберт. Он изучал юриспруденцию и философию до того, как в 1841 г. основал известную *Рейнскую газету,* предшественницу уже упоминавшейся *Новой Рейнской газеты,* либеральную газету, которая при нахождении Карла Маркса на посту ее главного редактора составляла сильную оппозицию прусскому правительству вообще и по вопросу цензуры печати в особенности.

Какие мысли занимали тогда голову молодого 33-летнего капиталиста Оппенгейма, явствует из одного его письма, которое адресовал 4 июля 1842 г. своему главному редактору: «Дорогой Маркс! Благодарю за только что полученную от вас статью, которую я пролистал в полной спешке. Она превосходна, только я опасаюсь, что этот гнусный цензор опять пройдется по ней своим ножом...» Своими статьями, имевшими определенную социальную направленность, газета Оппенгейма способствовала созданию климата, подготовившего почву для мартовской революции 1848 г. Разумеется, до самого восстания газета не дожила, уже 1 апреля 1843 г. она была запрещена прусским министром цензуры.

Оппенгейм потерял 80% вложенного капитала и отныне был по горло сыт общими рассуждениями на политические темы. Старшие братья никогда не оказывали на него ни малейшего нажима и не пытались склонить его к вступлению в банковское дело. Но вскоре высокообразованный экс-издатель сам начал проявлять интерес к выпуску ценных бумаг и доходам с них. И когда 6 февраля 1844 г. открылось первое общее собрание Кёльнско-Минденовской железнодорожной компании, на нем неожиданно возникла эта доселе заблудшая овца семейства банкиров в качестве одного из пяти директоров правления.

Аутсайдер Дагоберт Оппенгейм, вернувшийся в истэблишмент, наряду с Густавом Мевиссеном становится одной из самых заметных финансовых фигур рейнских железных дорог, Кёльнско-Дюссельдорфской пароходной компании и многочисленных про-

мышленных предприятий, таких, как «Бохумер ферайн фюр бергбау унд гусштальфабрикацион». Клан Оппенгеймов, помимо удачливых банкиров выдвинувший из своих рядов также ученых и деятелей искусства, еще и сегодня владеет в ФРГ одним из наиболее авторитетных частных банков. Миллиардное состояние, вложенное в земельные участки деловых кварталов крупных городов, административные здания, супермаркеты и высокодоходные участия в промышленных предприятиях в ФРГ и за рубежом, делает Оппенгеймов одним из богатейших семейств современности, в то время как потомки Бляйхрёдера, Дайхмана, Дельбрюка, Мендельсона и многих других банкирских семейств периода грюндерства уже давно опустились на уровень предпринимателей средней руки.

Пруссия не желает признавать акционерные банки

Повальное разорение частных банкирских домов началось в период, когда управляемые наемными менеджерами акционерные банки, обладавшие постоянно расширявшейся сетью филиалов, начали концентрировать у себя сбережения «маленького человека», этим путем накопили у себя колоссальные массы капитала и захватили в свои руки наиболее выгодный для этой сферы вид сделок — кредитные операции. Однако потребовалось необычайно много времени, чтобы эта новая форма банковского дела смогла утвердиться в Германии. Причиной тому было, во-первых, ожесточенное сопротивление некоронованных денежных королей, в первую очередь Ротшильдов, и, во-вторых, архиреакционная финансовая политика прусского правительства.

Либеральный Рейнланд, столь бурно развивавшийся в период грюндерства, всегда казался подозрительным берлинским бюрократам из финансового ведомства. Они стояли на стороне остэльбских землевладельцев и постоянно опасались ощутимого перевеса «индустриальных сил». Их предводителем был государственный министр Кристиан фон Ротер, ставший в 1837 г. главой Прусского банка, который, по его мнению, совместно с Королевским обществом морской торговли был призван осуществлять в Пруссии контроль над крупным капиталом. С частными банкирами после создания государственного банка было навсегда покончено. И это независимо от того, как их звали: Ротшильдами или Оппенгеймами. Но крупные анонимные акционерные банки могли стать финансовой силой, на которую прусское государство больше уже не могло оказывать никакого влияния. Поэтому необходимо было всячески препятствовать их деятельности. Наверняка Ротер не понимал тогда, что тем самым он тормозил рост промышленности и не раз ставил таких грюндеров, как Крупп, Ханиэль и Майер, на грань разорения.

Шаафхаузен терпит крах

Положение многих предприятий, учрежденных в 1848 г., было критическим. В делах царил застой, ощущалась нехватка денег,

армия безработных росла. В Восточной Пруссии и Верхней Силезии уже на протяжении года люди страдали от голода. В Берлине, например, паровозостроительная фабрика Борзига вынуждена была в марте уволить 400 рабочих. Не намного лучше было положение в Рейнланде. Самый крупный банкирский дом в Кёльне, принадлежавший Абрааму Шаафхаузену, находился на грани разорения. В надежде на высокую конъюнктуру глава банка коммерции советник Дайхман предоставил чересчур большие кредиты пионерам промышленности, в том числе и Альфреду Круппу.

Клиентами банка были 170 фабрик, численность рабочих на которых составляла 40 тыс. человек, а оборот достигал 50 млн. талеров. Если бы банк перестал функционировать, в Рейнской провинции возник бы хозяйственный хаос. Это было ясно в равной степени и магистрату Кёльна и Министерству финансов в Берлине. В то время в этом министерстве работал крупный торговец Давид Ханземан, родившийся в Финкенвердере под Гамбургом и нажившийся себе деньги и репутацию как торговец шерсти в Аахене. Прусский король назначил его на должность как человека, выручившего монарха из невзгод, возникших после кровавого подавления народного восстания 29 марта 1848 г.

К нему обратился магистрат Кёльна, когда банк Шаафхаузена объявил о своей неплатежеспособности. Как значилось в письме из Кёльна, «это событие, если оно не будет предотвращено, приведет к краху большого числа торговых домов и, что самое неприятное, приведет к прекращению работы на многих промышленных предприятиях в Рейнской провинции и Вестфалии. Вытекающие отсюда бедствия невозможно себе представить».

Либеральный министр, в круг советников которого входили протеже Оппенгейма Густав Мевиссен и рейнские предприниматели Лудольф Кампхаузен, фон дер Хайдт и Беккерат, видел в социальных беспорядках проблему, которую можно было решить в первую очередь с помощью денег. Уже в первые дни нахождения на должности он изъял из государственной казны Пруссии миллионы и направил их в сферу народнохозяйственного обращения. Но, будучи министром финансов, он, разумеется, не мог помочь кредитами выпутаться из беды частному банку, а именно таковым и был банк Шаафхаузена.

Кредитное общество Ханземана

Идея реорганизации Кёльнского института, репутация которого была подмочена, в акционерное общество по французскому или бельгийскому образцу принадлежала, по-видимому, Густаву Мевиссену, который продолжительное время знакомился в соседних странах с более развитой у них системой банковского дела. Но непосредственным создателем первого немецкого акционерного банка стал Давид Ханземан. Правда, он не мог еще считаться предшественником будущих крупных банков, поскольку еще всецело находился под влиянием государства. Владельцам привилегированных акций прусское государство гарантировало выплату дивидендов в размере 4% и получило за это право назначать директора института. Более того, назначенный комиссар мог в любое время

проверить банковские книги и получить информацию о всех текущих операциях. Хотя Ханземану удалось таким путем унять консервативно настроенных противников учреждения акционерного банка, прошло еще почти полгода, прежде чем 28 августа 1848 г. под давлением затяжного экономического кризиса король предоставил концессию на открытие нового банка. Первым директором кредитного общества стал советник Ханземана Густав Мевиссен, который очень быстро поднялся до уровня одного из влиятельнейших финансистов рейнско-вестфальского промышленного района. Но для Давида Ханземана учреждение банка явилось последним большим деянием на посту министра, потому что через 14 дней он, потеряв мужество продолжать оказывать сопротивление тактике сдерживания, которую проводили в жизнь его консервативные противники, отказался от своего поста. Впрочем, из-за этого его влияние едва ли уменьшилось, поскольку он возглавил руководство Прусским банком, крупнейшим финансовым учреждением в королевстве.

По своей природе Давид Ханземан был не чиновником, а грюндером. Политические интриги значили для него так же мало, как и пост чиновника, возглавлявшего чиновничью иерархию. Его противники, в том числе министр торговли и банкир фон дер Хайдт, выходец из Вупперталь-Эльберфельде, вскоре окончательно отбили у него охоту заниматься государственной службой. Летом 1851 г. он оставил свое бюро в Прусском банке, чтобы осуществить давно задуманный план — основать свое собственное кредитное учреждение совершенно нового типа.

Еще будучи банкиром на государственной службе, Ханземан увлекся новой формой банковского дела в лице «Уньон дю креди», кредитного общества среднего сословия, в основу которого были положены принципы взаимности. А именно этого, как полагал Ханземан, и не хватало в Берлине. Но поскольку правительство отказалось предоставить концессию его «Берлинер кредитгезельшафт», он вместе с одним из самых прожженных берлинских адвокатов до тех пор корпел над уставами различных обществ, пока не нашел такую форму, при использовании которой не требовалось получения разрешения от властей.

Необычное предприятие, которое открылось 15 октября 1851 г. в скромных помещениях дома № 7 по улице Ди-нойе-променаде, отныне называлось «Дирекцион дер дисконто-гезельшафт». По своей правовой форме оно являлось частным обществом, предоставлявшим своим членам вексельные кредиты в размере до 10 тыс. талеров. В действительности же банк Ханземана работал как акционерное общество, правда, с тем единственным ограничением, что оно станет — по крайней мере первоначально — заниматься банковскими операциями по дисконтированию векселей.

Собраны гигантские денежные суммы

Кредитное общество Ханземана начало функционировать, когда в его штатах было всего 11 постоянных служащих, а его клиентура насчитывала всего 236 членов. За 20 лет правления динамичного, плодовитого на идеи и ловкого на различного рода

финты бывшего министра это финансовое учреждение, созданное для финансирования деятельности средних слоев, превратилось в один из крупнейших немецких коммерческих банков. Когда в 50-е годы установилась высокая конъюнктура, Ханземан вовремя изменил устав своего банка и постепенно вошел в дело по финансированию промышленности. Чтобы собрать столь необходимый капитал, он незамедлительно повысил величину максимального вступительного взноса для членов общества с 10 до 60 тыс. талеров. Затем он расширил круг компаньонов за счет обеспечения подписки на коммандитные паи на сумму более 10 млн. талеров. Это было новшество в истории немецкого банка.

В итоге «Дисконто-гезельшафт» практически стало акционерным обществом, оставаясь тем не менее за рамками действия норм акционерного права (созданная Ханземаном правовая форма коммандитного товарищества на акциях существует, впрочем, еще и сегодня). Используя гигантскую массу средств, которые он собрал по новой методике у предпринимателей, ремесленников, врачей и торговцев, Ханземан активно участвовал в строительстве железных дорог, в выпуске крупных займов. В 1857 г. в число совладельцев банка Ханземан включил своего старшего сына Адольфа, который до того момента вел перешедшую к нему от отца торговлю шерстью и состоял членом семейного участия в суконной фабрике «В. Петерс унд К°» в Ойпене.

Через год «Дисконто-гезельшафт» переехало в новую представительную штаб-квартиру на Беренштрассе, которая находилась как раз между Прусским банком и банковским учреждением Бляйхрёдера. Примерно в то же время молодой и быстро растущий крупный банк Берлина начал скупать за собственные средства первоклассные горнодобывающие и промышленные предприятия, которые он ранее кредитовал и которые оказались в тяжелом положении во время экономического кризиса 1857 г. К числу этих предприятий относились «Хенрихсхютте» под Хаттингеном на реке Рур, угольная шахта «Геверкшафт ферайнигтер президент» под Бохумом и горное предприятие по добыче свинцовой руды «Бляйальф» в Айфеле. Это были еще сравнительно небольшие по своим размерам приобретения. Но с появлением «Фёникс-акциенгезельшафт фюр бергбау унд хюттенбетриб» страна получила одно из крупнейших предприятий горнодобывающей промышленности. После смерти отца, наступившей 4 августа 1864 г., Адольф Ханземан активизировал промышленную ориентацию банка, который теперь уже насчитывал 100 служащих. И когда после окончания франко-прусской войны начался грюндерский бум, его «Дисконто-гезельшафт» было всегда там, где имелась возможность быстро заработать.

Беззастенчивое маневрирование биржевыми ценностями

В отличие от отца, проявлявшего заботу об общем благе, Адольф Ханземан снискал себе славу одного из главных инициаторов грюндерских мошенничеств, которую он заслужил благодаря агрессивному, а часто и просто беззастенчивому маневрированию биржевыми ценностями. Например, вместе с эссенским горнопромышленником Фридрихом Грилло он разработал один из самых рискован-

ных промышленных проектов периода грюндерства — «Дортмундер унион акциенгезельшафт фюр бергбау, айзен- унд штальиндустри». Этот конгломерат, включавший в себя угольные шахты, сталелитейные предприятия, прокатные заводы и прочие обрабатывающие предприятия и насчитывавший в своем коллективе 12,4 тыс. человек, оказался в 1872 г. крупнейшим промышленным комплексом Германии, ведь на предприятиях Круппа в то же время работало только 10,6 тыс. человек.

Как бы хороша ни была идея объединить в гигантский концерн многочисленные мелкие горно-металлургические предприятия в Рурской области, тем не менее она имела один решающий недостаток: выгодно приобретенные отдельные компоненты общества «Унион акциенгезельшафт», в том числе и «Дортмундер хютте», металлургический завод, принадлежавший оказавшемуся в тяжелой ситуации железнодорожному королю Бетелю Генри Штроусбергу, никак не стыковались между собой. Конечно, акционеры, доверявшие проспектам «Дисконто-гезельшафт», отпечатанным на шикарной бумаге, и приобретавшие его акции по чересчур завышенному курсу (170%), что достигалось за счет всевозможных уловок Грилло и Ханземана, не имели об этом никакого представления. А два года спустя акции существенно обесценились. Курс стоял на уровне 30%, дивиденды уже продолжительное время не выплачивались, а правление горно-металлургического концерна, начавшее дело с многочисленных посул, имело огромную задолженность. Только на этом искусном приеме банкир смог заработать более одного миллиона.

Больше, чем просто ловкий мошенник

Но, несмотря на всю свою беззастенчивость и безграничную жажду наживы, Грилло и Ханземан представляли собой нечто большее, чем просто ловких мошенников. У них были вполне корректные идеи, они обладали в достаточной степени фантазией, чтобы предвидеть будущее развитие промышленности Рура в направлении создания мощных вертикально интегрированных смешанных концернов. Но они не обладали ни дисциплиной, ни организационной и технической проницательностью Аугуста Тиссена, который через два десятилетия воплотил на практике то, что этим двоим только мерещилось.

В 60—70-х годах прошлого века Фридрих Грилло, без сомнения, был самым плодовитым на идеи и динамичным грюндером в рейнско-рурском районе. Сын торговца скобяными изделиями, родившийся в 1825 г., используя чужой капитал, скупил в кризисном 1857 г. по дешевке акции мелких каменноугольных шахт, разбросанных вокруг Эссена. Наделенный крепкими локтями и чутьем на нужную тактику, Грилло взял в свои руки управление предприятиями и реорганизовал их в более крупные и рентабельные хозяйственные единицы. По тому же образцу он через 10 лет приобрел шахтные поля в окрестностях Шальке-Гельзенкирхен и объединил их в крупную шахту «Консолидацион», ставшую в тогдашней Рурской области самым доходным предприятием по добыче каменного угля.

Примерно в то же время Грилло начал скупать в окрестностях Шальке заводы по производству проволоки и жести, металлургические предприятия и даже стекольные фабрики. Но лишь связь с Адольфом Ханземаном, имевшим прочную финансовую базу, сделала возможным его восхождение на трон бесспорного короля грюндеров в Руре. В дикие 1871—1873 гг. он в большой спешке учредил одну за другой шахты «Унзер Фриц», «Виктор», «Кёниг Людвиг», а также «Эссенер бергверкферайн кёниг Вильгельм». Но и это еще не все. Магнат приобрел также «Бергверкс- унд хюттен-акциенферайн Нойшоттланд», который располагал доменными печами и прокатными заводами в Хорсте и Хаслингхаузене. Последние поставляли в основном материалы для железных дорог.

Грилло принимает на службу молодого Кирдорфа

В 1873 г. вместе со своим партнером Адольфом Ханземаном Грилло купил у франко-бельгийской фирмы «Шарль Дестиллёе» два весьма ценных и расположенных вблизи Гельзенкирхена угольных поля, позднее получивших название «Рейнэльбе» и «Альма». Оба грюндера реорганизовали новую покупку в акционерное общество «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ». Руководителем предприятия, на котором по договорам трудового найма работали 1580 горняков и добывалось 363 тыс. т каменного угля в год, они назначили молодого человека, которому исполнилось только что 24 года. Его звали Эмиль Кирдорф. Он был выходцем из Меттмана в Вестфалии. При найме на работу он мог предъявить лишь описание своей довольно испорченной профессиональной карьеры.

Отец Эмиля содержал небольшую ткацкую мастерскую, которую он и его брат Адольф должны были позднее унаследовать. Но еще до того, как было сделано это, отец умер, фирма разорилась, а братья были вынуждены стать служащими. Тем не менее ему удалось дорасти до директора более или менее крупной ткацкой фабрики. Затем он понял, что у этого ремесла нет будущего. Он уже решил эмигрировать, когда получил возможность занять пост в управленческом аппарате шахты «Голландия». Потом ему каким-то образом удалось обратить на себя внимание в ту пору всемогущего Фридриха Грилло. И тот без промедления доверил молодому и неопытному, но энергичному Кирдорфу управление одним из крупнейших угледобывающих предприятий Германии. Этот факт говорит о безошибочном инстинкте знатока людей Грилло, который сумел распознать твердый характер и настойчивость молодого Кирдорфа, ставшего вскоре могущественнейшим угольным магнатом Германии и политическим деятелем махрово реакционного толка.

В 1888 г. его хозяин Фридрих Грилло, который постоянно высокомерно обращался с ним как со служащим, умер от умопомешательства. В это время Кирдорф сумел превратить «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» в крупнейшего в стране поставщика угля. Однако самым важным достижением Кирдорфа было основание им в 1893 г. «Рейниш-вестфелишес коленсиндикат», который установил господство на немецком рынке энергетического сырья и представлял собой самое мощное в Европе промышленное объединение.

Карандаши запрещены из чувства патриотизма

В своих политических взглядах Кирдорф оказался еще более радикальным, чем в стремлении к экономическому могуществу. В качестве рупора рурских магнатов он стал наиболее последовательным защитником политики канонерок, проводившейся императором Вильгельмом, фанатичным представителем германского шовинизма и ненависти к социалистам. Его патриотизм заходил настолько далеко, что в один прекрасный день он запретил использовать на предприятиях «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» карандаши фирмы «Фабер» из Нюрнберга только потому, что на них слово «произведено» было написано по-английски.

В письме Кирдорфа, содержавшем жалобу на фабрикантов карандашей из Нюрнберга, говорилось: «Еще раз в качестве символа низменных мыслей было публично продемонстрировано, как кто-то из жажды наживы отрекается от своей немецкой национальности. Как следует это назвать, если старая немецкая фирма с мировым именем проявляет безвкусицу, ставя на товар, сбываемый в Германии, обозначение на английском языке? Испытываете ли вы какие-либо чувства к подобному унижению?»

Твердому как сталь угольному королю чересчур вялой стала казаться, наконец, и сама политика молодцеватого императора Вильгельма II. Он так и не простил ему увольнение Бисмарка, идола Кирдорфа. Последний, всю свою жизнь бывший наемным менеджером, а не грюндером в собственном смысле этого слова, держался более решительно и даже более враждебно по отношению к рабочим, чем большинство собственников. Но Кирдорф намного полнее, чем они, олицетворял тенденцию своего времени, которая применительно к Руру проявлялась в создании все более крупных производственных единиц, синдикатов и картелей. Наиболее могущественным противником Кирдорфа, превосходившим его во многих отношениях, был стальной магнат Аугуст Тиссен, который не пожелал подчиниться диктату угольного синдиката Кирдорфа в области цен. Сам Тиссен воздерживался от любой политической деятельности. Кирдорф, напротив, возглавив столь губительный для германской политики Пангерманский союз, во время первой мировой войны ратовал за безусловное использование в ней подводных лодок, а в оправдание злополучного для Германии ее исхода умышленно использовал тезис об «ударе ножом в спину», которым позже столь успешно пользовался его новый идол Адольф Гитлер.

Связующее звено между Бисмарком и Гитлером

Только после смерти в 1903 г. Адольфа Ханземана Кирдорф стал безраздельным единоличным хозяином «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ». При жизни банкир всегда давал ему почувствовать, что только ему самому, а не наемному директору принадлежит право принятия решений. Кирдорф на 35 лет пережил своего шефа, и, когда он умер летом 1938 г., речь на его могиле произнес Гитлер. На монументальном надгробном памятнике начертаны слова Моммзена: «Неустанно копить гнев — последняя надежда истерзанной нации».

Эмиль Кирдорф, который охотнее всего унимал бы бастовавших рабочих с помощью ружей и пушек, уже в силу своего библейского возраста стал связующим звеном между эрой Бисмарка и эрой Гитлера. Будучи радикально настроенным, как никто другой из рурских магнатов, он олицетворял собой манию величия, национализм и стремление империализма к власти, которое привело Германию к двум войнам. При этом, как нарочно, людьми, заложившими в середине XIX в. финансовый фундамент создания германской тяжелой промышленности, выступали владевшие многими языками евреи, которые любили все английское или французское.

Свежий ветер из Парижа

В то время когда Давид Ханземан корпел в Берлине над разработкой устава своего «Дисконто-гезельшафт», в далеком Кёльне двое его знакомых старались придумать аналогичную, правда менее сложную, структуру банка. Это были Абраам Оппенгейм и Густав Мевиссен. Самый известный банкир Рейнланда и президент только что учрежденного банковского общества Шаафхаузена ясно понимали, что усилий одних только их банковских учреждений недостаточно, чтобы удовлетворить потребности в капитале промышленных предприятий, количество которых безостановочно росло. Чтобы фабричные трубы дымили, необходимо было создать новые, более эффективные центры накопления капитала.

Импульс для размышлений Абраама Оппенгейма и Густава Мевиссена дало сообщение, которое первый из них получил из Парижа. Там сестра Абраама вышла замуж за очень богатого банкира Бенуа Фула. Свояк был участником нового и неслыханно смелого банковского предприятия, имевшего примечательное название «Сосьете женераль де креди мобилье». «Мобильный кредит» в рамках акционерного общества — ведь это было как раз то, в чем, по мнению господ банкиров из Кёльна, срочно нуждалась германская экономика.

Французское предприятие обладало достаточной экономической мощью. Его основной капитал составлял 60 млн. франков, т. е. в десять раз больше резервов наиболее крупных кредитных учреждений Германии. Учредителями парижского акционерного банка были два брата-еврея португальского происхождения — Эмиль и Исаак Перрейре. Оба они были учениками экономиста графа Клода Анри де Сен-Симона, умершего в 1825 г. Сразу же братья обратили на себя внимание своими проницательными публикациями в специальных журналах, в которых говорилось о необходимости предоставления промышленности свободных кредитов.

Банк братьев Перрейре

Одним из предпринимателей, находивших их соображения весьма разумными, был Джеймс де Ротшильд, глава парижского отделения всемирно известного банкирского дома. В 1835 г. состоялся первый деловой контакт братьев Перрейре с банком Ротшильда.

Именно тогда они получили разрешение на строительство железной дороги Париж — Сен-Жермен. Банкирский дом предоставил необходимый капитал, а братья занялись строительством и эксплуатацией первой во Франции железной дороги для перевозки грузов. В последующем Перрейре стали советниками и посредниками Ротшильда по всем проектам строительства железных дорог.

Разрыв между самым богатым человеком Франции и его по-настоящему умными партнерами произошел в декабре 1851 г., когда Луи Наполеон инсценировал свой государственный переворот. Перрейре стояли на стороне будущего императора Наполеона III, Ротшильд выступал решительно против. Так разошлись их пути, и оба деятельных португальца объединились с соперником Ротшильда Фулом, в банк которого с давних пор вкладывали капитал и Оппенгеймы.

Совместно они разработали план по накоплению сбережений французской буржуазии и созданию на их основе таких финансовых резервов, с помощью которых они могли осуществить свои честолюбивые проекты в промышленности. При этом отважных грюндеров не особенно смущало то обстоятельство, что этим они нарушали фундаментальный принцип банковского дела, а именно никогда не финансировать реализацию долгосрочных проектов за счет краткосрочных вложений денежных средств. При этом они исходили из того, что в банк постоянно поступало денег больше, чем они собирались ссуживать.

И действительно, уже в первые недели своего существования «Креди мобилье», основанный в 1852 г. с благословения Наполеона, совершил удивительный взлет. Весьма умно поступили учредители, когда привлекли к участию всю финансовую олигархию Франции, за исключением, разумеется, Ротшильдов. И деньги потекли в кассы банка. Уже на следующий год после своего учреждения первый в Европе акционерный банк смог получить 5 млн. франков прибыли. И лишь позднее, когда во Франции также наметился спад конъюнктуры, выявились недостатки в структуре банка, односторонне ориентированного на экспансию. В 1867 г. это столь перспективно начавшее свою деятельность предприятие пережило крупнейшее в банковском мире Франции банкротство.

Отошли в Дармштадт

Конечно, Густав Мевиссен и Абраам Оппенгейм могли и не знать ничего об этом, когда обдумывали, как бы они могли повторить успех «Креди мобилье» в Германии. Они понимали, что из-за решительного противодействия правительства основать акционерный банк в Пруссии было невозможно. Поэтому идеальным местом для такого банка им представлялся Франкфурт-на-Майне, который в соперничестве с Берлином хорошо зарекомендовал себя как германский центр финансирования. Но здесь заправляли Ротшильды, и не было никакого сомнения в том, что они всеми средствами стали бы бороться против появления столь опасного конкурента.

На этой стадии разработки проекта еще раз обнаружилась польза исключительно широких связей Оппенгеймов. Свояк Абра-

ама Мориц фон Хабер еще перед революцией 1848 г. случайно запросил у великого герцога Гессена-Дармштадта принципиальное согласие на создание учетно-эмиссионного банка и получил его. Хаберы были старинным банкирским семейством, а отец фон Морица Саломон Хабер даже был возведен в положение придворного банкира великого герцога Бадена. Но в смутные времена мартовской революции почтенный банкирский дом «Хабер и сыновья» обанкротился.

Старый Саломон, все еще очень богатый, уехал в Париж и там неутомимо продолжал твердить, что в крахе его банка виноваты одни Ротшильды. И вот оказалось весьма кстати, что его сын Мориц все еще располагал предоставленной ему лицензией на учреждение акционерного банка в Дармштадте. Все это время она оставалась действительной. Однако свояк Абраам Оппенгейм и Густав Мевиссен продолжали искать новых союзников, прежде чем начать неизбежную борьбу с Ротшильдами. В учредительный комитет их дармштадского «Банк фюр хандель унд индустри», который они собирались открыть при финансовой поддержке французского банка «Креди мобилье», вскоре вошел один из старейших и солиднейших банкирских домов Франкфурта-на-Майне, принадлежавший братьям Бетман. Для придания внешнего блеска банку Оппенгейм и Мевиссен пригласили участвовать в нем принца Феликса фон Гогенлоэ, который возглавил почетный президиум предприятия.

Учреждается новый крупный банк

Подготовившись столь хорошо, грюндеры 12 апреля 1853 г. внесли первый крупный южногерманский банк в торговый реестр. Через пять дней *Франкфуртер постцайтунг* сообщала, что «хорошо известный в торгово-политическом мире Густав Мевиссен» избран президентом, а банкир Абраам Оппенгейм из Кёльна вице-президентом банка. Протесты Ротшильдов министру финансов Гессена ничего не дали. Самый крупный в Германии акционерный банк был создан. Его капитал составил внушительную сумму — 25 млн. гульденов. Он был разбит на 100 тыс. акций по 250 гульденов каждая. Большую часть этих акций предполагалось предлагать к продаже на биржах Берлина и Франкфурта-на-Майне.

Проблема теперь состояла только в том, чтобы умело разместить капитал. Нельзя было допустить, чтобы такие сильные противники, как Ротшильды, приобрели большинство акций и установили свое господство над банком. В последующие дни банкирский дом Бетмана во Франкфурте-на-Майне был буквально «затоплен» заказами на приобретение акций дармштадтского банка. Но Абраам Оппенгейм, проявляя мудрую предосторожность, выделил франкфуртским коллегам лишь весьма скудную часть акций нового банка. Большинство их он продал дружественным банкирским домам Парижа и Берлина.

Позднейшая ревизия показала, что Бетману поступило заказов на 106 млн. гульденов. Тем самым только в самом Франкфурте-на-Майне стоимость заказов в четыре раза превысила стоимость акционерного капитала банка. По поводу продаж акций даже возник спор между братьями Оппенгейм. Симон предоставил

возможность братьям Перрейре вытянуть у себя большое количество акций по слишком низкому курсу. Даже Мевиссен был разозлен «глупостью» брата Оппенгейма, который в этой сделке мог бы достичь, по его мнению, более высоких цен.

Ротшильды защищаются

Однако очень скоро учредители банка были вынуждены признать, что они недооценили своих противников. Неожиданно курс их акций стал непрерывно понижаться. Было совершенно ясно, что Ротшильдам посчастливилось каким-то образом заполучить в свои руки крупный пакет акций дармштадтского банка. Они молниеносно выбросили их все на рынок, чтобы попытаться лишить мужества остальных акционеров. Оппенгеймы оказались вынужденными израсходовать значительные средства для поддержания курса своих акций. С возмущением писал Абраам из Парижа Паулю Мевиссену, что Ротшильд «пускает в ход все, чтобы нанести ущерб предприятию и понизить курс акций».

Между тем посланник Пруссии при Национальном собрании Отто фон Бисмарк внимательно наблюдал во Франкфурте-на-Майне за всеми перипетиями учреждения банка и в секретных депешах докладывал о них в Берлин. Особую озабоченность будущего имперского канцлера вызывало прежде всего то обстоятельство, что французский капитал, недвусмысленно стоявший на службе режима Наполеона III, нашел здесь доступ к ключевой позиции германской экономики.

Обстоятельством, которое делало деятельность этого крупного банка нового стиля непредсказуемой для консервативных политических деятелей, было ведение им практически всех денежных операций, которые в тот период были вообще известны. В соответствии с положениями устава банк мог приобретать или выпускать «государственные, коммунальные и местные ценные бумаги, акции и облигации анонимных обществ, в особенности акции и облигации промышленных предприятий и кредитных учреждений», а также продавать, обменивать или закладывать все эти бумаги. Ему разрешалось «полностью или частично осуществлять за свой счет выпуск займов или проводить публичные мероприятия, переуступать или реализовывать это право, а также участвовать в принятии этого права на себя... и пускать в обращение долговые обязательства до истечения срока их принятия на себя или участия в них».

В Пруссии все идет не так быстро

В Дармштадте был создан банк нового типа. Он явился прообразом универсальных банков будущего, которым германская экономика в значительной степени обязана своим мировым признанием. «Банк фюр хандель унд индустри» положил лишь начало, а дальше все пошло своим чередом. Ротшильды, которые вначале выдавали предприятие в Дармштадте за «весьма опасное учреждение, созданное для того, чтобы всячески оживлять самые разнузданные спекуляции, стимулировать вексельные операции и поддерживать и

активизировать манипуляции с биржевыми ценностями», позднее и сами основали акционерный банк — «Франкфуртер банк», существующий еще поныне.

Почти во всех европейских странах один за другим возникали кредитные банки подобного типа. И только в Пруссии все шло не так быстро. Лишь в 70-х годах сформировались здесь банки четырех «Д»: «Дармштедтер банк», «Дойче банк», «Дрезднер банк» и «Дисконто-гезельшафт». Они стали господствующей финансовой силой в империи и постепенно оттеснили на задний план частные банки Оппенгеймов, Бляйхрёдера или даже Карла Фюрстенберга. Как сильно расширилась торговля деньгами во второй половине XIX в., показывает простое сравнение. За 50 лет численность занятых в германских банках увеличилась с 1100 до 18 тыс. человек., т. е. в 15 раз. За тот же период население страны выросло менее чем на 50%.

Глава 13
БЕРЕЖЛИВЫЙ ГОСПОДИН ТИССЕН

В то время как братья Маннесман приступили к производству бесшовных труб, в Рурской области прокладывал путь к успеху основатель концерна совершенно нового типа. Он отличался от грюндеров первого поколения точно так же, как современная автоматическая пушка от старой мортиры Круппа. Его рост не превышал 154 см. Если не считать его пронизывающего взгляда, то можно сказать, что он ничем не выделялся из общей массы людей. И все же он был на целую голову выше всех своих конкурентов. Его звали Аугуст Тиссен.

Он не был ни техником такого уровня, как Якоб Майер, ни исключительно умелым торговцем, как Альфред Крупп. Но Тиссен разбирался в экономике и организации производства намного лучше, чем Майер и Крупп, вместе взятые. И не случайно предприятие, носящее его имя, сегодня является самым крупным и современным стальным концерном в Европе. По своим масштабам оно вдвое больше концерна Круппа. Аугуст Тиссен происходил из типичной католической семьи, принадлежавшей к привилегированным слоям мелкой буржуазии. С начала XVIII в. она проживала в области, расположенной между Аахеном и Маастрихтом. Его прадед был пекарем и заседал в городском совете Аахена, дед обучался в гимназии ордена иезуитов, позднее стал одним из ее управляющих. Отец, Фридрих, выучился купеческому делу в Эшвайлере, а со временем стал управляющим старейшего в Германии завода по производству катаной проволоки, построенного британским инженером Доббсом.

С церковного разрешения этот Фридрих Тиссен женился в 1838 г. на своей кузине Катарине, которая родила ему семерых детей. Позднее старый Тиссен на свои сбережения купил долю в небольшом частном банке. После смерти, наступившей в 1877 г., он оставил довольно приличное по тем временам состояние в 230 тыс. марок.

Его третий по старшинству сын Аугуст родился 17 мая 1842 г. в доме, находившемся на территории проволочного завода. В юности в нем ничто не выдавало будущего руководителя. Очень способный юноша, бывший в физическом отношении слабее своих товарищей по классу, слыл чудаком и индивидуалистом. По окончании гимназии он занимался в Высшем техническом училище в Карлсруэ, одном из лучших по тому времени политехническом учебном заведении Германии. Одним из его сокурсников по лекциям профессора Редтенбахера, специалиста в области машиноведения, был Карл Антон Хеншель, ставший впоследствии одним из наиболее удачливых паровозостроителей Германии.

Хотя техника оказалась по душе Аугусту Тиссену, он хотел стать не рядовым конструктором, а шефом конструкторского бюро. Вот почему после учебы в Карлсруэ столь же честолюбивый, как и способный, студент окончил еще курс экономических наук в известном антверпенском институте торговли. Поэтому, когда молодой Тиссен, который после непродолжительной практики в банке своего отца и военной службы, несколько затянувшейся из-за войны с Австрией, вступил на поприще предпринимательской деятельности, он оказался подготовленным к ней лучше, чем большинство его коллег-однолеток.

Крестьяне Мюльхайма были одурачены

Имея в кармане 8 тыс. талеров, которыми его ссудил отец, Аугуст Тиссен стал участвовать в осуществлении одного совместного проекта — в строительстве завода по производству полосовой стали «Тиссен, Фоссуль унд К°». Его партнеры были выходцами из семьи бельгийских промышленников Бишеру, уже в 1855 г. владевшей прокатным заводом в Дуйсбурге. Его любимая сестра Бальбина вышла замуж за одного из членов этой семьи. Управление материально-техническим снабжением семейного предприятия и сбытом его продукции взял на себя Аугуст Тиссен. Техническим директором стал инженер Ноэль Фоссуль, находившийся в дружеских отношениях с семьей Бишеру. Уже сам выбор Дуйсбурга как места строительства предприятия свидетельствовал о том, что партнеры умели мыслить экономическими категориями: там имелся дешевый уголь Рура и рядом же находился крупный порт, через который можно было отгружать листовую сталь во все страны света. Предприятие процветало, и уже через год на нем было занято 130 рабочих. Разумеется, он не был доволен тем, что выпало на его долю, поскольку у него были большие планы и ему хотелось быть прежде всего независимым. В 1871 г., в самый разгар грюндерского бума, он продал за 40 тыс. талеров семье Бишеру свои паи и на вырученные деньги в полной тайне начал скупать луга и пахотные земли в бургомистрате Штирум под Мюльхаймом, находившиеся между старым заводом «Фридрих-Вильгельмс-хютте» и веткой новой железнодорожной линии. Соседям Тиссен говорил, что он хотел бы «немножко заняться сельским хозяйством». Когда же стали прибывать рабочие и приступили к строительству сталелитейного и прокатного завода, протестовать было уже поздно.

2 октября 1871 г. начала функционировать фирма «Тиссен унд К°». Ее основной капитал составлял 70 тыс. талеров, которые внесли поровну Аугуст и его отец. На самом предприятии уже работали 70 человек. Всего через год было реализовано уже около 3 тыс. т листовой стали. Впервые незаурядность 30-летнего владельца металлургического завода проявилась в период большой депрессии, начавшейся после биржевого краха 1873 г. В то время как одна за другой становились банкротами многочисленные фирмы, молодой Тиссен не испытывал необходимости увольнять рабочих. Он даже смог расширить свой небольшой завод.

Отправился третьим классом в Россию

Почему же это стало возможным? Молодой предприниматель, прошедший прекрасную техническую и коммерческую подготовку, осуществлял выпуск продукции при минимальном уровне издержек. За счет такой организации производства он постоянно получал прибыль, хотя и продавал свои изделия по ценам, которые были ниже цен его конкурентов. Когда же дело на немецком рынке дальше уже не пошло, он сел на поезд и отправился, разумеется, третьим классом в Россию. Обратно он возвратился с солидными экспортными заказами, обеспечившими на много лет вперед загрузку производственных мощностей его завода.

Когда в 1875 г. умер муж сестры Бальбины и оставил ей в наследство немалое состояние, Аугуст нашел ему прекрасное применение. В разгар экономического спада, когда курсы акций достигли самой низкой отметки и когда было можно за бесценок приобретать горные предприятия, он постоянно покупал куксы, т. е. паи, а также акции угольных шахт и металлургических заводов в Рурском бассейне, в том числе акции фирмы «Шалькер грубен- унд хюттенферайн АГ» в Гельзенкирхене. Одновременно он расширил свой сталепрокатный завод, установил на нем газовую трубчатую печь и, наконец, начал производить не только стальной лист, но и трубы всех диаметров. Трубы сваривались внахлестку по специальной технологии и выдерживали более высокое давление, чем аналогичная продукция конкурентов.

В 1877 г., после смерти отца, младший брат Аугуста Йозеф стал одним из совладельцев фирмы. В его обязанности входило руководство трубопрокатными цехами. Йозеф Тиссен никогда не подвергал сомнению авторитет своего гениального брата, но и сам он вовсе не был деревенским простачком, каким его иногда выставляли некоторые биографы Тиссена. К тому же он управлял основными предприятиями концерна Тиссена в Мюльхайме до тех пор, пока в 1915 г. не погиб в результате несчастного случая на производстве. В ту пору под его началом трудились не менее 13 тыс. рабочих и служащих.

Создатель концерна, равный Якобу Фуггеру

Создатель концерна, подобных которому в Германии со времен старого Якоба Фуггера никогда больше не встречалось, покупал и продавал, строил и инвестировал в таком темпе, что его брат нередко поднимал предостерегающе руку: «Если только это хорошо пойдет и дальше...» К удивлению семейств Круппа и Штумма, Грилло и Стиннеса и всех других рурских магнатов, дело шло даже слишком хорошо. Своими сделками, порой сбивавшими с толку, маневрированием акциями и обменными операциями, совершавшимися в 80—90-х годах прошлого столетия, стремился достичь одной цели — претворения в жизнь грандиозного плана. Он создавал первый в стране смешанный горно-металлургический концерн, который бы на базе собственного угля и железной руды выплавлял чугун и сталь любого качества, перерабатывал это сырье в самые разнообразные готовые изделия — от мельчайшего винтика до са-

мых больших машин, продавал их через собственную торговую сеть и на собственных судах доставлял в самые отдаленные уголки земного шара.

Само собой разумеется, он хотел еще и финансировать свои мирохозяйственные сделки за счет средств своего собственного банка. Все это Аугуст Тиссен, своей эспаньолкой, черным сюртуком со стоячим отложным воротничком и неизменным акушерским чемоданчиком в руке напоминавший скорее деревенского школьного учителя, чем одного из рурских магнатов, создал за каких-то 40 лет. Ценой, которую он должен был уплатить за это, оказалась личная жизнь, не заслужившая того, чтобы называться именно так. Его жена, на которой он женился в 1872 г., развелась с ним после 14 лет супружеской жизни, в течение которой муж бывал дома, как на коротких гастролях. Аугуст, которому на момент развода исполнилось 44 года, назначил ей содержание в размере 60 тыс. марок в год. Кроме того, он был вынужден сразу же переписать на своих четверых детей (сыновей Фрица, Аугуста, Хайнриха и дочь Хедвигу) все нажитое в совместном браке имущество, с тем чтобы бывшая жена отказалась от получения полагавшейся ей по закону денежной компенсации. В результате один из самых видных предпринимателей Германии и владелец одного из крупнейших в мире состояний, находящихся в частной собственности, получил право пользоваться имуществом своих детей на протяжении всей своей жизни.

Господин, но не изысканный господин

Позже Тиссен имел достаточно оснований сожалеть об этом шаге. Дело в том, что только его старший сын Фриц по своему деловому складу пошел в отца. По словам хроникера событий, происходивших в Руре, Курта Притцколяйта, Аугуст Тиссен «был господином, но не изысканным господином». Фанатично преданный работе магнат не отличался большими запросами в личной жизни, чурался светских развлечений и публичных торжеств, отказывался от любых наград. В отличие от Круппа он сторонился королевского двора в Берлине и не приглашал императора посетить принадлежащие ему заводы. Охотнее всего он ел дешевые густые супы, заменявшие первое и второе блюда, а на деловые переговоры при случае даже приносил с собой бутерброд с колбаской.

По железной дороге Тиссен принципиально ездил в жестких вагонах, а потрепанный воскресный костюм, в котором он предпочитал ходить, вероятно, отказались бы носить некоторые из его заводских мастеров. Ему нравились грубые шутки, а после развода он любил иметь дело с простыми и грубоватыми женщинами. В 1903 г. одиночка, ведущий спартанский образ жизни, к удивлению своих друзей, купил великолепный замок Ландсберг под Кеттвигом. Почти никто не догадывался о том, что все это он сделал только для того, чтобы убедить в своей платежеспособности банки, которым задолжал огромные суммы. Он даже не мог придумать, что бы ему еще предпринять со своим поместьем. Поэтому как настоящий мелкий буржуа он приказал зачехлить всю мебель. Он отказался

также снять со стен копии картин, висевшие там рядом с очень дорогими живописными полотнами. Свой поступок он оправдывал тем, что они «ведь тоже стоили денег».

В глазах сына отец недостаточно знатен

За исключением Фрица, дети находили мало хорошего в таком стиле жизни. К аристократической жизни стремился прежде всего Аугуст, второй по старшинству сын, долгое время бывший любимчиком отца. Первый большой разлад в семье наступил, когда молодой Аугуст без ведома отца согласился на присвоение ему звания лейтенанта запаса лейб-эскадрона гвардии гусарского полка, в котором до этого момента не служил офицером еще ни один представитель третьего сословия. Наделенный гражданской гордостью католика Аугуст-старший был страшно возмущен этим и попытался с помощью грубой физической силы возвратить «блудного сына» на грешную землю.

Он противился вступлению сына в дворянский Унионклуб и решительно пресек все попытки Аугуста и Хайнриха склонить себя к учреждению фидеикомисса. Эта правовая форма, устаревшая с точки зрения публичного права, но принятая еще в кругах аристократии, оставалась все еще необходимым условием для пожалования дворянства банкирам и промышленникам, относившимся по своему социальному происхождению к третьему сословию. Но старый Аугуст Тиссен даже отдаленно не помышлял о том, чтобы подражать своему менее известному коллеге из Саара барону Карлу Фердинанду фон Штумм-Хальбергу и, возможно, именоваться барон Аугуст Тиссен фон Ландсберг, хотя это весьма и весьма приветствовалось бы при дворе.

Из Берлина вновь подавали намеки, что самому императору было бы приятно приближение ко двору ему лично еще незнакомого, но, без сомнения, исключительно умелого промышленника. Аугуст Тиссен соблюдал дистанцию. «Вся придворная суетня была ему не по душе не только из-за антипатии вообще или личного отрицательного отношения к ней. Он придерживался точки зрения, что политику следует забрать из рук придворных и передать ее коммерсантам и промышленникам»,— полагал Курт Притцколяйт.

Тиссен против Тиссена

Когда младший Тиссен понял, что не имеет никаких шансов переубедить отца, он отомстил ему по-своему. Он начал бездельничать, заявлять во всеуслышание об отсутствии у него интереса к работе, а в один прекрасный день совершенно открыто обручился с актрисой, имевшей в высшей степени сомнительную репутацию. И как бы ни страдал от всего этого его глубоко религиозный отец, дальше того ожидало худшее. «Во время стачечных беспорядков Аугуст-младший оказывал денежную помощь стачечной кассе и пытался любым иным способом причинить душевные страдания своему отцу»,— с огорчением писал в связи с этим биограф Тиссена

Пауль Арнст. Отныне сын шел по жизни своей собственной дорогой, основал фирму и в конечном счете потерпел фиаско.

Незадолго до первой мировой войны у него накопилось уже 11 млн. марок долгов, и он был вынужден объявить себя банкротом. Старый Тиссен получил теперь возможность исправить ошибку, совершенную им во время развода в 1886 г., и отстранить сына Аугуста от участия в наследовании в соответствии с установленным тогда порядком. Адвокаты концерна попытались соблазнить младшего Тиссена тем, что отец оплатит его долги и, кроме того, назначит ему пожизненное содержание в 130 тыс. марок в год, если он добровольно откажется от своей доли в имуществе в размере 25%. Аугуст Тиссен-младший поступил иначе, чем молодой Крупп полстолетия спустя. Он с благодарностью отклонил предложение.

Гнев отца не знал границ. В 1913 г. он предпринял попытку с помощью медицинского заключения объявить сына недееспособным. Процесс «Тиссен против Тиссена» стал темой для сплетен на страницах газет и создал создателю концерна, высшим принципом которого в деловой жизни были абсолютная сдержанность и такт, более широкую рекламу, чем само творение всей его жизни, достойное истинного восхищения. Результатом процесса, завершившегося победой сына, стало стремление Тиссенов в будущем более решительно избегать любой гласности. И все же им не удалось помешать тому, чтобы их имя не оказывалось в заголовках газетных полос.

Фриц финансирует Адольфа Гитлера

Последнее произошло, к примеру, когда Фриц Тиссен, ярый противник Веймарской республики, начал снабжать денежными средствами вначале генерала Людендорфа, а затем и Адольфа Гитлера. Впрочем, фюрер оказался не столь благодарным человеком. В 1939 г. консервативно настроенный наследник владельца крупного промышленного концерна высказался против войны, что грозило ему заключением в концентрационный лагерь. Но ему удалось вовремя сбежать в Швейцарию. Там он написал книгу «Я платил Гитлеру». Затем он со своей женой переехал во Францию. В Каннах он был арестован оккупантами, был вначале помещен в психиатрическую больницу, а затем переведен в концентрационный лагерь.

Сразу же после окончания войны он был арестован американцами, которые предъявили ему обвинения в том, что он в прошлом поддерживал деятельность национал-социалистской рабочей партии Германии. Вскоре после бегства Тиссена из Германии нацисты конфисковали все его состояние и передали в управление кёльнскому банкиру барону Курту фон Шрёдеру. В ноябре 1949 г. американцы освободили Фрица Тиссена. Он эмигрировал в Аргентину, где и умер через 13 месяцев. Его жена Амелия и дочь графиня Анита де Циши получили в наследство колоссальное имущество в виде промышленных предприятий, явившихся фундаментом современного концерна Тиссена.

Еще чаще, чем имя Фрица, на страницах газет упоминались имена его брата Хайнриха и сына последнего. Этот последний

ребенок из клана Тиссенов, одержимый той же болезненной страстью к получению дворянского титула, что и его брат Аугуст, очень рано покинул родительский дом и уехал в Венгрию. Там он был усыновлен каким-то графом и женился на баронессе Маргит фон Борнемиса. Затем он покинул свои венгерские владения и уехал в Голландию, где на полученное наследство создал отличавшийся пестротой смешанный промышленный концерн. Позднее он обосновался в Швейцарии и в Кастаньола под Лугано учредил крупный семейный благотворительный фонд. Фондом была создана одна из самых прекрасных частных коллекций произведений искусства.

Но настоящим любимцем иллюстрированных журналов стал его сын барон Ханс-Хайнрих (прозвище «Хайни») фон Тиссен-Борнемиса де Касон. После войны он был женат вначале на принцессе, затем на красавице-манекенщице Нине Дайе и наконец на столь же эффектной Фионе Кэмпбелл-Уолтер, дочери британского офицера. То, что он осыпал дам подарками — вначале, чтобы они вняли его просьбам, а затем, чтобы они расстались с ним,— было всецело во вкусе читателей иллюстрированных изданий послевоенной Германии.

Всегда хозяин в собственном концерне

Но вернемся к старому Тиссену, сколотившему миллиардное состояние. Исключительное мастерство Тиссена в трех сферах деятельности позволило ему намного позже первых промышленных грюндеров создать столь разветвленный горно-металлургический концерн. Во-первых, он был превосходный техник, умевший быстро осознать значимость новых открытий во всех областях производства и обработки стали и умевший их очень быстро использовать, что бы это ему ни стоило. Во-вторых, он оказался прирожденным организатором, умевшим планировать и заставлять функционировать свои творения с такой эффективностью, с какой не мог сделать этого ни один из его конкурентов. И в-третьих, он мог так замысловато разрабатывать и осуществлять финансовые операции, что на них сломал бы себе шею любой другой предприниматель.

Аугуст Тиссен брал в ссуду большие деньги у отечественных и зарубежных банков, богатых частных кредиторов, страховых обществ и даже у католической церкви. При этом эти суммы были намного больше тех, какие получали все прочие заемщики Германии. И тем не менее кредиторы никогда не могли взять Тиссена за горло. Ему постоянно удавалось сталкивать их между собой лбами, в результате чего никто из них не мог оказать даже малейшего влияния на его дела. Тиссен всегда оставался хозяином в своем концерне и никогда не отчитывался перед другими акционерами или членами наблюдательного совета.

О том, как он действовал, говорит пример шахты «Геверкшафт дойчер кайзер». Когда в годы большой депрессии прежде доходные шахты Рура, расположенные на территории между Дуйсбургом и Везелем, прогорели и можно было за гроши купить паи компании, эксплуатировавшей эти разработки каменного угля, Тиссен в полной тайне и при поддержке кёльнского банка Оппенгеймов

заполучил их в свои руки. Как только у Тиссена оказалось большинство акций, он довел добычу угля до наивысшего уровня, распорядился установить на шахтах новое оборудование, купленное опять же за счет привлеченных средств, и всего за несколько лет увеличил в несколько раз стоимость своей собственности.

Умелая стратегия использования кредитов

Когда конъюнктура вновь пошла вверх, Тиссен уже был одним из крупнейших угольных магнатов Рура. Но он не почил на лаврах, а взял под залог своих угольных владений ипотечные ссуды в таком размере, в каком он только мог получить их. Этот капитал он незамедлительно вложил в строительство новых металлургических и сталепрокатных заводов. И поскольку каждый из заводов его концерна работал более рентабельно, чем предприятия конкурентов, а всю получаемую прибыль Тиссен инвестировал в более эффективное производственное оборудование, его концерн походил на гигантский организм, разраставшийся за счет своих собственных сил.

Положение становилось для него критическим, когда происходило резкое падение конъюнктуры, а ему именно в этот момент предстояло финансировать крупные капиталовложения. Но так или иначе ему всегда удавалось обходить такого рода подводные рифы, хотя много позже он однажды признался, что его судьба не раз висела на волоске. Но поскольку никто посторонний не имел точного представления о всех хитросплетениях тиссеновского треста, он имел возможность в решающие моменты морочить головы своим кредиторам. Его излюбленным приемом было переводить большие суммы туда и обратно в рамках трудно обозримого конгломерата фирм. Все это создавало впечатление того, что достаточное количество денежных средств имеется и в тех частях концерна, которые на самом деле находились в бедственном положении. Разумеется, эта система имела один существенный недостаток, заключавшийся в том, что только сам Тиссен видел истинное положение дел в различных частях своей промышленной империи и мог регулировать его. Никто другой не был в состоянии умело ориентироваться в хитросплетениях тиссеновских финансов. Тиссен привык покупать только тогда, когда можно было по дешевке приобрести акции или даже предприятие в целом. Он всегда приобретал лишь то, что в точности подходило его концерну или что можно было подвести под интересы концерна с минимальными затратами. С 80-х годов прошлого столетия Аугуст Тиссен был, без сомнения, ключевой фигурой в превращении Рурской области в крупнейший единый индустриальный район мира.

Всегда на передовых рубежах

Тиссен постоянно был лидером в деле освоения всего нового, будь то в области техники, финансирования или организации производства. Посрамленные конкуренты всегда шли следом за ним. Журналист Феликс Пиннер писал по этому поводу: «Он не

выносил и не терпел ничего того, что можно было превзойти за счет более современной техники. Нередко он сам изобретал на своих заводах новые механизмы. Этим он создавал предпосылки для переворота во всей промышленности». Угольные шахты, сталелитейные, прокатные и машиностроительные заводы Тиссена работали лучше, чем у какого-либо другого предпринимателя.

Узким местом его концерна с давних пор было снабжение железной рудой, ибо очень скоро ее нельзя было покупать в Германии в таких количествах, в каких нуждался концерн. Самые богатые рудники уже находились в твердых руках, и только в самом западном уголке империи, в Лотарингии, еще можно было приобрести крупные объекты. И вновь Тиссен пошел непроторенным путем, когда поставил с ног на голову древнюю заповедь Рура «Железо перевозится к углю» и на участке площадью 600 га, заблаговременно и с сохранением тайны приобретенном через посредников и расположенном в центре лотарингского бассейна Минетта, воздвиг самый крупный и самый современный для того времени сталелитейный завод Германии. Этим он вызвал бешеную ярость другого стального магната Эмиля Кирдорфа, владельца «Гельзенкирхенер бергверкс-АГ», у которого была аналогичная идея и который в очередной раз опоздал с ее реализацией.

Так как в Германии уже нельзя было найти новых источников железной руды, Тиссен распорядился, не мешкая, получать ее во французской части Лотарингии и в Нормандии. И наконец, он, прослышав о планах Райнхарда Маннесмана, приобрел долю участия в одной марокканской горнодобывающей компании. Кроме того, он направил своих эмиссаров в Россию, чтобы те приобрели на Кавказе крупные земельные участки, на которых предполагалось наличие марганцевой руды. Тиссен принимал участие в разведке залежей железной руды даже на крайнем севере Норвегии и в британской Индии. Проблема была решена только во время первой мировой войны, когда французы конфисковали огромный завод Тиссена в Хагендингене, в результате чего резко сократились потребности концерна в руде.

Члены правления должны были приносить с собой бутерброды

По стилю правления промышленный магнат был абсолютным монархом наполеоновского размаха. Он умел систематически сманивать первоклассных специалистов у конкурентов и привязывать их к себе. Однако никто из директоров Тиссена ни на минуту не оставался в неведении того, кто имел право принимать решения в империи Тиссена. Известный в Германии историк по экономическим вопросам Вильгельм Тройе пришел к заключению, что «все его ведущие сотрудники... обязаны были сразу показать, что они не выходят за рамки установленных Аугустом Тиссеном границ, и их удовлетворила свобода принятия решений в том объеме, которым наделил их хозяин концерна».

Как оценивал сам себя основатель концерна, видно из читательского письма, которое, к большому удивлению друзей, послал в *Мюльхаймер цайтунг* 80-летний Тиссен: «Худо ли, хорошо ли, но

меня причисляют к классу капиталистов. Но как бы там ни было, я осознаю, что даже как таковой я трудился в своей жизни так же много, как самый усердный и прилежный работник, занятый на заводах моей фирмы или на каком-нибудь другом предприятии». Доказательства того, что он не щадил ни себя, ни других, содержатся в многочисленных сохранившихся до нашего времени письмах Тиссена своим ведущим сотрудникам. Из них вытекает, что он умел различными уловками повышать трудовую отдачу работников. В них, к примеру, можно прочитать: «Я попрошу господ прихватить с собой в четверг несколько бутербродов, чтобы мы не теряли времени на обед».

Вместе со смертью Тиссена в пасхальное воскресенье 1926 г. отошла в прошлое и эра крупных грюндеров на Рейне и в Руре. И хотя можно было еще встретить одного-другого грюндера, которые, подобно Фридриху Флику, еще и сейчас могли бы сколотить себе гигантское состояние, все же создание из ничего предприятий, по своим масштабам аналогичных концерну Тиссена, стало возможно только после полного разрушения старых предприятий в период второй мировой войны.

Иной раз грубые методы

«Август Сильный», как нередко называли Августа Тиссена в Руре, пережил всех своих современников — грюндеров XIX в., патриархов-творцов угольных и металлургических концернов, железных дорог и машиностроительных заводов. Они тянулись к богатству и престижу, к «чести и процветанию», как имел обыкновение говорить Альфред Крупп. Но из чистой радости и удовольствия, которые они находили в самом процессе конструирования и придания законченной формы своим идеям, они не забывали добиваться технического и экономического совершенства. По своему усмотрению они могли произвольно распоряжаться капиталом, сырьем и материалами, а также людьми, потому что господствовавшие в обществе законы и соотношение сил давали достаточный им простор для этого.

Их рабочие и служащие, которых по старинке именовали «чиновниками», в гигантском процессе создания концернов оставались просто-напросто исчисляемым фактором, который вводился в расчеты, как, скажем, одна тонна железа или угля. Боссы грюндерского периода были безразличны к тому, что у этих людей, возможно, имеются свои собственные представления о рабочем месте, что они хотели жить, а не только работать.

Подчас грубые методы, с помощью которых они подавляли сопротивление своих работников, порождались в принципе глубоким страхом перед силой «проклятой черни». Предприниматели, которые добивались успеха в силу того, что обладали хорошим пониманием реальной действительности, разумеется, точно знали соотношение сил, складывавшееся между ними и рабочими. Поэтому они считали вполне пригодным любое средство, которое мешало рабочим осознавать собственную силу.

Гуманные хозяева пали жертвой своего человеколюбия

Правда, уже в начальный период индустриализации встречались прозорливые владельцы фабрик, которым претили алчность и жестокость их коллег по сословию. Так, фабрикант ножей из Золингена Иоганн Абраам Хенкельс, по его словам, однажды выбросил в Берлине в реку Шпрее целую партию своих ножей, поскольку был недоволен их качеством. Предприниматель Иоганнес Шухардт из Барма, получивший широкую известность далеко за пределами своего города по той простой причине, что вел борьбу против использования детского труда, жаловался в 1840 г. на характер деловой жизни: «Это постоянное подстегивание, спешка, борьба — и все без определенной цели». И он забросил эту систему, в которой каждый стремился только к тому, чтобы «в деловом порыве обойти других, не имея перед собой, собственно говоря, никакой цели».

Впрочем, и проблемы, связанные с социальной сферой, были известны наиболее умным представителям первых грюндеров. Так, *Аахенер цайтунг,* газета, находившаяся под большим влиянием аахенского коммерсанта и основателя железной дороги Давида Ханземана, уже в 1843 г. предостерегала от возможного возникновения конфликта между неимущими и высокомерной денежной аристократией, которая «прямо и откровенно строила свое господство на подчинении масс».

Годом позже Фридрих Харкорт, который открыл первую в Германии механическую мастерскую, но разорился как предприниматель, писал: «Всем сердцем я презираю такое создание ценностей, такое накопление богатства, которое обеспечивается унижением человеческого достоинства, унижением трудящихся классов». В ожесточенной конкурентной борьбе в годы либерального грюндерства ее жертвами стали именно те хозяева, в мыслях которых присутствовал социальный аспект. Успех сопутствовал Круппам, Ханиэлям и Штуммам, которые аккуратно вознаграждали труд своих рабочих по меркам времени и заблаговременно заботились о том, чтобы их «человеческий материал» не слишком изнашивался, но в любое время использовался как можно больше.

Действовали из голого эгоизма

Они поступали так не из чувства социальной ответственности, а из голого эгоизма. Так, своим появлением на свет широко известная больничная касса на предприятиях Круппа обязана не великодушию патриарха, а его строгости. Альфред ввел правило налагать денежные штрафы на рабочих, которые опаздывали на завод или проявляли свой характер. Эти деньги поступали в специальную кассу. Она и явилась костяком учрежденной в 1836 г. больничной кассы. Экономист-историк Рихард Эренберг высказал предположение, что «касса получала прямые взносы, по-видимому, только от рабочих, по одному грошу еженедельно с каждого работника; фирма платила гонорар, как мне кажется, только врачу в размере 20 талеров...».

Следовательно, только сами рабочие финансировали в то время социальную систему, созданную Круппом, поскольку 20 талеров для фирмы, насчитывавшей 80 рабочих, были просто мелочью, о которой и говорить-то не стоит. Только через 20 лет, т. е. после того, как Пруссия в законодательном порядке ввела систему страхования рабочих, фирма обязалась покрывать 50% взносов в крупповскую больнично-пенсионную кассу. И то лишь потому, что Крупп видел в этом средство еще крепче привязать своих рабочих к фирме и повысить их зависимость от себя.

Но и прочие социальные льготы, предоставлением которых любил похвастаться эссенский концерн, в действительности шли на пользу скорее предприятию, чем персоналу. Рабочий, отличавшийся строптивым нравом и подлежавший увольнению, терял не только заработок, но также внесенную им долю в больнично-пенсионную кассу. Более того, ему предстояло освободить заводскую квартиру. Ведь и эта социальная услуга использовалась прежде всего для поднятия дисциплины среди рабочих.

«Пользуйтесь тем, что вам дано»

Основанное в 1858 г. «потребительское общество» представляло собой реализацию третьей, столь же превосходной идеи патриарха. С одной стороны, оно предоставляло крупповским работникам благоприятные возможности покупки необходимых товаров, а с другой — приносило изрядные прибыли самому концерну, так как крупповским торговцам продовольственными товарами путем оптовых закупок легко удавалось сбивать цены розничных торговцев и, несмотря на невысокие цены, прилично зарабатывать на товарообороте.

Патриарх предостерегал своих работников от появления в их головах «глупых» мыслей: «Пользуйтесь тем, что вам дано. После выполненной работы проводите время в кругу своей семьи, с родителями, женой, детьми. Думайте о домашнем хозяйстве и воспитании детей. Это ваша политика, она принесет вам радость. Не тратьте нервы на большую политику той земли, в которой живете. Занятие большой политикой требует больше свободного времени и умения разбираться в обстановке, которые не даны рабочему. Вы выполняете свой долг, когда выбираете людей, рекомендованных вам доверенными лицами. Но вы наверняка ничего не достигнете, кроме вреда, если захотите посягнуть на устои государственного порядка. Болтовня на политические темы в пивной обходится к тому же очень дорого, за эти деньги дома можно иметь и что-то получше».

Король Штумм из «Саарави»

Если Альфред Крупп в период существования Германской империи был самой авторитетной фигурой среди патриархов тогдашней промышленности, то по степени политического влияния он был все же обойден своим саарским конкурентом бароном Карлом Фердинандом фон Штумм-Хальбергом. Прозванный императором

Вильгельмом II «королем Саарави», Штумм твердо и последовательно проводил на своих предприятиях и в германском рейхстаге линию «хозяин в своем доме». Штумм родился в 1836 г. Он был отпрыском династии предпринимателей, которая уже с 1715 г. владела горно-металлургическими предприятиями вначале в Хунсрюкке, а затем в Саарской области. Ему сопутствовал успех как в предпринимательстве, так и в политике.

Полученные в наследство от отца чугунолитейные заводы он превратил в солидный горно-металлургический концерн, который, хотя и не мог помериться силами с крупнейшими предприятиями Рура, все же намного превосходил все прочие фирмы металлургической промышленности. На рубеже столетий состояние династии оценивалось в 150 млн. марок. Это был тот уровень, которого достигли, помимо Круппа, еще только верхнесилезские магнаты. Основными предприятиями концерна Штумма были «Нойкирхенер айзенверк», «Хальбергер хютте», «Диллингер хютте» и шахта «Ахенбах» в Рурской области. На них было занято добрых 8 тыс. рабочих.

Если Крупп выпускал самые большие в империи пушки, то Штумм ковал самые прочные броневые плиты. Соперничество между обоими стальными патриархами за выпуск продукции более высокого качества шло обоим на пользу. Оно велось, разумеется, за счет государственных заказов. Если Круппу удавалось создать пушку, обладавшую большей пробивной способностью, которая превращала броню, применявшуюся при строительстве долговременных огневых сооружений и кораблей, в кучу лома, то Штумм не знал покоя до тех пор, пока у него не разрабатывали таких стальных сплавов, которые могли противостоять огневой мощи крупповских орудий. Конкуренту из Эссена оставалось дождаться момента, когда весь военно-морской флот страны не будет оснащен новыми броневыми плитами Штумма. Вот тогда только игра могла начинаться снова.

Само собой разумеется, очень кстати оказывались здесь связи «сааравийца» с морским министерством, которые он установил в рамках своей политической деятельности. После ранней смерти своего отца Штумм уже в 22-летнем возрасте вступил во владение наследством. По совету дяди Карла Бёккинга он в 1867 г. баллотировался на выборах в первый рейхстаг Северо-Германского союза. Штумм вышел победителем на них: за него было подано 9 тыс. голосов, а за его конкурента, известного медика Рудольфа Вирхова,— всего 1,5 тыс. Позднее этот промышленный князь уже махровым реакционером вошел в состав германского рейхстага и создал ультраконсервативный Комитет работодателей по подавлению социал-демократии. В 1888 г. его возвели в звание наследного барона, а спустя еще три года он получил от Вильгельма II право именоваться Штумм-Хальбергом.

Пряник и кнут

В отличие от некоторых других промышленников бравый барон не ощущал никаких затруднений от того, что во всеуслышание заявлял о своих средневековых представлениях о господстве и

послушании. Фабрика представляла для него структуру, которую «следует организовывать на военный манер, а не наподобие парламента». Соответствующим образом он обращался и со своими рабочими. «Он властно требовал от своих рабочих,— читаем мы у Феликса Пиннера,— знаков благодарности и использовал, помимо пряника, который он давал рабочим строго отмеренными порциями, и плетку, порой даже кнут в такой подаче, которая в русской интерпретации могла сойти за весьма и весьма патриархальную».

А промышленный хроникер Курт Притцколяйт пришел к выводу: «То, что мы видим у Штумма, уже соответствует концепции тоталитарного восприятия трудящихся людей, только в качестве узурпатора выступает не государство, а предприниматель». И в самом деле рабочие предприятий магната от своего рождения и до самой смерти не могли избавиться от всесилия хозяина.

Уже дети рабочих Штумма находились под соответствующим надзором в школах, принадлежавших заводу. Мальчики ходили в металлургическую школу, а затем, если обнаруживались необходимые способности, в школу повышения квалификации, также принадлежавшую заводу. Девочки посещали школу рукоделия и шитья, а позже — школу ведения домашнего хозяйства, пока они наконец не выходили замуж за одного из рабочих Штумма, естественно, с согласия хозяина фабрики.

Шеф дает разрешение на свадьбу

Юная пара опять же находилась в зависимости от фабрики. Ей предоставлялось заводское жилище, а если она за счет экономии собирала не менее 900 марок, то ей в случае безупречного поведения могли предоставить ссуду до 2400 марок на строительство собственного домика. Эти «домовладельцы» были более всего по душе хозяину фабрики, поскольку до погашения ссуды они безропотно начинали работать прилежнее, чем их более мобильные коллеги.

Если человек допускал какую-либо оплошность в империи «короля Штумма», безразлично какую — профессиональную или приватную,— то его дальнейшая судьба полностью зависела от судебного решения, выносившегося предпринимателем. Патриарх не только самовластно карал нарушения установленного им «служебного распорядка», но и присвоил себе право контролировать личную жизнь своих подданных, представлявшее, по Притцколяйту, разновидность родовой юрисдикции. Когда законами о защите рабочих, изданными в 1891 г., ему было запрещено подвергать рабочих денежному штрафу за их поведение вне стен предприятия, то он просто-напросто заменил их на другое наказание — увольнение — и тем самым повысил эффективность своих решений-приговоров.

В рейхстаге Штумм так разъяснил свою позицию: «Никто не может помешать мне наряду с соблюдением трудового распорядка публично огласить следующее: «Как и прежде, я буду интересоваться поведением моих рабочих вне стен завода. Тот, кто не отвечает моим требованиям, будет незамедлительно предупрежден об этом, а если предупреждение не поможет, то уволен». Да, Штумм пошел дальше и наделил себя правом решать, может ли быть привлечен к

суду кто-то из его подданных для решения спора с работником другого предприятия. В связи с этим Курт Притцколяйт констатирует, что «в остэльбских патриархальных имениях положение дел было либеральнее».

Частная война против социал-демократов

Когда однажды *Нойкирхенер тагеблатт* напечатала на своих страницах критическое стихотворение «Старый рабочий», Штумм сразу же запретил всем работающим на его предприятиях покупать и читать эту газету. Он добился даже того, что этот запрет поддержали все металлургические предприятия Саара.

Совершенно ясно, что этот промышленный диктатор пуще чумы ненавидел все, что как-то напоминало социализм. Его пресловутый Комитет работодателей по подавлению социал-демократии, учрежденный 6 июля 1877 г., опубликовал следующее обращение, приобретшее позднее известность как «Закон о социалистах саарской промышленности»:

«1. Не следует терпеть присутствия на заводах рабочих, которые прямо или косвенно принимают участие в социал-демократической агитации, и в первую очередь тех, кто

а) хранит или распространяет социал-демократические газеты;

б) участвует в собраниях или союзах социал-демократов;

в) часто посещает пивные, в которых проводятся собрания социал-демократов или имеются газеты этого направления.

2. Рабочие, уволенные во исполнение данного решения, не должны приниматься на работу ни на каком другом заводе».

«Следует пользоваться железной метлой»

Свою частную войну против социал-демократов сказочно богатый магнат финансировал за счет средств специального фонда поддержки, в который каждое участвующее в нем предприятие (членами его стали все горно-металлургические предприятия Саарской области) должно было вносить по одному пфеннигу за каждого работающего. Даже государственные предприятия и железнодорожные компании вынуждены были участвовать в финансовой поддержке нападок реакционеров на рабочее движение. 9 января 1895 г. Штумм провозгласил в рейхстаге: «Принципиального различия между социал-демократами и анархистами не существует. Поскольку в борьбе с социал-демократами духовного оружия недостаточно, следует пользоваться железной метлой...»

От имени своей партии Штумм предложил проект закона, первый параграф которого гласил: «Все социалисты лишаются активного и пассивного избирательного права. Агитаторы высылаются из страны или интернируются!» Однако депутаты не захотели тогда слепо следовать за ним. В ответ «король Сааравии» стал ужесточать порядки на своих предприятиях. Он приказал вести слежку за своими рабочими, выяснять, где они стояли и куда ходили; премировал доносчиков и штрафовал по собственному усмотрению всякого, кто, по его мнению, сошел с пути истинного.

Рабочие Штумма должны были быть послушными и благодарными, а также нести в себе страх божий. Большинство из них были такими людьми или по меньшей мере делали вид, что они такие. Ведь кто получал увольнение от Штумма, тот уже не имел никаких перспектив в «Саарави». И так продолжалось до самой смерти «самодержца». Он умер 8 марта 1901 г. от рака желудка.

Глава 14
ГЕНИЙ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Важнейшим после изобретения железной дороги событием в летописи хозяйственной жизни XIX в. был переход к использованию электричества. Он сделал возможным возникновение индустрии, которая по своему значению могла соперничать с крупнейшими угольными и стальными концернами. Здесь также встречались первопроходцы, которые способствовали развитию этой отрасли и извлекали из этого огромную выгоду для себя. Электрическая энергия — это было нечто гораздо более современное и сложное, чем пар и сталь. Здесь нужны были люди совсем иного склада, чем в горно-металлургической промышленности. На этот раз немцы явились нацией, которая первой выдвинула таких людей.

С самого начала они встали во главе этой индустрии, и им не надо было, как Круппу, Хёшу или Майеру, ехать в Англию, чтобы выведывать секреты производства. А если говорить точнее, то это были всего два семейства, которые придали силу немецкой электротехнической промышленности, помогли ей добиться мирового признания. Их предприятия еще и сегодня дают работу сотням тысяч людей. Это семейства Сименсов и Ратенау, из которых, собственно говоря, лишь первые могли считаться пионерами электротехники. И в этом семействе следует выделить имя только одного Сименса — первооснователя Вернера Сименса.

Он был человеком, который встречается, вероятно, лишь раз в столетие. Журналист Феликс Пиннер, отличавшийся известной критичностью своих суждений, писал о нем: «Вернер Сименс представлял собой, быть может, самый яркий сплав гениальных начал в области техники, науки и предпринимательства, которые когда-либо соединял в себе житель Германии». Конечно, уже в одном этом могло заключаться что-то серьезное, но при ближайшем рассмотрении даже в этом промышленном гиганте выявляются различного рода человеческие слабости, а превращение его мастерской в мировой концерн отнюдь не протекало столь гладко, как это любили утверждать архивариусы из опасения нанести ущерб престижу фирмы.

В судьбе благородной семьи Сименсов, которая принадлежит сегодня к элите немецкой промышленности, случай, иной раз жуткое везение и просто вездесущая пронырливость также играли существенную роль. Вернер Сименс никогда не был добропорядочным патриархом, гением, мудро избегавшим теневых сторон этого мира, каким он изображается при случае в школьных учебниках. Он так же свободно, как и Альфред Крупп, использовал идеи других людей, которые в делах были не так оперативны, как он, чтобы заработать на них состояние.

Четыре брата — люди большого ума

Феноменальным в истории семейства Сименсов явился, собственно, даже не тот факт, что оно в нужное время выдвинуло из своих рядов гения, а то, что в одном поколении дало сразу целый квартет людей, обладавших исключительными способностями. Без своих братьев Вильгельма и Карла Вернер Сименс сумел бы стать, по-видимому, руководителем средней по своим масштабам фирмы. В свою очередь четвертый Сименс, кузен Георг, оказал лишь незначительное влияние на обеспечение успеха электротехническому предприятию. Он стал главой «Дойче банк» и благодаря этому самым могущественным в империи распорядителем торгово-денежного капитала.

Когда через год после Венского конгресса, 13 декабря 1816 г. Вернер появился на свет, ничто не предвещало того, что семейство Сименсов именно благодаря этому событию получит такую прибавку в талантах. Его отец был умным, однако не обладавшим выдающимися способностями сельским хозяином из земли Мекленбург, который управлял имением Ленте под Ганновером, а в 1823 г. переселился со своей семьей в Менцендорф близ Любека. Здесь он арендовал довольно крупный участок государственных земельных угодий. Шутники замечают, что единственно, чем он выделялся среди остальных, это умением стать отцом восьмерых отличных мальчишек.

После Вернера, продолжателя рода, это были Ханс, Фердинанд, Вильгельм, Фридрих, Карл, Вальтер и Отто. Старший посещал вначале гимназию в Любеке, где он выделялся своими знаниями математики и физики. После окончания школы Вернер намеревался посещать университет, но, поскольку у его отца, воспитывавшего толпу голодных детей, не было на это средств, он поступил на службу кандидатом в офицеры в инженерный корпус прусской армии. Он слышал, что здесь можно было безвозмездно получить хорошее образование в области естественных наук.

Государственная служба должна была оказаться для него весьма полезной, так как на ней он познакомился с образом мышления своих будущих заказчиков, установил первые связи, но прежде всего познакомился с теми требованиями, которые предъявляла к технике армия. В 1838 г. после трехлетнего обучения математике, физике, химии и баллистике в инженерно-артиллерийской школе в Берлине Вернер Сименс, сын крестьянина, приехавший на учебу из провинции, был произведен в лейтенанты. Годом позже умирают его родители, и Вернер Сименс, в котором была сильно развита склонность к семейной жизни, вынужден был взять на себя заботы о братьях.

Все начиналось с золотых ложек

При прохождении однообразной гарнизонной службы в Магдебурге и других провинциальных прусских городах Вернер занимался всякого рода химическими экспериментами и опытами с электричеством. Когда в один прекрасный день Сименс открыл, что в процессе гидролиза можно путем гальванизации покрывать золотом

ложки, вилки и ножи, он подумал, что нашел, наконец, возможность прокормить ораву своих голодных братьев. Ближе всех ему был Вильгельм, который не только был моложе его на шесть лет, но который, подобно ему самому, увлекался техническими опытами.

Поэтому, когда в 1842 г. Вернер был переведен в прусские королевские артиллерийские мастерские, расположенные на берегу реки Шпрее в Берлине, он побеспокоился о том, чтобы Вильгельм получил солидное техническое образование. Затем предприимчивые братья Сименс разработали смелый план: почему бы не организовать за рубежом продажу позолоченных ложек Вернера, которые так понравились его берлинским друзьям. Вильгельм, пожалуй, еще более склонный к приключениям, чем его старший брат, в 21 год решил отправиться в Англию, чтобы превратить там блестящую идею брата в золото. И этого Сименса тоже очаровала страна технических чудес — Британия. Будучи человеком независимого склада ума, он, видимо, надеялся к тому же освободиться там, в Англии, от вечной опеки со стороны своего старшего и, возможно, несколько более умного брата.

Ему действительно удалось продать в Лондоне за приличную сумму технологию гальванизации, что позволило на время уладить их наиболее безотлагательные денежные заботы. Легко достигнутый успех натолкнул их на идею создать фирму по делам изобретений. Вернер постоянно вынашивал в Берлине новые идеи в надежде, что мир с нетерпением ожидает их от него. Так, например, он подготовил планы разработки технологии печатания с помощью скоростной плоскопечатной машины, изобрел регулятор к паровой машине и процесс изготовления синтетических драгоценных камней. И все же, как ни старался в Англии Вильгельм, никто не хотел воспользоваться великолепными изобретениями Вернера.

Самое время начать делать что-нибудь разумное

Так продолжалось 4 года. Для проведения экспериментов Вернеру нужно было все больше и больше денег, а прибыль от продажи технологии гальванизации была очень быстро полностью израсходована. И как сказал сам себе неутомимый изобретатель, настало самое время начать, наконец, делать что-нибудь разумное, поскольку с каждым днем увеличивались заботы о младших братьях, которые также перебрались в Берлин. Мысль, которая не давала ему покоя, была одной из ведущих своего времени. Она состояла в том, чтобы найти решение проблемы передачи информации на расстояние с помощью электрического тока.

Как офицеру Вернеру Сименсу было известно то внимание, которое военное министерство в Берлине придавало проблеме быстрой и бесперебойной передачи информации. Еще Наполеон ввел в своей армии оптический телеграф, созданный в 1792 г. французским офицерам Клодом Шаппом. Основу этого устройства составляла рама пятиметровой высоты, из которой через поворотный рычаг могло выдвигаться семафорное крыло, несшее в общей сложности 86 различных знаков. Через каждые 7—10 км устанавливались сигнальные мачты, что позволяло при хорошей видимости с удивительной быстротой передавать информацию на расстояние.

Однако уже на протяжении длительного периода времени повсеместно проводились эксперименты, цель которых — создание устойчивой информационной связи с помощью электрического тока. Так, уже в 1809 г. по приказу баварского короля физик Зёммеринг сконструировал быстродействующую систему передачи информации. В ее основу положена идея, в соответствии с которой электрический ток в состоянии разлагать воду на газообразные компоненты. Зёммеринг помещал куски проволоки в наполненный водой сосуд, и как только он пропускал ток через один из них, на одном из его концов появлялись пузырьки газа. Недостаток этой системы состоял в том, что для каждой буквы алфавита был необходим свой собственный проводник.

Примерно в то же самое время физики и астрономы Гаус и Вебер из Гёттингена пытались осуществлять обмен информацией между обсерваторией и физическим институтом, находящимся в самом городе, с помощью свободно колеблющегося магнитного сердечника, двигавшегося внутри деревянной рамы, на которой были помещены обмотки из проволоки.

Беспомощный часовых дел мастер...

Однако самым передовым был стрелочный телеграф английских изобретателей Кука и Уитстоуна, в котором подвижный якорь электромагнита через колесо спускового механизма был соединен с часовым механизмом. При каждом импульсе тока стрелка часов продвигалась вперед на одно деление. Благодаря этому можно было уже довольно четко передавать информацию. В 1844 г. административно-хозяйственное управление сухопутной армии Пруссии приобрело один экземпляр аппарата Уитстоуна. Но телеграф не функционировал. Поэтому известному часовых дел мастеру Леонардту было поручено переделать аппарат, с тем чтобы его могли использовать в военных целях. Леонардт заменил приводную рукоятку, через которую импульсы тока до этого времени подавались в высшей степени неравномерно, на контактное устройство, приводившееся в действие часовым механизмом. Теперь импульсы тока проходили более равномерно, но вся аппаратура была еще слишком ненадежной, чтобы использовать ее на практике.

Летом 1846 г. часовой мастер довольно нерешительно обратился к Вернеру Сименсу, с которым он познакомился на лекциях в физическом обществе. Артиллерийский офицер, уже хорошо известный своей склонностью к электротехническим экспериментам, сразу же начал интенсивно заниматься решением поставленной проблемы и уже через несколько дней нашел принципиально новое решение. Он встроил в телеграф Уитстоуна прерыватель, который четко разделял импульсы тока, а в качестве датчика сигналов применил циферблат, который он окружил венцом радиально расположенных кнопок. Как только нажимали на какую-либо кнопку передающего устройства, стрелка на циферблате приемного устройства продвигалась на соответствующее поле. Отныне можно было без особого труда передавать весь алфавит.

... и решительный грюндер

Хотя часовых дел мастер, как выяснилось позднее, так никогда и не постиг эту идею, оба конструктора телеграфа, обладавших неиссякаемой творческой энергией, незамедлительно стали грезить большой сделкой. Они заключили между собой договор, по которому Леонардт должен был делать приборы, а Сименс получать за свою идею определенную часть прибыли от их продажи. Однако Леонардт не до конца разобрался со стрелочным телеграфом. Его создатели поссорились между собой и расторгли договор.

Вернер Сименс, который раньше, чем его компаньон, постиг значение самой идеи, принял твердое решение положить телеграфный бизнес в основу семейного предприятия. Исключительно опасный рост бремени долгов, добровольно взятое на себя обязательство проявлять заботу о своих братьях и глубокий след, оставленный успешным применением технологии гальванизации, обострили его чутье в вопросах умелого хозяйствования. Он был не просто одним из тех людей, которые имели склонность к кропотливой работе, его планы шли гораздо дальше.

Позже Вернер признавался в письме к брату Карлу, что уже тогда мечтал стать основателем предприятия мирового значения: «Уже с юных лет я мечтал о том, чтобы учредить всемирную фирму а-ля Фуггер, которая позволила бы занять высокое положение не только мне, но и моим потомкам...» Подобно средневековой купеческой династии из Аугсбурга, молодой артиллерийский офицер из Берлина хотел, используя технические идеи, которые приходили ему в голову без видимых усилий, создать предприятие, которое не имело бы себе равных по своей мощи и размерам.

Идеи исходили от конкурентов

Итак, при всем своем пристрастии к науке Вернер Сименс с самого начала считал себя предпринимателем, а не просто любителем мастерить что-то. Только эта основная концепция его жизни, которую он никогда не подвергал сомнению, позволила стать ему выше всей массы изобретателей и техников, которые в то время проводили различные эксперименты в Германии. Техника никогда не была самоцелью для Вернера Сименса. Развивая глубже свои идеи, он всегда исходил из той проблемы, для которой они представляли собой возможное решение. И проблемы, которыми Сименс занимался, он всегда выбирал в зависимости от того, готов ли был кто-нибудь выложить деньги для их решения.

Что касается телеграфа, то он знал, как велика была потребность в нем. Поэтому он не ослаблял своих усилий до тех пор, пока этот бизнес не оказался у него в руках. До наших дней Вернер Сименс считается крупным изобретателем телеграфа. Но в действительности, по существу, наиболее важные идеи в области технических решений передачи информации на расстояние с помощью электрического тока исходили не от него, а от конкурентов, таких, как американец Сэмюэл Финли Бриз Морзе и эмигрировавший в США англичанин Дэвид Эдуард Юз. Однако никто из них не занимался совершенствованием телеграфа так долго, основательно и настойчи-

во, как Вернер фон Сименс. И никто из них даже отдаленно не получил столь большой выгоды от этого, как он.

Когда договор с Леонардтом лопнул, перед Сименсом встали две проблемы. Во-первых, ему предстояло найти механика, который собирал бы его аппараты с требуемой аккуратностью. Во-вторых, ему необходимо было благосклонное расположение комиссии по вопросам телеграфной связи, являвшейся в Пруссии высшей инстанцией по всем техническим вопросам. Очень скоро он нашел механика в лице квалифицированного часовых дел мастера и машиностроителя Иоганна Георга Хальске, который вместе со своим партнером по имени Бёттхер содержал в Берлине мастерскую по точным работам.

Ремесленник, стремящийся к совершенству

Сименс, который благодаря чтению докладов в физическом обществе уже сделал себе имя как эксперт по проблемам электротехники, и Хальске, рассудительный ремесленник с неукротимым стремлением к совершенству, сразу почувствовали взаимную симпатию. По чертежам Сименса Хальске собрал два прототипа, которые изобретатель вновь и вновь заставлял переделывать до тех пор, пока они не стали функционировать настолько хорошо, что их можно было продемонстрировать перед комиссией по вопросам телеграфной связи. Еще по инициативе часовых дел мастера Леонардта комиссия велела проложить линию связи между Берлином и Потсдамом. 8 июля 1847 г. Сименс и Хальске подключили оба прототипа на концах этой кабельной линии, чтобы провести первую публичную демонстрацию телеграфа в действии.

Попытка удалась, и полковник Этцель, председатель комитета по техническим испытаниям, был в восторге. Он предложил Вернеру Сименсу, у которого истекало время прохождения службы в артиллерийских мастерских и который должен был возвратиться в свой полк в Виттенберг, незамедлительно стать одним из основных членов комиссии по вопросам телеграфной связи. Сименс принял предложение занять эту государственную должность и как чиновник в дальнейшем должен был участвовать в распределении крупных заказов на оборудование телеграфной связи, т. е. заказов, которые сам он как предприниматель искал возможности прибрать к своим рукам.

Примерно в то же самое время он уговорил механика Хальске совместно основать фирму по прокладке телеграфных линий. Нужный для дела основной капитал, который Сименс оценивал в 10 тыс. талеров, умный учредитель намеревался получить от своего проживавшего в Берлине состоятельного дяди, советника юстиции Георга Сименса. Тот был согласен на это при условии, что он станет негласным участником будущей фирмы, однако выложил в конечном счете всего 6843 талера. 12 октября 1847 г. фирма «Сименс унд Хальске», зарегистрированная как открытое торговое общество, распахнула свои двери.

Фирма на задворках и без заказов

Правда, это были весьма шаткие входные двери, ведущие к зданию на заднем дворе на Шёнебергерштрассе, 19, недалеко от Ангальтского вокзала. Через столь же обветшалую лестницу вход вел в скромно оборудованную мастерскую площадью около 150 м^2. На первом этаже, под помещением мастерской, свою квартиру устроил один из владельцев фирмы, Сименс; на этаже над мастерской по-домашнему устроился Хальске. По взаимному соглашению преисполненных надежд учредителей каждый из них должен был получать по $^2/_5$ столь желанных прибылей, а остающуюся часть — негласный участник их фирмы и финансист Георг Сименс.

Фирма не имела ни одного заказа и до поры до времени занималась изготовлением демонстрационных моделей телеграфа. Дело в том, что комиссия по вопросам телеграфной связи объявила по ходатайству Вернера Сименса (по чьему же еще?) конкурс на выявление лучшего аппарата для использования в государственной телеграфной сети. Конкурсные испытания должны были начаться 15 марта 1848 г. Между двумя этими событиями произошло нечто особенное — разразилась революция. А кроме того, Вернеру Сименсу надлежало идти на войну, потому что Дания принимала меры, чтобы присоединить к себе герцогство Шлезвиг. Германский союз послал на север вспомогательный корпус под командованием прусских офицеров, в состав которого входил и основатель концерна на Шёнебергерштрассе.

Сименс получил специальное задание, которое как раз отвечало его вкусам. Как коменданту крепости ему необходимо было не допустить вхождения датских кораблей в кильский порт. Изобретатель решил эту проблему с помощью морских мин, для которых он сконструировал электрический взрыватель. Эти мины были поставлены под воду в акватории порта.

Сименс изобретает метод изолирования

В то время как Вернер Сименс приводил методы ведения войны в соответствие с техническими возможностями своего времени, Георг Хальске в Берлине взял на себя заботы о фирме. Он изготавливал разнообразные приборы, которые до этого сконструировал его гениальный компаньон. В их числе был и пресс, с помощью которого медный кабель можно было целиком покрывать изоляционным материалом из гуттаперчи, резинообразного продукта растительного происхождения. Вне всякого сомнения, это изобретение имело большое значение для развития электротехники, поскольку ни телеграфная сеть, ни экономически рациональное распространение электроприборов вообще не могли иметь места без внедрения надежного и дешевого метода изолирования.

Множество электротехников занимались решением этой проблемы. Они экспериментировали с хлопком, свинцовыми трубами или резиновым лаком. И только британскому врачу Монтгомери, жившему в то время в Сингапуре, пришла в голову блестящая мысль использовать в качестве изоляционного материала гуттаперчу. Несколько проб этого материала он отослал в Лондон, где они

попали в руки Вильгельма Сименса, который незамедлительно информировал об этом своего брата. Вернер заказал в Берлине 7,4 кг этого материала на фабрике каучуковых изделий «Фонроберт унд Прукнер» и приступил к проведению своих опытов. Гуттаперча оказалась первоклассным изоляционным материалом. Нерешенной оставалась проблема ее бесшовного прессования, ведь кабель необходимо было изолировать абсолютно герметично. Достичь этого не удавалось никому до тех пор, пока Вернер Сименс не сконструировал свой принципиально новый пресс.

Его партнер Хальске, разумеется, не был крупным конструктором, но он был чрезвычайно добросовестным ремесленником. Кроме того, он прекрасно вел дело, и, когда Сименс возвратился с войны домой, в мастерской на Шёнебергерштрассе уже работало ни много ни мало десять человек. Не столь отрадно обстояло дело с проблемой телеграфа. Ведать этими делами неожиданно стало министерство торговли, и как следствие комиссия по вопросам телеграфной связи была распущена. Кроме того, конкурс уже завершился, и совершенно иначе, чем рассчитывал Сименс.

Соперничество конструкторов телеграфа

Вернер оказался не единственным победителем, он был одним из трех участников конкурса, которым предстояло соревноваться между собой в полупромышленном испытании своих моделей телеграфа. Старший преподаватель Крамер из Нордхаузена получил в качестве участка испытания для своего стрелочного телеграфа, представлявшего собой комбинацию телеграфа «Сименс унд Хальске» и аппарата конструкции Уитстоуна, линию Берлин — Кёльн. Сименс сам должен был связать кабелем линию Берлин — Франкфурт-на-Майне. Как известно, во Франкфурте-на-Майне заседало Немецкое национальное собрание, в решениях которого было в высшей степени заинтересовано прусское правительство в Берлине.

И наконец, там была представлена еще одна, третья система, которую Вернер Сименс сначала не принимал всерьез, но которая оказалась самой лучшей. Она принадлежала американскому живописцу Морзе и сбывалась в Европе агентом по фамилии Робинсон. Для воспроизведения переданных импульсов тока Морзе использовал не стрелку, как это делал Сименс, а карандаш, который он вставлял через центральную ось анкера. При каждом импульсе тока анкер с установленным в нем карандашом опускался вниз на равномерно двигавшуюся бумажную ленту и оставлял на ней короткие или длинные штрихи в зависимости от длительности импульсов. Правительственный асессор Ноттебом, избранный в качестве руководителя создаваемого прусского телеграфного ведомства, отдавал предпочтение американской системе.

Скоро фирма «Сименс унд Хальске» оказалась в цейтноте с прокладкой линии во Франкфурт-на-Майне, поскольку 28 марта 1849 г. прусского короля Фридриха Вильгельма IV предстояло провозгласить в Национальном собрании наследным императором Германии. И как гласило распоряжение, телеграф должен был начать функционировать до этой даты. Поскольку правительство полагало, что революционеры могут повредить проложенные по

земле телеграфные линии, кабель во Франкфурт-на-Майне надлежало на большей части линии зарыть в землю рядом с насыпью недавно проложенной железнодорожной линии. И только на участке между Касселем и Франкфуртом-на-Майне, на котором еще не было движения поездов, линия проходила по поверхности.

Аппарат Морзе работает быстрее

В спешке было допущено множество ошибок. Сименс проложил кабель недостаточно глубоко под землей. К тому же он избрал неверную технику нанесения изоляции. Он добавил к гуттаперче серу, которую рекомендовал для получения резины американец Гудьер. Последнему впервые удалось осуществить процесс вулканизации. Из-за этой добавки в кабеле образовывалась сернистая медь, которая постепенно разрушала гуттаперчевое покрытие и тем самым клала конец его изолирующему действию.

Прошло, правда, много времени, прежде чем эта ошибка была обнаружена, и вслед за этим предстояло откопать сотни километров кабеля. Вначале Сименс мог еще похлопывать себя по плечу, как-никак сроки он выдержал, и речь Фридриха Вильгельма IV, который в конечном счете все же отклонил предложенную ему императорскую корону, дважды передавалась сразу из Франкфурта-на-Майне в Берлин. Одновременно Ноттебом предоставил возможность испытать на франкфуртском кабеле непосредственно рядом со стрелочным телеграфом Сименса и аппарат Морзе. Результаты говорили сами за себя: при использовании американской системы передача полного текста речи длилась всего 75 мин., а по системе Сименса 7 час.

Но, подобно большинству удачливых грюндеров, Вернер Сименс проявлял исключительную стойкость и выдержку, когда проигрывал. И ему удалось убедить телеграфное управление в том, что его система надежнее, поскольку американский аппарат может эксплуатироваться якобы только служащими, прошедшими специальную подготовку. В результате пруссаки, несмотря на сопротивление Ноттебома, до декабря заказали еще более 100 экземпляров технически устаревших телеграфных аппаратов Сименса.

Скандал портит хорошую репутацию

Но вот наконец добился всеобщего признания аппарат Морзе, и Сименсу, если он не хотел отказаться от своего предприятия, не оставалось ничего другого, как получить у американца лицензию на производство его телеграфного аппарата. Правда, он удовлетворил свое тщеславие тем, что усовершенствовал систему Морзе собственными идеями. Однако, пожалуй, основную лепту в успех телеграфного бизнеса внес партнер Сименса Хальске. Об этом свидетельствует письмо Ноттебома, датированное ноябрем 1851 г.: «Мы высоко оцениваем другие превосходные свойства, приданные аппарату господином Хальске, и в особенности великолепную, аккуратную и точную работу изготовленных им аппаратов. Это вытекает уже из того, что мы заказывали аппараты для эксплуатации только у него и платили по 200 талеров за штуку...»

Отношение прусского телеграфного управления к фирме «Сименс унд Хальске», отличавшееся вначале большой сердечностью, вскоре сменилось на прохладное. Это произошло после того, как стало невозможно скрывать дальше катастрофу с линиями связи из вулканизированной гуттаперчи. В своей «Истории дома Сименсов» внук Вернера Георг признавался впоследствии: «В кругах общественности разразился скандал, тем более что телеграфное агентство Рейтер направило резкую жалобу на невозможное положение вещей, и прусское телеграфное управление, оказавшееся в результате всего этого в стесненном положении, не могло, пожалуй, оставаться безучастным к тому, что Вернер Сименс сразу и со всех сторон был назван тем человеком, который ратовал за подземную прокладку кабелей и рекомендовал к использованию гуттаперчу...»

Вернер Сименс защищался, выпустив брошюру, в которой он попытался доказать, что гуттаперча, не подвергавшаяся вулканизации, является превосходным изоляционным материалом. Но его противник Ноттебом усмотрел в таком поведении Сименса нападки на его собственную позицию. Он отобрал у фирмы «Сименс унд Хальске» все заказы прусского телеграфного управления и передал ее модели на доработку другим фирмам.

Без денег в кассе

При обычных обстоятельствах это означало бы конец для любого из менее настойчивых и упорных основателей. И все же в первый год деятельности оборот молодой фирмы составил 32 тыс. талеров, и примерно половину этой суммы фирма смогла провести по своим книгам как чистую прибыль. Летом 1851 г. в порыве радости от первого успеха Сименс и Хальске приобрели большой земельный участок на Маркграфенштрассе, 94, с расположенным на нем трехэтажным домом. В целом участок с учетом соответствующих перестроек поглотил 50 тыс. талеров. Теперь предприятие потеряло самого крупного заказчика, и в кассе зияла пустота. Правда, Вернер установил интересные деловые связи в Брюсселе и Париже, заключил договор с братом Вильгельмом, сделав его генеральным агентом фирмы в Лондоне, и подал заявку на патентование своего телеграфа также во Франции. Но все эти инициативы стоили денег и сами пока ничего не принесли.

Более того, советник юстиции Георг Сименс, финансировавший предприятие и всегда отличавшийся некоторой склонностью к ипохондрии, становился все более нервозным. Своими беспокойными расспросами он действовал на нервы главным образом Хальске, потому что его драгоценного племянника Вернера почти никогда нельзя было застать в мастерской, так закружился он в мировой истории. Внук Вернера рассказывает: «Иногда в дни выдачи зарплаты Хальске вынужден был брать в долг не одну сотню талеров. Компаньон, хотя и был женат с юного возраста, отсутствовал месяцами, пребывая большей частью в России. Агент в Лондоне заключал сделки только на словах, а теперь его поддерживал в этом еще и брат Карл, который почти за год пребывания в Париже использовал по счету накладных расходов 3 тыс. франков без какого-либо результата».

Неистощимый оптимизм

И далее он пишет: «До сих пор единственный успех лондонского агентства — это бронзовая медаль на прошлогодней Всемирной выставке, представлявшая собой плохую, неумелую работу, лишенную вкуса, в футляре за пять серебряных грошей, как язвительно заметил Хальске, да еще изобретение водомера господином агентом. Хальске имел удовольствие изготавливать этот инструмент в Берлине; при этом модель была опять изменена, теперь уже в третий раз, как раз в момент, когда были заказаны литые детали. А водомер, был ли он вообще тем предметом, которым следовало заниматься ведомству по строительству телеграфных линий?»

Механик видел будущее в мрачном свете. Напротив, его компаньон, казалось, был проникнут неистощимым оптимизмом. Изобретатель инстинктивно делал в ту пору правильные шаги: он много путешествовал, рекламировал свои телеграфные аппараты и пытался заполучить новых заказчиков. Уже в июне 1849 г. он навсегда расстался с мундиром чиновника и мог теперь открыто выступать как представитель своей фирмы. Один из первых многообещающих деловых контактов был установлен, когда в Берлине появился посланец русского правительства капитан Людерс. Целью его визита было ознакомление с состоянием телеграфного дела в Германии. В 1850 г. Людерс посетил также молодую фирму «Сименс унд Хальске», однако о получении заказа не было еще и речи. Тем временем из Петербурга поступил заказ на 75 стрелочных телеграфных аппаратов, с помощью которых царь Николай I хотел связать между собой два крупнейших города своей колоссальной империи — Москву и Петербург. Вернер Сименс намеревался активно использовать эту ниточку, ведущую в Россию, когда в начале 1852 г. отправился в Петербург. В то время по всей России насчитывалось всего 600 км железных дорог против 10,6 тыс. км путей, уже проложенных в крохотной Англии, а путешествие в экипаже или на санях на самом деле не представляло никакого удовольствия.

Ожидание аудиенции, длившееся целыми днями

Проблемами железных дорог и телеграфного дела в тогдашней России занимался генерал-адъютант граф Клейнмихель. Последний вынудил немецкого фабриканта ожидать аудиенции в течение многих дней, надеясь сделать его более покладистым. Вернер Сименс, заболевший сразу же после отъезда в Россию, очень скоро устал от этой игры и в гневе уехал, как только выздоровел, так и не получив заказа. Но зато ему удалось заключить договор с генерал-губернатором Польши на постройку телеграфной линии от Варшавы до германской границы. Теперь уже и русские стали подавать сигналы о своей готовности вести переговоры.

В августе он во второй раз отправляется в Петербург. Теперь дело дошло все-таки до конкретных переговоров о строительстве линии Петербург — Ораниенбаум — Кронштадт. Но для того, чтобы сделка все же состоялась, потребовалась еще одна, третья поездка. После того как Сименс на деле познакомился с тем, какими

темпами принято вести переговоры у русских, он пришел к убеждению, что, безусловно, нуждается в достойном доверия представителе на месте, который доводил бы до успешного завершения колоссальные сделки, которые намечались здесь.

Поэтому он откомандировал к царскому двору своего брата Карла, которому исполнилось всего 24 года и который после своего неудавшегося дебюта в Париже теперь проживал у Вильгельма в Лондоне. И этот Сименс, правда самый обаятельный в семье, несмотря на свой юношеский возраст, с первого раза смог найти настоящее взаимопонимание с графом Клейнмихелем. Поэтому торговля с Востоком постепенно стала для маленькой берлинской фирмы важнейшим направлением расширения ее оборота. Однако никто из участников сделки в России не смог заранее предвидеть, сколь быстрыми темпами она станет развиваться дальше.

Виной тому была Крымская война

Столь высокие темпы этого развития были порождены Крымской войной, которая разразилась в 1853 г. между Россией и Турцией из-за их спора по поводу Дунайских княжеств. Вскоре в войну вмешались великие державы — Англия и Франция. Была поставлена задача проложить в максимально быстрые сроки линию телеграфной связи от правительственной резиденции в Петербурге в южном направлении через всю огромную империю, вначале до Киева, а затем дальше до театра военных действий в Крыму. Совершенно неожиданно расходы по ее строительству больше не стали играть никакой роли, если только проволочная связь будет установлена в сжатые сроки.

В спешке русские посчитали излишним привлекать к строительству другие фирмы, поскольку до этого момента «Сименс унд Хальске» осуществляла поставки к обоюдному удовольствию. Немцам предстояло осуществлять комплексное строительство: прокладывать линии, возводить мачты, поставлять изоляторы и сооружать радиорелейные станции. Более того, русское правительство потребовало, чтобы берлинская фирма — разумеется, за соответствующее вознаграждение — поддерживала оборудование в рабочем состоянии. Первоначально Вернер Сименс сопротивлялся принятию на себя обязательств по осуществлению ремонта. И лишь когда русские пригрозили, что они поручат это дело другой фирме, он наконец согласился. Он опасался, что на его предприятие будет возложена вина за возможные ошибки. Сименс еще не подозревал тогда, что заключил одну из самых выгодных сделок в своей жизни.

Колоссальная сделка с ремонтом

Огромный заказ из России наконец-то позволил перейти мастерской с берлинских задворков в промышленные районы страны. Одно лишь строительство телеграфной линии принесло ей полмиллиона рублей, а за обязательство осуществлять ремонт Россия дополнительно каждый год выплачивала ей еще четверть миллиона рублей на протяжении 12 лет. Иоганн Георг Хальске утроил

численность своих рабочих, а Вернер Сименс счел, что пришло время расстаться с неудобным для него кредитором, который все больше действовал ему на нервы. Советник юстиции Георг Сименс прекратил свое негласное участие в фирме и получил за риск, на который он пошел при ее создании, истинно княжеские проценты на первоначально вложенный капитал. Вернер возвратил ему в общей сложности 60 тыс. талеров, причем делал он это равными долями в течение шести лет. В качестве нового компаньона в общество был принят теперь Карл Сименс, который не дал фирме ни копейки денег, но зато привнес с собой то умение вести переговоры, которое блестяще выдержало испытания в Петербурге. Между тем капитал фирмы «Сименс унд Хальске» составлял уже 262,2 тыс. талеров и, следовательно, всего за один год увеличился более чем на 200 тыс. талеров.

В то время фирма, конечно, еще не вела строгой бухгалтерии, поскольку «оба ее владельца разбирались в бухгалтерии так же, как в теологии»,— говорил позже с издевкой внук Георг Сименс. Специальные знания, которые сегодня крайне необходимы в любом закоулке промышленного предприятия, были тогда еще просто излишни. Главное состояло в том, чтобы предприятие изготавливало хорошие изделия и всегда имело достаточное количество заказов, а остальное делалось само собой.

Рабочие вознаграждались лично владельцем фирмы, а переписка с властями ограничивалась необходимым минимумом. Но фирма «Сименс унд Хальске» уже достигла таких размеров, которые делали необходимой определенную организацию производства. Поэтому на работу нужно было принять первых «чиновников», как еще именовали в ту пору работников письменного стола. Служащие фирмы Сименсов носили этот титул, впрочем, ещё длительное время и после второй мировой войны.

Хальске и братья, от которых можно ждать всего

На Маркграфенштрассе все выглядело скорее как в мастерской, нежели как на промышленной фабрике. Иоганн Георг Хальске был и оставался высококлассным ремесленником, но он никогда не был фабрикантом. Если такие крупные предприятия, как «Борзиг» и «Крупп», уже давно перешли к серийному производству своей продукции, каждая деталь на «Сименс унд Хальске» все еще изготавливалась раздельно и вручную. До 1863 г. здесь не было даже ни одной паровой машины. Токарные и сверлильные станки обслуживались вручную.

Ближайшими сотрудниками неутомимого Вернера Сименса были друг юности и товарищ по военной службе Вильгельм Майер, управляющий производством, и главный бухгалтер Карл Хазе, который навел наконец порядок в финансах фирмы. Между тем Хальске все больше овладевало чувство, что из совладельца фирмы он становится десятником в чисто семейном предприятии, потому что все большее число его братьев проникали в фирму. Гораздо больше беспокоили его всякого рода легкомысленные выходки, которые они себе позволяли и в его понимании никак не вязались с репутацией солидного предприятия.

«Англичанин» Вильгельм, который долгое время именовал себя Вильям, действовал ему, Хальске, на нервы своим странным водомером, по поводу которого утверждал, что вскоре все домашние хозяйства Лондона будут иметь у себя такой прибор. Кроме того, он постоянно корпел над всевозможными приборами, которые не имели ни малейшего отношения к ведомству по строительству телеграфных линий: над машинами, использующими нагретый воздух, печами и — его последнее сумасбродство — конверторами для производства стали, оснащенными электроприводами.

Усвоил повадки высшего света

Почти столь же непредсказуемым был для Хальске «петербуржец» Сименс, который выплачивал огромные комиссионные одному сомнительному банкиру по имени Капхерр (точнее говоря, комиссионные составляли 10% от стоимости всех русских заказов). Кроме того, он еще и женился на дочери столь щедро одариваемого господина, а также смирился с выходками русского высшего света. Он купил себе также большое поместье вблизи озера Ильмень под Петербургом, на котором построил (поверите ли!) стекольную фабрику и, наконец, содержал еще и лесопильный завод. Когда в один прекрасный день Хальске поставил ему в упрек мотовство, то юный Сименс хладнокровно возразил ему, что в конце концов именно он принес в избытке те прекрасные рубли, которые набили карманы его компаньонов.

А его соучредитель? Заботился ли он о дальнейшем существовании фирмы, призывая к порядку своих своенравных братьев? Вовсе нет! Господин старший инженер поступал так, будто ему одному предстояло изобрести всю электротехнику. То он сконструировал ключ, с помощью которого две телеграммы могли одновременно передаваться по одному и тому же кабелю в противоположных направлениях, то создал радиорелейные станции нового типа, чтобы иметь возможность передавать информацию на большие расстояния, то, наконец, придумал новую единицу электрического сопротивления — «единицу Сименса», которая лишь позднее была заменена тремя различными единицами измерения (вольтом, ампером, омом).

Высокоодаренный, но вместе с тем несколько простоватый механик-самоучка был всерьез рассержен, хотя и был вынужден признать, что любительские поделки Вернера приносили при случае полезные результаты, как, например, та контрольно-измерительная система, которая неизбежно выявляла любое повреждение на телеграфной линии. С ее помощью удалось значительно увеличить размеры доходов, которые получали от сделки по ремонту русских телеграфных линий. Но весь круг проблем партнерства с гением в области техники, который, как было очевидно, не всегда мог вполне здраво оценивать свои действия, стал вырисовываться в его сознании только тогда, когда началась история с морским кабелем.

История с морским кабелем

Идея прокладки по дну океана водонепроницаемого кабеля и создания устойчивой связи между континентами была отнюдь не

нова. В 1837 г. английский физик Чарлз Уитстоун, опередивший Сименса своим стрелочным телеграфом, первым высказал мысль проложить кабель через Ла-Манш, но уровень развития техники был еще не столь высок, чтобы приступить к реализации этого проекта. Только когда Вернер Сименс разработал свою технологию бесшовной изоляции медных кабелей, смогла начаться эпоха передачи электрического тока под водой.

Первыми, кто проложил функционирующий морской кабель по дну Ла-Манша, были англичане, братья Бретт. Однако уже в ночь после открытия кабельной линии один рыбак из Булони вытянул «ослизлого змея» из воды, посчитал его за морское чудовище и, не долго думая, перерезал. Братья Бретт предприняли еще одну попытку, а почти через год телеграфная связь между Англией и Францией, наконец, была установлена.

Кабель для этой линии поставила фабрика по производству проволоки и тросов «Ньюолл энд К⁰», которая объединила свои усилия с братьями Бретт и основала совместно с ними высокорентабельную фирму по прокладке кабеля. С этого момента по обе стороны Атлантического океана вспыхнула самая настоящая «кабельная горячка». Громадное число компаний занималось прокладкой жизненно важной электрической артерии, и все они считали своей основной задачей налаживание устойчивой телеграфной связи между Америкой и Европой.

Самой настойчивой и честолюбивой фигурой среди тех, кто участвовал в прокладке этого кабеля, был американский бизнесмен Сайрус Уэст Филд, компания которого «Нью-Йорк Ньюфаундленд энд Лондон телеграф К⁰» на 50 лет зарезервировала за собой исключительное право на прокладку телеграфного кабеля на Ньюфаундленде и Лабрадоре. На этот выдающийся вперед в океан участок американского континента, без сомнения, пришел бы первый трансатлантический кабель, другой конец которого должен находиться в 5 тыс. км восточнее, в Ирландии.

Тянуть «медного змея» через океан

Если мысль о трансконтинентальной связи, проложенной по дну океана, и была столь заманчивой, то состояние имевшейся тогда техники превращало подобное предприятие в рискованное дело. Не говоря уже о самом кабеле, изоляция которого ни в коем случае не гарантировала его долговечности, не знали также толком того, как рациональнее всего прокладывать этого бесконечного «медного змея» по дну океана, глубина которого в отдельных местах превышает 5 км. Было ясно, что для этого нужно судно. Но какое? Должен ли кабель находиться во взвешенном состоянии в воде или опуститься на дно? И в каком месте океана, о топографии дна которого существовали лишь весьма смутные представления, следует его прокладывать?

Несмотря на все то ожесточение, с которым конкурировали между собой новые электротехнические предприятия и фирмы по прокладке кабеля, они были вынуждены поддерживать друг друга с тем, чтобы решить еще стоящие перед ними технические проблемы. Подобное сотрудничество помогло также и Вернеру Сименсу войти

в «кабельный бизнес». Британской фирме «Ньюолл», которую он уже не раз снабжал кабелем, предстояло проложить кабель через Средиземное море — от Кальяри на Сардинии до Аннабы в Алжире.

Две попытки выполнить эту работу провалились. Каждый раз проблема состояла в том, что рабочие, укладывавшие кабель, не знали, с какой скоростью они должны погружать медную жилу в море на глубину более 3 км. В то время кабель большими кусками укладывался в расположенные в трюме баки по всей ширине судна, и в момент укладки он сбегал через корму судна в море по направляющим роликам и одному тормозному роульсу. Если кабель разматывался слишком быстро, то он ложился на морское дно «змейкой», извилистой линией, и кончался еще до того, как судно достигало африканского побережья. Если же он соскальзывал в воду чересчур натянутым, то повышалась опасность того, что его порвет морское течение или его повредит трение об острые края подводных скал.

У Вернера хорошая идея

Совладелец фирмы «Ньюолл» Льюис Гордон знал Вернера Сименса еще по своему участию в различных научных обществах. Он пригласил его на судно-кабелеукладчик, когда фирма в третий раз предприняла попытку проложить кабель, надеясь, что склонному к изобретениям немцу придет в голову решение проблемы притормаживания кабеля. То, как Сименс принялся за работу, говорит многое о незаурядности самой личности этого основателя концерна. В отличие от склонных к экспериментам британских конкурентов он не ставил ни в грош дорогостоящие опыты и потому разработал прежде всего математический метод расчета того оптимального усилия торможения, с помощью которого следует разматывать кабель. Затем он поставил условие, что весь экипаж судна должен подчиняться его командам, так как иначе у него не будет желания сотрудничать в реализации проекта. И наконец, после того как англичане согласились с его предложениями, он привез с собой несколько сконструированных им самим контрольно-измерительных приборов, которые позволяли с точностью устанавливать усилие торможения и постоянно контролировать его.

И действительно, с помощью этого научно обоснованного метода удалось аккуратно и без малейших происшествий вывести кабель на африканское побережье. Это произвело столь большое впечатление на британцев, что они на пять лет сумели заручиться техническими услугами немецкой фирмы. Поэтому фирма «Сименс унд Хальске» открыла в Лондоне свой филиал, которым руководил Вильям, ставший к тому времени гражданином Великобритании и женившийся на Анне Гордон, сестре совладельца фирмы «Ньюолл».

Потеряна половина основного капитала

Уже после того как партнеры совместно уложили на дно Средиземного моря несколько сот километров медного кабеля, они постоянными взаимными упреками стали сильно действовать друг

другу на нервы. В конце концов Ньюолл уплатил 1000 ф. ст. «отступного» и вышел из совместной фирмы. Но брат Сименса Вильям был так увлечен «кабельным бизнесом», что к великому огорчению Иоганна Георга Хальске в Берлине, который с самого начала не доверял такого рода сделкам, решил построить собственный кабельный завод в Чарлтоне под Вулвичем. Когда же наконец братья Сименс по заказу французского правительства начали прокладывать кабель по дну Средиземного моря от Картахены в Испании до Орана в Алжире, он четырежды рвался, что переполнило чашу терпения берлинского партнера Сименсов.

К тому же убытки от этого рискованного дела составили 15 тыс. ф. ст., т. е. половину основного капитала фирмы «Сименс унд Хальске». Честному механику, стремившемуся жить в нормальных условиях, партнерство с братьями Сименс, от которых можно было ожидать любых неожиданностей, стало казаться излишне рискованным, и он объявил, что в конце 1867 г. намеревается выйти из фирмы. Момент для ухода был выбран неплохо, потому что тогда «телеграфный бизнес» вряд ли мог принести доход, и сам Вернер Сименс, неисправимый оптимист, все чаще говорил о том, что надо кончать дела в этой отрасли.

В середине 60-х годов небольшое предприятие давало работу не больше чем 100 человекам и существовало в основном за счет «кабельного бизнеса» и производства сигнальных устройств для железнодорожных компаний. В отличие от других, несравненно более крупных пионеров промышленности, таких, как Альфред Крупп или Аугуст Борзиг, братья Сименс целенаправленно не вкладывали прибыли в свое собственное предприятие, а принимали участие в самых различных других предприятиях, далеких от их деловой ориентации. Глава семейства Вернер вынашивал в тот период идею о создании свободного семейного объединения а-ля Фуггер или а-ля Ротшильд, в рамках которого каждый из братьев должен был вести собственное дело.

Медный рудник на Кавказе

Сам глава семейства приобрел для себя участие в штеттинской верфи «Вулкан», брат Ханс открыл стекольный завод в Дрездене, Вильям на собственные деньги наладил производство гидрометрической аппаратуры и воздухонагревательных печей, Фридрих приобрел в Тюрингии пришедший в упадок медный рудник Ордроуфф, Карл управлял своим имением в России, а Вальтер находился в далеком Тифлисе. И вот в один прекрасный день самый юный представитель клана Сименсов прибыл в Берлин с известием, что буквально за бесценок на Кавказе можно купить медный рудник.

Вернер, который понимал, как сильно развитие электротехники зависит от меди, объединил свои усилия с братьями Вальтером и Карлом и купил рудник Кедабег в общей сложности за 77 тыс. руб. Прогоревшее предприятие оказалось для них настоящим «золотым дном», и за несколько лет они превратили его в солидный

горнодобывающий комбинат, на котором велись разработки медных, кобальтовых и железных руд.

Иоганн Георг Хальске не имел никакого понятия о столь необычном бизнесе и уже в начале 60-х годов вышел из британского отделения, которое впредь стало именоваться «Сименс бразерс». Сферой его деятельности остались мастерская, точная механика и «телеграфный бизнес». Но с тех пор, как Сименс помешался на идее превзойти своими собственными разработками американских изобретателей Морзе и Юза, дела в британском отделении никак не шли на лад.

Юз остается победителем

Сименс хотел непременно создать печатающий телеграф, который избавил бы от обременительной необходимости переводить текст Морзе и сразу же выпечатывал бы передаваемое известие доступным для понимания. При этом он уже тогда пришел к мысли переносить информацию на перфорированную бумажную ленту, как это происходит сегодня в системах электронной обработки данных. Но он преждевременно отказался от этого принципа, поскольку полагал, что нашел лучшее решение. Оно заключалось в применении определенного набора металлических контактов, которые передвигались по направляющим аналогично наборным буквам шрифтонаборных устройств и позволяли бы одновременно передавать комплексные сообщения.

Вероятно, и этот путь оказался бы успешным. Но крупнейшие английские и американские телеграфные компании между тем решили внедрить систему буквопечатающего телеграфа англичанина Дэвида Эдуарда Юза. Пруссия не захотела отставать и дальше, а потому признала достижения последнего. В силу обстоятельств Сименс вынужден был отказаться от любительских поделок, если он не хотел окончательно расстаться с «телеграфным бизнесом». И опять изобретатель доказал, что в действительности он был предпринимателем: за 15 тыс. талеров он купил право производства телеграфных аппаратов конструкции Юза и оснастил ими всю Пруссию.

Однако заниматься одним бизнесом означало для него не слишком много. Он вновь стал изобретать новые контрольно-измерительные приборы, как, например, струнный гальванометр. Грюндер, обладавший знаниями в разных областях, позволил однажды даже втянуть себя в политику и был выдвинут либеральной Немецкой прогрессивной партией кандидатом на выборах в палату депутатов Берлина по избирательному округу Золинген — Ремшайд. К изумлению Сименса, он был даже избран. Вернер Сименс, который свои лучшие сделки заключал в тот период с прусским правительством, порой не гнушался и пустословить: «Наши юнкеры, подобно плантаторам Северной Америки, являются игроками ва-банк, от которых можно ожидать любой гнусности, если уж они помогли королю полностью освободиться от угрызений совести в отношении законов и клятвы...»

Хальске расстается с фирмой

Разумеется, несколько лет спустя Сименс, ошеломленный гением О. Бисмарка, заключил мир с правительством: удовольствие, получаемое им от хороших сделок, всегда было больше, чем от политики. В те годы чересчур много событий обрушилось на одну голову: его жена Матильда, подарившая Вернеру четверых детей, была неизлечимо больна и в 1865 г. умерла от рака. Чуть позже очень тяжело заболел его ближайший друг и сотрудник Вильгельм Майер. Он уже никогда больше не мог поправиться и навсегда закрыл глаза зимой 1868 г.

За год до того, как и ожидалось, вышел из совместной фирмы его закадычный друг и компаньон Иоганн Георг Хальске. На фабрике ему нужно было привыкать к новым лицам, например к новому технику по телеграфным аппаратам Карлу Фришену, которого он сманил из Ганноверского управления государственной железной дороги и который считался одним из самых выдающихся конструкторов телеграфных аппаратов в Пруссии. Или к молодому, общительному инженеру Фридриху фон Хефнер-Альтенекку, необычайно способному изобретателю и конструктору, которому суждено было вскоре стать серьезной опорой главы фирмы. Окрепла теперь и сама фирма «Сименс унд Хальске», которой владели отныне только братья Сименс. Это было настоятельно необходимо, ибо к тому времени она снова находилась в центре вновь начавшегося гигантского и очень рискованного дела.

Телеграфная линия от Лондона до Дели

Речь шла о строительстве линии телеграфной связи между крупнейшей колониальной державой мира и ее важнейшим заморским владением. По оценкам, расстояние между Лондоном и Нью-Дели составляло 11 тыс. км, и трудности создания такой линии связи, пересекающей Европейский континент и половину Азии, осознавались инициаторами чересчур уж хорошо. Но после кровавого подавления в 1857 г. сипайского восстания реализация этого проекта казалась Министерству иностранных дел Великобритании крайне необходимой. Поскольку Вильям Сименс был всегда довольно хорошо информирован, братья быстро подготовили план их быстрого включения в эту гигантскую сделку.

Главное заключалось в получении концессий во всех странах, по территориям которых будет проходить этот кабель. Пруссия не чинила никаких препятствий в этом деле, а в России незадолго до того директором телеграфа стал их старый друг и покровитель Людерс. Братьям было известно, что телеграфную линию между Пруссией и Англией им следовало уступить британским конкурентам, которые получили от Берлина исключительное право на прокладку морского кабеля к побережью Пруссии. Но с британцами можно было договориться, дав им часть доходов от строительства данного отрезка линии связи. Оставалось еще большое «белое пятно» между Россией и Индией, территория, на которой правил персидский шах.

В Тифлисе, т. е. ближе всего к нему, находился Вальтер Сименс, который по совету прекрасно сведущего в восточных обычаях брата Карла тотчас же собрался ехать в Тегеран. Карл деловито писал Вернеру в Берлин: «Вальтеру в Персии непременно нужен помощник в лице самого настоящего восточного мошенника, иначе он ни с чем не справится... Шах подарил своему дяде, министру телеграфа, все персидские линии телеграфной связи, а последний охотно бы избавился от них за деньги... Неразумно сразу платить много, потому что этот дядя ведет расточительную жизнь и он мог бы стать нашим врагом, если вдруг промотает все деньги и ничего больше не получит от нас... В любом случае Вальтеру следует начинать переговоры с подобающих случаю подарков... Подарки не нужно ничем прикрывать, они должны блестяще оправдывать себя, солидно выглядеть и не представлять никаких трудностей для перевозки. Персидскому министру, по-видимому, нужно помочь отделать свою комнату фонарями от европейских экипажей...»

Персов задабривают взятками

Советы, как видно, принесли свои плоды, ибо Вальтеру Сименсу действительно удалось заключить с персидским правительством соглашение, которое предоставляло братьям право прокладывать линию телеграфной связи через всю территорию шахской империи, а также эксплуатировать ее. В качестве ответной услуги правительству разрешили бесплатно использовать линию в телеграфном сообщении внутри страны, а также получать сбор в размере 10,5 франка за передачу одной депеши. Расходы по реализации этого гигантского проекта, по оценкам братьев Сименс, должны были составить 450 тыс. ф. ст., которые они намеревались покрыть выпуском акций на Лондонской бирже.

По их выкладкам, передача стандартной телеграммы из 20 слов не должна обходиться клиентам дороже 87,5 франка. В эту сумму для компании была заложена прибыль в размере 29,25 франка. Доходы акционеров по этой калькуляции составили бы как минимум 20%. Но как и в большинстве подобных проектов, расчеты, разумеется, не оправдались.

Не составило никаких проблем найти средства для акционерного капитала. В соответствии с условиями договора братья Сименс подписались на $^1/_5$ суммы акционерного капитала, остальное предоставили им помешанные на «кабельном бизнесе» британские акционеры. И вот 8 апреля 1868 г. была учреждена «Индо-Юропиэн телеграф К°». Братья Сименс передали предприятию по прокладке кабеля свое концессионное право, а взамен получили генеральный подряд на строительство паушальной стоимостью 400 тыс. ф. ст.; за техническое обслуживание и содержание в исправном состоянии телеграфной линии протяженностью в 11 тыс. км договором предусматривалось уплачивать им 34 тыс. ф. ст. ежегодно. Мнение по данной сделке внука Георга Сименса: «Это была самая крупная сделка из тех, которые «Сименс унд Хальске» и «Сименс бразерс» заключали до этого момента».

На мулах через горы Эльбурс

По тогдашним условиям прокладка европейско-азиатской кабельной линии связи представляла собой сказочно огромный проект, 70 тыс. опорных мачт для двух медных проводов диаметром 6 мм потребовалось только для 4700-километрового участка телеграфной линии от города Торунь, лежащего недалеко от побережья Балтийского моря, до Тегерана. Георг Сименс так описывал обстановку: «В Польше и средней полосе России, но прежде всего на Кавказе, строительство можно было вести только летом; в Персии из-за летней жары — только зимой. Дубовый лес нужно было сплавлять по рекам в России лишь весной; другие перевозки по степям лучше всего было осуществлять зимой санными путями.

Наибольшие трудности создавала доставка в Персию строительных материалов. От Англии до Санкт-Петербурга нужно было добираться морем, оттуда железной дорогой до Нижнего Новгорода, далее вниз по Волге баржами, затем снова на морских судах через все Каспийское море в южном направлении до Решта. Ну а потом предстояло путешествие по обычаю страны на мулах через нескончаемую горную цепь Эльбурс до Иранского плоскогорья.

Оси и колеса для возов заранее отправлялись в Решт, и там собирали повозки, пригодные для использования в горах, потому что на персидский участок телеграфной линии необходимо было доставить 10 тыс. ц одной только токопроводящей проволоки, не говоря уже о тяжелых металлических заготовках. Работы велись одновременно на трех участках стройки — на русском, кавказском и иранском. Во главе каждого стоял производитель работ, который пользовался широкой самостоятельностью в своей зоне».

Если строительство линии связи само по себе уже было достаточно тяжелым, то вдобавок ко всему возникали почти неразрешимые электротехнические и политические проблемы. Установить сразу связь между пунктами, удаленными друг от друга на расстояние 6 тыс. км, не удавалось ни с помощью телеграфа Морзе, ни с помощью аппаратов Юза. Вернер Сименс был вынужден сконструировать еще более чувствительные приемо-передающие приборы, а также радиорелейные станции, чтобы могла успешно функционировать самая протяженная в мире кабельная линия связи.

Тем временем в середине лета 1868 г. члены Международного телеграфного союза собрались в Вене, чтобы унифицировать действующие в этой сфере технические нормы и сборы. Наряду с этими вопросами после беглого обсуждения Союз, господствующее положение в котором занимали англичане и американцы, установил новые максимальные ставки сборов в телеграфном сообщении с Индией. Она была ровно на 16,5 франка ниже тех, которые положил в свои расчеты Сименс. Последнее обстоятельство означало, что линия связи, строительство которой потребовало колоссальных затрат, по-видимому, никогда не сможет работать рентабельно.

Георг рискует прибегнуть к военной хитрости

В этой отчаянной ситуации Вернер Сименс решается сделать попытку вернуть хотя бы часть того повышения платы за передачу

телеграфных сообщений, которое должно попасть в руки персидского правительства. Добиться этого можно было только при условии, что в Тегеран немедленно отправится исключительно ловкий посредник по ведению переговоров. Воспользоваться услугами Вальтера уже было нельзя: незадолго до этого он погиб при катастрофе в Тифлисе. А Карл не хотел покидать Петербурга из-за очень шаткого состояния здоровья своей жены.

И тут Вернер вспомнил о своем кузене Георге, сыне того самого советника юстиции Георга Сименса, который некогда ссудил ему капитал, без которого нельзя было учреждать фирмы. И этот молодой Сименс, который позднее станет главой «Дойче банк», сразу проявил интерес к необычному поручению. В Тегеране он всеми правдами и неправдами, деньгами и подарками пытался повлиять на чиновников, отвечавших за телеграфию. Все старания казались напрасными. Но после восьми месяцев изнурительных переговоров Георг Сименс был полон решимости уехать из Тегерана не раньше, чем добьется своей цели.

Наконец он пошел на последнюю отчаянную уловку: он предложил британско-индийской колониальной администрации передать ей находящийся как раз в стадии сооружения участок телеграфной линии, проходящий через Персию, и позаботился о том, чтобы эту новость немедленно услышали регенты-правители Тегерана. После этого неожиданно вновь возобновились переговоры. Дело в том, что персы не имели ни малейшего желания получить в качестве делового партнера вместо небольшой немецкой фирмы могущественнейшую колониальную державу. Был достигнут компромисс, и линия телеграфной связи протяженностью почти 11 тыс. км могла быть введена в эксплуатацию.

Землетрясение рвет телеграфный провод

Строительные работы этого гигантского предприятия были завершены в начале 1870 г. Но очень скоро обнаружилось, что технические проблемы далеко еще не решены. Депеши приходили с искажениями или вовсе не поступали, почти беспрерывно возникали помехи на участках между отдельными телеграфными станциями. Персонал был в отчаянии. Единственным человеком, сохранявшим спокойствие, был Вернер Сименс. Ночи напролет корпел он над схемами, постоянно совершенствовал отдельные конструктивные элементы, а в течение дня изучал с персоналом своей компании в помещении аппаратной на берлинской станции приемы обслуживания сложного оборудования.

Между тем на бирже начал падать курс акций «Индо-Юропиэн телеграф К°», поскольку близились к завершению строительные работы у предприятия-конкурента «Грит истéрн К°», избравшего морской путь для установления телеграфной связи между Англией и Индией. Но 22 апреля 1870 г. дело сдвинулось с мертвой точки: сэр Уильям Бейкер, член правительства в Лондоне, послал по суше своему другу полковнику Робинсону первую официальную телеграмму в Калькутту и уже через час держал в руках его ответ.

Итак, линия телеграфной связи, построенная Сименсом, позволяла телеграмме всего за 30 мин. обегать четвертую часть окружности Земли. «Когда через несколько дней Сименс просматривал газеты, ему стало известно, что он стал знаменитостью. И эта слава была честно заслужена»,— отмечал биограф дома Георг Сименс, внук основателя фирмы. Линия телеграфной связи Сименса уже через три месяца после открытия была нарушена землетрясением в Черном море в нескольких местах одновременно, но после этого ее быстро восстановили, и она функционировала практически без помех на протяжении 60 лет.

Сайрус Филд подчиняет своему влиянию «атлантический бизнес»

Вскоре по инициативе Вильяма братья Сименс стали прилагать немалые усилия, чтобы стать участниками гигантского бизнеса по прокладке трансатлантического кабеля. После трех неудачных попыток летом 1858 г. американец Сайрус Филд прокладывает первую линию кабельной телеграфной связи между Ирландией и Ньюфаундлендом. Но уже после передачи 366 телеграмм изоляция подводного кабеля пришла в негодность. Гражданская война в Америке приостановила реализацию всех новых проектов по прокладке кабеля, и лишь в 1866 г. Филду, Бретту и Джону Пендеру удалось проложить первую долговременную линию связи между континентами.

Разумеется, одного-единственного кабеля уже давно было недостаточно, чтобы осилить передачу информации между Старым и Новым Светом, поток которой непрерывно рос. Когда братья разработали смелый план постройки специального судна по прокладке трансатлантических кабелей, уже существовало три такие линии телеграфной связи. Но им было совершенно ясно, что непрерывно возникающие на волне периода грюндерства экономические блоки по обе стороны Атлантики сделали бы рентабельными еще полдюжины новых проектов по прокладке морского кабеля.

Паровое судно Сименсов было названо «Фарадей», по имени знаменитого физика тех дней. Судно, водоизмещение которого составляло 5 тыс. брутто-регистровых тонн, стоило не менее 158 тыс. ф. ст. Карл Сименс принял на себя командование судном при отплытии его от западного побережья Ирландии. В своих «Воспоминаниях о жизни» Вернер Сименс описывает, что произошло потом: «Стояла довольно благоприятная погода, и все шло хорошо. Успешно был преодолен трудный участок резкого перехода на большие глубины непосредственно у берегов Ирландии, а состояние кабеля, по данным электрических испытаний, было безукоризненным».

«Фарадей» достает конец кабеля с морского дна

«Неожиданно дал о себе знать небольшой дефект в изоляции,— рассказывает дальше глава фирмы,— настолько незначительный, что обнаружить его смогли только исключительно чувствительные

инструменты, какие применяли и мы. Как показывает опыт, накопленный при прокладке кабелей, появление такого дефекта вообще оставили бы без внимания, поскольку он никак не влиял на изображение телеграфных знаков. Но мы хотели проложить совершенно бездефектную линию и поэтому решили поднять кабель на участке до дефекта, который, по всей видимости, находился совсем недалеко от кормы судна. Вначале все шло довольно хорошо несмотря на то, что глубина моря здесь достигала 18 тыс. футов, как нам постоянно сообщали с судна. Внезапно шкала нашего гальванометра выпала из поля зрения: кабель был порван! Разрушен на такой глубине, на которой представлялось совершенно невозможным выловить конец кабеля, оставшийся на дне.

Это был тяжелый удар, грозивший нашему личному престижу, равно как и доверию в деловых кругах. Весть о случившемся в тот же момент облетела всю Англию. Она была воспринята по-разному. Никто не верил в возможность выловить конец оборвавшегося кабеля с такой большой глубины...» И все-таки невозможное удалось. При спокойном море и голубом небе многолапый якорь «Фарадея», для спуска которого на дно потребовалось затратить семь часов, на глубине почти 6 тыс. м зацепил конец оборвавшегося кабеля. Прокладку кабеля можно было продолжать. Проблемы подобного рода неизменно возникали в «кабельном бизнесе». Однажды «Фарадей» в тумане сбился с курса. В другой раз оказался в полосе тяжелых штормов, в третий раз он рисковал быть раздавленным айсбергами. И все же за каких-нибудь 10 лет фирма «Сименс бразерс» проложила по дну океана не менее 6 трансконтинентальных кабелей и составила себе на этом целое состояние.

Сименс не был менеджером

Во всех энциклопедиях и книгах по истории Вернер Сименс превозносится сегодня как изобретатель генератора постоянного тока. Действительно, осенью 1866 г. он первым нашел способ преобразования механической энергии в электрическую. Грюндер совершенно отчетливо представлял себе всю важность этого открытия. Последнее, в частности, вытекает из его письма от 4 декабря 1866 г., в котором он писал в Лондон своему брату Вильяму: «Дело очень перспективно и может открыть эру магнитоэлектричества...» Через несколько недель он писал даже: «Этот аппарат может стать краеугольным камнем большого переворота в технике, который поднимет электричество на более высокую ступень действия элементарных сил...»

Он не ошибся. И хотя он четко познал возможности подобного развития, ему как предпринимателю и технику все же не хватило сил защитить здесь свое первенство. Если в области слаботочной техники, в которой электрическая энергия получается за счет химических реакций в батареях, гениальный изобретатель, бесспорно, был первым номером, то в технике сильных токов он должен был признать превосходство другого, еще более плодовитого ума, который заблистал по другую сторону Атлантики,—Томаса Алва Эдисона.

И как предпринимателю Вернеру Сименсу пришлось иметь в

Германии много забот с конкурентом, с которым он никак не мог сравниться в том, что касается создания соответствующей структуры концерна и мастерства умелого финансиста. Эмиль Ратенау, так звали превосходившего его соперника, жестко использовал слабости своего конкурента и за короткий срок превратил «АЭГ» в предприятие, которое очень быстро опередило Сименса в важнейших областях электротехники.

Слабость Сименса заключалась в неспособности привыкшего к успеху грюндера управлять своим предприятием как современный менеджер. Здесь он был в положении всеведущего хозяина. С давних пор сфера электротехники была чересчур велика для того, чтобы в ней мог господствовать один-единственный человек. По мере старения Вернеру Сименсу приходилось затрачивать все больше и больше усилий, чтобы не потерять ориентировки. Чересчур часто его ближайшие сотрудники делали то, что считали правильным, а не то, что лучше всего служило интересам фирмы.

Проблемы с главным конструктором

Постоянно возникали, например, проблемы с главным конструктором Фридрихом фон Хефнер-Альтенекком, который никак не хотел осознать, почему его собственные изобретения должны вознаграждаться только жалованьем, в то время как глава фирмы зарабатывал на этом миллионы. Вернер Сименс, который существенно повлиял на принятие имперского закона о патентах от 4 июля 1877 г., требовал от своих сотрудников, чтобы они предоставляли в распоряжение фирмы их идеи и изобретения. Только фирма была правомочна подавать заявки на соответствующие патенты. Фирма намеревалась вознаграждать собственно изобретателя «способом, который представляется ей подходящим».

Главный конструктор Хефнер-Альтенекк был не согласен с таким положением дел и угрожал своему шефу, что он добьется своей самостоятельности. По этому поводу специалист по истории экономики Альфред Хегген писал: «Сименс обхаживал своих сотрудников с помощью кнута и пряника. Одному он говорил, что начнет против него неприкрытую торговую войну, если тот захочет стать самостоятельным; другому он предложил вознаграждение в размере 3% прибыли, полученной отделениями фирмы в Берлине и Петербурге. Он прекрасно знал заслуги Хефнера-Альтенекка, но пытался принизить их, когда писал ему: „Всеми Вашими знаниями и умением Вы опираетесь на наши работы, знания и опыт, накопленные за 26 лет!“» Не очень-то разборчивый в средствах глава фирмы сумел отвлечь взбунтовавшегося служащего от его плана и уговорил исполнять дальше свои обязанности. Все же Хефнер-Альтенекк отомстил впоследствии, когда начал процветать бизнес с источниками электрического света.

Гений устает

В то время как Сименс, подобно Эдисону, хотел форсировать разработку ламп с металлической нитью накаливания, его главный конструктор ожесточенно отстаивал изобретенные им самим дуго-

вые лампы. Последнее вскоре оказалось безнадежно отсталым делом. Оценку происшедшему дает исследователь концерна «Сименс» Юрген Коцка: «В какой мере Сименс допускал эти расхождения, должно остаться в неизвестности. Главное заключается в том, что стареющий и предъявляющий все более высокие требования Сименс на рубеже 1880 г. перестал оказывать решающее влияние на исследовательские работы своей фирмы, что он с помощью методов управления, разработанных на гораздо меньшем по своим размерам предприятии, уже едва ли мог притормаживать тенденции к обособлению, проявлявшиеся со стороны его руководящих служащих, в первую очередь его, по словам самого Сименса, своевольного конструктора, и что с конца 70-х годов на «Сименс унд Хальске» стало ощущаться отсутствие умелой координации в высшем руководстве фирмы, которое наносило определенный ущерб».

В свои зрелые годы Вернер Сименс уже не был тем готовым к риску, склонным идти на серьезные дела человеком, каким он являлся, когда только начиналась его карьера. Он заработал денег больше, чем мог надеяться на это в прошлом, стал одним из самых известных предпринимателей Германии, был почитаем электротехниками всего света. Подобно поэту Гёте, в годы своей старости Сименс стремился скорее к зрелости и мудрости, нежели к новым деловым успехам. Стиль его некогда агрессивного предприятия становился все более деловым, бюрократичным, избегающим риска. Дело велось важно, в стиле крупных помещиков, но при всем этом было упущено, что развитие электротехники еще далеко не закончилось.

Две основные ошибки грюндера

Две основные ошибки седого главы фирмы позволили конкурентам вторгнуться в сферу электротехники, в которой доселе безраздельно господствовал Сименс. Во-первых, он недооценил значение открытий, сделанных Эдисоном, которые он к тому же длительное время упорно игнорировал. Вторая ошибка состояла в том, что в 1880 г. он отклонил предложение о сотрудничестве, поступившее от его молодого конкурента Эмиля Ратенау. Тем самым он расчистил последнему путь к созданию собственного концерна. Сын Вернера Вильгельм фон Сименс так разъяснил одному историку просчеты, допущенные фирмой в решающий период между 1880 и 1890 гг.: «Хотелось быть в первую очередь не фабрикантом, а развивать техническую область, как таковую». Когда, например, более молодой конкурент Сименса оснастил лампами накаливания Эдисона королевский театр в Мюнхене, чтобы продемонстрировать публике преимущества этого технического достижения, Вернер Сименс обрушился на сам метод, с помощью которого пробуждался спрос на новый товар: «Это просто безобразие!»

И все-таки в этом проявлялось не только довольство пресытившегося делами пионера электротехники, которое заставляло его распахивать двери перед конкурентами. Вернер Сименс отчетливо понимал, что его сыновья вряд ли были в состоянии столь же успешно, как он сам, и дальше заниматься столь сложным «электробизнесом». Так, в 1883 г. он писал своему брату Карлу, что хочет

отказаться от проникновения в сферу производства сильноточной техники и осветительной аппаратуры, «чтобы упростить наше ставшее уж чересчур сложным дело и тем самым сделать его более доступным для наших наследников».

Биржа никогда не была ему по душе

Идея преобразовать свое предприятие в акционерное общество и поручить его управление принятым на службу менеджерам всегда казалась ему сомнительной. Финансовые манипуляции, спекуляции, да и сама биржа никогда не были ему по душе, а большинство акционерных обществ представлялись ему чистым надувательством. «Я не хочу быть лакеем»,— многократно объяснял он банкирам, которые интересовались его планами. И если именно его кузен банкир Георг Сименс обеспечил капиталом компанию Ратенау «Эдисон-гезельшафт», Вернер Сименс намеревался передать свое семейное предприятие в безраздельную собственность своим сыновьям.

В более поздние годы жизни Сименсу, по-видимому, было довольно безразлично то, что тем самым он упускает возможность взять под собственный контроль электротехническую промышленность Германии. Ведь в эти годы деньги и власть значили для него уже не слишком много. Как оценивал Юрген Коцка, «заинтересованность в максимальном личном влиянии на дела и длительном поддержании семейного характера фирмы имела в конфликтной ситуации действительный приоритет перед интересами получения прибыли и расширения сферы влияния».

Лишь после того, как в 1880 г. грюндер устранился от управления фирмой, в ней забила ключом новая жизнь. Но было уже слишком поздно пытаться остановить неудержимый взлет «АЭГ». Тем не менее и в последние годы своей жизни Вернер Сименс интересовался наукой, и, когда император Вильгельм II хотел назначить его коммерции советником, он отклонил назначение, обосновав это следующим образом: «Старший лейтенант, почетный доктор философии и коммерции советник не уживаются в одном лице. От этого появляются колики в животе».

Он познал так много почестей, что мог позволить себе сделать этот выпад. Уже в 1888 г. император Фридрих III возвел его в дворянское сословие. Он был также почетным доктором философии и членом Прусской академии наук. Вернер Сименс умер в конце 1892 г., через несколько дней после того, как просмотрел пробные оттиски своих «Мемуаров». К этому времени главой предприятия был уже его брат Карл, который в 1897 г. под нажимом кузена Георга преобразовал его наконец в акционерное общество.

Новая звезда на небосклоне электротехники

К этому времени бурно развивающаяся «АЭГ» уже обошла фирму «Сименс». Ее творец был одним из самых незаурядных, а также талантливейших создателей концернов в эпоху грюндерства. Эмиль Ратенау, бывший на 22 года моложе Вернера Сименса, был

выходцем из состоятельной еврейской купеческой семьи Берлина. Он изучал машиностроение в Ганновере и Цюрихе, работал конструктором у Борзига, а затем отправился в Англию для углубления своих знаний.

После возвращения в Берлин он на средства, унаследованные от своего деда, купил совместно с другом своей юности «маленькую фабрику в большом саду», как он любил называть фирму ее прежнего владельца М. Вебера. Вскоре он женился на Матильде, дочери известного берлинского банкира Нахмана, и управлял своим небольшим предприятием, ничем не выделяясь в деловом мире. Во время грюндерского бума оба владельца фирмы решают преобразовать свое машиностроительное предприятие в акционерное общество и заработать на нем большие деньги. Маневр удался, и пока сохранялась высокая конъюнктура, дела шли блестяще.

Будучи деловыми людьми, оба учредителя продали акции своей фирмы «Берлинер унион» уже задолго до того, как она разорилась. После этого краха Эмиль Ратенау, имея на руках $^3/_4$ миллиона марок, отстранился от дел и удалился в личную жизнь. В ту пору ему было всего 35 лет. Хуже, чем ему, пришлось его тестю Нахману, который во время биржевого краха лишился всего состояния и в отчаянии покончил с собой.

Планы ушедшего на покой Ратенау

Следующие десять лет, которые обычно бывают наиболее плодотворными в жизни мужчины, ранний пенсионер провел в безделье. Иначе говоря, он не делал ничего определенного, осязаемого, а ограничивался тем, что в годы большой депрессии самым внимательным образом наблюдал за изменениями, происходившими в экономике и технике. Для своих друзей этот интеллигентный бонвиван, который без конца штудировал специальные периодические издания, следил за сводками биржевых котировок и посещал всемирные выставки, оставался вечным «гением завтрашнего дня».

В 1876 г. он отправился в Америку, где на Всемирной выставке в Филадельфии был поражен первым телефонным аппаратом и увлекся мыслью в полном покое доработать дома аппарат Александра Грэхэма Белла. Однако он выкинул из головы эту идею, когда установил, что изготовление телефонных аппаратов относительно несложно и привлекало к себе внимание множества конкурентов. Он не хотел подвергать себя участию в подобной конкурентной борьбе. Возвратясь домой, деловой пенсионер установил контакты с генеральным почтмейстером Германской империи Хайнрихом фон Штефаном, который сразу же обязал его громко разрекламировать создание запланированной им берлинской телефонной сети. Это оказалось делом несложным для Эмиля Ратенау, который был восхищен новым изобретением Белла.

На обратном пути из Англии, где Ратенау проводил отпуск, в одной гостинице он встретился случайно с Вернером Сименсом и сразу же восторженно рассказал ему о возможностях освещения городских улиц электрическим светом, что постепенно стало его навязчивой идеей. Старый мастер «заразился» идеей более молодого коллеги, обратив внимание последнего на то, что сопутствующие ей

технические проблемы остаются пока неразрешимыми. Год спустя в Париже Эмиль Ратенау пережил главное событие своей жизни. На Всемирной выставке 1881 г. он повстречался с великим американским изобретателем Томасом Алва Эдисоном, который представил здесь разработанную им систему освещения.

Эмиля осенило

Позднее Ратенау описал свои впечатления: «По тогдашним понятиям гигантский генератор тока, названный «Джумбо», по своей конструкции и мощности намного уступал современным колоссам. Однако впервые были созданы машины, которые по своей конструкции могли претендовать на это название. В центре новой системы находился шедевр — лампа накаливания с угольной нитью. Система освещения Эдисона была настолько гениально продумана до мельчайших деталей и мастерски проработана, что высказывалось мнение, будто она десятилетиями опробовалась в многочисленных городах».

Как пораженный током, стряхнул с себя фанатик техники «летаргию» последних лет и решил всю свою энергию сосредоточить на распространении электрического освещения. Очень скоро Ратенау понял, что Эдисон был гением в области техники и никто в коммерции, потому что изобретатель постоянно связывался со всякого рода темными дельцами, которые за смехотворно малые деньги стремились выманить его идеи и патенты. И Ратенау не знал покоя до тех пор, пока не получил у Эдисона одну-единственную лицензию на производство его лампочки.

Но именно тогда опять надвигался экономический кризис и было чрезвычайно трудно помещать капитал в такое рискованное предприятие. Поэтому он учредил вначале опытную компанию — что потребовало сравнительно небольших затрат — с тем, чтобы накопить первый опыт по использованию электрического освещения и одновременно сделать рекламу своим планам. Одной из первых идей Ратенау в сфере престижной рекламы был проект освещения клуба благородного собрания в Берлине. Однако во время праздничного банкета освещение неожиданно заметно померкло. «В приподнятом праздничном настроении никто не заметил,— рассказывал позже Ратенау,— исчезновения почетного гостя, который до утра взял на себя личное руководство объектом. Если бы погас свет в столь видном месте, это явилось бы тяжким ударом по судьбе электрического освещения».

Намного впереди немецких конкурентов

И свет, зажженный Эдисоном, никогда больше не угасал. В апреле 1883 г. Эмиль Ратенау основал совместно с такими банкирами, как Якоб Ландау из Берлина и братья Зульцбах из Франкфурта-на-Майне, а также при участии «Дармштедтер национальбанк» «Дойче Эдисон-гезельщафт фюр ангевандте электрицитет АГ» с капиталом 5 млн. марок. «Вначале — местная электрическая промышленность умеренных масштабов и устремлений в рамках

германской экономики; в конце — мировая промышленность, которая по своим размерам не уступает той же промышленности никакой другой страны»,— поражался журналист Феликс Пиннер тем событиям, которые произошли в следующие годы.

Ратенау продавал свои осветительные устройства везде, где в них нуждались. В 1887 г. изменил название своей фирмы на «Альгемайне электрицитетс-акциенгезельшафт» («АЭГ») и заставил сиять все грани искусства делового человека. Когда, например, столица империи стала затягивать решение вопроса об установке у себя современной и, чего доброго, в высшей степени опасной техники, Ратенау уговорил несколько крупнейших банкирских домов основать компанию «Берлинер электрицитетсверке» («БЭВ»), которая выторговала у городского управления право на прокладку электрической сети под берлинскими улицами.

Во всем, что он делал, Эмиль Ратенау намного опережал своих немецких конкурентов. Избранные им для подражания кумиры жили в Америке, как тот нефтяной магнат Джон Д. Рокфеллер, который подарил китайцам керосиновые лампы, с тем чтобы получить возможность заработать затем состояние на керосине, необходимом для их эксплуатации. Руководимая Ратенау «АЭГ» поступала точно так же в тех случаях, когда она сначала устанавливала осветительное оборудование, а потом продавала городам и частным фирмам целые электростанции. Организация по эксплуатации осветительных систем его растущего со скоростью света электроконцерна тоже ориентировалась на американские эталоны.

«АЭГ» обзавелась целой сетью немецких и зарубежных дочерних компаний, которые все без исключения были умело переплетены между собой и взаимно поддерживали друг друга. Хитрый организатор показал себя мастером тактики также в сфере деловой политики, что вскоре пришлось прочувствовать на собственной шкуре прежде всего Сименсу. На первых порах Ратенау парализовал конкурентов тем, что засыпал их заказами. Ведь «АЭГ» вначале приобрела у городского управления концессии на освещение городских улиц и зданий, а затем выдала фирме «Сименс унд Хальске» субподряды на изготовление необходимого оборудования. За собой Ратенау сохранил лишь право на производство ламп накаливания по лицензии, приобретенной у Эдисона.

Пригрел змею на груди

Фирма «Сименс унд Хальске» не сразу дошла до идеи учреждения собственной компании по освещению потому, что она прекрасно зарабатывала на операциях с конкурентом. Пионеры электротехники слишком поздно заметили, что они пригрели на своей груди змею, которая с немыслимой быстротой собрала свой корм в форме огромных заказов со всей Европы, становясь при этом все более тучной.

Эмиль Ратенау был не только одаренным инженером, который, подобно Аугусту Тиссену, стремился осуществлять на своих предприятиях рационализацию, но и техником по составлению баланса высочайшей квалификации. Поддерживаемый Карлом Фюрстенбергом, мастером старой школы из круга берлинских банкиров, он

создал себе за счет умелого составления балансов толстую «финансовую подушку», к которой он обращался сразу же, как только представлялся благоприятный случай для осуществления закупок. «Финансовые прибыли и доходы от участий постоянно направлялись в резервы, не попадая в баланс. Эта методика нередко ставилась в упрек вычислителю-феномену Эмилю Ратенау — как вуалирование баланса — со стороны алчных до дивидендов акционеров, налоговых властей и некоторых критиков баланса»,— вспоминал Феликс Пиннер.

Среди руководителей немецких концернов Ратенау был одним из первых, кто оценил достоинства зарубежной холдинговой компании. Поэтому он без промедления основал в Цюрихе «Банк фюр электрише унтернемунген». С его финансовыми уловками, международными инкорпоративными связями его концерна, отточенной организацией производства и концентрацией усилий на бизнесе в области сильноточной техники Ратенау в электрической промышленности, подобно тому как это Тиссен делал в металлургии, всегда опережал своих конкурентов. И когда вскоре после наступления XX в. в ней разразился кризис, ему уже почти удалось приобрести переживавшую крах фирму «Шуккерт-верке» в Нюрнберге, которую в конечном счете прибрал потом к своим рукам старший конкурент Сименс. В те дни Ратенау исполнилось уже 65 лет, и он немного устал, а у Сименсов тогда рычаги управления вновь находились в руках молодого и более агрессивного поколения предпринимателя.

Не был человеком жесткой власти

Эмиль Ратенау, разумеется, не был таким гением в области техники, как Вернер Сименс, но благодаря новому, «американскому» стилю ведения дел он полнее всего олицетворял среди грюндеров германской промышленности современный тип менеджера. Феликс Пиннер так охарактеризовал босса «АЭГ», бывшего загадкой для многих его современников: «Эмиль Ратенау в рефлекторном отношении не был ни слишком сложным, ни обладавшим чрезмерно острым умом. Он не был ни искусным диалектиком, ни убедительным оратором; он едва мог следить за сложной полемикой, а тем более пускать ее в нужном направлении. Он не был также человеком жесткой власти, а, напротив, был необычайно мягок для человека, которому удалось так много сделать. Но у него был один дар. Ратенау был в состоянии за счет определенной способности ясновидения представлять будущее так, как будто бы оно стало уже настоящим. Благодаря этому возможности и неизбежности будущего были для него как бы сами собой разумеющимися, в то время как другие должны были с трудом докапываться до них и все-таки оказывались не в состоянии докопаться до конца...»

Вальтер Ратенау, сын основателя концерна, родился в 1867 г. Впоследствии он стал более знаменит, чем его отец. В 1915 г. после смерти отца он возглавил «АЭГ». Однако эпоха — Германия уже стояла на пороге первой мировой войны — не позволила в полной мере выступить ему на поприще промышленника. Вот почему после окончания войны управляющий электроконцерном стал все более

активно выступать как политический деятель. Вальтер Ратенау стал вначале рейхсминистром восстановления экономики, а затем и министром иностранных дел. В апреле 1922 г. он заключил с Советской Россией Рапалльский договор. Как сторонник политики исполнения он стал мишенью националистских фанатиков. 24 июня 1922 г., через семь лет после того, как получил в свои руки бразды правления «АЭГ», он пал жертвой правоэкстремистских офицеров.

Глава 15
ДЕНЕЖНАЯ ИМПЕРИЯ БРАТЬЕВ ТИТЦ

В эпоху грюндерства возникли не только промышленность, банковская система и страховое дело. Тогда же было положено начало и новой форме розничной торговли — стали появляться универсальные магазины. История немецких торговых концернов, повлиявших на экономическое поведение потребителя в гораздо большей степени, чем производители промышленных товаров, неразрывно связана с семьей торговцев-евреев из местечка Вайлер Бирнбаум на реке Варте в провинции Позен, одного из самых захолустных уголков Германской империи. Сначала это семейство носило фамилию Хирш, позднее отдельные его представители именовались Граупе. Известность, однако, выпала на долю родовой ветви под фамилией Титц, и не без причины: братья Титц, Леонард и Оскар, основали два крупнейших в Европе торговых дома — «Кауфхоф» и «Херти».

Оба концерна, оборот которых в настоящее время достигает 20 млрд. марок, а в 200 универсальных магазинах, разбросанных по всей Западной Германии, трудятся почти 50 тыс. человек, возникли как раз 100 лет назад: «Кауфхоф» Леонард Титц основал в 1879 г., «Херти» — владение Оскара и его дяди Германа («Херти» — производное от **Her**-mann и **Tie**-tz) — появился на свет в 1882 г. К тому моменту, когда эти везучие братья появились на свет, Титцы, несколько столетий назад пришедшие в Голландию через Авиньон, а затем окончательно осевшие в Вартегау, были уже крупным, широко разветвленным православным семейством. Наиболее богатая его ветвь приобрела у прусского короля поместье Уршванцов Цлици и успешно вела сначала в Бирнбауме, а затем и в Берлине торговлю галантерейными товарами.

Родоначальником беднейшей ветви был Саломон Титц, благочестивый еврей, не пожелавший после наполеоновских войн присягнуть на верность прусскому королю. Не получив поэтому торговых привилегий, он занялся извозом и перевозил товары и людей на ярмарки в Позен и Лейпциг. Его сын Якоб унаследовал дело, выручки от которого едва хватало на пропитание его жены Иоганны и пятерых детей. И как раз сыновья этого бедного извозчика стали основателями универсальных магазинов, принесших каждому многомиллионные состояния. Оскар Титц, родившийся 18 апреля 1858 г., в тринадцатилетнем возрасте оставил школу и по настоянию семьи прошел четырехгодичное обучение у своих более состоятельных дядюшек, торговцев железным ломом в Пренцлау.

У Леонарда заводятся деньжата

К великому огорчению своих глубоко религиозных родственников, живший и кормившийся у них молодой ученик в редко выдававшиеся свободные часы открывал не талмуд, а зачитывался произведениями Генриха Гейне, Карла Маркса и Фердинанда Лассаля. Единственной отрадой его жизни в глухом провинциальном семейном гнезде стали беседы с немало поездившим по свету двоюродным дедом Германом, вернувшимся в годы франко-прусской войны из Америки, сохранившим, однако, американское подданство и работавшим страховым агентом компании «Нью-Йорк лайф иншюренс». Симпатизировала Оскару также и кузина Бетти. Пожалуй, ее чувство к нему выходило намного за рамки их родственных отношений.

Когда годы учения закончились, дядя Оскара Хацкель, глава фирмы по торговле металлоломом, выставил его за дверь. Видимо, он чувствовал, что молодой человек духовно его перерос и грозил выйти из повиновения. Не зная, что предпринять, Оскар отправился к своему брату Леонарду, который был старше его на девять лет и который совсем недавно открыл в Штральзунде магазин оптовой торговли пуговицами, бельем, галантерейными товарами и шерстью. Старший брат уже обладал достаточным жизненным опытом. Он успел побывать совладельцем магазина, видел Берлин и решил вести свои дела, твердо придерживаясь следующего принципа: покупать товары по самой низкой цене, калькулировать в обрез и продавать дешевле, чем конкуренты, но зато лишь за наличные. У него каждый товар имел свою твердую цену, он не торговался и не продавал в кредит.

Эта система блестяще себя оправдала, и у Леонарда завелись деньжата. Но оба брата были чересчур упрямы и своенравны, чтобы уживаться вместе в течение более или менее продолжительного периода времени.

После того как из-за неверных действий Оскара один важный клиент был перехвачен конкурентами, Леонард без колебаний вышвырнул младшего брата вон. Молодой «приказчик» переехал в Берлин, где сменил несколько мест в различных магазинах розничной торговли, нигде долго не задерживаясь.

Оскар становится торговцем мебелью

Об этих годах сын Оскара Георг писал несколько десятилетий спустя: «Последнее занимаемое им место была должность продавца мебели в фирме Зауля. Оно казалось идеальным: магазин открывался только в 8 час. утра и закрывался в 8 час. вечера. Столь благоприятных условий труда мой отец не имел ни в каком другом месте. При этом он получал 80 марок в месяц, и ему не нужно было жить в доме у главы фирмы. Ровно без десяти восемь отец уже стоял у дверей магазина, приказчик с ключами приходил только в половине девятого, а хозяин появлялся еще через час. Зато уже в начале восьмого вечера хозяин отправлялся домой, вскоре после этого исчезали все служащие. И только один из них по очереди оставался дежурить до закрытия магазина. Отец выкраивал время,

чтобы почитать, заняться каким-либо делом или за так просто выполнить в Берлине то или иное поручение брата и деда. Это была поистине барская жизнь. Но вот через девять месяцев отец пришел к мысли, что он на этом месте превратится в бездельника». Не желая болтаться без настоящего дела, Оскар Титц начал поиски нового места. Но так как они не увенчались успехом, он отправился к своему любимому деду Герману, и они стали вынашивать план открытия своего магазина. Прежде всего Оскар хотел реализовать одно «изобретение», сделанное им еще в бытность торговцем мебели. По обыкновению мастеря что-то, он придумал, как можно без особого труда изготовлять дорогие кружева или вышитые изделия. Весь процесс сводился к следующему: на шерстяной ткани хлопчатобумажной нитью вышивали тот или иной рисунок, затем ткань поливали соляной кислотой. Поскольку кислота разъедала шерсть, не повреждая хлопка, образец вышивки оставался нетронутым. Обдумав все как следует, Оскар решил открыть свой магазин в небольшом городе Гера, где особенно широкое развитие получило шерстяное ткачество. Именно здесь он надеялся найти дешевое сырье для своих «солянокислых» кружев.

Убогий магазинчик в Гере

Зародышем крупнейшего торгового концерна ФРГ оказался крошечный магазинчик, размером не больше обычной жилой комнаты. В нем была одна-единственная витрина. 1 марта 1882 г. в своей ежедневной газете жители Геры прочли такое объявление: «Настоящим уведомляю почтенных жителей Геры и окрестностей о том, что в городе открыт магазин фирмы «Герман Титц унд К°» по продаже пуговиц, пряжи, галантерейной фурнитуры, белья и шерсти оптом и в розницу. Надеюсь, что благодаря большому выбору товаров и низким ценам смогу выдержать любую конкуренцию. С глубоким уважением, Герман Титц, ул. Зорге, 23, в доме господина Антона Претцеля».

Дед Герман обеспечивал фирму капиталом, кузина Бетти привносила свое кулинарное искусство, а Оскар — вдохновение. Впрочем, молодой совладелец магазина в точности следовал рецепту успеха, составленному старшим братом. Он калькулировал в обрез, но зато настаивал на оплате наличными. Самым ходким товаром в новом магазине оказались оскаровы кружевные салфетки, которые изготовлял по их семейной технологии и поставлял фирме за бесценок один ремесленник из Плауэна. К сожалению, Оскар в спешке забыл оформить патент на свое изобретение. Дешевый магазин Титцев привлек всеобщее внимание, и конкуренты из всех сил старались отравить существование неугодным им пришельцам.

Проискам конкурентов поддалось только семейство Титц: спешно понаехавшие в Геру дядюшки до тех пор уговаривали кредитора фирмы Германа, пока он не вышел из казавшегося ему сомнительным предприятия. Оскар вернул его вклад плюс 5 тыс. марок прибыли и остался единоличным владельцем фирмы «Герман Титц унд К°», не имея, впрочем, ни гроша за душой. Кузина Бетти ссудила ему 300 марок, чтобы он смог хотя бы оплатить счета. Дед

Герман, уже прочно осевший в Гере, не покинул городка, чтобы вблизи наблюдать за торговыми делами племянника.

Если в первый день торговли оборот фирмы составил 34,50 марки, то некоторое время спустя в небольшом магазине, где покупателей обслуживали 16-летняя продавщица и 13-летний мальчик-рассыльный, в день продавали товаров уже на 200, а то и 300 марок. И по-прежнему бойко шла торговля кружевными салфетками. Оскар непрерывно наращивал их сбыт, как вдруг ему в голову пришла мысль обшивать этими салфетками изнутри плетеные короба, которые шли в продажу как корзины для рукоделия, хозяйственные сумки, ларчики для украшений и чемоданы.

Великая сила газетных объявлений

Постепенно расширяя свое дело, владелец маленького магазина в Гере так же, как и большинство других грюндеров, не преследовал никакой стратегической цели создания концерна. Он просто делал все необходимое для увеличения торгового оборота. У него не было ни особого секрета успеха, ни из ряда вон выходящих идей, если не считать эти забавные кружевные салфетки. Точно так же он мог бы торговать селедкой или, скажем, копчеными колбасами, и все равно из Оскара Титца получился бы крупный предприниматель.

Что отличало Оскара от остальных конкурентов, так это неутомимый, чуждый всему конвенционному ум, все усилия которого концентрировались на решении одной проблемы: как можно выгоднее заключать в перспективе торговые сделки. К этому прибавлялось и то, что он вообще работал больше и упорнее, чем другие мелкие торговцы в округе, и никогда не упускал возможности изыскать и испробовать новые пути. Оскар пребывал в состоянии постоянного поиска более выгодных условий закупок и более доходных товаров. Огромную силу воздействия газетных объявлений Оскар обнаружил скорее случайно, когда конкуренты пытались дискредитировать его в глазах покупателей и ему пришлось защищаться от клеветников. Это обстоятельство позволило ему выработать один из основных принципов своей, такой успешной в последующем деятельности: Оскар Титц покупал необходимые каждому товары без посредников, прямо у изготовителя, и через газету предлагал их покупателю по самой низкой цене, ставившей его вне конкуренции.

Оскар женится на кузине Бетти

Расширив свой магазин за счет мастерской владельца дома и расположенной поблизости мясной лавки, Оскар после некоторого сопротивления семьи женился на своей кузине Бетти, после чего дед Герман вновь покинул общую квартиру. Поскольку у деда, как и у племянника, умение торговать было дано от природы и к тому же у него давно чесались руки попробовать себя в самостоятельном деле, то он вскоре открыл в Веймаре собственный магазин, который в правовом отношении являлся, по сути дела, филиалом основной фирмы Оскара в Гере. Так Титцы открыли систему филиалов, и

семя новой идеи нашло в их лице благодатную почву. И деду и племяннику было ясно, что вместе они работать не смогут, слишком велико было желание каждого командовать другим. Если же они действовали по одной системе в разных местах, то при динамичности каждого в отдельности в целом возникала мощная лавина.

Стоило деду Герману вернуться в Геру — дела в Веймаре временно вел тот самый Пауль Хеслинг, который в тринадцатилетнем возрасте начинал как рассыльный у Оскара,— как ничто уже не могло удержать племянника в захолустном провинциальном городке. И Оскар, к тому времени ставший отцом шестимесячного младенца, вместе со своей небольшой семьей двинулся на юг. Выбор нового места жительства выдавал грандиозность его деловых планов: он переехал в Мюнхен. А дальше дело пошло семимильными шагами.

Первый мюнхенский миллион Оскара

«Я был тогда совсем еще молодым человеком,— вспоминал об этом времени будущей владелец крупного концерна тех времен,— и все мои чаяния и помыслы были направлены на то, чтобы вырваться из ограниченности провинциального городка. Меня манили отнюдь не соблазны крупного города, просто я хотел перенести свое местожительство в торговый центр. Я долго колебался, выбирая между Берлином и Мюнхеном. Но так как при всей своей предприимчивости купеческую осторожность я считал наиболее важной стороной смелости, я все-таки отдал предпочтение Мюнхену. Я понимал, что в деловом Берлине я буду всего лишь крохотным саженцем в огромном лесу.

Итак, в Мюнхене, на очень оживленной Карлсплатц, я снял скромный по своим размерам магазин. Мой принцип ведения дела — дешево покупать и как можно скорее пускать в оборот — оправдал себя и в Мюнхене. Первые же годы, проведенные здесь, принесли мне миллион марок. Это было совсем не мало, если учесть, что мюнхенский магазин едва ли был больше того, с которого мы начинали производство в Гере, и что в те времена оптовая торговля и промышленное производство в Мюнхене были еще недостаточно развиты. В Мюнхене я торговал только в розницу, а крупные партии товаров поставлял только родственникам. Открытие мюнхенского магазина состоялось в 1889 г.

Два года спустя я открыл филиал на Румфордштрассе, в 1894 г. снял кафе «Империал» на Шютценштрассе, перестроил его в крупный универсальный магазин, ввел в ассортимент кухонную утварь, плетеные изделия, игрушки, а позднее стекло, фарфор, ковры, обувь и одновременно продолжал расширять торговую площадь. Находясь в Мюнхене, я очень быстро создал целый ряд филиалов на юге Германии.

В 1899 г. мне удалось по довольно скромной цене купить на Лейпцигерштрассе в Берлине большие участки земли и почти одновременно с А. Вертхаймом в сентябре 1900 г. открыть там грандиозный универсальный магазин. Через шесть лет я обосновался на Александерплатц. К тому времени магазины уже появились в восточной части Берлина, в Гамбурге и в других городах Германии.

Разумеется, я уже давно осуществлял закупки в централизованном порядке. Конечно, в этом процессе участвовало множество людей, прошедших у меня специальную подготовку. Поэтому я имею полное право сказать, что, за редким исключением, все те, кто занимает сейчас важные посты в универсальных магазинах, прошли мою школу. Во всех случаях я лично контролировал строительство своих магазинов, создавал организационную структуру и по меньшей мере в первые дни после открытия сам руководил торговлей».

Ожесточенная борьба с розничными торговцами

И все же создание концерна Титца протекало далеко не так гладко, как это явствует из вышеприведенного рассказа, записанного одним журналистом под диктовку грюндера за несколько дней до начала первой мировой войны. Этому предшествовали годы ожесточенной борьбы с местными розничными торговцами, годы разочарований, промахов и попыток оказать политическое давление на него. Когда Оскар Титц выселил своих помощников и помощниц из своей частной квартиры в Мюнхене и начал выплачивать им дополнительно к заработной плате деньги на пропитание и жилье, то розничные торговцы Баварии расценили это как измену сословию работодателей.

А когда он, чтобы удержать хороших продавцов, сделал воскресенье полным выходным днем — в те времена магазины розничной торговли по воскресеньям открывались в 7 час. утра и закрывались только к началу службы в церквах, т. е. между 10 и 12 час.,— его объявили «подрывным элементом в торговле». Сын Оскара Георг вспоминает: «Считалось, что порядочный торговец не может продавать по дешевке. Началась открытая борьба. Последовала целая серия процессов, на которых отца обвиняли в подлоге, обмеривании и обвешивании, недобросовестной конкуренции и прочих подобных грехах. Одновременно в антисемитских, антипрусских и других воинствующих реакционных газетенках была развязана настоящая клеветническая кампания.

Но эти обвинения позволили отцу продемонстрировать перед судом, да и перед всем миром свою абсолютную, безоговорочную честность и надежность, а также высокое качество и надежность предлагаемых им товаров. Он с блеском выиграл все процессы, причем нередко оказывалось, что клеветники приписывали ему все те грехи, в которых были повинны сами. Процессы и их исход принесли ему невиданную популярность, а его делу создали хорошую рекламу. Его предприятие стало развиваться еще быстрее».

Титцы используют монополию спроса

В первом мюнхенском магазине Титцев, скромно оборудованном полками из ящичных досок, наряду с обычным бельем продавали также школьные тетради, карандаши, чернила, сентиментальные романы, фарфоровые чашки и тарелки, дамские головные уборы, блузки, хлопчатобумажные чулки, пуговицы и другие аналогичные

товары. Уже тогда первооткрыватель универсальных магазинов нередко приобретал товары напрямую у пользовавшихся хорошей репутацией производителей марочных товаров, однако в нейтральной упаковке и без широко известной торговой марки, но зато гораздо дешевле, чем иные владельцы специализированных магазинов розничной торговли.

Оскар очень рано понял, что поштучная цена товара тем ниже, чем крупнее закупаемая партия. Вот тогда-то он и уговорил своих братьев Леонарда и Юлиуса, которые владели собственными магазинами в разных районах Германии, равно как и других родственников, занятых в розничной торговле, вести закупки совместно. Запрашивавшиеся таким образом партии были довольно велики, а поскольку Титцы широко использовали могущество, создаваемое концентрированным спросом, то приобретали они товар значительно дешевле, чем конкуренты.

Торговая мафия из Бирнбаума

Здесь следует подчеркнуть, что ни Оскар, ни Леонард Титц не «изобрели» универсального магазина. В Париже уже давно существовали такие храмы торговли, как «Галери Лафайет», «О бон марше», «Лувр», «Ле дё марго», «Прентан». В Лондоне тоже намного раньше, чем в Берлине или Мюнхене, возникли такие крупные универсальные магазины, как, например, «Уитди Лтд». Не станем говорить о Нью-Йорке, где фирма «Маршалл, Филд энд К°» ежедневно обслуживала в своих магазинах тысячи покупателей. Но братья Титц оказались среди первых, кто понял, что именно этой формы предложения товаров недостает Германии и что как раз ей принадлежит будущее.

Кроме того, им, как и другим крупным грюндерам, повезло в том, что они вовремя открыли свое дело. Произошло бы это на 10—20 лет позднее, все наиболее выгодные места были бы уже заняты конкурентами. Ведь одновременно с Титцами строительство цепочки универсальных магазинов начали братья Вертхайм в Берлине, Рудольф Карштадт из Мекленбурга, вестфалец Теодор Альтхоф, гамбургская фирма «М. И. Эмден». Даже деревушка, где родились братья Титц, дала Германии целую группу грюндеров, владельцев универсальных магазинов. Уроженцами Бирнбаума было семейство Кнопф, создавшее настоящую сеть универсальных магазинов в Бадене, а также семейства Йоске и Ури, захватившие рынок Саксонии. Выходцами из окрестностей деревни были Вронкеры, осевшие во Франкфурте-на-Майне и основавшие здесь настоящий храм торговли.

Таким образом, идея не была абсолютно новой. Все зависело от того, как ее использовать. Своим ярко выраженным чутьем торговца, своей тщательной организацией закупок, своей неукротимой жаждой деятельности и, наконец, своим настроем на безграничную экспансию Титцы намного превосходили практически всех своих конкурентов.

«Вам что-нибудь еще неясно?..»

Типичным для методов руководства деятельностью сотрудников, применявшихся Оскаром Титцем, является эпизод, происшедший в Мюнхене в присутствии его сына Георга. «На склад к старому кладовщику Шаде пришел новый работник Бертольд Каргер, которому, как более интеллигентному и знающему основы торгового дела, кроме складских работ, было поручено ведение записей в книгах бухгалтерского учета, калькуляции и инвентарной описи. Он получил не только прибавку к жалованью, но и титул «ответственного за приемку товаров», что в те времена в Баварии было немаловажно.

Когда отец однажды пришел в отдел маркировки товаров, старый Шаде пожаловался ему, что его обходят по службе. Отец подошел к окну и спросил: «Что сейчас разгружают во дворе?» Шаде сказал: «Секундочку, хозяин»,— бросился стремглав вниз по лестнице и снова, преодолев, теперь уже вверх, несколько лестничных пролетов, возвратился с сообщением о том, что привезли уголь. Отец вновь задал ему вопрос: «От кого уголь и что за лошади в упряжке?» На что Шаде, во второй раз пробежавшись вниз и вверх по лестнице, сказал: «От Кустермана, на лошадях вороной масти». После этого отец подозвал Бертольда Каргера и, по-прежнему стоя у окна, задал ему тот же вопрос. В ответ на это Каргер попросил разрешения подойти к окну, взглянул вниз и сказал: «Подвезли уголь». Отец во второй раз спросил: «От кого уголь и на каких лошадях доставлен?» Каргер ответил: «Уголь от Кустермана, а лошади вороной масти, что, впрочем, не имеет для нас никакого значения».

Тогда отец вновь обратился к Шаде и спросил, принес ли тот накладную, в ответ на что Шаде уставился на него с непонимающим видом. На тот же вопрос второй кладовщик ответил: «Накладная поступает наверх только после того, как механик взвесит уголь и выдаст расписку в его получении». «Шаде,— коротко спросил тогда отец,— вам что-нибудь еще неясно?» — и ушел. Не порицая открыто старого работника, Титц дал ему ясно понять, что молодой служащий имеет перед ним преимущества, а значит, и право на более высокое жалованье. Умение Оскара найти верный тон в обхождении со служащими вошло в поговорку, так же как и его безошибочный нюх на выгодную сделку. Он не цеплялся за переходившие из поколения в поколение формы торговли, а все время искал что-то новое, не забывая при этом, что покупатель знает цену деньгам.

Трюк с фарфором

Георг Титц так описывает еще один эпизод из первых лет деятельности крупного коммерсанта: «До сих пор фарфор поставлялся торговцам только в ящиках, во-первых, из-за существующей опасности боя, во-вторых, потому что торговцы не хотели держать на своих складах излишне большое количество товаров. Отцу пришла в голову мысль перевозить фарфоровые изделия в вагонах, переложив их соломой. Он арендовал участок земли с подходившим

к нему железнодорожным путем, где фарфор разгружали и откуда, упаковав в солому, отправляли в магазин. Экономия на транспортных издержках и увеличение объема поставок позволили продавать фарфор вдвое дешевле против прежнего и получать при этом прибыль.

Фарфоровая посуда с небольшими пятнами, образовавшимися при обжиге, прежде продавалась по исключительно низкой цене на экспорт либо уничтожалась. Отец купил партию таких изделий у одного из самых известных фабрикантов, нашел художника в местечке Марктредвитц, который покрывал дефекты узорами из линий и цветов. Эта посуда была поставлена для распродажи по сниженным ценам на отдельных прилавках в торговом зале с верхним светом. Чашками и блюдцами с небольшими дефектами, искусно скрытыми под рисунком и незаметными глазу непосвященного человека, торговали по 10 пфеннигов за штуку. За один-единственный день был распродан целый вагон такой посуды.

В день распродажи фарфора по сниженным ценам к отцу подошел итальянский экспортер апельсинов и спросил, не хочет ли тот проделать такую же операцию и с его товаром. В то время в Мюнхене один апельсин стоил 50 пфеннигов. Розничный торговец получал уложенные в ящики фрукты от оптовика, тот через аукциониста — от импортера. Каждый из трех посредников должен был получать свою долю торговой прибыли, а четырехкратная перегрузка товара удорожала транспортные и другие расходы. И хотя отец не имел никакого представления об апельсинах, тем не менее он поинтересовался, во сколько ему обойдется вагон апельсинов без упаковки. Оказалось, что в этом случае 100 плодов будут стоить 3 марки с доставкой до Мюнхена. Разумеется, цена включала и оплату пошлины. Отец купил вагон апельсинов, пришедший в Мюнхен прямо из Италии, и поступил с ними точно так же, как с фарфором. Около 8% всей партии апельсинов оказались испорченными, и их пришлось выбросить. Остальное же благодаря объявлению «Итальянские апельсины — 5 пфеннигов за штуку» было распродано в течение дня. С тех пор апельсины вошли в ассортимент товаров отдела, торговавшего джемами и мармеладом, и в разгар сезона универсальный магазин Титца еженедельно получал по вагону этих фруктов».

В окна летят булыжники

Чем успешнее шли дела у фирмы, тем ожесточеннее сопротивлялись побежденные в экономическом соперничестве розничные торговцы. Перед входом в мюнхенский универсальный магазин дежурили подосланные конкурентами люди, раздававшие покупателям листовки с призывами не покупать у «евреев». Это было еще во времена Германской империи, задолго до прихода к власти нацистов.

В другой раз в этой роли выступили служащие городского самоуправления, якобы нашедшие недостатки в мерах противопожарной безопасности и вознамерившиеся ограничить торговые помещения магазина первыми двумя этажами.

Когда же в последний день года, который пришелся на воскресенье, в магазине проводилась инвентаризация, мюнхенские розничные торговцы, собравшиеся в пивной «Аугустинеркеллер», призвали «выступить с протестом против продажи по бросовым ценам и использования женского труда». Затем участники этого сборища, вспоминает Георг Титц, «направились к нашему магазину, начали швырять в окна булыжники, блокировали все входы и выходы... По подстрекательству мелких лавочников магазин заполнили члены студенческой корпорации и принялись усиленно флиртовать с продавщицами. Когда им навстречу вышел Пауль Хеслинг и, ссылаясь на неприкосновенность жилища, предложил покинуть помещение, они затеяли жестокую драку, побросали с прилавков и витрин товары, побили окна. Отец поспешил за помощью в полицию, но там не пожелали вступать в конфликт с сыновьями «видных немецких семей». Отцу пришлось в порядке самозащиты прибегнуть к грубой физической силе и с помощью знакомого пекаря и его подмастерьев выставить элиту немецкого студенчества за дверь магазина и восстановить порядок».

Из Америки выписан управляющий

Конфликт между «этаблированными» розничными торговцами и «пришельцами» все обострялся. Это проявилось, в частности, в том, что в отдельных немецких землях был введен особый налог на универсальные магазины: в Баварии это произошло в 1899 г., в Пруссии и Саксонии — в 1900 г., в Вюртемберге — в 1903 г. в Бадене, Брауншвейге и Эльзас-Лотарингии — в 1904 г. Оскар Титц к тому времени уже давно захватил ключевые позиции на немецком рынке. Если его брат Леонард «осваивал» западные районы империи, то он сам со своими торговыми дворцами, ассортимент товаров в которых постоянно расширялся, твердо обосновался в других местах Германии. Кроме Мюнхена, наибольшие обороты давали его магазины в Берлине и Гамбурге.

Не находя в Германии управляющих высокого класса, он выписывал нужных ему специалистов из Америки, где он черпал также новые идеи для дальнейшего развития своих универсальных магазинов. Однако, когда в самом начале нового века разразился экономический кризис и «Лейпцигер банк» вынужден был закрыть окошечки своих касс, обремененный долгами «король» универсальных магазинов тоже попал в затруднительное положение. Он вновь привел в «действие» своего деда Германа, который, прибыв из Мюнхена сначала в Берлин, а затем и в Гамбург, начал железной рукой наводить порядок. «Все иностранные служащие были уволены, число продавцов сокращено. Экономили, на чем могли, предметы роскоши были распроданы, и предприятие снова превратилось в магазин товаров массового спроса»,— вспоминает Георг Титц. И дела опять пошли на поправку, а, когда кризис миновал, торговый спрут распустил свои щупальца шире прежнего.

Давление, которому постоянно подвергалось предприятие Оскара, не давало ему покоя. Налог на универсальные магазины лишь слегка задел его, так как он просто переадресовал его своим поставщикам. Но он хорошо понимал, что крупные магазины

должны создать что-то в противовес мелким розничным торговцам, которые организационно все более сплачивались. Поэтому Титц учредил Объединение немецких универсальных магазинов, о котором экономический обозреватель из Берлина Феликс Пиннер писал, что это была «не мелочь, поскольку соперничество в этих кругах было гораздо сильнее, чем профессиональная солидарность. Каждый шел в этом деле... собственным путем, он радовался не только своим успехам, но и, даже куда больше, неудачам конкурента. Оскар Титц раньше других осознал всю недальновидность и мелочность такого принципа соперничества. Он понимал, что объединение сил и единство им необходимо вдвойне».

Титц открывает первый кинотеатр

Его неутомимый ум был постоянно занят проблемами усовершенствований и нововведений. Так, он установил в своем мюнхенском универсальном магазине первый в мире дизельный мотор для производства электрической энергии. И именно Оскар Титц раньше других осознал, какой большой притягательной силой обладает «синематограф», с которым он впервые познакомился в Америке. Не теряя времени, он открыл в Мюнхене первый немецкий кинотеатр, эксплуатировавшийся его компанией «Империал-синема ГмбХ».

Его друзья по торговому делу прислушались к его советам и начали производство собственных фильмов. Родственник Титца, владелец универсальных магазинов Герман Вронкер, представитель текстильной промышленности Давидсон и сын бывшего владельца универсальных магазинов Любича учредили театральное общество «Унион», из которого позднее возникла широко известная компания «Универсум-фильм АГ». Однако коммерсант Оскар Титц старался держаться подальше от любого промышленного предприятия. В отличие от своего основного соперника Рудольфа Карштадта он видел в них те препятствия, которые в кризисные периоды могут создать смертельную угрозу. Он хотел покупать свои товары только там, где они оказывались для него самыми дешевыми, не думая о том, принадлежат ли производящие их предприятия ему или кому-то другому.

Оскар остается безраздельным хозяином

Таким образом, деньги, полученные от торговли, он мог сразу же вкладывать в строительство еще более современных, оборудованных по последнему слову техники универсальных магазинов. В 20-е годы неудержимо расширявшийся концерн Титца поглотил известный магазин «KDW» в Берлине и все магазины своих конкурентов Яндорфа и Конитцера. В то время как Леонард уже в 1905 г. сконцентрировал все свои магазины в акционерном обществе, в капитале которого ему лично принадлежала всего небольшая доля и которое все больше и больше подпадало под влияние крупных банков, Оскар до самой смерти, наступившей 17 января 1923 г., оставался безраздельным хозяином созданной им торговой империи.

Под конец в его магазинах было занято 16,5 тыс. человек, иными словами, он создал «крупнейший в Европе торговый концерн в единоличном владении». Только в гитлеровские времена, 24 июня 1935 г., торговое общество с неограниченной ответственностью для каждого участника «Герман Титц унд К°», было преобразовано в «Херти варен- унд кауфхауз ГмбХ». Позднее в процессе «аризации» это общество перешло в полную собственность гамбургского семейства коммерсантов Каргов, которое и поныне управляет концерном «Херти».

Глава 16
ДВИГАТЕЛЬ РАБОТАЕТ

Двигатели открыли эру промышленной революции: давление горячего пара, искусно управляемое и преобразуемое во вращательное движение, многократно увеличило возможности человека по переустройству Земли в соответствии со своими представлениями. Паровая машина привела в движение токарные станки, насосы, кузнечные молоты и, наконец, паровозы. Но первые энергогенераторы были громоздкими, дорогостоящими и по меньшей мере вначале весьма ненадежными в работе. Паровая машина была доступна только крупным, владеющим большим капиталом предприятиям; для мелкого ремесленника она оставалась несбыточной мечтой.

Поэтому уже в первые годы индустриализации многочисленные мастера в Англии, Франции и в германских княжествах занялись поисками не столь крупного, более компактного и дешевого искусственного источника энергии. Первый успех выпал на долю французского изобретателя Жан-Этьена Ленуара, который сумел заставить работать так называемый атмосферный газовый мотор. Питаемый светильным газом двигатель внутреннего сгорания очень скоро завоевал большую популярность на промышленных предприятиях Германии, так как владельцы небольших фабрик и ремесленники видели в нем своего рода «паровой двигатель маленького человека».

В 1863 г. Ленуар установил свой двигатель-«хлопушку» на некое подобие телеги и проехал на ней добрых 20 км от Парижа до Жуэнвиль-ле-Пона. Однако вскоре выявились серьезные недостатки этого способа передвижения: газовый мотор порождал адский шум и потреблял такое количество топлива, что его эксплуатация обходилась в три-четыре раза дороже использования паровой машины той же мощности.

Самоучка из Кёльна

Тридцатилетний подручный продавца из Кёльна на Рейне прослышал о двигателе Ленуара и начал изучать принцип действия этого источника энергии. Молодой человек, которого звали Николаус Аугуст Отто, родился 10 июня 1832 г. в Хольцхаузене. Он был шестым ребенком в семье трактирщика и разбирался в теории и практике машиностроения так же хорошо, как, скажем, корова в яйцекладке. Отто никогда не переступал порога гимназии и не имел никакого профессионально-технического образования. Реального училища ему тоже не удалось полностью закончить, а обо всем, что происходило на промышленных предприятиях Кёльна и окрестностей, он знал в лучшем случае понаслышке.

Этот необразованный, нелюдимый, производящий впечатление заторможенного человека сын трактирщика работал в небольшой лавке колониальных товаров и жил в доме у своего старшего брата Вильгельма. Трудно было даже предположить, что именно он окажется автором идеи, равной по своей значимости разве что изобретению паровой машины. Да и он сам в то время вряд ли догадывался о том, что его технический гений можно сопоставить с талантом Вернера Сименса. Николаус Аугуст знал только, что в состоянии как одержимый ночи напролет ломать голову над множеством проблем, которые поставил перед ним двигатель внутреннего сгорания.

С тех пор как Отто заинтересовался машиной Ленуара, он буквально преобразился. Днями, торгуя макаронами и пряностями, он перебирал в уме возможности решения тех или иных технических проблем, а по вечерам проводил практические опыты в своей крохотной мастерской. Он был самоучкой в истинном значении этого слова и не имел никакого представления о важнейших разработках конструкторов двигателей. Тем не менее ему удалось настолько усовершенствовать мотор Ленуара, что его мощность существенно возросла.

Встреча, решившая судьбу

Когда в начале 1861 г. Отто захотел получить патент на свой «газовик», ему холодно сообщили, что такое устройство уже давно изобретено. Он, впрочем, не впал в уныние, напротив, начал еще глубже зарываться в проблемы двигателя внутреннего сгорания. Уже в следующем году он сконструировал машину, которая с треском и свистом сразу завелась, но через несколько минут встала. Сам того не подозревая, этот гениальный, вечно чуть запачканный в масле конструктор-любитель изобрел мотор, весьма напоминающий появившийся позже четырехтактный двигатель. Не получив патента и на этот агрегат, Отто вновь занялся совершенствованием ленуаровского мотора.

Отто был уже на пределе своих возможностей, когда 9 февраля 1864 г. он встретился с человеком, оказавшим решающее влияние на всю его дальнейшую судьбу. Возможно, этот человек пришел к нему в маленькую темную мастерскую механика, прослышав о его опытах с газовым мотором. Его звали Ойген Ланген. Это был сын богатейшего кёльнского предпринимателя, сделавшего себе состояние на торговле сахаром, черной металлургии и банковских операциях.

Но Ойген Ланген был больше, чем просто сын богача. Его интересовали не столько дела семьи, сколько техника. После изучения основ машиностроения у известного профессора Редтенбахера в политехническом институте в Карлсруэ, он работал практикантом на разных металлургических заводах, находившихся на территории между Верхней Силезией и Руром, и сделал при этом несколько довольно важных изобретений. Ему удалось получить патент на свою «жаровню-многоэтажку», своеобразную печь-гриль. Кроме того, он разработал технологию регенерации костяного угля.

Неприкрытый эгоизм с обеих сторон

Два столь различных человека почувствовали взаимную симпатию и, безусловно, сразу же поняли, какую пользу они могут принести друг другу. Один из них был опытным, богатым, пользовавшимся уважением предпринимателем, хорошо разбирающимся в технических проблемах, другой — нерасторопным, неимущим, замкнутым в себе изобретателем с поразительным чутьем на новые возможности технического развития. Однако то, что казалось идеальным союзом нищего гения и доброго мецената, было с обеих сторон на самом деле чисто деловым сотрудничеством, продиктованным грубым эгоизмом, которое нередко переживало периоды серьезнейших осложнений и порой стояло на грани разрыва. И в день первой встречи никто из них не предполагал, что сотрудничество продлится до самой смерти Отто, наступившей в 1891 г.

Поначалу Ойген Ланген финансировал работу своего компаньона целиком из собственного кармана, и изобретатель находился в полной зависимости от своего покровителя. При этом каждый из них был постоянно уверен в том, что другой стремится обмануть, а то и вовсе разорить его. Для Отто проблема заключалась в том, что он не мог вести исследовательскую и конструкторскую работу систематически, а вынужден был рывками, интуитивно продираться через тернии термодинамики и механики. В этих условиях следовало мириться с многочисленными неудачами и ошибками, а терпение технически образованного мецената излишне часто подвергалось испытаниям. Ланген сам внес несколько идей в разработки, оказавшихся немаловажными для успешного хода дела. И прежде всего, 21 апреля 1866 г. ему наконец-то удалось при поддержке известного профессора Рёло получить патент на изобретенный Отто двигатель внутреннего сгорания.

Ланген теряет доверие

И опять-таки не кто иной, как Ланген, сумел создать новому двигателю громогласную рекламу в среде компаньонов в Европе и Америке и в конечном счете продемонстрировать его публике на Всемирной парижской выставке 1867 г. Здесь, правда, скромному кёльнскому моторчику пришлось завоевывать свои позиции наряду с 14 другими газовыми двигателями, и только благодаря новому вмешательству Рёло одним из важнейших параметров оценки двигателей был признан расход газа. Но ведь именно в этом и заключалось преимущество нового немецкого изобретения: мотор Отто получил золотую медаль потому, что работал экономичнее, чем все остальные машины.

Однако новый двигатель еще долго не приносил никаких доходов, и Ланген, вложивший в эту разработку более 30 тыс. талеров, постепенно сам оказался в финансовых затруднениях. Чтобы как-то уменьшить риск для себя, он в марте 1869 г. привлек к участию в совместной фирме коммерсанта К. А. Роозен-Рунге, который был выходцем из Гамбурга и постоянно проживал в Манчестере. Однако конца опытно-конструкторским работам не было видно, а коммерческая реализация изобретения тоже не

приносила заметного успеха. Вот почему новый партнер, впав в малодушие, в 1871 г. вышел из компании, получив сравнительно небольшую компенсацию.

На службу нанимают Даймлера и Майбаха

Ойген Ланген, который из-за своего участия в других предприятиях испытывал определенную нехватку средств, все более и более утрачивал веру в изобретательский талант Отто. Должно было что-то произойти, чтобы все предприятие не потерпело окончательного провала. Оба энтузиаста нового двигателя решились на отчаянный шаг. В 1872 г., в разгар грюндерского бума, они создали компанию по производству газовых двигателей «Газмоторенфабрик Дойц АГ», общий капитал которой составлял 300 тыс. талеров. К новому акционерному обществу перешла старая фирма, уже изготовившая к тому моменту 209 двигателей внутреннего сгорания. Ее вложенный в производство капитал, включая здания, сооружения и машины, был щедро оценен в 200 тыс. талеров.

Оставшиеся 100 тыс. талеров поступили от коммерсантов из Кёльна Эмиля и Валентина Пфайферов, которые тем самым внесли практически весь новый капитал. Председателем наблюдательного совета стал Эмиль Пфайфер, директорами — Ланген, его брат Густав и Николаус Аугуст Отто. Учредители общества прекрасно понимали, что они достигнут успеха только в том случае, если превратят свою полукустарную мастерскую в солидное предприятие серийного производства. Для этого нужны были и другие люди, а не только погруженный с головой в свою работу изобретатель и занятый тысячью других дел крупный коммерсант. И директора «Дойц АГ» решили нанять двух лучших машиностроителей тогдашней Германии.

Собственно говоря, им нужен был только один, а именно Готлиб Даймлер, тридцативосьмилетний шваб, руководивший мастерскими исключительно солидного машиностроительного общества в Карлсруэ и считавшийся очень способным конструктором. Но уже в начале переговоров техник, родивший в 1834 г. в вюртембергской деревне Шорндорф, дал понять, что ему пальца в рот просто так не клади. Он выговорил себе не только жалованье в размере 1500 талеров в год, служебную квартиру, 5%-ное участие в чистой прибыли, но и еще одну привилегию.

Он сообщил учредителям «Газмоторенфабрик Дойц АГ», что переедет на Рейн только в том случае, если ему разрешат взять с собой ближайшего помощника. Им оказался тоже шваб, которого звали Вильгельм Майбах. Так и началось сотрудничество четырех наиболее талантливых для того времени техников-машиностроителей: Ойгена Лангена, Николауса Аугуста Отто, Готлиба Даймлера и Вильгельма Майбаха. Никогда больше ни в какой другой фирме не встречалось столь удивительной четверки.

Швабы наводят порядок

С появлением швабов в рейнских мастерских повеяло свежим ветром. Даймлер и Майбах позаботились о том, чтобы мастерская

превратилась в высокорентабельное промышленное предприятие. Они усовершенствовали постоянно несколько недоработанные конструкции Отто, положили начало рациональному серийному производству продукции высокого качества. В результате этого «Дойц АГ» уже на первом году своего существования сумело выплатить дивиденды в размере 5%, на следующий год — уже 11, а в 1876 г., когда промышленность погрузилась в глубокую депрессию,— ни много ни мало 23%.

За 10 лет, на которые Даймлер и Майбах подписали контракт, предприятие выпустило более 5 тыс. двигателей. Между основателями фирмы и их самыми старательными сотрудниками постоянно велась невидимая война за сроки и условия, за престиж и жалованье. Готлиб Даймлер, который не видел проку в беспорядочных опытах Отто, оставался глух также и к дипломатическому умению Ойгена Лангена добиваться чего-либо уговорами. Он стяжал себе в местном обществе славу автократичного сварливого упрямца, в то время как Вильгельм Майбах, более обходительный по натуре, гораздо легче находил общий язык с рейнцами.

Самая незавидная роль в этой квадриге выпала на долю Николауса Аугуста Отто, истинного создателя двигателя, который не мог тягаться в искусстве аргументации ни с Даймлером, ни с Лангеном и которого нередко высмеивали и вышучивали его партнеры. Однако наименее образованный из четырех, он, безусловно, был самым талантливым из них. Ведь именно Отто, а не Даймлер заставил наконец в 1876 г. функционировать ту машину, которая, как никакое другое изобретение, так изменила мир, а именно четырехтактный двигатель внутреннего сгорания.

«Высоко ценя Ваши заслуги...»

Когда новый двигатель высокого сжатия, над которым Отто корпел в строго изолированном помещении для испытаний, презрительно именовавшемся швабами «чуланом», стал подавать первые признаки жизни, изобретатель был единственным человеком, который в полной мере осознал его значение. Ни Ланген, ни Даймлер, ни Майбах не поняли в первый момент, что же было создано. Обиженный равнодушием своих компаньонов, Отто 16 января 1877 г. написал следующее письмо:

«Господину Ойгену Лангену, Кёльн.

Ознакомившись с присланным мне протоколом 23-го заседания наблюдательного совета, состоявшегося 12 числа сего месяца, я позволю себе заметить, что в решениях, зафиксированных в прежних протоколах, речь шла лишь об оформлении патентов на имя «Газмоторенфабрик», а отнюдь не о сокрытии от общественности имени автора изобретения при обнародовании последнего.

Если речь идет о действительно новом самостоятельном изобретении, то, давая ему название, следует соответствующим образом связать его и с именем изобретателя; иное дело, если налицо лишь отдельные усовершенствования уже запатентованных машин.

Теперешний двигатель является самостоятельным изобретением,

плодом многолетних размышлений, и никоим образом не связан с опытами, проведенными на средства «Газмоторенфабрик».

В настоящем письме я не намерен останавливаться на том, какое вознаграждение я хотел бы получить за новое изобретение. Об этом я неоднократно разговаривал с Вашим братом Густавом и сообщил ему о своем желании получить столько акций общества по их номинальной стоимости, чтобы в равной с Вами доле участвовать в акционерном обществе «Газмоторенфабрик Дойц». Высоко ценя Ваши заслуги перед предприятием, я все же считаю, что мною сделано здесь не меньше. Я пришел на предприятие не просто как служащий, а принес с собой свое первое изобретение и имею равные с Вами права.

Наши отношения складывались так, что позднее моя доля в деле уменьшилась до 10%. Если же сейчас я выражу пожелание вернуться к прежнему уровню своего участия, то не думаю, что Вы вправе будете считать это чрезмерным требованием с моей стороны...»

Разногласия парализуют работу предприятия

Когда разочарованный изобретатель сочинял это письмо, у клиентов фабрики «Дойц» уже рокотали первые четырехтактные двигатели. Самый первый двигатель новой марки — заводской номер 3001, мощность 4 л. с.— был заказан пивоваренным заводом в Мюльхайме. Это означало, что начинавший когда-то с нуля конструктор машин добился всего, о чем он издавна мечтал: признания, богатства, славы.

Отто, создатель четырехтактного двигателя, приобрел всемирную известность. Благодаря расширению выпуска двигателя на предприятии стал обладателем внушительного состояния. Но для Готлиба Даймлера и Вильгельма Майбаха сенсационный успех доселе столь малоуважаемого ими шефа был тяжелым ударом. Хотя оба по мере сил старались довести двигатель до состояния, в котором его можно было запускать в серийное производство, их не покидало разочарование от того, что не им, а самоучке Отто удалось разработать совершенно новый принцип конструирования двигателей и реализовать его на практике.

Отношения между Даймлером и Отто, как разочарованно отмечал Ойген Ланген, напоминали отношения между кошкой и собакой. На маленькой фабрике, где трудились уже 270 рабочих, разногласия между хозяевами нередко парализовывали все производство. Дело зашло так далеко, что Отто всерьез подумывал о том, чтобы выйти из фирмы, созданной при его участии, и бросить «швабское гнездо» на произвол судьбы. Его партнеру Ойгену Лангену все это было далеко не безразлично, и в конце концов ему пришлось решать, с кем же он будет продолжать работать. Как и можно было предполагать, он отдал свой голос Отто, проголосовав тем самым против Даймлера. В результате оба шваба, которые по договору должны были сотрудничать с фирмой до конца 1883 г., досрочно, в марте 1882 г., вышли из нее.

Предприниматель очень занят

«Таким образом, из-за своеволия не только Даймлера, но и Отто «Газмоторенфабрик» лишилась двух весьма квалифицированных сотрудников, но не более того. Об автомобилях или дирижаблях, с изобретением которых Даймлер и Майбах в конечном счете вошли в историю техники в качестве двух великих имен, в 1882—1883 гг. не могло еще и быть речи, а следовательно, и о том, что фабрика по производству газовых двигателей выдворила из своих владений двух гениев»,— так комментировал отъезд швабов из Кёльна историк экономики Вильгельм Тройе.

После всего этого Николаус Аугуст Отто буквально ожил. Он почувствовал себя уверенней, став теперь движущей силой процветающей фабрики, в то время как Ойген Ланген уделял все меньше внимания этой области своих многогранных интересов. Тем временем Ланген стал одной из ведущих фигур в сахароваренной промышленности Германии. Довольно велико было его участие в «Шаафхаузеншер банкферайн», «Дортмунд-Хёрдер бергверкс- унд хюттенферайн». Он являлся одним из учредителей Рейнско-Вестфальского земельно-кредитного банка, участвовал в самых разнообразных мероприятиях колониальной политики, внес крупную сумму в строительство Вуппертальской подвесной дороги и вкладывал миллионы в дальнейшее совершенствование трубных патентов братьев Маннесман.

Этот по горло занятый человек был не в состоянии отражать атаки конкурентов, которые оспаривали патенты Отто и, не обращая внимания на возможность исков о возмещении убытков, беззастенчиво копировали его четырехтактный двигатель.

Вполне вероятно, что столь важное изобретение вообще невозможно было так оградить патентной защитой, чтобы исключить любую возможность его использования другими. Готлиб Даймлер превратил сравнительно медленно работавший двигатель Отто в быстро функционирующий автомобильный мотор. Позднее Вильгельм Майбах выпускал самые красивые лимузины того времени, а также исключительно надежные агрегаты для летательных аппаратов графа Цеппелина.

Рудольф Дизель теряет шансы

Пожалуй, самую большую ошибку в своей предпринимательской карьере Ойген Ланген совершил, когда в возрасте 60 лет встретил молодого человека, настолько же талантливого и фанатичного, как и спутник всей его жизни Николаус Аугуст Отто. Его звали Рудольф Дизель, и он утверждал, что создал принципиальный новый двигатель. Но в этот раз крупный делец, обычно шестым чувством угадывавший технические новшества, остался глух. «Не только Ланген виноват в том, что не использовал эту повторившуюся ситуацию, упустил исторический шанс,— оправдывает промышленника Вильгельм Тройе и продолжает:— Изменение обстоятельств также до некоторой степени объясняет его поведение. Ойген Ланген постарел и разбогател, стал более занятым и более довольным собой, но таковой стала и вся экономика».

Необходимы были могучие движущие силы

Годы грюндерства миновали, капитализм приобрел такую инерцию развития, что его механизм работал сам собой, как хорошо смазанный двигатель Отто. Неотесанные, бесцеремонные пионеры-предприниматели были уже не нужны. Им на смену шли подкованные во многих областях науки, систематически мыслящие и стремящиеся к социальным компромиссам менеджеры. Промышленность сегодня — это не авантюра, не была она таковой и после 1945 г., когда немцы переживали второй период грюндерства. Законы, по которым функционирует механизм экономики, давно известны, и вряд ли в современной экономической жизни мы найдем что-нибудь действительно новое.

Возможно, это объясняется тем, что систематические поиски нового давно стали для нас настолько привычными, что мы уже не видим в них ничего из ряда вон выходящего. Даже великая промышленная революция наших дней, развитие и использование информационной технологии напоминает нам спокойную игру «в монополию» по сравнению с суровыми годами грюндерства, эпохи паровых машин. О том, что современный капитализм окажется в состоянии повысить жизненный уровень народных масс в промышленно развитых странах до пределов, прежде недоступных даже тончайшему слою элиты, до пределов, о которых в первые годы манчестеризма, когда голодавших детей посылали на подневольный труд на шахты, никто не мог даже и мечтать. И пусть нас пугает или даже наполняет ненавистью к «угнетателям» жестокость и несправедливость отношений в начале индустриального века: без этих, порой бессердечных промышленных пиратов не возникла бы та форма экономики — капитализм,— которая сегодня кормит нас досыта. Авантюра современной экономики начиналась не планомерно и гуманно, а, скорее, случайно и насильственно. Необходимы были могучие движущие силы, присущие человеку, чтобы положить начало предприятию, называвшемуся «промышленность».

Вопрос о том, войдет ли то, что произошло в годы грюндерства, в историю человечества как «несчастный случай на производстве» или же как действительно поворотный пункт в обеспечении жителей Земли материальными благами, пусть решают будущие поколения.

КОММЕНТАРИИ

В книге Г. Оггера «Магнаты... Начало биографии» можно встретить большое число географических названий, исторических реалий, названий технологий и продуктов металлургического производства (прежде всего черной металлургии), названий общегерманских институтов, существовавших до фактического объединения страны в 1871 г. Хотя бы краткое знакомство с ними поможет читателю глубже понять описываемый автором период становления капитализма.

I. *Металлургическая технология*

«Кричная печь» (с. 87), «пудлингование» (с. 79, 88), «пудлинговое фришевание» (с. 74), «литая сталь» (с. 9, 20, 78, 129 и сл.), «сварочная сталь» (с. 13, 81) — различные технологические процессы и продукты черной металлургии, знаменующие одновременно и основные исторические этапы развития данной отрасли промышленности.

Современная черная металлургия — продукт длительной исторической эволюции, охватывающей тысячелетия. За небольшими исключениями, человечество начало использовать цветные металлы, в первую очередь медь, значительно раньше железа. На смену каменному веку пришел бронзовый век. Инки, например, вплоть до испанского завоевания (XVI в.) не знали железа. Это было связано, в частности, с тем, что температура плавления цветных металлов значительно ниже, чем железа: медь плавится при 1100° С, а железо при 1530° С. Уже на сравнительно ранних этапах развития человечества это позволило получать медь в расплавленном состоянии, что существенно расширило ассортимент изделий, изготовляемых из нее.

Самым древним способом получения железа был так называемый сыродутный процесс. Он состоял в получении (восстановлении) железа непосредственно из железной руды путем ее нагревания и обжига с помощью древесного угля. Процесс протекал в выложенных кирпичом плавильных ямах (печах) — сыродутных горнах — при температуре 1100—1350° С, достаточной для плавления шлака, но не железа. Поэтому получаемый продукт — сыродутное, или кричное, железо — представлял собой не жидкий металл, как при получении меди, а тестообразную губчатую массу (с низким содержанием углерода, серы, фосфора, кремния) со шлаковыми включениями, заполнявшими поры и полости. В своем первоначальном виде сыродутное железо (крица) было мягким. Изделия из него легко гнулись, быстро затуплялись, не поддавались закалке. К тому же сам процесс получения железа был малопроизводительным. Из руды извлекалась лишь половина содержавшегося в ней металла. Поэтому со временем первичное кричное железо превратилось в исходный материал, который использовался в дальнейших стадиях железоделательного процесса, в первую очередь для получения сварочного железа. Крица повторно нагревалась и проковывалась под молотом. Позднее ее стали подвергать прокатке (вальцеванию). В ходе кузнечной обработки крицы из нее частично выдавливался шлак, происходило ее уплотнение, отдельные куски кричного железа сваривались между собой в более или менее однородную массу. Отсюда и ее новое название — сварочное железо. Обработанные заготовки из сварочного железа (полосы, прутья) легко сваривались. Вот почему и сам железоделательный завод иногда называли также сварочным.

После обработки давлением кричное, теперь уже сварочное, железо приобретало более высокие механические и химические свойства, его эластичность повышалась, оно становилось более стойким к ржавчине. Благодаря этим свойствам, приближающим сварочное железо к стали, оно до сих пор находит себе применение. Правда, производится оно на основе других технологий.

Медленное (на протяжении трех тысячелетий) совершенствование сыродутного процесса шло по линии повышения температуры нагрева руды, увеличения размеров горна (печей), применения мехов при дутье и, что особенно важно, по пути разработки методов науглероживания железа для придания ему большей твердости и других свойств стали, а также его последующей закалки.

С увеличением размеров горна, его превращением в малую шахтную печь (домницу), с увеличением температуры нагрева в плавильных печах, помимо тестообразной крицы и жидкого шлака, стали получать еще один продукт — чугун (примерно с середины XIV в.). При остывании он превращался в хрупкий, не поддававшийся ковке металл. По этой причине чугун вначале считали побочным продуктом расстроенного процесса плавки. Позднее нашли и ему практическое применение. На первых порах его использовали, правда, как материал для производства разнообразных готовых отливок, не требовавших дальнейшей обработки. После изобретения метода передела чугуна в кричных горнах, т. е. его обратного превращения в железо, он стал основным исходным сырьем для получения стали. Доменное производство быстро вытеснило прежний сыродутный процесс.

Чугун путем переплавки очищался различными способами от излишков углерода и вновь превращался в крицу, поддававшуюся ковке и сварке. Кричный передел чугуна, следовательно, был процессом производства сварочного железа, но уже на базе новой технологии и из нового сырья. В последней четверти XVIII в. кричный передел был вытеснен более эффективным процессом рафинирования чугуна (удаление избыточных количеств углерода, кремния, марганца) с целью получения сварочного железа — пудлингованием. Малоуглеродистое железо в тестообразном состоянии получали уже путем расплавления чугуна в пламенных (пудлинговых) печах и перемешивания его с железистыми шлаками. Пудлинговая печь работала на каменном угле. Это, а также возможность увеличения размеров криц до 40—50 кг (против 2—10 кг при прежнем способе) позволило существенно расширить производство железа и стали. Но и выходившая из пудлинговой печи крица требовала немедленной проковки для удаления жидких шлаковых образований и уплотнения.

Процесс передела чугуна в железо и сталь иногда называют фришеванием (от немецкого слова «frisch» — чистый, свежий). Дело в том, что процесс передела чугуна является очищением его от посторонних примесей, прежде всего от избыточных количеств углерода (обезуглероживание), путем окисления («освежения») различными веществами, в том числе кислородом воздуха и пара.

Конечной целью всех описанных выше железоделательных процессов и совершенствования лежащих в их основе технологий было получение максимально высококачественного продукта — прочного и вместе с тем достаточно эластичного железа, иными словами, стали. Итак, сформировалось два в известной степени противоположных способа получения стали: а) науглероживание железа, полученного в сыродутном процессе прямо из железной руды; б) обезуглероживание чугуна (кричный передел, пудлингование). Как известно, сталь — это науглероженное железо. Однако содержание углерода в нем не должно превышать 2%. В противном случае оно превращается в чугун.

Наибольшего совершенства процесс первого типа достиг при производстве так называемой дамасской стали, еще в первых веках нашей эры использовавшейся для изготовления холодного оружия. Ее получали за счет особо тщательной проковки (следовательно, и сварки) скрученных железных прутов и проволоки. Это было не только технологией, но и искусством, державшимся в глубокой тайне. Сыродутное, кричное или пудлинговое железо служило также исходным материалом для получения цементной стали. Ее производили путем поверхностного или сквозного науглероживания («цементацией») полос сварочного железа соответствующих видов.

В древние времена в небольших количествах производилась и литая сталь — твердая сталь, проходившая в процессе изготовления через жидкое состояние. Она не требовала дополнительной термическо-химической или механической обработки и сразу шла на выпуск литых или других готовых изделий. Исходным материалом для нее служили сыродутное железо, а с развитием доменного процесса кричное или пудлинговое железо. Сталь получали путем переплавки и науглероживания этих видов железа в огнеупорных тиглях. Эта тигельная сталь отличалась высоким качеством и шла в основном на изготовление холодного оружия. Здесь особенно выделялась булатная сталь, способы получения которой также находились в глубокой тайне.

В Европе производство тигельной стали началось в середине XVIII в., когда английский часовщик Хантсмен, упомянутый в книге Г. Оггера (с. 132), в поисках чистой и однородной стали для часовых пружин организовал в 1740 г. переплавку шведской цементной стали в глиняных тиглях. Поскольку сварочное железо к этому времени состояло в основном из продуктов передела чугуна, то основой выплавки стали (в том числе и тигельной) все больше становился второй из названных выше способов ее производства, т. е. обезуглероживание чугуна.

Впрочем, и основанный на круглом и пудлинговом переделе чугуна способ выплавки стали не удовлетворял растущей потребности в ней, а имевшиеся здесь производственные мощности не давали возможности перерабатывать в сталь весь

выплавлявшийся в то время чугун. Количество последнего постоянно превышало количество производившейся стали. Над решением проблемы повышения эффективности переработки чугуна в сталь (прежде всего литую), расширения масштабов ее производства бился и А. Крупп. Но эта проблема была решена лишь с изобретением во второй половине XIX в. трех новых способов получения жидкой стали непосредственно из жидкого чугуна — бессемеровского (1855—1856 гг.), томасовского (1864 г.) и мартеновского (1878 г.). При бессемеровской и томасовской технологии через расплавленный чугун, помещенный в конверторы, продувается воздух, а затем чистый кислород. В отличие от прежних способов передела чугуна здесь воздух поступает снизу и проходит через всю расплавленную массу металла, быстро выжигая из него излишки углерода и прочие примеси. Если бессемеровский процесс позволял перерабатывать только чугун с низким содержанием фосфора, то томасовский способ сделал пригодными для этих целей и высокофосфористые чугуны. Применение конверторов привело к резкому увеличению производства литой стали. Однако и в последующие годы не прекращались попытки получать ее и в традиционных плавильных печах, что помогло бы переплавить накопившиеся к тому времени громадные массы железного лома. Эта возможность появилась с открытием мартеновской технологии выплавки стали.

С разработкой этих трех технологических процессов передела чугуна в сталь ее производство было поставлено на современную техническую базу. Стали стало выплавляться больше, чем чугуна, причем преимущественно в жидком состоянии. Пудлингование фактически полностью вышло из употребления. Тигельный процесс некоторое время еще использовался для получения высококачественных сталей.

Но, как нередко бывает в развитии производительных сил, старые, казалось бы, забытые способы производства со временем возрождаются на новой технической основе. Так произошло и с древним сыродутным процессом. В последнее время снова начинает находить широкое применение технология прямого восстановления железа из руды. В ходе этого крично-рудного процесса получают губчатое железо, имеющее уже не тестообразную, а твердую форму. Поскольку нагрев железной руды происходит при температуре 750—1050° С, т. е. при температуре, лежащей ниже точки плавления не только железа, но и пустой породы, а также золы, то поры губчатого железа не заполняются шлаком, как в прежней крице. В виде окатышей губчатое железо используется непосредственно для выплавки стали. Это позволяет обходиться без доменного процесса.

II. *Политические институты, существовавшие до фактического объединения страны в 1871 г.*

В числе политических институтов, существовавших до образования Германской империи в 1871 г., следует назвать «Немецкое национальное собрание» (с. 66), «Германский союз» (с. 10, 196, 271), «Германский таможенный союз» (с. 10, 24, 34, 138), «Северо-Германский союз» (с. 10, 11, 41, 261).

Политическая и экономическая раздробленность Германии, характерная до образования единого государства, и наиболее резко проявлявшаяся в XVII—XVIII вв., не означала того, что страна была просто конгломератом ничем не связанных между собой отдельных государств и княжеств. Понятие «Германия», широко употреблявшееся и до 1871 г., имело не только регионально-географический смысл, отражало не только чисто национально-этнические узы (общность языка и культуры), соединявшие отдельные германские племена, народности, территории. Оно характеризовало и общность исторической судьбы: они существовали в определенных общих институционально-политических рамках. С некоторыми из них (не нашедшими отражения в предисловии) небесполезно будет познакомиться читателям книги, тем более что в ней имеются упоминания о более ранних периодах германской истории. К этим общенациональным политическим образованиям на территории Германии относится прежде всего так называемая Священная Римская империя германской нации, существовавшая на протяжении весьма длительного исторического периода, а именно с X в. по начало XIX в. Официально она была провозглашена германским императором Оттоном I в 962 г., но фактически она была преемницей и продолжателем Франкского государства, возникшего еще в V в. на части территории рухнувшей Римской империи. Возникновение этого крупнейшего в послеантичной Европе государственного образования, его характер и даже само претенциозное название в немалой степени являются порождением той ситуации, которая сложилась в Западной Европе после падения Римской империи. Наиболее реальной силой, противостоявшей античному Риму, в Европе на всем протяжении его истории были германские племена. Вначале римляне пытались проводить в отношении их наступательную политику. Завоевав значительную часть территории, населенной германцами, Рим образовал даже специальную провинцию Германия,

находившуюся под его непосредственным управлением. Один из римских наместников, Публий Квинтилий Вар, назначенный на эту должность в 5 г. нашей эры, своими вымогательствами и насильственной романизацией вызвал выступление германских племен во главе с вождем херусков Арминием. Вар решил подавить восстание силой. Однако римские войска — 3 легиона — были окружены в Тевтобургском лесу и полностью уничтожены. Это произошло в 9 г. н. э. Сам Публий Квинтилий Вар покончил жизнь самоубийством. Именно этот момент германской истории отражен в книге Г. Оггера упоминанием памятника Арминию в Нидервальде (иначе монумента «Германия»), а также в приводимом там же стихотворении Г. Гейне. После этого римляне перешли в основном к оборонительной тактике и даже к определенному сотрудничеству с германскими племенами.

Вообще «варварские», и прежде всего германские, племена не только воевали с Римом, но и нередко поддерживали с ним довольно тесные отношения самого разнообразного характера, втягивались в сферу римского влияния, так или иначе вплетались в хозяйственную, политическую и даже военную структуру Римской империи. Многие германские племена довольно интенсивно торговали с Римом, заключали с ним военные союзы. Плененные германцы не только превращались в рабов. Порой они становились колонами, т. е. относительно свободными землевладельцами. Германские племена нередко требовали от Рима новых земель и получали их.

Наиболее далеко этот процесс «мирного проникновения» германцев в структуру Римской империи зашел у германского племени франков, уже давно проживавших на территории Римской империи (в основном на территории нынешней Франции) и потому быстрее других воспринявших достижения римской культуры, в первую очередь христианство. Свою собственную государственность франки приобрели в V в. после разгрома и падения Римской империи в результате завоевания одним из их предводителей — Хлодвигом из рода Меровингов — владений римского наместника в Галлии. Хлодвиг проявил политическую дальновидность, заключив союз с католическими епископами этой бывшей римской провинции. Преемники Хлодвига следовали этой тактике, причем с большой выгодой для себя, поскольку поддержка церкви способствовала укреплению и возвышению франкского государства. Наибольшего расцвета и территориальной экспансии оно достигло при Карле Великом (768—814 гг.), выходце из другого франкского рода, получившего задним числом по имени Карла название Каролингов. Целью Карла Великого было объединить под своим господством, с одной стороны, франков с прочими восточными германскими племенами, с другой — германские народы с романскими. Он покорил Северную Италию, завоевал территории ряда других галльско-латинских народностей, обратил в христианскую веру языческие германские племена (например, саксов), покорил некоторые славянские народности, успешно воевал с арабами. Как и его предшественники, поддерживал в своих интересах союз с римско-католическим духовенством. В 800 г. Карл Великий принял титул императора. Франкское государство (империя Карла Великого) в этот период охватывало большую часть Западной Европы, исключая Англию и частично Испанию.

Дальнейшее развитие созданной Карлом Великим империи было хотя и медленным, но неуклонным процессом ее упадка, территориального уменьшения, ослабления императорской власти.

Уже раздел империи между внуками Карла Великого на три части — восточнофранкское государство (собственно Германию), западнофранкское государство (Францию) и Италию с некоторыми другими территориями — фактически явился началом ее распада, выявившим искусственность этого государственного образования, неосуществимость целей ее правителей. Само присвоение «титула» «Священной Римской» (Оттоном I в 962 г.), дополненного в XII в. словами «германской нации», было косвенным выражением данного факта, но одновременно и попыткой завуалировать его. Это, с одной стороны, отражало то обстоятельство, что ядром империи стали в основном германские территории, с другой — постулировало господствующую роль и выражало великодержавные поползновения германской феодальной верхушки в этом государственно-политическом образовании. Правители империи считали себя продолжателями традиций уже не только первоначального франкского государства, но и бывшей Римской империи.

Даже в свои «лучшие» времена «Священная Римская империя германской нации» представляла собой политически рыхлое объединение германских и итальянских территорий (княжеств, королевств), своего рода конфедерацию (опять же весьма слабую) Германии и Италии. Значительная часть французских территорий окончательно отпала от империи вскоре после смерти Карла Великого.

Тем не менее с X в. по вторую половину XIII в. она представляла собой все же некое реальное государственное образование с централизованной политической

властью и рядом общих органов. В X—XI вв. установилось фактическое господство императоров над папами. Благоприятная международная обстановка позволяла осуществлять широкую внешнеполитическую экспансию. Император находил опору и в определенной экономической базе в виде доходов от ленов, церковных земель, левантийской торговли, эксплуатации и грабежа североитальянских городов, крестовых походов и т. д. Наиболее важные дела империи решались общегерманским сословным органом — имперским сеймом (рейхстагом), состоявшим из князей, представителей городов и мелкопоместного дворянства. Рейхстаг ведал также имперским законодательством, армией, финансами. Существовали отдельные представительства бюргеров, мелкого дворянства. Определенному цементированию империи одно время способствовала также активная внешнеполитическая экспансия, осуществлявшаяся германскими императорами. Главные усилия центральной власти в этот период были направлены на удержание Италии, прежде всего ее северных областей, в орбите своего влияния. Этому служили и периодические «итальянские походы» германских императоров, сопровождавшиеся зачастую ограблением североитальянских городов, упорное стремление императоров короноваться в Риме. Император Оттон III перенес даже место своего пребывания в этот город. Все это, однако, не могло приостановить длительного процесса распада империи и в конечном счете даже способствовало ему, порождая острые противоречия с соседними странами, другими династиями, церковью.

Стремление германских императоров во что бы то ни стало удержать Италию в орбите своего влияния, подчинить себе римских пап, а церковь подчинить императорской (светской) власти стало причиной продолжительного конфликта между императорами и римскими папами, который во второй половине XIII в. закончился поражением императоров и утратой их влияния в Италии. С 1338 г. императорский титул давался без коронации в Риме, а окончательно она была отменена в 1508 г. Тем самым полным провалом окончились попытки германских императоров покорить Италию.

Все более эфемерной императорская власть становилась и внутри самой Германии. Из наследственно-выборной (X—XI вв.) она превратилась в выборную. Вопрос об императоре решался на специальных съездах князей-выборщиков. С конца XIII в. в стране установилась олигархия князей-курфюрстов. Эта высшая княжеская аристократия ежегодно собиралась на съезды (рейхстаги), где вершила судьбы империи помимо имперской власти. Имперский сейм превратился в орудие имперских князей. Имперская власть все больше вырождалась в простое верховенство над феодалами. Император уже не располагал ни аппаратом общеимперской исполнительной власти, ни собственными финансами, ни войском. Впрочем, и многие решения рейхстагов не выполнялись, если они были невыгодны князьям. Так произошло с рядом важных решений, которые по инициативе императора Максимилиана в 1493—1519 гг. были приняты имперскими сеймами и были направлены на создание действенных имперских учреждений (в частности, верховного имперского суда), введение имперского налога («имперский пфенниг»), проведение административной реформы (разделение Германии на округа в противовес существовавшим княжествам). Но как бы ни соблюдался даже «земский мир» (запрещение междоусобных войн), неоднократно провозглашавшийся рейхстагами, ничто из этого не было реализовано.

Ослабление императорской власти в Германии, к чему приложили руку и сами германские князья, в конечном счете обернулось для них неожиданной стороной — усилением влияния римской католической церкви в стране. Духовенство, как бы компенсируя подчиненное положение церкви при прежних императорах, хозяйничало в стране, как в своей вотчине, наживалось на отпущении грехов, злоупотребляло своим положением, выкачивая теперь уж из Германии огромные суммы денег в пользу Рима. Все это породило большое недовольство населения и явилось, как известно, одним из толчков для движения Реформации. Однако и Реформация не способствовала усилению императорской власти и не покончила с политико-экономической раздробленностью страны. Народные массы потерпели поражение. Победителями оказались те же князья. Более того, в этой борьбе произошло объединение императора и князей.

Уже к концу средневековья «Священная Римская империя германской нации» представляла собой архаическое государственное образование. В результате освободительной борьбы входивших в нее народов границы империи еще более сузились. В ходе гуситских войн самостоятельности добилась Чехия. В конце XV в. от империи отделилась Швейцария. Роковой для Германии в этом отношении явилась политика Габсбургов, к которым в XVI в. перешла императорская корона. Настойчивые попытки представителей этой династии, опираясь на традиции «Священной Римской империи германской нации», создать некое подобие общеевропейского «христианско-

го» государства натолкнулись на решительное сопротивление Франции, Англии, Швеции. Они явились одной из причин ведения целой серии опустошительных войн в Западной Европе, получивших название 30-летней войны (1618—1648 гг.). Разгром в этой войне габсбургской коалиции (Германия, Австрия, Испания) нанес окончательный удар по мнимому единству империи. По Вестфальскому договору (1648 г.) Швейцария и Голландия добились официального признания своего государственного суверенитета. Германские князья получили широкую свободу действий во внутренней и внешней политике. Им не предоставлялось лишь право заключать союзы, направленные против императора и империи. Во всех войнах, которые Германия вела в XVII—XVIII вв., князья и император выступали как самостоятельные стороны. В стране водворился княжеский абсолютизм. С 1648 г. «Священная Римская империя германской нации» существовала только на бумаге. По словам Вольтера, она «не была ни священной, ни римской, ни империей». В 1806 г. она была официально ликвидирована Наполеоном I, который тем самым формально как бы нанес удар по единству Германии. В действительности же «медиатизацией», ликвидацией многих феодальных пережитков на подвластных ему территориях Германии, он способствовал ее объединению, но на новой основе.

Тень «Священной Римской империи германской нации», однако, еще продолжала витать над Европой даже после официальной ликвидации этого архаичного государственного образования. Возможно, она витала и перед участниками Венского конгресса (1815 г.), провозгласившего создание так называемого Священного союза в Европе и Германского союза в Германии. Деятельность этого не менее курьезного образования подтверждает известную мысль о том, что если история и повторяется, то скорее как фарс. Германский союз с его (союзным) сеймом был явным суррогатом германского единства, которое, как надеялись немцы, будет достигнуто после разгрома Наполеона I. Но Германский союз создал такую же видимость единства, как и «Священная Римская империя германской нации», на тех же принципах, под главенством тех же самых Габсбургов.

Если сама «Священная Римская империя германской нации» превратилась в фикцию, особенно после Тридцатилетней войны, то Германский союз, и в первую очередь его союзный сейм, сразу же стал посмешищем в глазах немецкого населения. Это был тот же самый «сейм князей», что и старый имперский сейм, но еще более беспомощный. Германский союз не имел ни денег, ни армии, ни собственной администрации. Союзный сейм не функционировал после революции 1848 г. (он был заменен Немецким национальным собранием). Свою деятельность он восстановил в 1850 г. после окончательного поражения революции и разгона Немецкого национального собрания. Окончательно его распустили в 1866 г. одновременно с ликвидацией Германского союза и образованием Северо-Германского союза во главе с Пруссией, который создал свой собственный представительный орган — Северогерманский рейхстаг.

Кратковременному преемнику Союзного сейма — Немецкому национальному собранию (Франкфуртскому парламенту) — повезло не больше. Если первый стал посмешищем скорее в силу своего врожденного политического бессилия, то второй, обладая несравненно большими потенциальными полномочиями, сам покрыл себя позором, не использовав громадных возможностей, которые открыла перед ним революция, упустив все шансы возглавить революционное движение и превратиться в полновластный орган народного представительства.

Франкфуртское национальное собрание было создано 18 мая 1848 г. после мартовской революции того же года в Германии. Основной целью его созыва было решение вопроса об объединении страны. Но как раз этой задачи оно и не выполнило. По словам Ф. Энгельса, Франкфуртское национальное собрание было «парламентом мнимой страны, так как оно отказалось создать объединенную Германию, т. е. как раз то, что было первым условием его жизни». В вопросе объединения страны оно вообще выражало не столько общегерманские интересы, сколько интересы Пруссии. Отказав в поддержке польскому национально-освободительному движению в Познаньской провинции и тем самым санкционировав его подавление прусскими войсками и включение этой части Польши в состав Пруссии, Франкфуртский парламент вместе с тем не поддержал и национально-освободительное движение шлезвиг-гольштинских немцев против датчан, оставив тем самым эту землю в руках Дании, поскольку прусское правительство не желало ссориться со Швецией и другими государствами, имевшими свои интересы в Северном и Балтийском морях. Более того, Франкфуртское национальное собрание позволило прусским, австрийским и местным войскам подавить народное восстание в самом Франкфурте-на-Майне, которое вспыхнуло в сентябре 1848 г. в знак протеста против открытого предательства этим органом национальных интересов. Оно даже выразило свою благодарность карателям. Именно во время этого восстания погибли

два крайне правых депутата собрания — князь Лихновски и генерал Ауэрсвальд, о которых упоминает в своей книге Г. Оггер.

Хотя Франкфуртское национальное собрание было созвано в результате общегерманских выборов, проведенных на основе всеобщего избирательного права, оно фактически было игрушкой в руках правительств отдельных германских государств, прежде всего Пруссии и Австрии. Либерально-монархическое большинство собрания, состоявшее из адвокатов и профессоров, представлявших немецкую буржуазию, превратило его, по выражению Ф. Энгельса, в «собрание старых баб», которое боялось само слабого народного движения гораздо больше, чем всех реакционных заговоров и правительственных интриг. Оно не только не решилось провозгласить свой суверенитет, но не осмелилось даже ликвидировать самое непопулярное из всех домартовских, т. е. дореволюционных, учреждений — Союзный сейм. Вместо того, чтобы взять всю полноту власти в свои руки, а для этого были все возможности, и создать новое революционное правительство из своих членов, Франкфуртское национальное собрание работало чуть ли не под контролем Союзного сейма, вымаливая у него санкции на свои постановления. Только в конце 1848 г. оно приняло закон о создании «временного центрального правительства» во главе с так называемым имперским правителем. Оно и должно было заменить Союзный сейм. «Правителем» был избран австрийский эрцгерцог Иоганн из династии Габсбургов. В должность его ввел опять же Союзный сейм. Сформированное Иоганном «правительство» также не располагало ни чиновниками, ни финансами, ни армией. К тому же Франкфуртское национальное собрание не решалось брать в свои руки дело вооружения народа и создания собственных вооруженных сил. Соответствующий проект закона был отклонен. Оно согласилось на установление в Германии наследственной монархии, предоставив пальму первенства Пруссии и предложив корону тогдашнему прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, который, однако, демонстративно отказался принять ее из рук столь «революционного» и несимпатичного ему органа.

Последовавший за этим в июне 1848 г. отзыв Пруссией, а затем и Австрией своих депутатов из Франкфуртского национального собрания создал в нем новую ситуацию, которая могла стать даже благоприятной для деятельности этого форума. В результате отзыва представителей двух самых реакционных германских государств большинство в нем перешло к левым мелкобуржуазным республиканцам, представлявшим, как правило, мелкие германские земли. Более того, в Германии поднялась новая волна революционного движения, проходившего под флагом «борьбы за имперскую конституцию», которая отвергалась Пруссией и Австрией, но с которой народные массы продолжали связывать свои надежды на демократическое объединение страны. Центр движения находился в Бадене и Пфальце. Но и в новой ситуации собрание оказалось не на высоте, проявив непростительную медлительность и малодушие. Оно не сместило, как это нужно было немедленно сделать, «имперского правителя», не сплотило вокруг себя остававшиеся революционные силы, не встало во главе движения в юго-западной части Германии и не переместило туда свое место официального пребывания, пустив все на самотек и занимаясь пустопорожней болтовней. Когда в июне 1849 г. Франкфуртское национальное собрание в составе 103 новых депутатов все же перебралось в Штутгарт (несколько ближе к восставшим) и образовало наконец правительство из пяти человек, было уже поздно. Баденско-пфальцское восстание оказалось подавленным, а 18 июня 1849 г. войска самого вюртембергского правительства без какой-либо помощи со стороны Пруссии и Австрии разогнали собрание. На этом оно прекратило свое существование, войдя в историю Германии как символ, с одной стороны, первоначального триумфа революции 1849 г., с другой — позорного предательства ее дела, интересов страны германской буржуазией, пошедшей на сговор с монархией.

К с. 67. Распространенное прежде в Германии, но в XIX в. начавшее выходить из употребления обращение к людям более низкого социального положения в третьем лице единственного числа, т. е. «он» вместо «Вы» или «ты». Отсюда все недоразумения, основанные на игре слов. Спросив садовника: «Он что — снова напился?», хозяйка имела в виду его самого, не поверив его сообщению о том, что в их саду гуляет сам король. Садовник же, отвыкший, очевидно, от подобной унизительной формы словесного обращения, решил, что речь идет о короле.

К с. 73, 190. Бидермайер — направление в искусстве (архитектуре, живописи, графике, литературе), преобладавшее в Германии, а также в Англии и отчасти в России в 20—50-х годах XIX в. Название задним числом взято из заглавия сборника старомодных швабских писателей, изданного в 1870 г. Людвигом Эйхродтом («Biedermeiers Liederlust»). Бидермайер — фамилия, ставшая собирательным именем.

Бидермайер в архитектуре вырос на основе ампира, но в среде мелкой и средней

буржуазии. Поэтому он чужд холодной пышности и роскоши ампира, стремится к созданию мещанского уюта и комфорта.

Картины художников этого направления проникнуты сентиментализмом. В книжных иллюстрациях той поры представлены ангелы, дети, голуби. Примером может служить воспроизведенная в книге Г. Оггера обложка модного в то время журнала *Гартенлаубе (Садовая беседка).* Будучи журналом типично бидермайеровского направления, он, разумеется, был особенно критически настроен в отношении многих явлений, привнесенных в общественную жизнь, культуру и искусство Германии грюндерством.

Бидермайером называется и особое направление в литературе эпохи 1815—1848 гг. («домартовская литература»), выдвинувшее на передний план «среднего человека», не обладавшего сильными страстями, не стремившегося к великим свершениям. Поэтическую окраску получают заурядные явления и чувства, воспевается патриархальный быт бюргеров, природа. Основными добродетелями человека объявляются верность, покорность и терпение.

К с. 104. В книге встречаются и другие упоминания о А. Бебеле, в которых Г. Оггер довольно объективно характеризует этого выдающегося деятеля германского рабочего движения, волей-неволей отдавая должное многим его прекрасным личным качествам. Однако стремление к показному буржуазному объективизму, которым, как отмечалось в предисловии, грешит автор, вынуждает его и здесь добавить ложку дегтя к бочке меда. Но делается это не им самим, а через высказывание других лиц. Но надо сказать, что и приводимые Г. Оггером положительно-хвалебные оценки тех или иных лиц нередко, по сути дела, оказываются не лучше критических. Таково, например, высказывание О. Бисмарка о Ф. Лассале. Узнав о смерти последнего, канцлер не нашел сказать ничего лучшего, как то, что хотел бы иметь такого соседа по имению, как он. Ничего себе хорошая похвала для признанного деятеля рабочего движения, каким, несмотря на все его ошибки, был Лассаль! Этакое барское похлопывание по плечу!

К с. 156. Грааль — в западноевропейских средневековых легендах таинственный сосуд, ради приближения к которому и приобщения его благим действиям рыцари совершают свои подвиги. Обычно считалось, что это чаша с кровью Иисуса Христа. Часто предполагалось, что эта чаша первоначально служила Христу и апостолам во время Тайной вечери, т. е. была потиром (чашей для причащения) первой литургии. Все это ставит грааль в ряд евхаристических символов. Вот почему легенды о нем нередко переплетаются с рассказами о чудесных видениях.

В средневековой рыцарской литературе мотив грааля впервые возникает в двух французских стихотворных романах конца XII в. В романе поэта Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» грааль — не чаша, а камень, принесенный на землю и обладающий чудесной силой. С темой грааля связан роман английского писателя Т. Мэлори «Смерть Артура» (XV в.). В новое время немецкие романтики разрабатывают этот сюжет в поэзии (Л. Уланд) и драматургии (незаконченная пьеса Ф. Фуке, «Мерлин» К. Л. Иммермана). В музыкально-драматическом искусстве легенда о граале нашла свое воплощение в операх Р. Вагнера «Лоэнгрин» и «Парцифаль».

К с. 176. Проникновение грюндерства в строительное дело ускорило распространение и в этой отрасли экономики принципов капиталистического предпринимательства. Если прежде жилые дома строились в основном на заказ, то отныне они стали сооружаться как бы впрок, на неизвестный рынок, в расчете на то, что со временем найдут себе покупателя. Это сделало возможным массовое жилищное строительство, возведение целиком новых городских районов на пустовавших ранее землях. Одновременно, как показывает Г. Оггер, метод строительного подряда открывает большие возможности для спекуляции земельными участками, для создания дутых строительных фирм и других злоупотреблений.

К с. 196. «Вельфский (или Гвельфский) фонд» — фонд (48 млн. марок), образованный прусским правительством в период канцлерства О. Бисмарка в 1868 г. за счет средств конфискованного имущества ганноверского короля Георга V, который был свергнут с престола Пруссией. Причиной секвестра была оппозиция этого королевского дома политике Пруссии по объединению Германии, особенно же создание им за границей, преимущественно во Франции, так называемого «вельфского легиона» — вооруженных формирований ганноверского дома опять же для борьбы с Пруссией. (В 1870 г. он был распущен Францией после ее поражения во франко-прусской войне.) Часть вельфского фонда использовалась О. Бисмарком для борьбы с антиправительственной деятельностью в Пруссии и оплаты соответствующего сыскного аппарата.

Отсюда название этих средств — «рептильный фонд». Основной фонд получил свое название от старинного княжеского рода Вельфов, к которому принадлежал ганноверский монарх (или по-итальянски Гвельфов). Уже в IX—X вв. Вельфы владели обширными землями в Бургундии и Швабии. Позднее приобрели новые земли на северо-востоке Германии.

Как крупнейшие земельные владельцы Германии, Вельфы в 1137 г. выставили свою кандидатуру на имперский престол («Священной Римской империи германской нации»), но встретили могущественных соперников в лице рода Гогенштауфенов, которым и досталась корона. Один из Вельфов — Оттон IV — все же добился императорского престола и владел им в течение семи лет (1208—1215 гг.). Его племянник Оттон Дитя (умер в 1252 г.) стал родоначальником Брауншвейгского дома, одна из ветвей которого в 1692 г. получила курфюршество в Ганновере, а в 1714 г. в лице Георга I вступила на английский престол. Последней представительницей этого рода в Англии была королева Виктория, скончавшаяся в 1901 г. Потеряв в 1866 г. после присоединения Ганновера к Пруссии свой престол в Германии, Вельфы тем не менее стали настаивать на самостоятельности Ганновера и возвращении им владетельных прав. При этом они опирались на поддержку своих многочисленных сторонников. Они образовали партию, неофициально называвшуюся их именем — Вельфской партией. Борьба с этими ганноверскими сепаратистами была одной из целей бисмарковского «культуркампфа».

В силу тесных и специфических связей, существовавших между Германией и Италией в эпоху раннего средневековья, борьбы между родами Вельфов и Гогенштауфенов нашла живой отклик в Италии, перекинувшись и в эту страну. Приверженцы Вельфов в лице партии гвельфов были сторонниками принципа княжевладения (княжеского абсолютизма), сочувствовали клерикальным идеям и опирались на поддержку римских пап.

Сторонники Гогенштауфенов — гиббелины — были партией той части феодальной знати, которая стояла за широкие права императорской власти (в рамках «Священной Римской империи германской нации»), защищала ее от теократических притязаний, видя в императоре защитника своих старинных вольностей от посягательств нарождавшейся торгово-промышленной буржуазии, представители которой в своем большинстве, особенно в городах, держались гвельфов. Буржуазия североитальянских городов, не раз подвергавшихся разграблению германскими императорами, была, естественно, настроена враждебно по отношению к идее универсальной монархии, требовавшей подчинения чужеземному государю. Горячим сторонником партии гиббелинов был Данте Алигьери, видевший в германском императоре Генрихе VII спасителя и умиротворителя Италии.

Одни исследователи считают, что само слово «гиббелины» есть испорченное название рода Гогенштауфенов. Другие полагают, что оно происходит от названия их имения в Германии — Вайблинген.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аахен 76, 234, 239, 249
Аахенер цайтунг 259
Авиньон 297
Австрия 8, 10, 29, 34, 82, 96, 138, 150, 167, 230, 250
Агадир 84
Ажио 94, 187
Азия 121, 283
Айфель 72, 240
Акции 18, 53, 96, 97, 115, 123, 162, 167, 169, 173—182, 185—187, 192, 193, 198, 239—241, 246, 247, 251, 255, 292, 314
—, банковские 97
—, промышленные 96
Алжир 280, 281
Альстер, р. 117
Альтенбекен 163
Альтенбург 177, 230
Альтхаммер 86
Альхесирас 84
Америка 28, 99, 103, 193, 279, 287, 292, 294, 298, 306, 307, 311
Англия 5, 7, 21, 22, 24, 28, 33, 57, 64, 73—75, 78—82, 84, 85, 91, 115, 125, 129, 140, 143, 144, 150, 161, 162, 193, 265, 267, 275, 276, 279, 283, 285, 286, 288, 292, 309
Аннаба 280
Ансбах 130
Антверпен 165
Арабский Восток 11
Аргентина 254
Атлантический океан (Атлантика) 7, 25, 26, 192, 279, 287
Аугсбург 235, 269
«Ауэр-гезельшафт» 83
Африка 16, 121
«АЭГ» («Альгемайне электрицитетс-акциенгезельшафт») 15, 17, 23, 26, 66, 70, 71, 96, 104, 189, 289, 291, 294, 295

Бавария 116, 148, 302, 304, 306
Баварско-Вюртембергская таможенная уния 10
Баден 8, 45, 215, 218, 246, 303, 306
Баден-Баден 180
Байройт 118
Балтийское море 91, 285
«Банк фюр хандель унд индустри» 246, 247
«Банк фюр электрише унтернемунген» 295
Банки 97, 152, 171, 175, 176, 179, 188, 196, 197, 210, 234, 237, 240, 245, 247—252, 255, 307
—, акционерные 18, 19, 175, 237—239, 244—246, 248
—, коммерческие 236, 240
—, кредитные 248
—, народные 228
—, райффайзеновские 228
—, учетные (учетно-эмиссионные) 77, 246
Банкротство 9, 11, 18, 94, 123, 127, 129
Барм 259
Бельгия 73
«Бергверкс- унд хюттен-акциенферайн Нойшоттланд» 242
Берлин 27, 28, 44, 56, 59—71, 90, 91, 104, 105, 109—113, 117, 123, 125, 132, 134, 138, 141—143, 147—150, 155, 161, 163—193, 196, 197, 200—205, 218, 219, 222, 231, 234—237, 293, 298—301, 303, 306, 307
«Берлинер кредитгезельшафт» 239
«Берлинер машиненбауанштальт» 68
«Берлинер-унион» 292
«Берлинер хандельсгезельшафт» 83, 172
«Берлинер электрицитетсверке» («БЭВ») 294
Берлинская северная железная дорога 192
Берлинско-Ангальтская железнодорожная компания 56, 63
Берлинско-Потсдамская железная дорога 60
Берлинско-Штеттинская железная дорога 62
Берндорф 144, 145
«Берндорфер айзенхютте» 152
Берне, р. 10, 127, 130, 133—138
Биржа 162, 169, 173—180, 187, 190, 193—195, 197, 201, 210, 284, 291
—, товарная 180
—, фондовая (валютная) 167, 180
Бирнбаум 303
«Бисмаркхютте» 91, 97
Ближний Восток 25, 103
Блокада, континентальная 9, 34, 129, 131, 133
Бойтен 89, 91, 92
«Бок» 185
Бонн 235
Борьба, конкурентная см. Конкуренция
Бохум 80, 81, 142, 152, 159, 240

«Бохумер ферайн фюр бергбау унд гусштальфабрикацион АГ» 24, 78, 80, 81, 83, 157—159, 237
Бранденбург 112, 163
Брауншвейг 306
Бремен 95, 125
Брест 163, 171
Брюссель 44, 274
Булонь 279
Бум, биржевой 176, 177
—, грюндерский 51, 109, 151, 175, 178, 188, 192, 193, 209, 231, 232, 240, 250, 292, 312
Бумаги ценные 53, 115, 123, 169, 175—181, 190, 192, 195, 198, 236, 247
Бург-Веттер 75
Бурунди 234
Бухарест 169, 179
Буэнос-Айрес 234

«Вагнер» 184
Вайлер Бирнбаум 297
Вакханалия, учредительская см. Горячка, учредительская
Вальтенбург 90, 165
Варта, р. 297
Вартегау 297
Варшава 275
Везель 255
Веймар 300, 301
Вексель 93, 171, 234
Великобритания 155, 194, 280, 283
Вена 37, 44, 63, 119, 120, 125, 141, 143, 154, 155, 187, 192, 235, 285
Венгрия 60, 143, 163, 254
Венский конгресс 10, 266
Версаль 94
Верхняя Силезия 16, 17, 28, 67, 69, 86—97, 115, 165, 186, 214, 215, 237, 310
«Вессолахютте» 87
Вестфалия 57, 239, 242
Вестфелишер анцайгер 131
Вестхафельланд 69
«Винер кредитанштальт» 175, 176
Винсенн 158
Висбаден 137
Виттенберг 270
Возель 88
Войны, «объединительные» 29
Волга 285
«Вольфише телеграфенбюро» 199
Восточная Европа 194
Восточная Пруссия 33, 108, 160, 163, 237
Восточнопрусская южная железная дорога 162
Всемирные выставки 24, 149, 153, 157—159, 221, 275, 292, 293, 311
Всеобщий германский рабочий союз 43, 221, 223
Вулвич 281
Вупперталь 230
Вупперталь-Эльберфельд 219, 239
Вюртемберг 192, 234, 306

«Газмоторенфабрик Дойц АГ» 14, 312—315
Гайслаутерн 56
Галац 168
Галле 163
Гамбург 181, 198, 231, 235, 239, 301, 306, 311
Ганновер 64, 163—165, 266, 292
Гартенлаубе 166, 176—179, 183, 185
Гарц 83, 87
ГДР 49, 177
Гельзенкирхен 242, 251
«Гельзенкирхенер бергверкс-АГ» 242, 243, 257
Гера 299—301
Германия 7—13, 16—54, 57, 60—63, 69, 75, 82, 84, 90, 92, 95—99, 103, 104, 122—127, 134—137, 145, 151, 154, 155, 161, 163, 164, 169—175, 185, 189—194, 198, 200, 202, 206—221, 234, 236, 237, 241—246, 249, 251—257, 259, 265, 269, 272, 275, 289—291, 295, 301, 303, 306, 309, 312, 315
Германская империя 10, 11, 73, 96, 112, 174, 180, 187, 189, 194, 200, 208, 260, 292, 297, 305
Германская коммунистическая партия 48
Германский союз 10, 196, 271
Германский таможенный союз 10, 24, 34, 49, 138
«Германсхютте» 152
Гессен 246
Гессен-Дармштадт 246
Гёрлиц 163, 164
Гёрлицкая железная дорога 164
Гёттинген 268
Гисен 223
Гладбах 76
Гляйвиц 87
Голландия 25.), 297
Гонконг 75, 234
Горн, кричный 86, 87, 133
Горячка, учредительская 11, 12, 17, 18
Граево 163, 171
Граница, таможенная 9, 19
Грос-Бенитц 69
Грюндерство 7, 11—14, 17—22, 35, 40, 48—50, 56, 72, 78, 86, 98, 99, 104, 106, 108, 114, 116—120, 122, 125, 154, 159, 174, 180, 184, 186, 191, 194, 201, 206, 207, 214, 215, 229, 232, 234, 237, 241, 287, 291, 297, 316
Грюндеры 5—7, 12—26, 30—33, 37, 40—43, 48, 52, 53, 72, 73, 78, 86, 88, 92, 94, 98, 99, 106, 117, 121—125, 127, 129, 131, 134, 153, 155, 173, 174, 177—185, 188, 190, 192, 194, 200, 214, 217, 227, 229, 237, 239, 241—246, 249, 255, 258, 259, 269, 273, 282, 288—291, 295, 300, 303
Гулль 140
«Гутехоффнунгсхютте» 75, 76, 81, 128, 129, 136, 139, 146

Дания 29, 150, 194, 198, 230, 271
Дармштадт 137, 245—247
«Дармштедтер банк» 248, 293
Дели 25, 283
Депрессия 9, 34, 193, 208, 209, 212, 233, 250, 255, 292, 313
—, экономическая 22
Деятельность, предпринимательская см. Предпринимательство
Дивиденды 176, 182, 185, 186, 239, 241, 313
«Диллингер хютте» 261
Динглерс политехнишер журналь 61
Дисконтирование векселей 239
«Дисконто-гезельшафт» 187, 202, 239—241, 244, 248
«Дойче Бэбкок АГ» 71
«Дойче банк» 83, 175, 176, 178, 183, 200, 248, 266, 286
Долги, государственные 11
Дома, банкирские 18, 95, 234—238, 244—246, 294
—, торговые 16, 84, 238, 297
Дортмунд 165
«Дортмундер унион» 187
«Дортмундер унион акциенгезельшафт фюр бергбау, айзен- унд штальиндустри» 241
«Дортмундер хютте» 164, 241
«Дортмунд-Хёрдер бергверкс- унд хюттенферайн» 315
Древний Египет 117
Древняя Греция 117
Дрезден 281
«Дрезднер банк» 96, 248
Дуйсбург 152, 250, 255
Дунай 117, 141, 143, 168
Дуннинген 78, 79
Дюрен 74, 79, 80, 144
Дюссельдорф 132, 154, 219

Европа 26, 29, 65, 83, 127, 140, 156, 159, 165, 168, 189, 196, 201, 235, 242, 245, 249, 272, 279, 294, 311
Египет 29, 149, 189

Женева 222
Жуэнвиль-ле-Пон 309

Забрже 92
Зависимость, крепостная 8
Займы 240, 247
—, военные 173
—, государственные 173, 200, 234, 235
Закон о «запрете на профессии» 48
«Закон о социалистах саарской промышленности» 263
Закон о социально опасных устремлениях социал-демократии («Закон о социалистах») 212, 213, 233
Заксенвальд 198
Западная Германия см. ФРГ
Западная Европа 10, 16, 22, 30, 32, 37, 73
Зауэрланд 77, 81, 133, 136
Земли, церковные 8
Зиг, р. 136
Зигерланд 152, 165
Знаки, товарные 75, 82
Золинген 75, 77, 232, 259, 282
Зонненберг 226
«Зоциететсбрауэрай» 185

«ИБМ» 57
Иваново-Вознесенск 14
Игроки, биржевые 179, 180
Изерлон 76
Ильмень, оз. 278
Империализм 13, 25, 26, 31, 33, 39, 42, 51, 84, 244
Империи, банковские 26
—, промышленно-финансовые 13
—, промышленные 23
Имперский банк 178
Индия 257, 283, 285, 286
«Индо-Юропиэн телеграф К °» 284, 286
Индустриализация 115, 125, 160, 259
Индустрия см. Промышленность
Инстербург 161—163
Институты, кредитные 18
I Интернационал 45, 46
Инфляция 54
«Иоханнесхютте» 152
Ирландия 279, 287
Исключительный закон против социалистов 34, 42, 48
Испания 84, 281
«Историческая школа» 39
Италия 189, 194, 305

Кавказ 26, 257, 281, 285
Калифорния 173
Калькутта 286
Кальяри 280
Канны 254
Капитал 19, 23, 30, 50, 72, 85, 88, 125, 130, 144, 150, 162, 170, 173, 194, 200, 205, 210, 212, 214, 228, 229, 234—237, 240, 241, 244—247, 256, 258, 277, 293, 299, 307, 312
—, акционерный 162, 175, 182, 186, 246, 284
—, заемный 94
—, основной 244, 250, 270, 280, 281
—, собственный 150
—, торгово-денежный 31, 266
—, торговый 37
—, финансовый 17
Капитализм 11—14, 17, 21—24, 27, 28, 33, 38—43, 48—54, 73, 76, 114, 115, 118, 176, 177, 195, 205, 227, 316
—, государственно-монополистический 40
—, «государственный» 42
—, зрелый 12
—, классический 12
—, «манчестерский» 33, 40, 224

—, монополистический 13, 17, 24, 40, 49
—, ранний 51, 52, 76
—, торгово-денежный 28
Карлсруэ 63, 137, 249, 250, 310, 312
«Карлсхютте» 131
Картелизация 34, 51
Касабланка 84, 85
Каспийское море 201, 285
Касса, больничная 259
—, больнично-пенсионная 260
—, стачечная 253
Кассель 63, 70, 72, 273
«Кассенферайн» 175
Кассы, ссудо-сберегательные 228
Кастаньола 255
Катовицы 91
«Кауфхоф» 297
Керпен 228
Кеттвиг 252
Кёльн 8, 44, 45, 72, 78—80, 117, 139, 147, 150, 215, 231, 235, 238, 244, 246, 272, 309, 312, 315
Кёльнско-Дюссельдорфская пароходная компания 236
Кёльнско-Минденовская железнодорожная компания 146, 198, 236
Кёнигсберг 112
«Кёнигсхютте» 94
«Кёнигсштадт» 185
Киев 276
Киссинген 125
Кладдерач 123
Клаусталь 131
Кодекс Наполеона 8
Кокс 88, 92, 133
Комитет по делам железнодорожных сооружений 60
Комитет работодателей по подавлению социал-демократии 261, 263
Компания, акционерная см. Общество, акционерное
Конкуренция 9, 19, 24, 25, 33, 34, 40, 51, 57, 60, 72, 87, 210
—, монополистическая 26
—, свободная 12, 13, 17, 24, 38, 40, 49
—, монополистическая 25
Консорциум, биржевой 185
Константинополь 112
«Континенталь-телеграфен-компани» 200
Концерн Рёхлинга 71
Концерны 13, 17, 51, 72, 75, 77, 82, 85, 97, 134, 153, 165, 171, 186, 187, 241, 249, 251—260, 265, 280, 289—291, 295, 297, 300, 301
—, горно-металлургические 67, 68, 86, 96, 152, 186, 241, 251, 255, 261
—, машиностроительные 68
—, международные 25
—, металлургические (стальные) 24, 76, 249, 258, 265
—, промышленные 13, 17, 57, 163, 254, 255
—, торговые 297, 308
—, угольные 258, 265
Кооперация 144, 228, 229
—, международная производственная 25
Копенгаген 204
Королевская баварская железная дорога 76
«Королевское общество морской торговли» 57, 62, 63, 67, 150, 152, 237
Котировки, биржевые 169
Крах, банковский 11
—, биржевой 186, 187, 194, 209, 250, 292
—, грюндерский 152, 176, 194, 208, 210, 233
—, финансовый (финансово-экономический) 35, 39
—, экономический 35, 51
Крацвик 95
Кредитование 18
Кредиты 23, 78, 82, 83, 169, 171, 256
Крепостничество 8
Крефельд 77
Кризис 22, 34, 49, 208, 209, 295, 306
—, аграрный 77
—, грюндерский 177
—, жилищный 48, 188—191
—, экономический 11, 12, 26, 176, 192, 208, 210, 239, 240, 293, 306
Кромфорд 74
Кронштадт 275
Крым 26, 276
Крымская война 26, 276
Куксы 115, 251
Культуркампф 41, 42, 190, 207
Курхессен 234

Лабрадор 279
Ла-Манш 73, 74, 79, 279
Лан, р. 152
«Лассальянцы» 47, 233
Лаузиц 107
«Лаурахютте» 92, 94
Лейпциг 131, 230, 247
«Лейпцигер банк» 306
Лендерсдорф 74
Лендлордизм 27
Лепин 95
Лерт 69
Либерализм 35, 73, 190, 208, 211, 212
—, внешнеэкономический 34
—, культурный 207
—, политический 207
—, экономический (хозяйственный) 32, 33, 42, 49, 50, 54, 195, 202
Ливерпуль 60, 140
Линден 64, 164
«Липпс» 184
Литье, стальное 80, 157
Лихорадка, биржевая 51
—, грюндерская 188
Лихтерфельде 100, 181
«Лихтерфельде АГ» 181, 182
Лондон 21, 25, 26, 45, 140, 154—156, 161, 189, 190, 199, 219, 235, 271, 274, 276, 278, 280, 283, 288, 303
Лотарингия 11, 46, 47, 257

Лугано 255
Любек 95, 193, 266
Люденшайд 134

Маастрихт 249
Магдебург 266
Магдебургско-Хальберштедская железнодорожная компания 69
Майн, р. 10
Майнц 228
Мангейм 214, 223
«Маннесман-лихттезельшафт» 83
«Маннесман-Мулаг-верке» 85
Манчестер 311
«Манчестеризм» 42, 52, 73, 316
Мариенбад 125
Марокко 26, 83—85
«Марокко-Маннесман-компани» 84
Массовая, психология 179
Мастерство, цеховое 13
Медиатизация 8
Международный телеграфный союз 285
Мекленбург 266, 303
Мексика 143
Меркишер шпрехер 158
Merchant's Magazin 161
Металлургия см. Промышленность, металлургическая
Меттман 242
Механизм, хозяйственный 49
—, экономический 51
Милитаризм, германский 29, 30
Мичиган, оз. 189
«Моабит» 185
Мольсхайм 81
Mond Industriel 157
Монополизация 22, 51
Монте-Карло 148
Москва 14, 27, 93, 171, 172, 275
Мюльхайм 146, 250, 251, 314
Мюльхаймер цайтунг 257
Мюнхен 63, 70, 76, 114, 117, 121, 143, 214, 235, 290, 301—307

Найденбург 360
Национализация 211
Национализм 38, 39, 52
—, германский 33
Национал-либеральная партия Германии 48, 192, 207, 209
Национальцайтунг 182, 184
Неаполь 235
Немецкая консервативная партия 206
Немецкая прогрессивная партия 229, 282
Нидервальд (горы) 48
«Нидеррайнише хютте» 96
Нижний Новгород 285
Нижний Рейн 219
Никарагуа 172
Ницца 148
Новая Рейнская газета 44, 219
Нойвид 152
Нойе бёрзенцайтунг 187
«Нойкирхенер айзенверк» 261
Нойкирхенер тагеблатт 263
Нойштадт 165
Норвегия 257
Нордхаузен 272
Нормандия 257
Нью-Дели 283
Нью-Йорк 303
«Нью-Йорк лайф иншюренс» 298
«Нью-Йорк Ньюфаундленд энд Лондон телеграф К°» 279
«Ньюолл энд К°» 279, 280
Ньюфаундленд 279, 287
Нюрнберг 146, 214, 243, 295

Оберланд 225
Оберхаузен 76, 128
Обращение, денежное 11, 180, 234
Общества 162, 239
Общество, акционерное 11—13, 17—19, 24, 88, 170, 173—177, 182, 184, 186, 188, 190, 193, 194, 200, 231, 236, 239—244, 290—292, 307, 312
—, анонимное 247
—, кредитное 239
—, открытое торговое 270
—, потребительское 260
— с ограниченной ответственностью 97
«Общий рынок» 10
Объединение страны, национальное 10
——, политическое 10, 41, 54
——, таможенное 9
——, экономическое 9, 10, 41
Ограничения, цеховые 15
Одер, р. 95, 97, 163
Ойпен 240
Олигархия, финансовая 235, 245
Операции, банковские 239, 310
—, вексельные 247
—, денежные 234, 235, 247
—, кредитные 237
—, обменные 251
—, ссудные 235
—, финансовые 255
Оплата труда, натуральная 77
Оппельн 86
Оппортунизм 43
Оран 281
Ораниенбаум 275
Организация производства 24
Ост-Индия 87
Ост-индская компания 26, 84
Отношения, общественные 35
—, товарно-денежные 32

Паи 250, 251, 255
—, коммандитные 240
Пангерманский союз 243
Панке, р. 57
Панков 62
Париж 21, 26, 44, 92—94, 124, 139, 140, 143, 152, 154—158, 173, 189, 199, 219, 235, 244—246, 274, 276, 293, 303

Парижская Коммуна 45—47, 232
Партикуляризм, государственно-политический 32
Партия центра 42, 207, 208
«Патценхофер» 184
Персия 25, 284—286
Петербург 21, 26, 27, 63, 171, 197, 275—278, 285, 286, 289
Петерсвальдау 215—217
«В. Петерс унд К°» 240
Печь, доменная 86—88, 92, 115, 165, 193, 242
—, газовая трубчатая 251
—, кричная 87
Плауэн 214, 299
Плеттенберг 138
Подъем, экономический 12, 49
Позен (Познань) 69, 163, 165, 297
Политика, внешняя 34
—, «континентальная» 25
—, международная 26
—, мировая 25
—, протекционистская 42, 51, 212
—, социальная 42
—, торговая 34
—, финансовая 11, 237
—, фритредерская 34
—, хозяйственная 56
—, экономическая 40, 49, 208
Политэкономия, вульгарная 39
—, классическая буржуазная 39
Польша 90, 275, 285
Померания 70, 176, 192
Потери, курсовые 162
Потсдам 28, 60, 65, 270
Пошлины 212
—, защитительные (оградительные) 34, 211
—, запретительные 9, 39
—, покровительственные 66
Предпринимательство 22, 32, 33, 41, 84, 94
—, капиталистическое 19
—, юнкерское 27
Предприятия, единоличные 17
—, семейные 16—19, 30, 72, 174
Пренцлау 297
Прибыли 24, 162
Привилегии, цеховые 15, 33
Приоритет, изобретательский 20
Прогресс, технический 36, 212
—, экономический 212
Производство, материальное 35
—, «народное» 13
—, общественное 23
—, промышленное 15, 20—22, 215
—, ремесленное 13, 35
—, цеховое 13
Промышленность 9, 27, 29, 30, 33—36, 48, 52, 57, 62, 72, 75, 77, 90, 115, 117, 127, 132, 133, 147, 154, 155, 208, 218, 227, 230, 234, 236, 240, 245, 257, 260, 265, 294—297, 313, 316
—, горно-металлургическая 67, 87, 128, 265
—, металлургическая (металлургия) 9, 30, 74, 86, 87, 96, 128, 295
—, текстильная 74, 77, 111
—, тяжелая 9, 11, 16, 28, 30, 34, 40, 48, 62, 78, 81, 84, 127, 209, 244
—, цинковая 87
—, швейная 111
—, электротехническая 265, 295
Протекционизм 34, 208
—, внешнеторговый 34
Пруссия 8—10, 15, 24, 27—34, 41, 56, 63, 66, 68, 77, 81, 86, 87, 94—96, 99, 110, 112, 142, 148, 150—155, 158, 162, 167, 171, 173, 175, 194, 197—199, 202, 207, 208, 215, 218, 230—234, 237, 239, 245—248, 260, 268, 270, 282, 283, 306
Прусский банк 237, 239, 240
Пудлингование 79, 88
Пфальц 8
Пфорцхайм 137

Радикализм, идеологический 36
—, социально-политический 36
Разделение труда 23
Рапалльский договор 26, 296
Ратинген 74, 132
Революция, промышленная 31, 98, 104, 114, 115, 309, 316
Регресс, общественный 36
Резервы 24, 245, 295
Рейн, р. 8, 10, 77, 78, 121, 137, 146, 214, 235, 236, 258, 312
Рейнланд 117, 218, 234, 237, 238, 244
«Рейнметалл» 71
«Рейниш-вестфелишес коленсиндикат» 242
Рейнская газета 44
Рейнская область 9, 11, 44, 210, 214, 221, 239
Рейнский союз 8
Рейнско-Вестфальский земельно-кредитный банк 315
Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат 25
Ремшайд 72, 74, 75, 81, 85, 282
Реформизм 43
Решт 285
Рим 207
Россия 11, 14, 20, 24—29, 47, 96, 131, 143, 156, 171, 250, 257, 274—276, 281, 283, 285
Ротвайль 78
Румыния 167, 168, 202
Рур 9, 17, 24, 25, 81, 86—88, 91, 115, 128, 146, 241—243, 250, 252, 255—258, 261, 310
Рур, р. 136, 151, 240
Рурская область 78, 86, 146, 187, 236, 241, 249, 256, 261
Рурский бассейн 165, 251
Рынок 62, 64, 87, 133, 235, 247
—, внешний 27
—, внутренний (национальный) 9, 210
—, денежный 96

—, жилищный 187, 188
—, мировой 34, 61, 193, 212
Рюдесхайм 48, 121

Саар (Саарская область) 17, 253, 263
Саарбрюккен 56
Саарн 141
Садовая 195
Саксония 10, 138, 177, 214, 215, 303, 306
«Сайн» 152
Сардиния 280
Саудовская Аравия 82
Сахара 83
Свобода предпринимательства 12, 15
— промысла (предпринимательской деятельности) 8
Свободно-консервативная партия 209
«Священная Римская империя германской нации» 8, 38
Северная Америка 282
Северное море 8
Северо-Германский союз 10, 11, 41, 261
Северогерманское объединение строительных предприятий 232
Седан 30, 159, 195
Сектор, аграрный 27
Семилетняя война 86
Сена, р. 139, 156
Сен-Жермен 245
Силезия 27, 28, 86, 88, 90, 92, 94, 215
Силы, производительные 35, 36, 53, 54
«Сименс бразерс» 282, 284, 287
«Сименс унд Хальске» 25, 26, 270, 272, 274—277, 280—284, 290, 294
Сингапур 271
Система, банковская 18, 160, 234, 297
—, политическая 35, 49, 53
—, социальная 260
—, социально-политическая 32
—, страхования 260
—, строительно-финансовая 162
—, торговая 160
—, траковая 77, 224
—, хозяйственная 49
—, хозяйствования, капиталистическая 40
—, экономическая 35, 53
Смирна 119
Соглашение, тарифное 229
Сорау 163
«Сосьете д'анкуражеман пур л'эндюстри насьональ» 57
«Сосьете женераль де креди мобилье» («Креди мобилье») 159, 244—246
Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) 46, 217, 223
Социалистическая рабочая партия Германии 233
Социальное рыночное хозяйство 49
Союз владельцев пивоваренных предприятий 185
Союз коммунистов 44, 45
Союз немецких паровозостроителей 70
«Союз по поощрению промысловой деятельности» 57
«Союз сельских хозяев» 205, 210
Союз справедливых 45
Спекуляции, биржевые 11, 12
—, финансовые 12, 33
Средиземное море 7, 25, 280, 281
Ссудо-коммерческий банк 171
Сталь 22, 24, 29, 67, 75, 78—80, 87, 129, 132—138, 142, 145, 146, 150, 151, 156, 158, 159, 164, 251, 255, 278
—, инструментальная 139
—, листовая 250
—, литая 9, 20, 29, 78, 129—137, 139, 141, 142, 148, 156—158
—, сварочная (повышенного качества) 81, 133
—, тигельная 79, 132, 156
—, цементная 133
Стоимость, номинальная 162, 176, 314
—, реальная 187, 191, 199
Строительство, железнодорожное (строительство железных дорог) 11, 17, 41, 87, 88, 133, 162—168, 171, 173, 200, 240, 245
—, жилищное 11, 173
Структура, общественная 32
—, общественно-политическая 36
—, организационная 34
—, отраслевая 50
Структуры, политические 36
Суэцкий канал 121
США 22, 156
«Сэсайети оф артс» 57

Тайвань 75
Тариф, внешнеторговый 34
—, протекционистский 34
Тарифы, внешние 10
—, местные 10
—, таможенные 10, 34
Тегелерзее 70, 71
Тегеран 284—286
«Техническая комиссия ремесел и промыслов» 57
«Технологический трансфер» 21
Технология 9, 22, 50, 73, 88, 91, 267, 269
«Тиволи АГ» 184
Тильзит 161—163
«Тиссен, Фоссуль унд К°» 250
Тифлис 26, 281, 284, 286
Товарищества, коммандитные 240
—, кредитные 228
Торговля, мировая 210
—, розничная 77
—, свободная 208, 210
Торунь 285
Традиции, раннекапиталистические 16
—, цеховые 15, 16
Трансильвания 169
Тридцатилетняя война 7, 81, 128
Трир 217
Турция 276

Тюрингия 215, 225, 281
Тюрингский лес 224, 226

Уганда 234
Уголь 86, 87, 92, 95, 145, 242, 250, 251, 255, 258
Уклад, капиталистический 15
—, старый экономический 15
Ульм 117
«Унион-брауэрай» 185, 186
«Унион-фабрик» 95
«Уньон дю креди» 239
Уолл стрит джорнел 27

«Фатерлендише анштальт» 152, 153
Федеральный союз германской промышленности 209
«Ферайнигте Кёнигс- унд Лаурахютте» 88, 91, 186, 199
Фец 85
«Фёникс-акциенгезельшафт фюр бергбау унд хюттенбетриб» 240
Фидеикомисс 88, 92, 94, 253
Филадельфия 56, 60—62, 154, 155, 292
Финансирование 23, 31, 58, 88, 245, 256
—, банковское 18
Финкенвердер 239
Фирмы, семейные см. Предприятия, семейные
«Фолльгольд» 141
«Фолькстаат» 233
Фонд, благотворительный 255
«Фонд Кольпинга» 228
Форвертс 205
Форст 230
Франкенштайн 90
Франкония 215
Франко-прусская война 11, 12, 30, 46, 47, 159, 167, 169, 230, 232, 240, 298
«Франкфуртер банк» 248
Франкфуртер постцайтунг 246
Франкфурт-на-Майне 28, 191, 196, 214, 223, 234, 235, 245—247, 272, 273, 293, 303
Франция 7—9, 11, 12, 29, 30, 44—47, 51, 57, 84, 94, 95, 122, 123, 150, 151, 158, 159, 172, 174, 187, 189, 218, 230, 245, 254, 274, 276, 279, 309
Фрауенцайтунг 112
ФРГ 5, 7, 16, 17, 21, 24, 47—51, 54, 97, 126, 237, 297, 299
«Фридрих-Вильгельмс-хютте» 250
«Фридрих Крупп хюттенверке АГ» 159
«Фридрихсхоэ» 185
Фришевание, пудлинговое 74
Фронау 96
Фюрт 146

Хагендинген 257
«Хазенхайде» 185
Хайлброн 137
Хайдельберг 218
Хальберштадт 229
«Ханомаг-верке» 164
Хаслингхаузен 242
Хафель, р. 65
Хемниц 63, 111, 214
«Хенрихсхютте» 240
«Херманнсхютте» 75
«Херти» 297
«Херти варен- унд кауфхауз ГмбХ» 308
Хёрде 75
Хиршау 63
Хирш-дункерские профсоюзы 229, 230
Холдинговые компании 295
Хольцхаузен 309
Хомбург 180
Целендорф-Вест 96
«Централь-боденкредит АГ» 196
Центральная Европа 214
Центральная железная дорога Померании 192
Центральный союз немецких промышленников 34, 209
Центральный строительный банк 176
Цорг 63
Цюрих 292, 295

Чарлтон 281
Черное море 287
Чикаго 189
Чугун 133, 136, 138, 140, 145, 150, 151, 157, 165, 251

«Шаафхаузеншер банкферайн» 315
Шальке-Гельзенкирхен 241, 242
«Шарль Дестилльё» 242
«Шарп, Робертс энд К°» 56, 62
Швабия 80, 142, 157
Швабская Юра 78
Швейцария 45, 138, 222, 254, 255
Швенди 184, 186
Швеция 194
«Шеринг АГ» 176
Шеффилд 74, 140
«Шёнеберг» 185
Шлезвиг 271
«Шлезише акциенгезельшафт фюр бергбау унд цинкхюттенбетрибе» 95
Шорндорф 312
Шпрее, р. 65, 188, 189, 259, 267
Штеркраде 75, 128, 136
Штеттин (Щецин) 95
Штральзунд 298
«Шуккерт-верке» 295
«Шультхайс-брауэрай» 176

Эгесторф 164, 165
Эдинбург 140
«Эдисон-гезельшафт» 291
Эйзенах 223
«Эйзенахцы» 47, 233

Экономика 9, 11, 12, 15, 18, 30, 34, 40, 42, 50, 54, 57, 76, 173, 208, 209, 212, 230, 244, 247, 292, 294, 315, 316
—, «теневая» (скрытая) 48
Экспансия, внешнеэкономическая 25
—, колониальная 25
Эльба, р. 27
Эльберфельд 44, 76
Эльзас 11, 41, 46, 47
Эльзас-Лотарингия 306
Эмден 95
«М. И. Эмден» 303
«Эрих унд Гретц» 83
Эслинген 63
Эссен 9, 72, 79, 80, 127—131, 134, 137—149, 152, 155—159, 215, 241, 261
«Эссенер бергферайн кёниг Вильгельм» 242
Эшвайлер 249
«Эшвайлер бергверкферайнс АГ» 73

Юбигау 61
Южная Вестфалия 214
Южная Германия 137, 138, 158
Юрисдикция, родовая 262

Япония 7, 21

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Айк Эрих 211
Айхоф Берта 147, 148
Айхоф Эрнст 153
Альвардт Герман 204, 205
Альтханс Л. К. 13, 56
Альтхоф Теодор 303
Аншютц Рудольф 66
Аристотель 218
Арним, граф 161
Арнст Пауль 253
Ауэрсвальд Ханс Адольф 228
Ашерфельд Адальберт 145
Ашерфельд Хелена Амалия 128

Бааре Луис 81, 158
Байтц Бертольд 81, 153
Бакунин М. А. 46
Баллестрем (семейство) 67, 88, 89, 99
Бамбергер Людвиг 175, 178, 179, 194, 200
Бандель Эрнст фон 124
Бебель Август 40, 43, 46, 52, 103, 104, 207, 221, 223, 229, 233
Бегас Райнхольд 201
Бейкер Уильям 286
Беккерат 239
Бердров Вильгельм 127, 130, 131, 133, 136, 147
Бессемер Генри 150
Бетман 235, 246
Бёккинг Карл 261
Бёклин Арнольд 122
Бёрне Людвиг 219
Бёттхер 270
Бирон 192
Бисмарк Иоганна фон 174, 199
Бисмарк Отто фон 11, 32, 33, 35, 36, 40—43, 45, 47, 94, 103, 104, 121, 167, 170, 172, 173, 281, 189, 195—203, 207—212, 221, 223, 230, 233, 243, 244, 247, 283
Бисмарк Херберт фон 196, 199
Бишеру 250
Бломфилд, лорд 161
Бляйхрёдер Герсон 13, 18, 19, 28, 41, 42, 94, 150, 165, 170, 173, 174, 186, 187, 193—197, 199—205, 227, 235, 237, 240, 248
Бляйхрёдер Самуэль 196
Бойен, фон 142
Бойт Петер Кристиан Вильгельм 57, 60, 154
Борзиг Альберт 60, 68—70
Борзиг Арнольд Эрнст Конрад 70
Борзиг Август 13—15, 20, 23, 28, 32, 58—68, 71, 160, 164, 176, 238, 281, 292
Борн Стефан 219
Борнемиса Маргит фон 255
Бретт 279, 287
Брёгельман Иоганн Готфрид 21, 74
Брэй Джозеф 163
Бунзен Мария фон 99, 102, 104, 202
Бэлл Александр Грэхэм 292
Бюлов Бернгард фон 84
Бюлов Козима фон 197

Вагенер Герман 192, 199
Вагнер Рихард 118, 121, 197, 206
Вайсбах Карл 121
Вальтерсхаузен Сарториус фон 192
Вахенхайм Хедвиг 217, 231
Вебер 268
Вебер М. 292
Вельзеры 235
Вернер Антон фон 122
Вертхайм А. 301
Вертхаймы 303
Вёлерт Фридрих 61, 63, 64, 176
Виллих Август 44
Вильгельм I 148, 170, 171, 184, 189, 196, 198, 201, 202, 208, 210, 249, 261
Вильгельм II 103, 206, 243, 291
Вильгельми Иоганн Фердинанд 81, 132, 135
Вильгельми Тереза 129
Вимер 143
Винклер Валеска фон 90
Винклер Франц фон 90
Винчи Леонардо да 37, 117
Вирхов Рудольф 261
Водерб 58
Вольф Фриц 69
Вронкер Герман 307
Вронкеры 303
Вурмб фон 182

Гарденберг Карл Август 15
Гауптман Герхарт 215
Гаусс 268
Гацфельдт Софья 219—221
Гебер Герман 191

Гегель 219
Гейне Генрих 48, 124, 219, 298
Гепперт 161
Гераклит 219
Гервег Георг 220
Гёдекинг 132, 133
Гёре Пауль 111
Гёте Иоганн Вольфганг фон 115, 122, 290
Гитлер Адольф 33, 39, 90, 127, 195, 243, 244, 254
Глагау Отто 166, 177—179, 190, 195
Гогенлоэ Хуго фон 88
Гогенлоэ Феликс фон 246
Гогенлоэ-Ингельфинген-Эрингены 88, 89, 174
Гогенлоэ-Шиллингсфюрст Константин фон 119
Гогенцоллерн-Зигмаринген Карл фон 167
Гогенцоллерны 92, 98, 167, 219
Годулла Карл 88, 89
Гольдшмидт 235
Гомер 122
Гонтард 235
Гордон Анна 280
Гордон Льюис 280
Готье 93
Грау Бернард 95
Грилло (семейство) 251
Грилло Фридрих 187, 240—242
Гримм Герман 122
Гричик Иоганна 89, 90
Грузон Герман 64, 67
Грундиг 49
Грундман Гюнтер 89
Гудьер 273
Гуиссен Хайнрих 128, 139
Гумбольдт Александр фон 68
Гутике Анна 69
Гутике Пауль 69

Давидсон 307
Дайе Нина 255
Даймлер Готлиб 14, 21, 312—315
Дайхман 150, 237, 238
Данте Алигьери 37
Дельбрюк Адальберт 68, 175, 183, 237
Дельбрюк Рудольф 192, 209
Детайе 90
Дефреггер Франц фон 122
Дёллингер Игнац фон 207
Дённигес Елена фон 222
Дёнхоф Марион 172
Дизель Рудольф 315
Диннендаль Франц 13, 75, 81
Дист-Дабер Отто фон 195
Доббс 249
Дойл Артур Конан 125
Дом Хедвига 110
Дригальски, фон 204
Дронке Эрнст 113
Дуден Барбара 114
Думба Николаус Эдлер фон 120
Дункер Франц 229
Дюрер Альбрехт 120

Егер 144

Зайдель Хайнрих 64
Закс Эмануэль 224, 226
Зауэр 90
Зелигман 235
Зёллинг Фриц 140, 141, 144, 147, 149
Зёммеринг 268
Зомбарт Вернер 9
Зульцбах 293

Итценплитц, фон 69, 192

Йоске (семейство) 303
Йост Карл 231

Калиш Давид 189
Кампхаузен Лудольф 218, 238
Кампхаузен Отто 178, 209
Капхерр 278
Каргер Бертольд 304
Кардорф Вильгельм фон 34, 178, 202, 209
Карстен Й. А. В. 181, 182, 191
Карштадт Рудольф 303, 307
Квисторп Хайнрих 182, 191
Кеттелер Вильгельм Эмануэль фон 228
Кирдорф Адольф 242
Кирдорф Эмиль 24, 33, 242—244, 257
Класс Герт фон 158
Климт Густав 120
Кляйнмихель 275, 276
Кнопф 303
Коккериль Уильям 75
Кольпинг Адольф 228
Конитцер 307
Кофаль 61
Коцка Юрген 290, 291
Крагес 49
Крамер 272
Крамер Петер Ф. Д. 80
Краус 70
Крехель цу Кехлау Вильгельм Георг Людвиг 130—132
Крехель цу Кехлау Карл Георг Готфрид 130—132
Кригар Фридрих 13, 56
Крокер Эвелин 157
Кронер Доротея 203—205
Крупп 13, 16—18, 24, 30, 86, 97, 128—132, 160
Крупп (семейство) 72, 128, 129, 138, 153, 251, 259
Крупп Альфред 10, 20—30, 75—90, 96, 127, 130, 131, 134—159, 164, 173, 215, 227, 230, 237, 238, 241, 249, 252, 258—261, 265, 281
Крупп Амалия 128—130
Крупп Берта 153
Крупп Вильгельм 130
Крупп Герман 134, 138, 140, 143—145
Крупп Дитрих 128

Крупп Ида 130, 134, 138, 145
Крупп Маттиас 128
Крупп Тереза 129, 130, 134
Крупп Фридрих 9, 10, 20, 24, 26, 78, 127, 129—134
Крупп Фридрих Альфред 147, 153
Крупп Фридрих Йодокус 128
Крупп Фриц 128, 131, 145
Крэмптон Томас Рашел 63
Кук 268
Кулибин И. П. 20
Кэмбелл-Уолтер, Фиона 255
Кюне Эдуард 80, 81

Лайенбеккер 90
Ланген Густав 312, 314
Ланген Ойген 14, 21, 310—315
Ландау Якоб 293
Ласкер Эдуард 192, 199, 200
Лассаль Фердинанд 40, 42, 43, 52, 219—223, 298
Левальд Фанни 113
Ленбах Франц фон 118, 120, 121, 201
Лендорф 202
Лендорф-Штайнорт 88, 167, 171
Ленин В. И. 5, 19
Леннэ Петер 67
Ленуар Жан-Этьен 309, 310
Леонардт 268—270
Лессепс Фердинанд 121
Лёфюэль 95
Либ Михаэль 120
Либкнехт Вильгельм 40, 43, 46, 52, 221, 223, 233
Линде Карл 15, 66
Линненкамп Рольф 166
Лист Фридрих 39
Лихновски Феликс фон 228
Лофтус, лорд 161
Лум-Наполеон 245
Лукка 182
Любич 307
Люг Вильгельм 76, 81, 139, 146
Людвиг I 76
Людвиг II 118
Людендорф 254
Людерс 275, 283
Лютер Мартин 38, 41, 122
Ляйбл Вильгельм 122

Мадай Гвидо фон 204
Майбах Вильгельм 14, 21, 312—315
Майер Вильгельм 277, 283
Майер Рудольф 178, 179, 195
Майер Якоб 13, 18, 20, 21, 24, 29, 78—81, 142, 157, 237, 249, 265
Майер-Реншхаузен Элизабет 114
Майнекке Фридрих 189
Макарт Ханс 37, 118—120, 125
Малвэни Уильям Томас 75
Манн Томас 193
Маннесман (семейство) 72, 83, 85
Маннесман Альфред 81—84
Маннесман Арнольд 81
Маннесман Карл 81, 82
Маннесман Макс 81—83
Маннесман Отто 81, 83
Маннесман Райнхард 81—85, 257
Маннесман Роберт 81
Маннесманы (братья) 13, 15, 24, 26, 81—85, 249, 315
Маркс К. 6, 7, 11, 21, 40, 43—47, 52, 98, 217—221, 236, 298
Марр Вильгельм 205
Маух Домекус 78
Маффей Йозеф Антон 63, 70
Мевиссен Густав 73, 81, 236, 238, 239, 244—247
Мевиссен Пауль 247
Мей Карл 124
Мендельсон 68, 237
Менцель Адольф фон 122
Меринг Франц 223
Микеланджело Буонаротти 37, 117, 122
Миховитц Мария Домес ауф 90
Мольтке Хельмут Карл 101, 159, 174, 189
Моммзен 243
Монтес Лола 76
Монк Пауль 191
Монкачи Михаэль фон 120
Монтгомери 271
Морзе Сэмюэл Финли Бриз 28, 269, 272, 273, 282, 285
Моттек Ханс 177
Мэйлет Эдвард 165
Мюллер Кристиан Фридрих фон 135, 139, 141
Мюллер Фридрих Карл (Фриц) 139, 141, 144

Наполеон I Бонапарт 8—10, 15, 27, 32, 34, 129, 130, 235, 267
Наполеон III 29, 30, 149, 151, 158, 159, 245, 247
Нахман 292
Неккерман 49
Нёфвиль 235
Николаи Фридрих 131, 132
Ницше Фридрих 36, 118, 121, 122, 202
Нобилинг Карл 211
Нойвирт Йозеф 192
Норрис Уильям 56, 60—62, 67
Ноттебом 272—274
Ньюолл 281
Ньютон 115
Ожье Эмиль 93
Ольденберг Карл 109
Оппенгейм (семейство) 72, 235, 255
Оппенгейм Абраам 81, 150, 187, 194, 201, 236, 239, 244—247
Оппенгейм Дагоберт 236
Оппенгейм Симон 236, 246, 247
Оппенгейм Соломон 236
Оппенгеймы 19, 30, 205, 237, 245, 247, 248
Отто Вильгельм 310
Отто Луиза 111

Отто Николаус Аугуст 14, 20, 21, 309—316
Офенхайм, барон фон Понтёксин 167—169

Паива Тереза Араухо де 92—96
Пакстон Джозеф 155
Париш 235
Пендер Джон 287
Перрейре Исаак 244—247
Перрейре Эмиль 244—247
Перро Фердинанд 178, 195
Пий IX 207, 208
Пиккарт Юлиус 183
Пилоту 120
Пиннер Феликс 26, 83, 85, 94—97, 256, 262, 265, 294, 295, 307
Пипершток Герман Дитрих 75
Пирсон Курт 68
Платон 122
Плесс, цу 69, 87, 88, 90, 99
Плесс Хайнрих IX цу 90
Поттхоф Хайнц 108
Прашель Луиза 59
Притцколяйт Курт 252, 253, 262, 263
Прудон Пьер Жозеф 43
Пуллен 49
Путбус, фон 88, 96, 182, 192, 202
Путткамер Иоганна фон 174
Пфайфер Валентин 312
Пфайфер Эмиль 312
Раден, фон 182
Радовитц Йозеф Мариа фон 169, 170
Райффайзен Фридрих Вильгельм 228
Ратенау (семейство) 265
Ратенау Вальтер 26, 295, 296
Ратенау Матильда 292
Ратенау Эмиль 15, 17, 23, 66, 104, 189, 289—295
Ратибор, фон 90, 167, 202
Рафаэль 117, 122
Реден Фридрих Вильгельм фон 87
Редтенбахер 249, 310
Рёло Фриц 155, 311
Риш 70
Робинсон 272, 286
Розенберг Ханс 210
Рокфеллер Джон Д. 294
Роозен-Рунге К. А. 311
Роон 189, 203
Ротер Кристиан фон 237
Ротшильд 195, 234, 281
Ротшильд (семейство) 19, 26, 187, 194, 196, 197, 199, 201, 205
Ротшильд Джеймс де 244, 245
Ротшильд Мейер Амшел 235
Ротшильд Мейер Карл 196
Ротшильд Натан Мейер 201
Рохолль 136
Рубенс 120
Руберг Иоган Кристоф 87

Сарасате Пабло де 201
Сасс Фридрих 105, 106
Сен-Симон Клод Анри де 244
Сент Валье Карл де 172
Сименс 13, 108
Сименс (семейство) 265, 266
Сименс Вальтер 281, 284, 286
Сименс Вернер фон 15, 20—28, 30, 32, 72, 265—283, 285—292, 294, 295, 310
Сименс Вильгельм (Вильям) 266, 267, 272, 274, 276, 278, 280, 281, 283, 287—290
Сименс Георг 176, 183, 266, 270, 271, 277, 286, 291
Сименс Георг (внук) 271, 274, 284, 285, 287
Сименс Карл 266, 269, 274—278, 281, 284, 286, 287, 290, 291
Сименс Матильда 283
Сименс Отто 266
Сименс Фердинанд 266
Сименс Фридрих 266, 281
Сименс Ханс 266, 281
Слепцон Катарина фон 96
Стерн Фриц 189, 197, 200, 201, 204, 211
Стефенсон Джордж 20, 56
Стиннес Г. 17
Стиннес (семейство) 251

Тарновиц, фон 90
Тиле Герман фон 195
Тиле Хуберт Густав Виктор фон 90
Тиле-Винклеры 88
Тиссен Амелия 254
Тиссен Аугуст 17, 21, 23—26, 32, 33, 86, 160, 241, 243, 250—258, 294, 295
Тиссен Аугуст (сын) 252—254
Тиссен Йозеф 251
Тиссен Катарина 249
Тиссен Фридрих 249, 250
Тиссен Фриц 252—254
Тиссен Хайнрих 252—254
Тиссен Хедвига 252
Тиссен-Борнемиса де Касон Ханс-Хайнрих фон 255
Титц Бетти 298—300
Титц Георг 298, 302, 304, 306
Титц Герман 297—300, 306
Титц Иоганна 297
Титц Леонард 297, 298, 303, 306, 307
Титц Оскар 297—307
Титц Саломон 297
Титц Юлиус 303
Титц Якоб 297

Уатт Джемс 20
Уитстоун Чарлз 268, 272, 279
Ури (семейство) 303

Феллер 89
Фидий 122
Филд Сайрус Уэст 279, 287
Фишер Конрад 108

Флёрингер Антон 66, 68
Флик Фридрих 5, 258
Фойербах Ансельм 125
Фольк Якоб 79
Фонтане Теодор 106
Фоссуль Ноэль 250
Франтц Константин 195
Франц Йозеф I 119
Френкель Жан 182
Фридлендер Эмануэль 65, 104
Фридрих II 86
Фридрих III 291
Фридрих Великий 57, 122
Фридрих Вильгельм IV 29, 62, 67, 89, 218, 272, 273
Фридрих Каспар Давид 122
Фришену Карл 283
Футтер Якоб 251, 269, 281
Футтеры 26, 117, 235
Фул Бенуа 244, 245
Фюрстенберг Карл 83, 104, 172, 248, 294

Хабер Мориц фон 246
Хабер Саломон 246
Хаберы (семейство) 246
Хазе Карл 277
Хайденрайх 89
Хайдт Аугуст фон дер 68, 183, 238, 239
Хайне 235
Хайнитц Фридрих Антон фон 87
Хальске Иоганн Георг 15, 270—278, 281—283
Хаман Рихард 119—121, 125, 126
Ханземан Адольф 104, 170, 187, 202, 227, 240—243
Ханземан Давид 218, 227, 238—240, 244, 259
Ханиэль 18, 86, 139, 237, 259
Ханиэль Герхард 128
Ханиэль Франц 128
Хантсмен 132
Харкорт Фридрих Вильгельм 13, 74, 81, 139, 227, 259
Хартман 63
Хаусман Жорж Ойжен 121
Хегген Альфред 289
Хенкель Гвидо фон Доннерсмарк 13, 23, 88, 92, 93
Хенкель Гвидотто 96, 97
Хенкель Крафт 96
Хенкель фон Доннерсмарки 30, 81, 93, 94, 173
Хенкельс Иоганн Абраам 259
Хеннинг Фридрих-Вильгельм 224
Хеншель 63, 70, 72
Хеншель Карл Антон 249
Хепнер 233
Херманд Йост 119—121, 125, 126
Хермес Фридрих 66
Херштатт Й. Д. 235
Хеслинг Пауль 301, 306
Хефнер-Альтенекк Фридрих фон 283, 289
Хёдель Макс 211
Хёш (семейство) 72
Хёш Леопольд 74
Хёш Эберхард 21, 30, 74, 79, 80, 265
Хирт Георг 178, 195
Хирш Макс 229, 230
Хирш Хельмут 220, 221
Хорн, фон 77
Хохберг 88
Хэндри 162

Цванцигер 215, 216
Цезарь Гай Юлий 122
Цилле Генрих 123
Ципи Анита де 254
Цорн Вольфганг 176
Цункель Фридрих 76

Черепанов Е. А. 20
Черепанов М. Е. 20

Шаафхаузен Абраам 235, 237, 238, 244
Шаде 304
Шапп Клод 267
Шаумбург Теодор 130
Шаффгоч (семейство) 88
Шаффгоч Ханс Ульрих 89
Швабе Ханс 190
Швайцер Иоганн Баптист 223
Швартцкопф Луис 64, 69
Шекспир 122
Шёллер Александр 143, 144
Шиллинг Иоганнес 121
Шиндлер Филипп 107
Шликер 49
Шпильхаген Фридрих 123
Шпитцемберг Хильдегард фон 189, 202, 203
Шпицвег 122
Шрёдер Курт фон 254
Штайн 15, 27
Штайн Й. Х. 235
Штайнеккер, фон 182
Штефан Хайнрих фон 292
Штёккер Адольф 39, 206
Штрак Иоганн Хайнрих 66
Штроусберг Бетель Генри 13, 17, 18, 23, 27, 69, 88, 160—172, 187, 192, 202, 241
Штумм (семейство) 251, 259
Штумм Карл 13, 16, 17, 25
Штумм-Хальберг Карл Фердинанд фон 90, 253, 260—264
Штясны Роберт 119
Шуберт 61
Шульц Карл 135, 145
Шульце-Делич, Герман 228
Шухард Иоганн 224
Шухардт Иоганнес 259

Эбелинг А. 155
Эберс Людвиг 182
Эберти Феликс 107

Эгелльс Франц Антон 13, 15, 57—61, 64, 66, 176
Эггешторф Георг 64
Эдисон Томас Алва 288—290, 293, 294
Энгельман Бернт 127, 134, 143
Энгельс Ф. 7, 11, 32, 40—48, 52, 77, 217, 219, 220, 229
Энглерт Кристина 73
Эренберг Рихард 259
Эрхард Людвиг 193, 209
Эткер 49

Юз Дэвид Эдуард 269, 282, 285

Якоби Готлоб 128, 139
Яндорф 307

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГРЮНДЕРЫ И ГРЮНДЕРСТВО. СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В РАЗВИТИИ ГЕРМАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА XIX в. (Вступительная статья) 5

Глава 1
ГЕРМАНИЯ РАЗВОДИТ ПАРЫ 56

Глава 2
ШПИОНЫ И АВАНТЮРИСТЫ 72

Глава 3
МАГНАТЫ 86

Глава 4
ВЕРХИ И НИЗЫ 98

Глава 5
ИСКУССТВО ГРЮНДЕРОВ 115

Глава 6
МОНСТР ПО ИМЕНИ КРУПП 127

Глава 7
БИТВА НАРОДОВ 154

Глава 8
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ КОРОЛЬ 160

Глава 9
ИМПЕРИЯ В ЗОЛОТОМ УГАРЕ 173

Глава 10
«ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ ЕВРЕИ» 194

Глава 11
ПРОЛЕТАРИИ ТОЖЕ МОГУТ БЫТЬ ГРЮНДЕРАМИ 214

Глава 12
НАСЛЕДНИКИ РОТШИЛЬДА 234

Глава 13
БЕРЕЖЛИВЫЙ ГОСПОДИН ТИССЕН 249

Глава 14
ГЕНИЙ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА 265

Глава 15
ДЕНЕЖНАЯ ИМПЕРИЯ БРАТЬЕВ ТИТЦ 297

Глава 16
ДВИГАТЕЛЬ РАБОТАЕТ 309

Комментарии 319

Предметный указатель 329

Именной указатель 339

Г. Оттер. МАГНАТЫ... НАЧАЛО БИОГРАФИИ. Пер. с нем. М., «Прогресс», 1985.—30,44 л., илл.—Мюнхен-Цюрих, 1982

В истории капиталистических стран отмечались периоды резкого повышения всей политической и деловой активности. К числу таких относится и период грюндерства в Германии—середина и вторая половина XIX в.,—когда на фоне революционных изменений в технике и их освоения здесь начался быстрый промышленный подъем. Вводившееся в это время понятие «грюндерство» стало нарицательным для хаотической частнопредпринимательской созидательности. Оно, раскрывая социальную сторону явления, говорит о том, что главным действующим лицом этой промышленной лихорадки был новый капиталистический делец—грюндер. В книге речь идет об истории многих промышленных семейств (Хенкеля, Круппа, Борзига и др.), финансовых тузов (Ротшильда, Бляйхрёдера, Оппенгейма), основателей крупных торговых домов Европы (Титца, Хирша, Грипса). Автор дает описание различных сторон германского общества. Книга написана просто и увлекательно. Рассчитана на широкий круг читателей.

$О\frac{0604040000-682}{006(01)-85}28-85$

ИБ № 13298

Мл. редактор *Н. И. Борисова*
Художник *Кондрашов*
Художественный редактор *А. Лисицын*
Технический редактор *Н. А. Галанчева, Ю. А. Веникеева*

Сдано в набор 05.03.85. Подписано в печать 18.09.1985 г. Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Условн. печ. л. 22+2 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 46. Уч.-изд. л. 30,44. Тираж 50 000 экз. Заказ № 921. Цена 1 р. 80 к. Изд. № 38593.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119841, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

Издательство «Прогресс»

Вышла из печати

РАЙТ П. **«Дженерал моторс» в истинном свете:** Пер. с англ.

Книга представляет собой литературную обработку записей бесед П. Райта с Джоном де Лореном, бывшим членом высшего руководства корпорации «Дженерал моторс». Основу книги образуют воспоминания де Лорена о работе на разных ключевых постах в управленческой иерархии корпорации. В книге много интересных подробностей процесса принятия технических и хозяйственных решений, характерных для американских компаний; процедур планирования и финансирования; взаимоотношений центрального руководства и производственно-хозяйственных отделений. Сквозь призму истории одной корпорации читатель «из первых рук» получает конкретное представление об организации и методах работы «самой американской» отрасли экономики США — автомобилестроения.

Издательство «Прогресс»

Выходит в 1986 году

АДАМС С. **Красноречивая история:** Пер. с англ.

Автобиографическая книга Стенли Адамса — живой, волнующий рассказ о трагической судьбе человека, испытавшего на себе всю жестокость законов капиталистического мира и потерявшего веру в институты буржуазной демократии. Широкообразованный человек, отличный специалист С. Адамс делает быструю карьеру в одной из транснациональных корпораций, опутавшей своими щупальцами практически все континенты. В начале своей карьеры автор слепо верит в справедливость, добропорядочность, демократичность буржуазных институтов. Но механизм «большого бизнеса» вызывает у него внутренний протест и заставляет его по-новому взглянуть на деятельность корпорации и на свою роль. Он тайно передает Европейской комиссии по контролю за деятельностью транснациональных корпораций материалы о незаконной деятельности своей фирмы. С этого момента и начинаются злоключения автора и его семьи...

Издательство «Прогресс»

Выходит в 1986 году

ЭГЛАУ Х. О. **Борьба гигантов. Экономическое соперничество Европы, США и Японии:** Пер. с нем.

Проблемы экономического соперничества трех основных империалистических центров современного капитализма привлекают особое внимание большого числа западных авторов — исследователей, публицистов, профсоюзных и государственных деятелей. Усиление кризисных явлений в хозяйственном развитии большинства промышленных капиталистических стран, обострение конкурентной борьбы на мировых рынках, нарастание социально-политических конфликтов в связи с перестройкой хозяйственной структуры обусловливают формирование сложного комплекса противоречий между ведущими капиталистическими державами. На основе обширного, в значительной мере ранее не публиковавшегося фактического материала, многочисленных интервью с рядом ведущих западных политических деятелей и крупными предпринимателями автор вскрывает существо этих противоречий, показывает безуспешность предпринимаемых попыток их преодоления.

Издательство «Прогресс»

Выходит в 1986 году

ФЕЙТ Н. Тайная деятельность швейцарских банков: Пер. с англ.

Книга — репортаж о большом бизнесе банков малой страны. Автор удачно сочетает серьезный критический подход исследователя с острой публицистичностью и доходчивым изложением материала. Основное внимание уделяется использованию в корыстных целях банковской тайны. Как сами швейцарские банкиры, так и их иностранные клиенты идут зачастую на нарушение национальных законодательств.